БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Иркутск, 20-21 марта 2025 г.

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Байкальский государственный университет
Институт правовых исследований

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции

Иркутск, 20–21 марта 2025 года

Текстовое электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2025

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2025
ISBN 978-5-7253-3275-9

УДК 342 (06)
ББК 67.400

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия
д-р юрид. наук И.А. Минникес (отв. ред.),
д-р юрид. наук И.В. Минникес,
канд. юрид. наук В.Е. Подшивалов

Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 20–21 марта 2025 г. / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2025. – 478 с. – URL: http://lib-catalog.bgu.ru. – Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3275-9.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Байкальские компаративистские чтения», организатором которой выступил Институт правовых исследований Байкальского государственного университета. Статьи участников конференции посвящены исследованию сравнительно-правовых аспектов современного состояния и дальнейшего развития теории государства и права, а также национального законодательства.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам современного государства и права в сравнительно-правовом аспекте.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:
Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51,
Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые);
средства просмотра файлов Portable Documents Format:
Adobe Acrobat версии 7.0, Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1
(или более новые), Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.
Доступ к сети Интернет.
Минимальные требования к конфигурации и операционной системе
компьютера определяются требованиями перечисленных выше
программных продуктов.

Издается в авторской редакции

Подписано к использованию 19.03.2025. Объем 5,92 Мб.
Байкальский государственный университет.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
https://bgu.ru

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Боброва Ю.М., Ханцис М.В. Электронные доказательства в гражданском процессе Греции 8

Босхолов С.С. Принципы внешней политики в правовых системах государств Востока и Запада 13

Валькирия Н.И. Применение 3D-технологий в российской и зарубежной практике борьбы с преступностью 21

Вяткин А.А. О внедрении зарубежного опыта использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с приобретением, хранением, сбытом и контрабандой лесоматериалов 27

Гоглева К.Ю. Человеческий взгляд на нечеловеческие права 32

Гриценко Е.В. Конституционная гарантия местного самоуправления: содержание и субъекты в сравнительной перспективе 41

Дементьева О.Ю., Лаврентьева О.Г. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в судебной деятельности Австралии 49

Демкина Е.А. Государственно-частное партнерство в сфере здравоохранения: проблемы и перспективы 56

Евдокимов К.Н. Самозащита как средство охраны конституционных прав человека (сравнительно-правовое исследование) 63

Елкина Н.Я., Хропина О.А. Использование информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий в судебной деятельности Канады 72

Желдыбина Т.А. Социальная инженерия и механизм обеспечения процесса законотворчества: сравнительный анализ 83

Завьялов А.Н. Обеспечение защищенности государственных структур в России и зарубежных странах 91

Земляков А.В. Время в праве (сравнительно-правовой подход) 98

Зыков Д.В. Философский зомби
и нормативность сознания 104

Иванова Е.Л. Органы конституционной юстиции
в механизме защиты прав и свобод
человека в России и зарубежных странах 112

Иванова Е.Ю. Права граждан на участие
в формировании государственных бюджетов:
опыт России и зарубежных стран 118

Игнатенко В.В. Правовое регулирование
дополнительного пенсионного обеспечения лиц,
замещавших государственные должности в субъектах
Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект 126

Кешикова Н.В. Идентификация российской модели
в системе моделей противодействия коррупции в мире 134

Килинкарова Е.В. Налог на цифровые услуги как один
из возможных ответов на налоговые вызовы цифровой
экономики: сравнительно-правовое исследование 145

Коваленко Н.Е. Категория «субъект права»
в России и странах СНГ 153

Кодан С.В. Метод историографической компаративистики
в юридической историографии: основные проблемные
пространства 156

Коновальчиков Я.А. Парадокс принципа
многопартийности 164

Корнакова С.В. Сравнительный анализ регламентации
деятельности защитника в законодательстве России
и некоторых стран СНГ 171

Котельников А.Д. Исполнительная власть
и избирательные комиссии: где грань между
содействием и вмешательством? 178

Лачинова Д.С. Контроль за иностранным влиянием:
сравнительный анализ российского и китайского опыта 185

Либанова С.Э. Обеспечение социальных прав пенсионеров
в России и других странах: сравнительно-правовой анализ... 192

Лобач Д.В. Уголовно-правовая политика в сфере защиты международного мира и безопасности человечества в странах Европейского Союза: тенденции глобализации и регионализации в фокусе реализации национальных интересов 202

Ломакина И.Г. Зарубежный опыт применения мер дисциплинарной ответственности как способа поддержки дисциплины труда 210

Лунёв Р.С. Правовые особенности развития конституционных основ судебной системы в Российской Федерации 217

Макаров В.О. Избыточность лицензионных требований как барьер для применения телемедицинских технологий 226

Максимов В.А. Общие аспекты относительно доказательств и доказывания в гражданском судопроизводстве Швеции 233

Малик Д.В. Оценочные категории «почет» и «заслуга»: компаративистский подход к соотношению 240

Малинов Н.И. О начальном этапе становления полицейского законодательства Российского государства (в первой четверти XVIII века) 248

Маслов Н.А. Англоязычная терминология в правовом регулировании экономики 256

Минникес И.А. Проблемы индивидуального толкования: сравнительно-правовой аспект 264

Минникес И.В. «Идеологический нейтралитет» законодательства субъектов Российской Федерации о государственной символике.....270

Нуржанова А.К. Процедурные особенности рассмотрения законопроектов в России и Казахстане: организационно-правовой аспект 278

Перепелица Е.В. Автоматизированные коммуникации как фактор развития публичного дискурса 284

Петрик А.С. Понятие автономного правового регулирования: общетеоретический подход 296

Подшивалов В.Е. Законодательное регулирование предвыборной агитации с использованием информационных систем персональной интернет-коммуникации в Российской Федерации и за рубежом 302

Покуль А.А. Понятие информации в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран 308

Поляков С.Б., Комаровская С.Д. Критерии сравнительного анализа постановлений и определений Конституционного суда Российской Федерации в целях выявления причин отказа в принятии жалобы к рассмотрению 320

Репецкая А.Л. Криминальный рынок органов и тканей человеческого тела с целью их трансплантации в России и мире 330

Реховский А.Ф. Электронное правосудие в Китае: опыт цифровой трансформации судебной системы 338

Романенко Н.С. Доктринальный взгляд на понятия «юридический процесс» и «правовой процесс»: сравнительно-правовой аспект.....347

Саломатин А.Ю., Макеева Н.В. Сравнительное правоведение: становление мегадисциплины.....355

Сенотрусова Е.М. Судебный запрет и общественный интерес: компаративистский анализ.....363

Серегин А.В. Сравнительно-правовой анализ принципов семейного права древнеславянских народов: между мифом и реальностью.....369

Степанова Е.Е. Влияние монгольского права на памятники права Российского государства 378

Тумурова А.Т. Г.К. Гинс о сравнительно-правовых исследованиях.....384

Усань А.С. Совершенствование механизма индексации материнского капитала в России.....393

Филоненко Т.В. Уголовно-исполнительные меры по снижению постпенитенциарного рецидива: современные подходы и практика их применения в России 412

Хаитов Г.А. Государственные пошлины при обращении в суд в Российской Федерации и Республике Беларусь: объекты обложения и подходы к определению размеров 424

Хертуев Р.Ю. Избирательные процедуры по стандартам предоставления государственных услуг 430

Чигрина Е.В., Корнакова С.В., Полетаева Е.Л. История возникновения института суррогатного материнства в России..... 437

Чимаров С.Ю. Теоретико-правовой анализ проблемы правовой культуры полиции в контексте зарубежной мысли 446

Шутова В.Н. Правовое регулирование вопросов гражданства в контексте обеспечения национальной безопасности: сравнительно-правовой анализ 453

Юрковский А.В. Юридико-лингвистическая неопределенность категорий «право» и «свобода» в праве России и зарубежных стран.....460

Якимова Е.М. Трансформация конституционных принципов государственной экономической политики в странах ЕАЭС.....466

Ястребова А.А. Историко-правовой анализ зарождения концепции арбитража в эпоху Древнего мира 472

УДК 347.9

Ю.М. Боброва, М.В. Ханцис

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ГРЕЦИИ

В данной статье исследуется правовая система Греции, относящаяся к романо-германской правовой традиции, с акцентом на судебную систему, гражданский процесс и особенности доказательства в греческом праве. Авторы акцентируют внимание на том, что ключевым элементом является принцип полного убеждения суда относительно доказательства. В греческом законодательстве предусмотрены как традиционные средства доказывания (например, вещественные доказательства, экспертиза и допросы), так и механические репродукции, включая электронные документы. Законодательные изменения, внесенные в ст. 444 ГПК, определяют механические отображения и электронные способы записи информации, признавая их равным образом допустимыми средствами доказательства при соблюдении определенных условий. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на отсутствие отдельного статуса для электронных доказательств, внедрение новых норм и адаптация законодательства к современным реалиям подчеркивают стремление Греции улучшить свою судебную систему и обеспечить ее соответствие современным требованиям.

Ключевые слова: гражданский процесс; судебная система; доказывание; доказательство; Греция; судопроизводство.

Y.M. Bobrova, M.V. Khantsis

ELECTRONIC EVIDENCE IN GREEK CIVIL PROCEDURE

This article examines the Greek legal system, belonging to the Romano-Germanic legal tradition, with a focus on the judicial system, civil procedure and the features of evidence in Greek law. The authors emphasise that the key element is the principle of full conviction of the court regarding evidence. Greek law provides for both traditional means of proof (e.g. physical evidence, examination and interrogatories) and mechanical reproductions, including electronic documents. The legislative changes introduced in Article 444 of the

CPC define mechanical reproductions and electronic ways of recording information, recognising them as equally admissible means of evidence if certain conditions are met. The authors conclude that, despite the lack of a separate status for electronic evidence, the introduction of new rules and the adaptation of the legislation to modern realities emphasise Greece's desire to improve its judicial system and ensure that it meets modern requirements.

Key words: civil procedure; judicial system; evidence; proof; evidence; Greece; court proceedings.

Правовая система Греции относится к романо-германской правовой системе, которая объединяет правовые системы всех стран континентальной Европы. Греция считается родиной демократии и суда присяжных, который возник задолго до нашей эры. Система правосудия в Греции включает суды по гражданским и уголовным делам. Верховным в системе гражданского и уголовного судопроизводства является Ариос Пагос, или Верховный Кассационный суд Греции, который занимается рассмотрением гражданских (4 палаты) и уголовных дел (2 палаты). Несмотря на недружественный статус указанного государства, его правовой опыт заслуживает внимания[1].

Гражданский процесс в Греции регулируется Гражданским процессуальным кодексом (далее – ГПК) [Kodikas Politikis Dikonomias], который был введен в действие в 1968 году. С тех пор ГПК претерпел различные изменения, основные из которых начались еще в 2001 году. ГПК во многом полагается на принцип инициативы сторон (то есть суды не осуществляют никакого делопроизводства, известного общепринятой юрисдикции, и все процедурные шаги, как правило, должны быть сделаны сторонами, а не судом), а также на принцип концентрации (то есть нет досудебного производства, все требования и доказательства впервые подаются на стадии судебного рассмотрения дела по существу).

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 марта 2022 № 430-р: текст с изм. и доп. на 29 октября 2022 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

ГПК Греции требует принципа полного убеждения суда относительно доказывания. Кроме того, хотя, по мнению некоторых греческих ученых-юристов, которые считают, что следует принять объективные теории по оценке вероятностей, применяемых математическими или статистическими методами, такое мнение постоянно отвергается из-за его несовместимости с принципом свободной оценки доказательств (ст. 340 ГПК).

В исключительных случаях, специально предусмотренных законом, необходим более низкий уровень доказывания фактов для подтверждения чьего-то требования – то есть вероятности (ст. 347 ГПК) (например, в отношении судебного решения в сфере временных средств правовой защиты или чисто процедурные вопросы). При этих обстоятельствах разрешено использование любых соответствующих средств доказывания судом, согласно гибких правил процедуры (свободных доказательств).

Средства доказывания изложены в ст. 339 ГПК и ими являются: признание, вещественные доказательства (особенно их осмотр), экспертиза (экспертные отчеты), документальные доказательства, допрос сторон и свидетелей, судебные доказательства, письменные показания под присягой.

В контексте греческого законодательства определение документов в основном касается человеческих произведений, которые предназначены для сохранения памяти о прошлых фактах путем использования писем.

Часть 1 ст. 444 ГПК закрепляет положение, относительно которого под частными документами понимаются: книги, которые ведутся торговцами и профессионалами в соответствии с коммерческим законодательством или другими положениями; книги, хранящиеся у юристов, нотариусов, судебных приставов, врачей, фармацевтов и акушерок в соответствии с действующими положениями; фотографии или видео (кинематографические представления), звукозаписи и любые другие механические иллюстрации.

После внесения изменений в ст. 444 Законом 3994/2011 механическим изображением в понимании части первой, указанной статьи, также считается любое средство, которое используется компьютером или периферийной памятью компьютера, электронным, магнитным или иным способом для записи, хранения, изготовления или воспроизведения элементов, которые

не могут быть переданы непосредственно, а также любой электронный, магнитный или иной материал, на котором любая информация, изображения, символы или звук записаны отдельно или в сочетании, при условии, что эти средства или материалы предназначены или подходят для доказывания важных фактов на законных основаниях.

Следовательно, обжалование подлинности таких механических репродукций или обвинения в их ложности, следуя процедуре, применяемой в отношении частных документов, также возможно в том случае, если будут убедительные доказательства относительно фактов, которые они фиксируют, и если они не будут преодолены другой формой встречного доказывания (ст. 448 ГПК).

Также прямо предусмотрено, что сфотографированные документы или ксерокопии имеют такой же доказательный эффект, что и оригиналы, если их точность удостоверяется лицом, юридически компетентным выдавать копии (ст. 449 ГПК).

Относительно создания электронной подписи, греческое законодательство адаптировалось к положениям Директивы 1999/93/ЕС Указом Президента 150/2001. В соответствии со ст. 3 указанной директивы: «Усовершенствованная электронная подпись имеет такую же силу, что и рукописная подпись в контексте материального и процессуального законодательства, при условии, что (a) она основана на признанном свидетельстве и (b) она была создана в защищенном формате для создания подписи». В греческой теории преобладает мнение, что «простая» электронная подпись имеет такую же силу, что и «усовершенствованная» электронная подпись.

Итак, ГПК Греции не выделяет электронные доказательства, как отдельное средство доказывания, а относит их к частным документам. Однако законодательные изменения, внесенные в ст. 444 ГПК уточняют, что понимается под механическими отображениями.

Список использованной литературы

1. Κώδικας Πολιτικής Δικονομίας // lawspot. – URL: https://www.lawspot.gr/nomikes-plirofories/nomothesia/kodikas-politikis-dikonomias (дата обращения: 22.01.2025).

Информация об авторах

Боброва Юлия Михайловна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: maximovva@mail.ru.

Ханцис Марина Владимировна – научный сотрудник отдела государственной службы и кадровой работы Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: maximovva@mail.ru.

Authors

Bobrova Yulia Mikhailovna – Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: maximovva@mail.ru.

Khantsis Marina Vladimirovna – Research Associate of the Department of Civil Service and Personnel Work of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation. E-mail: maximovva@mail.ru.

С.С. Босхолов

ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ ГОСУДАРСТВ ВОСТОКА И ЗАПАДА

В статье рассматривается использование концептуальных восточных (буддийских) принципов правильного воззрения и правильного действия, стоящих во главе угла внешней политики большинства стран Востока. Эти принципы находятся в полном соответствии с нормами международного права. В противовес им Запад выдвинул концепцию миропорядка, основанного на правилах (навязывание правил, стандартов и норм, при выработке которых не было обеспечено равноправное участие всех государств) [1]. Обосновывается вывод о справедливости и преимуществе восточной концепции внешней политики перед западной.

Ключевые слова: внешняя политика; глобализм; национальные интересы; правовая система; принципы внешней политики.

S.S. Boskholov

PRINCIPLES OF FOREIGN POLICY IN THE LEGAL SYSTEMS OF THE STATES OF THE EAST AND WEST

The article examines the use of conceptual Eastern (Buddhist) principles of right view and right action, which are at the forefront of the foreign policy of most Eastern countries. These principles are in full compliance with the norms of international law. In contrast to them, the West has put forward the concept of a world order based on rules (imposition of rules, standards and norms, in the development of which the equal participation of all states was not ensured) [1]. The conclusion about the fairness and advantage of the Eastern concept of foreign policy over the Western one is substantiated.

Key words: foreign policy; globalism; national interests; legal system; principles of foreign policy.

Процесс глобализации, инициированный США и их западными союзниками, носил относительно позитивный характер до тех пор, пока их правительства и лидеры действовали прагматично и ответственно. Положение кардинальным образом изменилось после того, как США и их западные союзники развязали против России гибридную войну, главной целью которой является нанесения ей стратегического поражения. Стремление США любой ценой сохранить свое геополитическое господство, не взирая на национальные интересы других стран, в особенности не западных, показывает и обнажает отрицательную сторону глобализации, пагубность идеологии глобализма, представляющей основную угрозу международной безопасности.

Как полагает автор, одной из основных причин образования такой взрывоопасной ситуации является подрыв и деградация рационального сознания у правительств и лидеров западного мира, а также наличие глубокого ценностного разрыва между Западом и Востоком. С точки зрения канонов буддийской философии, это обусловлено полным отсутствием у правительств и лидеров коллективного Запада принципов *правильного воззрения* и *правильного действия*.

В конфуцианском Китае существовало выражение: «*синь шу*» – «*техника сердца*». Владение этой техникой обеспечивало доверие, искренность и радушие между людьми, а также справедливость в общественной жизни и публичных отношениях. Впоследствии, уже в рамках современного буддийского учения, были выработаны два основных принципа, придавшие этой технике вполне научное обоснование. К ним, в частности относятся *правильное воззрение* и *правильное действие*. Духовный лидер тибетского народа Его Святейшество Далай-лама XIV полагает, что эти принципы составляют саму суть буддизма, носят универсальный характер, могут использоваться во взаимоотношениях между людьми, социумами и государствами [2, с. 31]. Правильное воззрение включает в себя две части. Первая – это *правильное намерение*, а вторая охватывает три аспекта социальной реальности: *нет ничего постоянного, все изменяется; не существует ничего абсолютно изолированного; у всего есть свои причины*.

Правильное воззрение формируется на базе намерения, которое состоит в том, что любое действие должно приносить пользу каждому участнику общественных отношений, которого

оно затрагивает. Соответственно, люди, организации, корпорации, государства совершают свои действия с учетом как своих собственных интересов, так и интересов других участников социальных процессов. Применительно к международной политике это проявляется в уважении и учете национальных интересов одних государств с национальными интересами других.

Правильное действие непосредственно связано с качеством осуществляемых действий по реализации принятых решений. И здесь также крайне важно учитывать не только свои собственные личные, групповые, общественные, корпоративные, государственные (национальные), но и интересы всех участников социальных процессов и отношений, в том числе геополитические и геоэкономические интересы.

Западному человеку эта техника не была известна и, соответственно, он не мог владеть ею в той мере, какой владели на Востоке. Однако сходные нравственные начала в европейской культуре были заложены еще две тысячи лет

Анализ евангельских учений показывает, что такие высоконравственные начала, как *правда*, *справедливость* и *совесть (честь)* в период раннего христианства глубоко почитались верующими людьми. В самом же христианском учении они были возведены в ранг абсолютных истин. С того далекого времени они не изменили своей сущности, никогда не вступали в противоречие друг с другом и, что самое важное, полностью подтвердились на практике, а отсюда с полным основанием следует считать учение Иисуса Христа вполне научной общественной теорией.

После разделения христианства на католицизм и православие в западной религиозной и этической культуре *правда, справедливость и совесть* начали утрачивать свое значение и заменяться другими. В силу ограниченности объема статьи укажем на то, что процесс трансформации этих ценностей охватил собой длительный исторический период (примерно с X по XX век). К настоящему времени во главу угла западной христианской этики выдвинуты следующие постулаты: *прагматизм, свобода и права человека*. Эти ценности США и их западные союзники заложили и в основу своей внешней политики, правда, в своей исключительно западной политико-правовой трактовке. С точки зрения прагматизма они видят выгоду в международных отношениях только для себя лично, абсолютно не считаясь

с мнениями и интересами других. Свобода и права человека соблюдаются только в западных странах. И поэтому они имеют право распространять их (естественно, в своей западной трактовке) на другие страны, в особенности не западные.

В отличие от Запада Восток свои традиционные ценности сумел сберечь и сохранить. Сохранены эти ценности и в русской православной христианской этике. Среди них особую роль занимают те же правда, справедливость и совесть как абсолютные истины, которые вновь востребованы в настоящее время, и прежде всего, в самой России, которая поставила их во главу угла своей внешней политики. Эти ценности активно разделяются и поддерживаются в таких новых мощных центрах геополитики, как Китай и Индия, а также в целом ряде государств Глобального Юга.

Задолго до появления христианского вероучения постулаты *правды, справедливости и совести* широко применялись в буддийской философской мысли. «Учитель сказал:

– Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [3, с. 58].

Переводя сказанное на нашу тему, следует отметить, что Конфуций справедливость ставил выше закона и наряду с этим придавал важное значение совести (чести), которые лежали в основе добродетельного правления. В предисловии к книге «Конфуций. Уроки мудрости» М.А.Блюменкранц отмечает, что «в XVIII столетии философы Просвещения чаяли наступления в скором времени на Земле Царства Разума и Добра. В XIX – позитивистски настроенные мыслители искренне верили в мессианское предназначение науки в деле достижения справедливого и высокогуманного общества, прогресс науки с неизбежностью должен был снять все острые социальные проблемы. В XX веке нам суждено было с горечью пережить крах этих прекрасных иллюзий. Наше время показало, что человеческий разум и добро, вопреки мнению Сократа, вещи не тождественные – разум можно использовать и по-дьявольски» [4, с. 12–13].

Вторая часть буддийского принципа правильного воззрения с одержит три аспекта. Первый состоит в том, что *нет ничего постоянного, все изменяется*. Прошедшая четверть нового

XXI века показывает, что мир кардинальным образом изменился, былое лидерство США, которое еще вчера казалось незыблемым, подошло к концу. 500-летняя эпоха доминирования Запада закончилась, следующий век будет веком Востока, а если еще более точно – Евразии. Мир из однополярного безвозвратно трансформировался в многополярный. Более того, он в настоящее время из многополярного, как отметил на саммите в Казани Президент России Владимир Путин (ноябрь 2024 г.), все более становится полицентричным. Наряду с единственным в недалеком прошлом альтернативным США центром силы, которым являлся Советский Союз, а затем современная Россия, стали мощно заявлять о себе новые независимые центры, в лице Китая и Индии. Все более уверенно выходит на мировую арену Глобальный Юг.

Не существует ничего абсолютно изолированного – гласит второй аспект правильного воззрения. Лидеры западных стран, создав для себя свои институты, в частности, Большую семерку, Европейский союз, НАТО и др., ошибочно полагают, что это все обособленное и независимое подобно оазису в пустыне. Между тем правда состоит в том, что мы все живем во взаимозависимом мире, это особенно сильно проявляется в современных международных отношениях. И эта взаимозависимость будет неуклонно возрастать. Стремительно возникающий новый справедливый миропорядок не может базироваться на неких правилах, придуманных в Вашингтоне и навязываемых им суверенным государствам.

Наконец, *у всего есть свои причины*, в том числе в нынешнем жестком противостоянии России с Западом. И кроятся они, прежде всего, в отношении Запада к России, имеющего длительную многовековую историю. Но это уже тема отдельного разговора.

Возникшая новая геополитическая реальность, главной сущностной чертой которой является *полицентричность*, объективно приводит к тому, что великие мировые державы Востока (Россия, Китай, Индия) проводят самостоятельную и многовекторную внешнюю политику, продиктованную их национальными интересами, осознанием особой ответственности за поддержание мира на глобальном и региональном уровнях.

Поскольку главными проводниками геополитических интересов образовавшихся центров мировой политики являются

их лидеры, возникает необходимость выяснить, кто из них обладает умениями и навыками использования данных принципов в своей политической деятельности. При этом оставим за пределами нашего внимания лидеров Китая и Индии, считая априори, что эти принципы им хорошо знакомы и они их успешно применяют. Если брать США и их западных союзников, то их лидеры, на мой взгляд, не имеют даже малейшего представления об этих принципах. У них совершенно отсутствует правильное воззрение, а отсюда они не способны совершать правильные действия. Правда, президент США Дональд Трамп своими шагами по налаживанию диалога с Россией в целях завершения вооруженного конфликта на Украине, установлению справедливого миропорядка, показывает свою способность к правильному воззрению и правильным действиям.

В отличие от них, Президент России Владимир Путин в своей политической деятельности, как мне представляется, хорошо знает принципы правильного воззрения и правильного действия и успешно применяет их в своей работе. Так, в своей знаменитой Мюнхенской речи (2007 г.) Путин, по сути дела, опираясь на них, пытался своим западным коллегам разъяснить, что мир изменился, что необходимо считаться с национальными интересами всех суверенных государств, что наличие одного единственного центра принятия решений в лице США чревато угрозами мировой безопасности, что в этом мире все взаимосвязано [5]. К сожалению, политические лидеры западных стран Путина плохо слушали и ничего полезного для себя не услышали. Скорее всего, и не хотели тогда услышать.

Впоследствии, Путин неоднократно пытался вразумить западных лидеров и предлагал (даже просил) отказаться от крайне опасного намерения НАТО расширяться на Восток, т.е. подвести свою военную инфраструктуру вплотную к границам Российской Федерации, что уже само по себе представляло серьезную угрозу национальной безопасности нашей страны. При этом он проявлял поразительное терпение, надеялся на то, что разум у западных политиков и военных в конце концов возобладает и они от этого глубоко неправильного намерения откажутся. К сожалению, все оказалось тщетным. Западные лидеры оказались совершенно неспособными к правильному воззрению и правильным действиям. После очередного отказа США и их союз-

ников по НАТО прислушаться к предложениям России, сделанным в декабре 2021 года, возникла необходимость в проведении Специальной Военной Операции (СВО).

В заключение следует особо подчеркнуть, что буддийские принципы *правильного воззрения* и *правильного действия* предполагают наличие *совести (чести)* у лидеров политических элит. К сожалению, этого важнейшего качества не хватает у лидеров западных стран. Доказательством тому являются публичные признания бывшего президента Франции Оланда и бывшего канцлера Германии Меркель о том, что, подписывая известные Минские соглашения, они вовсе не думали их выполнять. Мирная пауза в боевых действиях между Донбассом и Киевом им была нужна для предотвращения разгрома Вооруженных сил Украины и подготовки их к масштабной войне против России. Иными словами, они намеренно обманывали Россию и все мировое сообщество. Концепция честной внешней политики этим людям была совершенно чужда. Отсюда не приходится удивляться тому, что политический авторитет Запада из-за деградации их политических элит в большинстве не западных стран в настоящее время стремительно катится вниз.

Внешняя политика России носит миролюбивый, открытый, предсказуемый, последовательный, прагматичный, честный характер, основанный на уважении норм международного права и стремлении к равноправному и взаимовыгодному международному сотрудничеству и находит все большую поддержку у большинства стран и народов.

Список использованной литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Российская газета. – 2023. – 31 марта.

2. Далай-лама XIV. Путь истинного лидера / Его Святейшество Далай-лама, Лоренс ван ден Майзенберг; [пер. с англ. Н. Яцюк]. – М.: Эксмо, 2010.

3. Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995.

4. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.

5. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. – URL: http//www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 07.02.2025).

Информация об авторе

Босхолов Сергей Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета. E-mail: 003221@bgu.ru.

Author

Boskholov Sergey Semenovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University. E-mail: 003221@bgu.ru.

УДК 343.98 Н.И. Валькирия

ПРИМЕНЕНИЕ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В современных условиях практически востребованным является внедрение в деятельность правоохранительных органов 3D-технологий (3D-сканирование, 3D-моделирование, технологии виртуальной реальности), которые могут использоваться для решения широкого спектра задач уголовного судопроизводства (реконструкции места происшествия, внешнего облика преступника, трупа, поврежденных предметов и др.). Основываясь на положительных примерах зарубежного опыта применения данных технологий в практике борьбы с преступностью, определены отдельные функциональные возможности 3D-технологий в деятельности следователя, эксперта, в судебном разбирательстве уголовных дел, в том числе с участием присяжных заседателей. Установлено, что применение 3D-технологий в уголовном судопроизводстве России в настоящее время находится на стадии становления, причиной чему является наличие комплекса проблем материально-технического, этико-правового характера, а также отсутствие должного методического обеспечения.

Ключевые слова: 3D-технологии; 3D-сканирование; 3D-моделирование; технологии виртуальной реальности; расследование преступлений; судебное разбирательство.

N.I. Valkiriya

APPLICATION OF 3D-TECHNOLOGIES IN RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICE OF COMBATING CRIME

In modern conditions, the introduction of 3D-technologies (3D-scanning, 3D-modeling, virtual reality technologies), which can be used to solve a wide range of problems of criminal proceedings (reconstruction of the scene, the appearance of the criminal, corpse, damaged objects, etc.), is practically in demand in the activities of law enforcement agencies. Based on the positive examples of foreign experience in the application of these technologies in the practice of combating crime, certain functional capabilities of 3D-technologies

in the activities of the investigator, expert, in the trial of criminal cases, including those involving jurors are determined. It is established that the use of 3D-technologies in criminal proceedings in Russia is currently at the stage of formation, the reason for which is the presence of a set of problems of material and technical, ethical and legal nature, as well as the lack of proper methodological support.

Key words: 3D-technologies; 3D-scanning; 3D-modeling; virtual reality technologies; crime investigation; court proceedings.

Быстрое и динамичное развитие информационных технологий обеспечивает появление нового высокотехнологического оборудования, что, в свою очередь, формирует новые способы обнаружения, фиксации и исследования доказательственной информации. Современные технологии обработки данных обеспечивают возможность использования качественно новых способов получения информации. В связи с чем практически востребованным является внедрение в деятельность правоохранительных органов 3D-технологий (3D-сканирование, 3D-моделирование, технологии виртуальной реальности), которые могут использоваться для решения широкого спектра задач уголовного судопроизводства (реконструкции места происшествия, внешнего облика преступника, трупа, поврежденных предметов и др.).

Цифровые модели объектов, относящихся к совершенному преступлению, как конечный результат использования 3D-технологий могут использоваться в следственной и экспертной практике, а также в судебном разбирательстве уголовных дел. Наибольшее развитие данное направление получило в зарубежной практике борьбы с преступностью.

Так, широкое применение на практике получают 3D-сканеры: сканеры места происшествия, которые могут захватывать большие пространства, и 3D-сканеры, фиксирующие отдельные объекты в полном цвете и с высоким разрешением [10]. В первом случае использование лазерных лучей позволяет произвести измерение и «захват» окружающей обстановки для создания в последующем 3D-модели места происшествия [8]. Такая модель получается в результате объединения 3D-изображений, зафиксированных с разных точек на месте происшествия [11]. С помощью второго вида сканера можно качественно зафиксировать следы зубов, обуви, автомобиля и иные следы, что в ряде

случаев предпочтительнее изготовления гипсовых слепков. Фиксация следа посредством изготовления гипсового слепка приводит к уничтожению исходного отображения следа на месте происшествия, в то время как 3D-сканеры производят фиксацию без изменения оригинала.

При этом все более популярным становится фиксация в формате видео высокой четкости (High Definition Surveying) в совокупности с 3D-сканированием. Полученные таким способом 3D-модели места происшествия позволяют не только реконструировать обстановку места происшествия в деталях, но и виртуально проиллюстрировать, что представляет актуальность при расследовании убийств, террористических актов, дорожно-транспортных происшествий и т.д.

3D-модель места происшествия в последующем может быть использована при проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента. Виртуальная модель обстановки позволит участникам криминального события воспроизвести совершенные во время преступления действия, что существенно влияет на процесс доказывания. С применением 3D-технологий возможно создать 3D-отпечаток лица жертвы, 3D-модель внешнего облика преступника и др.

3D-технологии активно применяются в судебной медицине для реконструкции и последующей идентификации неопознанных трупов (мумифицированных, сгоревших и т.д.) в целях точной фиксации и детального исследования повреждений, определения пола жертвы и др. 3D-сканер оцифровывает поверхность тела и воссоздает его виртуальную модель, что помогает реконструировать процесс нанесения повреждений.

Технологии виртуальной реальности используются, например, при проведении опознания, когда у опознающего есть возможность осмотреть 3D-модель опознаваемого с различных сторон.

Полученные посредством применения 3D-технологий цифровые модели объектов, относящихся к совершенному преступлению, используются также в судебных разбирательствах, в том числе с участием присяжных заседателей.

Наглядно демонстрирует рассматриваемые возможности следующий случай. В 2015 году в Англии С. был смертельно ранен в шею разбитой бутылкой. Подсудимый Д. утверждал, что

он не осознавал, что наносит удар бутылкой, и что произошедшее было самообороной. В суд была представлена 3D-копия разбитой бутылки. После демонстрации подсудимым того, как он держал бутылку, используя ее 3D-копию, присяжным заседателям стало понятно, что Д. осознавал смертельность нанесения удара данным предметом. В итоге Д. был осужден за совершенное преступление [9]. Трехмерные модели также используются в суде при их представлении экспертами для уточнения и визуализации результатов проведенных экспертиз.

В зарубежной практике 3D-технологии активно применяются в различных сферах уголовного судопроизводства, разрешая множество иных возникающих задач.

Анализ положительного зарубежного опыта позволяет определить функциональные возможности 3D-технологий в деятельности правоохранительных органов и адаптировать их к потребностям российской практики борьбы с преступностью.

На сегодняшний день в России только начало получать свое развитие применение 3D-технологий в уголовном судопроизводстве как в аспекте научно-методической разработки данных вопросов, так и в непосредственном применении на практике [1–7].

Перспективность и практическая значимость данного направления отмечается и учеными, и практиками. Вместе с тем, его эффективная практическая реализация пока еще осложнена рядом неразрешенных вопросов, в числе которых следует выделить следующие: проблемы материального обеспечения, недостаточность и несовершенство программного обеспечения, отсутствие у сотрудников правоохранительных органов знаний о функциональных возможностях данных технологий и, соответственно, умений и навыков по созданию трехмерных моделей; необходимость процессуального урегулирования вопросов применения 3D-технологий в уголовном судопроизводстве, и др.

В целях разрешения данных проблем в российской практике расследования и судебного рассмотрения уголовных дел представляется необходимым:

1) использование положительного зарубежного опыта применения 3D-технологий в деятельности правоохранительных органов;

2) создание новых и совершенствование имеющихся компьютерных программ, позволяющих создавать 3D-модели объектов, относящихся к совершенному преступлению, в зависимости от конкретных задач уголовного судопроизводства;

3) урегулирование вопросов правового характера возможности применения 3D-технологий в уголовном судопроизводстве;

4) междисциплинарное обсуждение проблем допустимости психологического влияния на присяжных заседателей при предъявлении им 3D-моделей криминалистически значимых объектов, разработка критериев их допустимости;

5) организация обучения следователей, экспертов и прокуроров методике использования 3D-технологий по конкретным направлениям их деятельности на курсах повышения квалификации; разработка соответствующих учебно-методических материалов.

Список использованной литературы

1. Гребнева А.С. Осмотр места происшествия с помощью технологии 3D-сканирования пространства / А.С. Гребнева, О.Л. Ромашенко // Судебная экспертиза и исследования. – 2023. – № 2. – С. 26–31.
2. Дашко Л.В. Использование 3D моделирования в судебной взрывотехнической экспертизе / Л.В. Дашко, И.В. Харченко, М.Ю. Гераськин // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 175–193.
3. Коныгин Р.А. Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Р.А. Коныгин, Л.А. Шестакова // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – № 3. – С. 99–106.
4. Несмиянова И.О. Применение информационных технологий в производстве трасологических экспертиз: дис. … канд. юрид. наук / Несмиянова Ирина Олеговна. – Москва, 2021. – 186 с.
5. Овчинникова О.В. Цифровизация следственных действий: проблемы и перспективы / О.В. Овчинникова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 51–57.

6. Полякова А.В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / Полякова Анастасия Васильевна. – Уфа, 2023. – 244 с.

7. Шакирьянова Ю.П. Трехмерное моделирование в судебной медицине: визуализация, идентификация, реконструкция: дис. ... д-ра. мед. наук / Шакирьянова Юлия Павловна. – Москва, 2020. – 317 с.

8. Brizzi M., Court S., D'Andrea A., Lastra A. & Sepio D. 3D laser scanning as a tool for conservation: the experiences of the Herculaneum Conservation Project. In M. Ioannides et al. (eds) The evolution of Information Technology in Cultural Heritage. The 7th International Symposium on Virtual Reality, Archaeology and Cultural Heritage VAST 2006, Cyprus, 30 October-4 November 2006. VAST: 72–78.

9. Chase Ruby J, LaPorte Gerald. The Next Generation of Crime Tools and Challenges: 3D Printing // NIJ Journal 279, April 2018, https://nij.gov/journals/279/Pages/next-generation-of-crime-tools-and-challenges-3d-printing.aspx

10. DeLaurentis P. 3D Scanning: A New Tool for Cracking Tough Cases // Forensic Magazine. 2009. Vol. 6, no. 1, pp. 37– 40.

11. Se S., Jasiobedzki P. Photorealistic 3d model reconstruction. In Proc. IEEE Int. Conference on Robotics and Automation (ICRA), pages 2076–3082, 2006.

Информация об авторе

Валькирия Наталья Ивановна – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: ni_malykhina@mail.ru.

Author

Valkiriya Natalya Ivanovna – Chief Researcher of the Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Associate professor. E-mail: ni_malykhina@mail.ru.

УДК 343.9

А.А. Вяткин

О ВНЕДРЕНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИОБРЕТЕНИЕМ, ХРАНЕНИЕМ, СБЫТОМ И КОНТРАБАНДОЙ ЛЕСОМАТЕРИАЛОВ

Статья посвящена вопросу использования специальных знаний для обнаружения и фиксации цифровых следов преступлений, связанных с приобретением, хранением, сбытом и контрабандой лесоматериалов. Отмечается, что информационно–телекоммуникационные технологии внедряются в механизм совершения таких преступлений, преступники в своей деятельности используют различные компьютерные программы, мессенджеры, социальные сети, информационные и поисковые сайты, анонимные финансовые расчеты, сервисы геолокации, сервисы файлового обмена. В целях усовершенствования методики раскрытия и расследования таких преступлений, а также для формирования в Российской Федерации практики привлечения специалистов для решения сложных следственных задач автором предложено исследование соответствующего зарубежного опыта. Кроме того, приведены организации, специалисты которых обладают соответствующими специальными знаниями и могут оказать помощь правоохранительным органам.

Ключевые слова: криминалистика; специальные знания; методика раскрытия и расследования преступлений; контрабанда лесоматериалов; специалист; следователь.

A.A. Vyatkin

ON THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN USING SPECIAL KNOWLEDGE IN DETECTING AND INVESTIGATING CRIMES RELATED TO THE ACQUISITION, STORAGE, SALE AND SMUGGLING OF TIMBER

The article is devoted to the issue of using specialized knowledge to detect and record digital traces of crimes related to the acquisition, storage, sale and smuggling of timber. It is noted that information

and telecommunication technologies are being introduced into the mechanism for committing such crimes; criminals use various computer programs, instant messengers, social networks, information and search sites, anonymous financial settlements, geolocation services, and file sharing services in their activities. In order to improve the methodology for solving and investigating such crimes, as well as to form a practice in the Russian Federation of attracting specialists to solve complex investigative tasks, the author proposes a study of relevant foreign experience. In addition, organizations are listed whose specialists have the relevant specialized knowledge and can provide assistance to law enforcement agencies.

Key words: forensic science; specialized knowledge; methodology for solving and investigating crimes; timber smuggling; specialist; investigator.

Современные преступления, связанные с незаконным оборотом древесины, требуют постоянного совершенствования методик расследования, что обусловлено активным использованием преступниками цифровых технологий и сети Интернет. При осуществлении преступной деятельности в целях коммуникации используются различные мессенджеры и социальные сети, электронные документы передаются через электронную почту и сервисы файлового обмена. Стремительно набирают популярность анонимные способы финансовых расчетов, различные сервисы, обеспечивающие сокрытие реальных персональных данных пользователей в сети.

Об этом свидетельствует не только практика раскрытия, расследования таких преступлений, но и современные научные исследования. Так, Е.И. Третьякова, С.С. Босхолов и Р.П. Щербина отмечают, что все больше информационно–телекоммуникационные технологии внедряются в механизм совершения уже ставших традиционными, преступлений [1, с. 107].

Такие существенные изменения, на наш взгляд, требуют усовершенствования существующих частных криминалистических методик раскрытия и расследования преступлений, связанных с приобретением, хранением, сбытом и контрабандой лесоматериалов. Сотрудники органов предварительного расследования нуждаются в повышении их уровня цифровых компетен-

ций, а методико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, должно находиться в научном осмыслении, на что указывают А.В. Варданян и О.П. Грибунов [2, с. 24].

В таких условиях эффективное решение задач, касающихся обнаружения и фиксации цифровых следов преступлений, связанных с приобретением, хранением, сбытом и контрабандой лесоматериалов, представляется возможным только с помощью специалистов, обладающих соответствующими специальными знаниями. Цифровой след определяется как уникальный набор представленных в электронной форме данных о зафиксированных действиях, а также процессных, контекстных и иных обстоятельствах деятельности пользователя, групп пользователей коммуникационных систем или их работы [3, с. 310].

Процессуальные формы использования таких знаний перечислены О.П. Грибуновым: непосредственная судебная экспертиза, показания эксперта (специалиста), заключение специалиста, участие специалистов при проведении следственных действий, производство различных исследований при решении вопроса о возбуждении уголовного дела [4, с. 130]. Следует сказать, что большим потенциалом обладают также непроцессуальные формы, к которым возможно отнести методическое сопровождение, консультативную, аналитическую помощь и др.

В Российской Федерации на сегодняшний день практика привлечения специалистов к раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием информационно-комунникационных технологий находится на стадии формирования. При этом, на наш взгляд, данный процесс возможно ускорить за счет исследования и внедрения зарубежного опыта, который сформирован в рамках совместной деятельности Интерпола, специалистов и правоохранительных органов.

Мы считаем, что специфика работы с цифровыми следами преступлений, связанных с незаконным оборотом древесины, во многом совпадает со спецификой такой работы по технологичным, компьютерным преступлениям. В связи с этим, возможно обращение к зарубежному опыту борьбы с ними.

Ярким примером служит взаимодействие Интерпола и правоохранительных органов иностранных государств с лабораторией Касперского. Специалисты данной лаборатории регулярно оказывают экспертную помощь, дают правоохранительным ор-

ганам консультации по наиболее сложным вопросам установления обстоятельств совершения технологичных преступлений. Так, в результате взаимодействия с лабораторией удалось обнаружить и задержать 14 преступников в рамках операции «Africa Cyber Surge II», которая помогла усилить борьбу с киберпреступностью в Африканском регионе.

В Азиатско-тихоокеанском регионе, Объединенных Арабских Эмиратах и в Европе осуществляет деятельность компания Group-IB, которая оказывает консультативные услуги правоохранительным органам и коммерческим организациям. Компания специализируется на обнаружении цифровых следов различных категорий преступлений, оказывает помощь как на стадии расследования, так и на стадии рассмотрения уголовного дела судом. На сегодняшний день сотрудники компании помогли правоохранительным органам в расследовании более 1400 преступлений по всему миру.

Существующая на территории Иркутской области практика раскрытия, расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом древесины, показывает, что взаимодействие с такими специалистами правоохранительные органы не осуществляют, а цифровым следам особое внимание не уделяется.

Вместе с тем, на территории Российской Федерации действуют такие организации как «Интернет-Розыск», «F6», специалисты которых могут быть привлечены к решению сложных следственных задач. Более того, по нашему мнению, такое использование специальных знаний должно быть неотъемлемой частью современной частной криминалистической методики раскрытия, расследования приобретения, перевозки, переработки в целях сбыта и контрабанды заведомо незаконно заготовленной древесины.

Список использованной литературы

1. Третьякова Е.И. Возможности деанонимизации лиц, совершающих мошенничество с применением спуффинг-атак / Е.И. Третьякова, С.С. Босхолов, Р.П. Щербина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 4 (20). – С. 106–118.

2. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования

отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–35.

3. Нестеров С.А. Понятие цифрового следа и анализ цифрового следа в образовании / С.А. Нестеров, Е.М. Смолина // Системный анализ в проектировании и управлении : сборник научных трудов XXVI Международной научно-практической конференции. В 3 ч., Санкт-Петербург, 13–14 октября 2022 года. Часть 3. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2023. – С. 309–314.

4. Грибунов О.П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств / О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – С. 125–132.

Информация об авторе

Вяткин Андрей Анатольевич – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: viatkin-chita@yandex.ru.

Author

Vyatkin Andrey Anatolyevich – senior lecturer of the Department of Prosecutor's Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Civil and Arbitration Cases of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: viatkin-chita@yandex.ru.

УДК 349.6, 34.023 К.Ю. Гоглева

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА

Борьба за права животных, изменение устоявшейся системы взглядов на живых существ исключительно как на объекты права человеческой собственности и власти, за отношение к ним в качестве «равных себе», основанное на системе постгуманистических ценностей, является весьма актуальной темой общественной дискуссии. При этом синергетическая связь прав человека и животного, являющаяся устоявшейся нормой для большинства правовых систем мира, позволяет совершенно иначе взглянуть на античное изречение «Познай самого себя» через призму объективно назревшей необходимости определения «права на право». Автором обосновывается необходимость теоретического осмысления правосубъектности животных, закрепленной в некоторых государствах мира и являющейся основанием для научного выделения новой группы «нечеловеческих прав», принадлежащих видам живых существ, не идентичных человеку, так как на сегодняшний день они находятся вне пределов легальной правовой защиты органов публичной власти мирового сообщества.

Ключевые слова: права животных; нечеловеческие права; правосубъектность животных; постгуманизм; ответственное отношение к животным; защита животных; движения за права животных.

K.Y. Gogleva

A HUMAN VIEW OF NON-HUMAN RIGHTS

The fight for animal rights, changing the established system of views on living beings exclusively as objects of human property rights and power, for treating them as "equals", based on the system of posthumanist values, is a very relevant topic of public discussion. At the same time, the synergetic connection between human and animal rights, which is an established norm for most legal systems in the world, allows us to take a completely different look at the ancient saying "Know thyself" through the prism of the objectively urgent need

to define the "right to the right". The author substantiates the need for a theoretical understanding of the legal personality of animals, enshrined in some states of the world and serving as the basis for the scientific identification of a new group of "non-human rights" belonging to species of living beings that are not identical to humans, since today they are outside the legal legal protection of public authorities of the world community.

Key words: animal rights; non-human rights; legal personality of animals; posthumanism; responsible attitude to animals; animal protection; animal rights movements.

> До тех пор, пока бесправный объект не получит свои права, мы не будем видеть его как нечто более, чем вещь для нашего, правообладателей, пользования.
>
> Кристофер Стоун

Трансформация правовой системы того или иного государства всегда является объективным результатом исторического развития населяющего его общества, выраженного в осознании человеком себя и своей роли в изменяющемся мире. Классическое антропоцентрическое понимание гуманизма, проистекающее из философии эпохи Возрождения и основанное на постулате о превосходстве «человеческого» над всем иным сущем [1, с. 5] с последних десятилетий XX века модифицировалось в концепцию восприятия «идеального» человека через призму его «человеческих» качеств и характеристик как «любящего», милосердного, толерантного и способного проявлять эмпатию и сострадание не только и не столько к себе, как к своему окружению (в том числе, и к миру животному), являющемуся частью социума. То есть сегодня совершенным признается homo est homo – человек гуманный, что, согласитесь, не совсем тождественно классической концепции гуманизма, а, скорее, может быть охарактеризовано в спектре концепции постгуманизма, основанной на призыве слияния человека и природы, в которой «человек является не её вершиной и повелителем, но лишь малой частью» [2, с. 175].

В этой связи все большую популярность приобретает точка зрения о необходимости легального закрепления «нечеловеческой правосубъектности» и новой регламентации «права на право» [3, p. 264]. Ведь восприятие живых нечеловеческих существ в качестве «других» [4, с. 42–43] не означает отрицания их законных претензий на права в современном мире, основанных на доказанной исследователями в области естественных наук их высокой интеллектуальной развитости и способности испытывать эмоции и переживать боль, тревогу, страдание [5, с. 133–200]. Но означает ли признание естественных прав за живыми нечеловеческими существами «конец прав человека», как это видят некоторые западные исследователи? [6, p. 23; 7, p. 56; 8, p. 201].

Представляется, что не совсем. В отличие от естественных наук, традиционно рассматривающих животных в качестве объектов исследования, в науках гуманитарного цикла все чаще живые существа рассматриваются в качестве субъектов (например, в качестве субъектов права) [9, с. 26–27]. Подобная интенция коррелирует общественной повестке активизации борьбы за права животных, в первую очередь, связанной с этической обеспокоенностью некоторых групп населения относительно сохранения экологического благополучия планеты, а также их высокими этическими принципами, основанными на философии неприятия любых видов насилия. При этом, учитывая некоторые различии в аргументации их взглядов, философы и правоведы современной эпохи постгуманизма все чаще настаивают на необходимости признания животных «в качестве равноценных человеку личностей», обязательности учета интересов животных социумом, а также обосновывают необходимость признания правосубъектности живых существ на основании не только их интеллектуальных способностей (например, наделив естественными правами лишь высших млекопитающих или исключительно приматов), но и простой очевидной способности «испытывать боль» [10, p. 24].

Таким образом, современный запрос на трансформацию человеческого отношения к животному миру, в первую очередь, направленный на легализацию прав нечеловеческих живых особей, исходит из необходимости их защиты людьми. При этом обеспечение прав животных сегодня неотделимо от обеспечения

прав человека «в их синергетическом взаимодействии» [11, с. 94].

Во-первых, ввиду того, что живые существа в большинстве национальных правовых систем рассматриваются в качестве предметов собственности человека.

Во-вторых, они являются неотъемлемой частью благоприятной окружающей среды, защищаемой государством (например, как это декларировано ст. 42 Конституции Российской Федерации).

Очевидно, что, учитывая динамику развития современного общества в его ориентации на постгуманистические ценности, данное «синергетическое взаимодействие» когда-то должно прерваться и завершиться естественным разделением прав человека и животного. Более того, на карте мира уже есть примеры легального закрепления «нечеловеческих» прав, среди которых особого внимания заслуживают страны Латинской Америки [12, с. 75].

Так, например, Конституция Республики Эквадор[1] (ст. 71, 73) наделяет статусом обособленного субъекта права Мать Природу (Пача Мама), традиционно почитаемую коренным населением данного государства, а также прямо закрепляет нормоположения о защите животных (ст. 57). Конституция Республики Боливия причисляет животных к «естественному наследию» и юридизирует обязанность органов государственной власти по их защите и охране (ст. 33)[2]. Конституционную защиту от жестокого обращения и экологического разрушения получили флора и фауна Республики Бразилия (ст. 225)[3], а на территории Республики Чили действует кампания «Животные в Конституции», целью которой является создание нового программного документа, на основании которого животные получили бы правосубъектность, аналогичную человеческой [13].

Однако, было бы большим заблуждением считать, что практика легализации «нечеловеческих» прав в Латинской Америке является исключительно региональной особенностью,

---

[1] Конституция Республики Эквадор. URL: https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/english08.html (дата обращения: 04.02.2025).

[2] Конституция Республики Боливия. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/ Bolivia_2009.pdf (дата обращения: 04.02.2025).

[3] Конституция Бразилии. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=563 (дата обращения: 04.02.2025).

обусловленной спецификой традиционного культурного и религиозного наследия местного населения, испытывающего особый, священный пиетет перед Природой. На территории «просвещенного, светского Запада» также можно найти не мало примеров юридизации правосубъектности животных:

В 2008 году Парламент Испании легально закрепил право человекообразных обезьян на свободу и жизнь, а, спустя 7 лет, в 2015 году, органы юстиции Соединенных Штатов Америки аналогичным образом признали данные права за шимпанзе. В 2020 г. данный опыт был реализован и властями Швейцарии, Федеральный суд которой удовлетворил общественный запрос о конституционном закреплении прав обезьян [14, с. 120].

Не малую роль в трансформации правовой практики признания «нечеловеческих» прав играют и институты гражданского общества. Так, с 1995 года в США функционирует Общественная организация Nonhuman Rights Project, защищающая права представителей животных видов, обладающих научно доказанными сознанием и волей (человекообразных обезьян, слонов и китообразных) [15]. А с 2019 года в Гарвардской школе права функционирует программа по защите прав животных, направленная как на подготовку юристов, специализирующихся в данной новой сфере юридической практики, так и на анализе существующего правового регулирования в сфере «нечеловеческих» прав [16].

Приведенные примеры показывают, насколько актуальным сейчас является вопрос признания если не всего животного сообщества, то его части, включающей высших млекопитающих, обладающих доказанно высоким уровнем интеллекта (подчас схожим человеческому) и способностями к эмоциональным страданиям, в качестве носителей естественных прав и нормативного выделения их из мира «вещей», являющихся объектами собственности homo sapiens. В обеспечение последнего необходимо пересмотреть устоявшуюся в практике правоприменения позицию защиты прав животных исключительно посредством компенсации вреда их владельцам, признав то, что и сами они заслуживают возмещения понесенного ущерба (при безусловной необходимости содействия в этом владельцев данных животных в качестве представителей их интересов (подобно опекунам и попечителям недееспособных лиц)) [14, с. 120].

Анализируя законодательство Российской Федерации и практику правоприменения в данной сфере, следует отметить, что мировая тенденция к признанию естественных прав животных распространилась и на российскую правовую действительность. Так, Конституционный Суд России в Постановлении от 18 июля 2024 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия»[4] косвенно поддержал необходимость восполнения правового пробела в области регламентации прав животных ввиду существования в обществе «запроса» на опору законодателя на идеи добра и справедливости и учет потребности животных в защите как существ, которые «способны испытывать эмоции и страдать».

Использование высшим органом судебного конституционного контроля данных постгуманистических этических установок опосредует необходимость объединения усилий органов публичной власти всех уровней, а также институтов гражданского общества в достижении реализации цели формирования в обществе ответственного отношения к животным, что, на сегодняшний день нормативно отнесено к сфере компетенции исключительно Правительства Российской Федерации (п. е.5 ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации).

Особого внимания, при этом, требует регламентация порядка ответственного обращения с животными без владельцев, которые, очевидно, являются наиболее уязвимой группой среди живых существ, проживающих на территории нашего государства, так как их «интересы» могут быть обеспечены исключительно силой «публичного принуждения», а не «опекающими» их индивидами. Тем более, в свете принятия на территории целого ряда субъектов Российской Федерации (Республики Бурятия, Республики Тыва, Астраханской области, Алтайского края,

---

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2024 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4443.

Чукотского автономного округа, Забайкальского края и некоторых иных) получивших большой общественный резонанс нормативных правовых актов, допускающих умерщвление животных без владельцев на территории мест временного содержания и не являющихся приютами[5], приведение содержания которых в соответствие с конституционно-правовым смыслом положений Учредительного акта нашего государства потребовало неоднократного вмешательства высшего судебного органа конституционного контроля[6].

Таким образом, следует заключить, что существующая в обществе потребность в трансформации восприятия животного мира, направленная, в первую очередь, на легализацию «нечеловеческих» прав, является вполне осознанной и исходит как из необходимости защиты самих животных, так и реализации «эгоистичных» целей человеческого социума, заключающихся в необходимости обеспечения естественного перехода от антропоцентрического подхода восприятия человека к философии постгуманизма. Так как естественная природа права, выраженная, в

---

[5] Закон Чукотского автономного округа от 22 февраля 2024 г. № 7-ОЗ «Об осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Чукотского автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 22.02.2024. № 8700202402220001; Закон Республики Бурятия от 22 ноября 2023 г. № 185-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 24.11.2023. № 0300202311240003; Закон Магаданской области от 5 июля 2024 г. № 2919-ОЗ «О порядке осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Магаданской области» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 05.07.2024. № 49002024407050001; Закон Республики Саха (Якутия) от 26 июня 2024 г. 2758-З № 191-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 01.07.2024. № 1400202407010005 и т.д.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2023 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 231 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой городского округа Архангельской области "Город Новодвинск» // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 9137; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2024 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4443.

первую очередь, в свободе, восходит к индивидуальному и общественному сознанию, формирующему убеждения, которые последовательно и постепенно юридизируются посредством «буквы закона», определяя настоящее и будущее бытие социума.

Список использованной литературы

1. Чебунин А.В. Смысл и функции гуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 3–15.
2. Медушевский А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 3 (24). – С. 171–185.
3. Gruber M-Ch. Why Non-Human Rights? // Law and Literature. – 2020. – Vol. 32. – No. 2. – Pp. 263–270.
4. Тимофеева О.В. Животное как Другой в современной философии // Человек. – 2019. – Т. 30. – № 4. – С. 41–52.
5. Пайенсон Н. Наблюдая за китами. Прошлое, настоящее и будущее загадочных гигантов. – М., 2020. – 336 с.
6. Badmington N. Posthumanism. – New York: Palgrave. – 2000. – 172 p.
7. Douzinas C. The End of Human Rights. – Oxford: Hart Publishing. – 2000. – 410 p.
8. Baxi U. The Posthuman and Human Rights // Human Rights in a Post-human World. – Oxford: Oxford University Press. – 2009. – Pp. 197–239.
9. Балашова Е.С. Животное как субъект права в России / Е.С. Балашова, Н.С. Кузьмина // Социально-гуманитарные исследования развития регионов России: история и современность: сборник научных статей, Чебоксары, 28 марта 2024 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2024. – С. 24–29.
10. Regan T. The Case for Animal rights. – Los-Angeles: University of California Press, 2004. – 425 p.
11. Цыганцова С.И. Защита животных через призму прав человека: практика Европейского суда по правам человека // Международные отношения и общество. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 93–96.

12. Хижняк В.С. Конституционно-правовая политика в области защиты прав животных в странах Латинской Америки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2 (151). – С. 73–81.

13. Animals en la Constitucion. – URL: http://www.animalesenlaconstitucion.info (дата обращения: 04.02.2025).

14. Дойников П.И. О качественном совершенствовании законодательства об охране животного мира // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 8 (177). – С. 118–125.

15. Официальный сайт Nonhuman Rights Project. – URL: https://www.nonhumanrights.org (дата обращения: 04.02.2025).

16. Официальный сайт Brooks McCormick Jr. Animal Law & Policy Program at HLS. – URL: https://animal.law.harvard.edu (дата обращения: 04.02.2025).

Информация об авторе

Гоглева Ксения Юрьевна – начальник кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: goglevakseniya@gmail.com.

Author

Gogleva Ksenia Yuryevna – head of the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law. E-mail: goglevakseniya@gmail.com.

УДК 340.5, 342.55, 342.72 Е.В. Гриценко

КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И СУБЪЕКТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Местное самоуправление как один из вариантов организации местной власти и жизнедеятельности на местах – явление историческое, отражающее национальные особенности развития системы публичной власти, государственности и конституции в каждой стране. С одной стороны, не исключается полный отказ от идеи местного самоуправления, как например, в традиционных обществах, исламском мире, странах социалистической правовой системы, реализовавших модель построения единой системы советов как органов государственной власти снизу доверху. С другой же стороны, и там, где местное самоуправление получает конституционное закрепление, в его понимании нет единства. Местное самоуправление как право, принцип организации жизнедеятельности, способ и форма организации и осуществления публичной власти, форма её децентрализации, гарантия локальной автономии воспринимаются в разных конституционных правопорядках далеко не однозначно. В то же время продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, может ли местное самоуправление быть сведено к формам общественного участия граждан в деятельности единых органов публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление; местное управление; муниципальные образования; право на участие в местном самоуправлении; конституционные гарантии.

E.V. Gritsenko

THE CONSTITUTIONAL GUARANTEE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: CONCEPT AND LEGAL ENTITIES IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

Local self-government, as a form of organizing local governance and community life, is a historical phenomenon that reflects the unique development of public authority, statehood, and constitutional systems in each country. However local self-government is not

a universal way of organizing power at the local level. This is confirmed by the experience of some societies—such as traditional societies, the Islamic world, and countries with socialist legal systems. At the same time in countries where local self-government is constitutionally recognized, its interpretation varies widely. It may be seen as a right, a principle for organizing community life, a method of public administration, a form of decentralization, or a guarantee of local autonomy, with different constitutional and legal systems offering diverse understandings. Additionally, the question of whether local self-government can be reduced to mere public participation in the activities of centralized public authorities remains a matter of ongoing debate.

Key words: local self-government; local government; municipalities; right to participate in local self-government; constitutional guarantees.

Введение. Идея местного самоуправления как институциональной гарантии существования самостоятельного муниципального субъекта – коммуны, общины, муниципальной корпорации, муниципалитета – сложилась на европейском континенте еще в свободных городах Средневековья, наделяемых собственной правосубъектностью, а затем она получила развитие в британской конструкции разделения властей, французском учении о муниципальной власти, прусской модели коммунального самоуправления. Наконец определенная универсализация подхода к местному самоуправлению в рамках Совета Европы нашла отражение в принципах и гарантиях, закрепленных в Европейской хартии местного самоуправления (далее – Хартия, Европейская хартия)[1]. Хартия предложила не только признать местное самоуправление конституционным принципом, но и определила его в качестве права и действительной способности муниципальных субъектов (местных властей, коммун, общин, муниципальных территориальных корпораций) регулировать самостоятельно и под свою ответственность значительную часть публичных дел (часть 1 статьи 2). Соответственно принцип и право местного самоуправления получили признание в конституциях и актах конституционного значения многих государств,

[1] European Charter of Local Self-Government. European Treaty Series no. 122. Strasbourg, 15.X.1985. URL: https://rm.coe.int/european-charter-of-local-self-government-eng/1680a87cc3 (дата обращения: 11.03.2025).

причем не только Европы, но и Юго-Восточной Азии, Северной, Центральной и Латинской Америки, Африки, Австралии. Идеи местного самоуправления как эффективной формы децентрализации власти в конце 1990-х – начале 2000-х годов стали предметом обсуждения на второй конференции Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (Хабитат II) и послужили основой для активизации дискуссии вокруг Всемирной хартии местного самоуправления[2].

Европейские модели местного самоуправления и их распространение. Признание коммуны (общины) в качестве субъекта (носителя) права местного самоуправления вовсе не исключает разнообразия конституционного дизайна в части организации местной власти. В литературе проводится дифференциация между различными моделями местного самоуправления, существующими в европейских государствах, и моделями, характерными для иных стран, которые восприняли идею местного самоуправления в своём правопорядке на основе указанных общих европейских принципов[3]. Четыре основных европейских модели местного самоуправления – североевропейская (скандинавская) модель «свободной общины», административная германская или центрально-европейская федеративная модель самоуправляемой общины, французская модель поднадзорных государственной администрации децентрализованных местных коллективов, англосаксонская рыночно-ориентированная модель самоуправляемых административных единиц – основаны на различном понимании соотношения государственных и общественных начал в статусе муниципальных субъектов, на доминировании демократически-парламентарного либо административно-управленческого подхода к трактовке местного самоуправления. Эти модели демонстрируют различные формы взаимоотношений муниципалитетов с государством.

И хотя указанные модели местного самоуправления оказали значительное влияние на организацию местной власти в странах Восточной Европы, на постсоветском пространстве, а

---

[2] Рекомендация 98 (2001) о состоянии обсуждения проекта Всемирной хартии о местном самоуправлении. URL: https://rm.coe.int/-98-2001-1-/16807186fb (дата обращения: 11.03.2025).

[3] См. подробнее с дальнейшими ссылками: *Гриценко Е.В.* Глава 4. Местное самоуправление: между децентрализацией и рецентрализацией // Конституция России после реформы 2020 года. Проблемный комментарий / Отв. ред. А.Н. Медушевский. М.: Центр конституционных исследований, 2025. С. 136–184, 136–140.

также во многих государствах на других континентах, нельзя сказать, что рецепция происходила в чистом виде. В мировой практике можно наблюдать различные модификации известных моделей местного самоуправления, основанные на сочетании как исторически близких заимствований, так и на творческом восприятии собственного опыта. Это подтверждается, в частности, примерами трансформации англосаксонской модели муниципальной организации в США, Канаде, Австралии, Индии, Израиле. Другой пример – муниципальная система в странах Центральной и Латинской Америки, которая тяготеет к иберийскому варианту французской модели местного самоуправления, основанной на сочетании принципа децентрализации с достаточно жёстким государственным надзором, при этом она испытывает на себе также влияние англосаксонской американской модели[4].

Не менее вариативным является понимание местного самоуправления в государствах, испытавших на себе влияние других правовых традиций, переживших в своём историческом развитии различные этапы, в том числе этап отрицания местного самоуправления, когда местная государственная власть была встроена в единую систему государственной власти на советских принципах.

Реализация принципа местного самоуправления на постсоветском пространстве. В государствах, возникших на постсоветском пространстве и закрепивших в своих конституциях принцип местного самоуправления, можно наблюдать различные подходы к его пониманию и различные варианты муниципальной организации.

1. Часть государств сделали выбор в пользу местного самоуправления как единственной формы организации власти на местах и ориентировались на понимание местного самоуправления в соответствии с Европейской хартией. Однако при этом они использовали различные известные модели муниципальной организации. Так, если Балтийские страны ориентировались на скандинавскую (североевропейскую) модель «свободной об-

---

[4] См., например, с дальнейшими ссылками: *Чихладзе Л.Т.* Некоторые особенности модели местного самоуправления и местного управления в странах Латинской Америки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 29–34.

щины», то Молдове и Армении оказались более близки апробированные во французской модели идеи децентрализации и административного надзора за местным самоуправлением.

Европейский подход к трактовке местного самоуправления преобладал до последнего времени и в Российской Федерации по Конституции 1993 года, организационно обособившей местное самоуправление от государственной власти и признавшей муниципальное образование – публично-правовым образованием, социально-территориальной общностью, самостоятельным субъектом права местного самоуправления, а также установившей недопустимость отказа от местного самоуправления на всей её территории[5]. Однако после поправок 2020 года принцип единства публичной власти стал трактоваться законодателем как в первую очередь принцип организационного единства, включенности всех уровней органов публичной власти в единую систему, единую публично-властную вертикаль. Это во многом созвучно советской традиции организации местной власти на принципе единства системы советов, основанной на принципе демократического централизма с подчинением нижестоящих органов вышестоящим при обеспечении единовластия совета, широкого народного представительства и тесной связи депутатов с избирателями. Такое «единовластие» проявляется в том числе в отнесении должности главы муниципального образования одновременно и к государственной должности субъекта Российской Федерации, и к муниципальной должности – в принятом 5 марта 2025 года в третьем чтении федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[6].

С другой стороны, уже в силу конституционного текста появляются территории, не относящиеся ни к каким муниципальным образованиям, где государственная власть и местное само-

---

[5] Пункт 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22.03.1999 “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”» // СЗ РФ. 2000. № 50. Ст. 4943 (далее – Постановление по курскому делу).

[6] Ч. 20 ст. 19 принятого в третьем чтении федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (дата обращения: 11.03.2025).

управление осуществляются одними и теми же органами публичной власти (федеральные территории). В таких публично-правовых образованиях местное самоуправление не связывается с непременным существованием муниципального образования как особого института и муниципального субъекта, а трактуется как право граждан на участие в осуществлении власти на местах непосредственно или через органы публичной власти федеральной территории[7].

2. Гибридный вариант организации власти на местах характерен для Азербайджана. Здесь идея местного самоуправления сосредоточена в муниципалитетах в городах, селах, поселках[8], в то время как параллельно существует иерархично выстроенная система исполнительных органов государственной власти на двух уровнях административно-территориального деления с прямым подчинением главы местной исполнительной власти Президенту Республики[9].

3. Третий вариант трактовки местного самоуправления реализуется в Беларуси и Казахстане, в наибольшей степени сохранивших советские традиции организации местной власти с той, однако, разницей, что местные советы депутатов в Беларуси и маслихаты (местные представительные органы) в Казахстане характеризуются одновременно и как органы местного государственного управления, и как органы местного самоуправления[10]. Соответственно принцип местного самоуправления признается в Конституциях указанных государств, хотя он не связывается с

---

[7] Ч. 1 ст. 67 Конституции РФ в ред. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 №1-ФКЗ; Ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 22.12.2020 №437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» // Рос.газ. 2020. 25 дек.

[8] Закон Азербайджанской Республики «О статусе муниципалитетов» №698-IQ от 2.07.1999 (в ред. Закона АР от 17.02.2023 № 816-VIQD); Закон Азербайджанской Республики от 7.12.1999 №771-IQ «О территориях и землях муниципалитетов» (в ред. Закона №128-VQD от 12.02.2016) // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spinform.ru (дата обращения: 11.03.2025).

[9] Указ Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Положения о местных органах исполнительной власти» от 6 июня 2012 г. №648. URL: https://e-qanun.az/framework/23701 (с изм., внесенными Указом Президента АР № 2095 от 10 апреля 2023 года) (дата обращения: 11.03.2025).

[10] Разд. 5, ст. 117 Конституции Республики Беларусь от 15.03.1994 (изм. и доп. от 24.11.1996, 17.10.2004, 27.02.2022) (URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution Дата обращения: 11.03.2025); разд. VIII, ст. 85 и 89 Конституции Республики Казахстан от 30.08.1995 с изм. и доп. от 19.09.2022. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 11.03.2025).

существованием муниципалитета как муниципального субъекта. Так, например, в Беларуси на всех трех территориальных уровнях (областном, базовом и первичном) одновременно осуществляется и местное самоуправление, и местное государственное управление единой системой советов депутатов и их исполкомов, которые решают вопросы местного значения во взаимодействии, руководствуясь общегосударственными интересами и интересами населения[11]. Исполкомы находятся в «двойном подчинении» – совету депутатов по горизонтали и вышестоящему исполкому по вертикали. Руководитель же исполкома назначается Президентом РБ или по его поручению и утверждается в должности соответствующим местным советом (ст.119 Конституции РБ).

Заключение. Таким образом, можно констатировать значительное разнообразие вариантов муниципальной организации на постсоветском пространстве, влияние как европейских стандартов, так и советских, национальных и исторических традиций, неоднозначность понимания местного самоуправления, различное восприятие процессов децентрализации публичной власти, сочетания государственных и общественных начал в местном самоуправлении, а также незавершенность муниципальных реформ, продолжающийся поиск собственной оптимальной модели местного самоуправления как основы организации власти и жизнедеятельности на местах.

Список использованной литературы

1. Гриценко Е.В. Глава 4. Местное самоуправление: между децентрализацией и рецентрализацией // Конституция России после реформы 2020 года. Проблемный комментарий / Отв. ред. А.Н. Медушевский. М.: Центр конституционных исследований, 2025. С. 136–184.

2. Чихладзе Л.Т. Некоторые особенности модели местного самоуправления и местного управления в странах Латинской Америки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 29–34.

[11] Ст. 120 Конституции РБ; Закон Республики Беларусь от 4.01.2010 № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (База данных «Законодательство стран СНГ»). URL: https://base.spinform.ru (дата обращения: 11.03.2025).

Информация об авторе

Гриценко Елена Владимировна – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: el_gritsenko@mail.ru, website: https://sites.google.com/view/elenagritsenko.

Author

Gritsenko Elena Vladimirovna – Professor, Chair of Constitutional Law, St. Petersburg State University, Dr., Prof. E-mail: el_gritsenko@mail.ru, website: https://sites.google.com/view/elenagritsenko.

УДК 347.9 О.Ю. Дементьева, О.Г. Лаврентьева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВСТРАЛИИ

В данной статье авторами акцентируется внимание на внедрении системы e-court в Федеральном суде Австралии начиная с 2000 года. Описываются ключевые компоненты системы, такие как электронная подача документов (eFiling), электронные судебные файлы (ECF) и виртуальные суды (eCourtroom), а также их влияние на эффективность судебного процесса. Система eFiling, позднее замененная на eLodgment, предоставляет истцам возможность подача заявлений и сопроводительной документации через интернет. ECF обеспечивает быструю подачу документов и их мгновенный доступ, что позволяет существенно ускорить обсуждение дел. Внутренние процессы судебной системы Австралии также были оптимизированы: судьи могут работать с электронными файлами, добавлять комментарии и обмениваться материалами мгновенно. Параллельно с этим развивается система eCourtroom, позволяющая проводить судебные заседания в виртуальном формате. Она интегрирована с системой eLoggment и обеспечивает возможность обмена документами и корреспонденцией между сторонами в процессе разбирательства.

Ключевые слова: Австралия; виртуальный суд; электронное правосудие; судебное заседание; документ; иск.

O.Y. Dementieva, O.G. Lavrentieva

THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGY IN THE JUDICIARY IN AUSTRALIA

In this article, the authors focus on the implementation of the e-court system in the Federal Court of Australia since 2000. Key components of the system, such as electronic filing (eFiling), electronic court files (ECF) and virtual courts (eCourtroom) are described, as well as their impact on the efficiency of the judicial process. The eFiling system, later replaced by eLodgment, provides plaintiffs with the

ability to file pleadings and supporting documentation over the Internet. ECF provides fast filing and instant access to documents, which can significantly speed up case deliberations. Australia's internal judicial processes have also been optimised: judges can work with electronic files, add comments and share materials instantly. In parallel, the eCourtroom system is being developed to allow for virtual court sessions. It is integrated with the eLoggment system and enables the exchange of documents and correspondence between parties in the proceedings.

Key words: Australia; virtual court; e-justice; courtroom; document; lawsuit.

С 2000 года начала внедряться система e-court в Федеральном суде Австралии, который ввел электронную подачу документов. Несмотря на недружественный статус указанного государства, его правовой опыт заслуживает внимания[1]. Система Electronic Filing System (eFiling) позволяла через веб-сайт суда истцам подавать заявления и сопроводительную документацию, а также проводить платежи за использование системы с помощью кредитной карты. В дальнейшем появилась возможность уведомления клиентов о получении и принятии/отклонении их документов. С 2010 года Федеральный суд выпустил свое новое электронное средство для подачи заявлений онлайн – eLodgment вместо eFiling.

В Австралии система e-court включает: электронное хранение данных, «онлайн-заседания», систему управления судебными делами и документами и тому подобное.

Система Electronic Court Files (ECF) в Федеральном суде Австралии имеет достаточно мощный функционал [2].

Electronic Court Files (ECF) – «тихая революция», именно так презентуют эту систему на сайте Федерального суда Австралии ее разработчики. На презентационном видео (размещено по ссылке: http://www.federalcourt.gov.au/ about/electronic-court-file/videos/low-res) разработчики ECF подчеркивают, что Суд пе-

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 марта 2022 № 430-р: текст с изм. и доп. на 29 октября 2022 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

реходит от бумажных к цифровым судебным делам. «Электронный судебный файл» обеспечивает необходимую информацию в легкодоступном и доступном для поиска формате. Проект ECF помогает экономить, одновременно улучшая управление делами.

ECF позволяет подать документы в любое время, и при условии соблюдения правил суд будет принимать и подтверждать получение в кратчайшие сроки в течение рабочего дня. Федеральный суд был одним из первых судов Австралии, который представил электронное размещение документов. Популярность этой инициативы означала, что все больше и больше услуг будет предоставляться в электронном виде. Федеральный суд получает более 70 000 документов в год, и более 50% из них сейчас размещаются таким образом.

Изменения касаются и ведения дела: предполагается, что в судебном заседании в судебном зале будут использоваться два экрана: один будет отображать весь судебный файл, второй – конкретные документы, выбранные из этого файла. Ссылки будут найдены мгновенно.

Нововведения касаются не только помещения суда, но и оснащения кабинетов судей при написании судебных решений. Судьи вместе с коллегами, исполнительными ассистентами и другими работниками получают материалы с обеспечением большей эффективности и безопасности. Судьи будут доверять полноте файла. Они также смогут создавать электронный рабочий файл – собственную версию судебных документов, где они могут добавлять комментарии. Документы одномоментно могут быть доступны нескольким лицам.

Проект «Электронный судебный файл» упростит работу суда, позволяя всем судебным потребителям сосредоточить внимание на вопросах, которые их больше всего касаются, решая разногласия как можно быстрее, недорого и эффективно.

Новаторская стратегия электронного обслуживания Федерального суда достигла важного этапа, когда первый файл Суда, который полностью существовал, управлялся и хранился в электронном виде, был создан 14 июля 2014 года. Создание электронных судебных дел прежде всего влияет на внутренние функции Суда, но также позволяет пользователям Суда расширить возможности взаимодействия с Судом.

На сайте Федерального суда Австралии предлагаются следующие интернет-услуги:

1. eLoggment – это сервис электронной подачи в Федеральный суд Австралии и Федеральный окружной суд Австралии (ранее Федеральный суд магистратов).

Сервис позволяет истцам или их юридическим представителям подавать заявления и другие документы в суд электронным способом. Система включает пошаговое руководство для подачи документов и такие возможности, как оплата за подачу документов и регистрация кредитной картой.

Судебная существующая система eLoggment – это способ, с помощью которого документы размещаются в электронном судебном файле (ECF). То есть с помощью eLoggment формируется электронное дело, в частности из документов, которые присылают пользователи в суд.

Лицо должно зарегистрироваться для использования онлайновых услуг.

В рамках постоянного совершенствования услуг, предоставляемых пользователям Суда, Федеральный суд интегрировал eCourtroom и eLoggment, чтобы обеспечить единую регистрацию для зарегистрированных пользователей. Это означает, что пользователь может получить доступ к обеим службам под одним именем и паролем и подавать документы через eLoggment из eCourtroom.

Представленный документ подтверждается пользователем. Как только введено подтверждение, появляется страница, содержащая специальный номер. Далее персонал суда должен подтвердить прием документа, то есть должен его зарегистрировать.

Подтверждение имеет форму напечатанного документа PDF, который суд отправляет по электронной почте.

Можно загружать только следующие типы файлов: doc, docx, pdf, rtf, xls, xlsx, jpg, gif, & tif. Размер отдельного файла не должен превышать 3 МБ.

Перед отправкой электронных документов пользователи должны: проверить размер шрифта, цвет и тип, соответствующий предложениям Суда; удалить любой скрытый текст; включить комментирование и копирование в документах PDF; использовать распознавание текста OCR, чтобы убедиться, что от-

сканированный PDF-файл будет доступен для поиска; деактивировать любые параметры безопасности в документе, включая защиту паролем, шифрование или ограничения функций.

Подготовка документов в Суд подробно изложена на соответствующей странице сайта [3].

2. eCourtroom – интернет-зал для слушания некоторых вопросов в виртуальном формате между зарегистрированными пользователями в Федеральном суде Австралии или Федеральном окружном суде Австралии.

eCourtroom интегрирован с eLoggment, предоставляя сторонам ссылки на eLoggment для подачи документов. Кроме того, eCourtroom предоставляет сторонам возможность обмена корреспонденцией и проектами документов с помощью дополнительной программы администрирования eCase.

Условия использования содержатся в протоколе eCourtroom, доступном на веб-сайте Федерального суда. Пользователи должны соблюдать эти требования при использовании eCourtroom и вести себя так, будто пользователь находится в настоящем зале суда. Это означает, что судья или регистратор будет контролировать и начнет обсуждение и представление материала, и eCourtroom не будет использоваться как среда свободной формы для специальной неформальной связи между сторонами и палатами. Он разработан таким образом, чтобы со временем стать эффективным способом взаимодействия без необходимости в физическом посещении суда.

3. Портал судов Содружества – информационный сервис, позволяющий зарегистрированному пользователю получить доступ к своим файлам, включая документы и списки событий, документы, представленные другими сторонами. Пользователь может настраивать уведомления по электронной почте об активности в своих файлах (активность других участников).

4. Поиск дел – выборка информации о делах, поданных в Федеральный суд и Федеральный окружной суд. Позволяет пользователям поиск информации по конкретным делам.

База данных обновляется в режиме реального времени и включает все дела за последние почти 30 лет.

Подробно на сайте Федерального суда Австралии изложены вопросы проведения видеоконференций: требования, технические характеристики, заказ, подготовка, участие и оплата и т.д. [1].

Если используется электронная судебное дело (ECF), то пользователи имеют следующие преимущества:

1) автоматическое принятие сопроводительных документов;

2) увеличение диапазона документов, доступных для просмотра авторизованными пользователями на портале суда Содружества;

3) представленые документы будут доступны немедленно (два раза в рабочий день) на портале судов Содружества, а там, где возможно, будут доступны мгновенно.

Преимущества для Суда:

1) немедленный доступ к судебному файлу и сопроводительным документам различным уполномоченным лицам в суде одновременно;

2) повышение эффективности в деле управления;

3) устранение возможностей потери или неполноты бумажных файлов;

4) уменьшение текущих расходов на хранение и архивирование, поскольку Суд обязан хранить определенные судебные записи навсегда.

Таким образом, подводя итог, следует сделать вывод, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в судебной системе Австралии, включая создание e-court и ведущих электронных сервисов, значительно трансформировало подход к судебным процессам, сделав их более доступными, эффективными и прозрачными как для судей, так и для истцов. Успешный опыт Федерального суда Австралии в этой сфере может стать примером для других стран, стремящихся улучшить свои судебные системы и адаптироваться к вызовам цифровой эпохи.

Список использованной литературы

1. Федеральный суд Австралии [Сайт]. URL: http://www.federalcourt.gov.au/services/videoconferencing-guide.

2. Федеральный суд Австралии [Сайт]. URL: https://www.fedcourt.gov.au.

3. Федеральный суд Австралии [Сайт]. URL: https://www.fedcourt.gov.au/online-services/preparing-documents-for-the-court.

Информация об авторах

Дементьева Ольга Юрьевна – заведующий отделом государственной службы и кадровой работы Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: maximovva@mail.ru.

Лаврентьева Ольга Геннадьевна – научный сотрудник отдела государственной службы и кадровой работы Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: maximovva@mail.ru.

Authors

Dementieva Olga Yurievna – Head of the Department of Public Service and Personnel Work of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: maximovva@mail.ru.

Lavrentieva Olga Gennadyevna – Research Associate of the Department of Public Service and Personnel Work of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation. E-mail: maximovva@mail.ru.

УДК 347

Е.А. Демкина

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Государственно-частное партнерство (ГЧП) на рынке медицинских услуг становится все более значимым в условиях современных вызовов, стоящих перед здравоохранением. С одной стороны, растущее население и увеличение потребностей в качественных медицинских услугах требуют от системы здравоохранения адаптации и внедрения новых подходов к организации и финансированию. С другой стороны, ограниченные бюджетные ресурсы государственных учреждений ставят перед ними задачу поиска альтернативных источников финансирования и оптимизации процессов.

Исследование проблем и перспектив государственно-частного партнерства на рынке медицинских услуг является актуальным как с научной, так и с практической точки зрения, поскольку оно может способствовать выработке рекомендаций по улучшению взаимодействия между государством и частным сектором, что в конечном итоге приведет к повышению качества медицинских услуг и улучшению здоровья населения.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; медицина; здравоохранение; концессионное соглашение; проблемы реализации; стратегия развития.

E.A. Demkina

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN HEALTHCARE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Public-private partnership (PPP) in the medical services market is becoming increasingly important in the context of modern challenges facing healthcare. On the one hand, the growing population and the increasing need for quality medical services require the healthcare system to adapt and introduce new approaches to organization and financing. On the other hand, the limited budgetary resources of government agencies set them the task of finding alternative sources of financing and optimizing processes.

The study of the problems and prospects of public-private partnership in the medical services market is relevant both from a scientific and practical point of view, since it can contribute to the development of recommendations for improving interaction between the state and the private sector, which will ultimately lead to an improvement in the quality of medical services and public health.

Key words: public-private partnership; medicine; healthcare; concession agreement; implementation issues; development strategy.

Система здравоохранения любого государства развивается и модернизируется благодаря применению инноваций в медицине, включая использование современной техники и «искусственного разума», а также расширению ассортимента и повышению качества обслуживания в медицинских учреждениях, в связи с этим привлечение ресурсов частных инвесторов может способствовать усовершенствованию данных процессов.

Приоритетной задачей стратегии любой страны становится привлечение частного капитала для предоставления услуг, ориентированных на социальные нужды, что способствует формированию конкуренции на рынках и постепенной децентрализации монополий в этих областях.

Ситуация в области здравоохранения напрямую связана от объема и эффективности инвестиционных средств, так и от грамотного функционирования управленческой системы.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) является действенным инструментом реформирования здравоохранения, оно создает возможность повышения уровня здоровья населения, сохранения социальной стабильности в обществе, повышения качества медобслуживания до уровня мировых стандартов, оптимизации бюджетных расходов в сфере здравоохранения.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) представляет собой эффективный механизм реформирования системы здравоохранения, который способствует улучшению здоровья населения, поддержанию социальной стабильности и повышению качества медицинского обслуживания до мировых стандартов. В условиях ограниченных бюджетных ресурсов ГЧП позволяет оптимизировать расходы в сфере здравоохранения, привлекая частные инвестиции для реализации социальных проектов.

Анализ зарубежного и отечественного законодательства в области ГЧП демонстрирует, что этот институт активно используется в различных странах как инструмент для привлечения частных инвестиций в социально значимые проекты. В здравоохранении ГЧП может принимать различные формы, включая строительство и модернизацию медицинских учреждений, внедрение новых технологий и услуг, а также обучение и повышение квалификации медицинского персонала.

Примеры успешного применения ГЧП в здравоохранении можно найти в таких странах, как Соединенное Королевство Великобритания, Французская Республика и Канада, где частные компании участвуют в финансировании и управлении медицинскими учреждениями, что позволяет улучшить доступность и качество медицинских услуг. В России также наблюдается рост интереса к ГЧП, что связано с необходимостью модернизации инфраструктуры здравоохранения и повышения эффективности использования бюджетных средств.

Безусловно, ГЧП является важным инструментом для достижения устойчивого развития системы здравоохранения, позволяя не только улучшить качество медицинского обслуживания, но и создать условия для долгосрочного сотрудничества между государственными и частными секторами.

По данным портала «Росинфра»? в здравоохранении на данный момент реализуется 327 проектов на общую сумму 618,5 млрд руб. [1].

В Российской Федерации действительно концессионные соглашения и соглашения о государственно-частном партнерстве (ГЧП) занимают важное место в системе привлечения частных инвестиций для реализации инфраструктурных проектов и создания или реконструкции объектов. Концессионные соглашения обеспечивают возможность частным инвесторам участвовать в финансировании, строительстве и эксплуатации общественных объектов, таких как дороги, мосты, школы, больницы и многое другое. Концессионные соглашения в экономике России являются главенствующей формой ГЧП вследствие проработанности нормативной базы и наличия правоприменительной практики [2, с. 40]

Важным аспектом концессионных соглашений является то, что они регламентированы специальными законами[1], которые создают правовые условия для долгосрочного сотрудничества между государственными структурами и частными инвесторами. Нормативная база ГЧП в России включает в себя законы на федеральном и региональном уровне, что обеспечивает более четкое определение прав и обязанностей сторон, а также механизмов финансирования и управления рисками.

Важно отметить, что эффективное использование концессионных соглашений может принести значительные преимущества. Во-первых, это позволяет государству привлекать внебюджетные источники финансирования, что особенно актуально в условиях ограниченности бюджетных средств. Во-вторых, использование механизмов ГЧП позволяет улучшить качество предоставляемых услуг и эффективность управления инфраструктурными объектами. Частные инвесторы, как правило, стремятся обеспечить высокие стандарты управления и эксплуатации, что в свою очередь может привести к лучшим результатам для конечных пользователей.

В Российской Федерации определены основные векторы стратегического развития здравоохранения[2], которые включают в себя:

а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

б) комфортную и безопасную среда для жизни;

в) экологическое благополучие;

г) устойчивая и динамичная экономика;

д) технологическое лидерство;

е) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

---

[1] Федеральный закон от 21 июля 2005 года №115-ФЗ (в ред. от 30 ноября 2024 года) «О концессионных соглашениях» // СПС «КонсультантПлюс; Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ (в ред. от 30 ноября 2024 года) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Консультант Плюс.

Данные стратегические направления должны учитываться при планировании объектов здравоохранения и быть ориентированы как на государственный, так и на частный секторы, поскольку проект осуществляется в рамках совместного взаимодействия.

Рассмотрим проблемы и перспективы ГЧП на рынке медицинских услуг. Одной из основных проблем ГЧП является недостаточная прозрачность процессов, что может привести к коррупционным схемам. Частные компании могут пытаться извлечь выгоду из государственной поддержки, что негативно сказывается на качестве предоставляемых услуг.

Государственные учреждения и частные компании могут иметь различные приоритеты и цели. В то время как государство ориентировано на обеспечение доступности и качества медицинских услуг для населения, частные компании часто стремятся к максимизации прибыли. Это может привести к конфликтам интересов и снижению качества обслуживания.

В некоторых случаях государственные учреждения не обладают достаточным опытом для эффективного управления проектами ГЧП и это может привести к неэффективному использованию ресурсов и снижению качества услуг.

При реализации проектов ГЧП могут возникать риски для пациентов, связанные с возможным снижением стандартов безопасности и качества медицинских услуг. Частные компании могут стремиться сократить затраты, что негативно скажется на уходе за пациентами.

Среди перспектив государственного частного партнерства в здравоохранении стоит отметить, что ГЧП может способствовать внедрению современных технологий и инновационных решений в систему здравоохранения. Частные компании часто обладают более высоким уровнем технологической подготовки и могут предложить новые методы лечения и диагностики.

Привлечение частных инвестиций в здравоохранение может помочь улучшить инфраструктуру медицинских учреждений, расширить доступ к современным технологиям и повысить уровень обслуживания.

ГЧП позволяет использовать опыт частного сектора в управлении проектами, что может привести к более эффективному распределению ресурсов и повышению качества предоставляемых услуг.

Сотрудничество государства и частного сектора может способствовать расширению доступа к медицинским услугам для различных слоев населения, особенно в отдаленных и малонаселенных районах.

ГЧП может привести к разработке новых моделей финансирования медицинских услуг, таких как совместное использование рисков между государством и частными инвесторами может снизить финансовую нагрузку на государственный бюджет.

Таким образом, ГЧП представляет собой эффективный механизм взаимодействия государства и частного сектора, направленный на реализацию совместных проектов и улучшение качества услуг. В сфере здравоохранения ГЧП становится все более актуальным, особенно в условиях растущих потребностей населения в медицинских услугах и ограниченных бюджетных ресурсов. Бесспорно, что ГЧП на рынке медицинских услуг имеет как свои проблемы, так и перспективы. Эффективная реализация ГЧП требует внимательного подхода к вопросам прозрачности, управления рисками и учёта интересов всех участников процесса. При правильной организации сотрудничества между государством и частным сектором можно значительно улучшить качество медицинских услуг, обеспечить доступность и создать инновационные решения для решения актуальных проблем здравоохранения. Важно продолжать исследовать успешные примеры ГЧП в других странах (Соединенного Королевства Великобритании, Турецкой Республики, Республики Перу и т.д.) и адаптировать их к российским реалиям, чтобы максимально эффективно использовать потенциал этого механизма в сфере здравоохранения.

Список использованной литературы

1. Официальный сайт «Росинфра». URL: https://rosinfra.ru/ (дата обращения: 22.01.2025 г.).

2. Бедняков А.С. Государственно-частное партнерство: мировой опыт и правовое регулирование в Российской Федерации / А.С. Бедняков. Москва: «Креативная экономика», 2017. 150 с.

Информация об авторе

Демкина Елена Анатольевна – доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук. E-mail: elenadyomkina@yandex.ru.

Author

Demkina Elena Anatolyevna – Associate Professor of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, PhD in Law. E-mail: elenadyomkina@yandex.ru.

УДК 342.7

К.Н. Евдокимов

САМОЗАЩИТА КАК СРЕДСТВО ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В настоящее время защита конституционных прав человека находится в неразрывной связи деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и иных правозащитных организаций. Вместе с тем, наряду с гарантированной государством судебной защитой прав человека, функционированием соответствующих правоохранительных органов и организаций, огромное значение в механизме гарантий конституционных прав личности имеет самозащита человеком своих прав как способ, средство и структурный элемент указанного механизма. Данное средство защиты прав человека сложно переоценить в условиях экстраординарных ситуаций, когда отсутствуют публичные институты защиты, правоохранительные органы и у человека остается единственная возможность самостоятельно защитить свои права и законные интересы, включая право на жизнь, здоровье и имущество.

В научной работе на основе существующих научных точек зрения, компаративистского исследования конституций и национального законодательства России и зарубежных стран, автор делает вывод о многоаспектности понятия «самозащита конституционных прав человека», рассматривая его как феномен конституционного права.

Ключевые слова: конституция; конституционные гарантии; права человека; самозащита прав человека; феномен права.

K.N. Evdokimov

SELF-DEFENSE AS A MEANS OF PROTECTING CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS (COMPARATIVE LEGAL STUDY)

Currently, the protection of constitutional human rights is inextricably linked to the activities of State and local government bodies, public associations and other human rights organizations. At the

same time, along with the judicial protection of human rights guaranteed by the state, the functioning of relevant law enforcement agencies and organizations, self-defense of a person's rights as a way, means and structural element of this mechanism is of great importance in the mechanism of guarantees of constitutional rights of the individual. This means of protecting human rights is difficult to overestimate in conditions of extraordinary situations, when there are no public institutions of protection, law enforcement agencies, and a person has the only opportunity to independently protect their rights and legitimate interests, including the right to life, health, and property.

In his scientific work, based on existing scientific points of view, a comparative study of the constitutions and national legislation of Russia and foreign countries, the author concludes that the concept of "self-defense of constitutional human rights" is multidimensional, considering it as a phenomenon of constitutional law.

Key words: constitution; constitutional guarantees; human rights; self-protection of human rights; the phenomenon of law.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституция РФ).

При этом механизм гарантий конституционных прав человека и гражданина включает достаточно широкий спектр средств, способов методов их защиты (например, судебную защиту прав человека, деятельность государственных правоохранительных органов и правозащитных организаций, деятельность адвокатуры и нотариата, правозащитная деятельность органов местного самоуправления и т.д.).

Вместе с тем, в доктрине конституционного права вызывает многочисленные споры и дискуссии институт самозащиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Российское законодательство нормативно регламентирует самозащиту ряда конституционных прав человека как их гарантию.

Так, например, в статье 4 Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» закрепляется право каждого на самозащиту от

противоправных посягательств всеми способами, не запрещенными законом.

В свою очередь, в соответствии со статьей 379 Трудового кодекса Российской Федерации в целях самозащиты трудовых прав работник, известив работодателя или своего непосредственного руководителя либо иного представителя работодателя в письменной форме, может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью. В частности, в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней работник имеет право, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу на весь период до выплаты задержанной суммы. При этом в период приостановления работы работник имеет право в свое рабочее время отсутствовать на рабочем месте и за ним сохраняется средний заработок (статья 142 Трудового кодекса Российской Федерации).

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, закрепляется право человека на необходимую самооборону. На основании части 1 статьи 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» гражданами Российской Федерации в целях самообороны может быть использовано так называемое «гражданское оружие» разновидностью которого выступает «оружие самообороны»: огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие; огнестрельное оружие ограниченного поражения с патронами травматического действия, патронами газового действия и патронами светозвукового действия; газовое оружие, электрошоковые устройства и др.

В свою очередь, российское гражданское законодательство также предусматривает самозащиту как средство охраны конституционных прав человека. В статье 12 Гражданского кодекса

Российской Федерации (далее – ГК РФ) самозащита рассматривается как способ защиты гражданских прав. Так, например, согласно статьям 359, 360 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. При этом требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом.

Кроме того, самозащита конституционных прав человека в соответствии с Федеральным законом от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» возможна в форме одиночного пикетирования, когда лицо для публичного выражения своего мнения, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта, использует плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции. Однако ограничением для применения данного средства охраны прав человека является тот факт, что использовать его могут только граждане Российской Федерации. При этом уведомлять органы власти о проведении гражданином одиночного пикетирования не требуется.

Таким образом, российское законодательство предусматривает различные способы и средства самозащиты человеком своих конституционных прав.

Между тем, в науке конституционного права отсутствует единое понимание в определении понятия «самозащита прав человека».

Так проф. М.В. Баглай характеризует самозащиту как санкционированную возможность человека самому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [2, с. 295].

Б.С. Эбзеев утверждает, что самозащита – это особые действия граждан в рамках закона, которые не способны нарушать

общественный порядок, дезорганизовывать работу государственных учреждений, создавать ситуации, представляющие угрозу для жизни и здоровья других лиц [7, с. 229].

В.О. Курданов определяет самозащиту как самостоятельный вид механизма защиты прав и свобод человека и гражданина [11, с. 13].

А.Д. Лакоба рассматривает самозащиту как межотраслевой институт российского права [13]. Схожей позиции придерживаются А.А. Иванова [6], Л.П. Липунова [14], Е.В. Шушина [16], А.В. Юрковский [9].

Другая группа исследователей рассматривает самозащиту прав человека как самостоятельное конституционное право человека [1; 4; 5; 15].

Например, по определению С.А. Авакьяна, самозащита – это инициативные усилия личности по отстаиванию своих конституционных прав. Он относит данное право к категории ключевых для всех остальных прав и свобод в целом [1, с. 668,669].

В.А. Виноградов рассматривает самозащиту как основное право человека, обеспечивающее защищенность прав и свобод личности [4, с. 217].

А.А. Газаева полагает, что самозащиту следует понимать как конституционное право человека (широкое понимание) и как правомочие лица, субъективного права в отраслевой его интерпретации (узкое понимание) [5, с. 11].

Следует отметить, что самозащита как гарантия конституционных прав человека находит свое отражение и в национальных конституциях, а также в законодательстве зарубежных стран.

Например, одним из способов самозащиты выступает применение оружия с целью обеспечения таких важнейших конституционных прав, как право на жизнь, право собственности, неприкосновенность жилища.

В конституциях зарубежных стран этот способ самозащиты нормативно оформляется как право на владение оружием. Так, например, вторая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки устанавливает, что «право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» [10].

Согласно статьи 10 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов «Население Мексиканских Соединенных Штатов

вправе иметь оружие любого вида для обеспечения своей безопасности и для дозволенной защиты...» [11].

Совершенно незначительные ограничения на приобретение, хранение и ношение оружия установлены законодательством США, Бразилии, Колумбии, Мексики, Перу и ряда других государств Северной и Южной Америки. В то же время в таких странах, как Дания, Германия, Румыния, Финляндия, Швейцария, Буркина-Фасо, Замбия и Уганда не существует никаких законодательных ограничений на приобретение гражданского огнестрельного оружия [8].

При этом закрепляемые способы самозащиты довольно многообразны: обжалование действий должностных лиц, обращение в средства массовой информации, индивидуальное пикетирование, использование механизмов правозащитных организаций и иных общественных объединений, в том числе профсоюзов.

Анализ научных работ, посвященных самозащите конституционных прав человека позволяет сделать вывод, что самозащиту прав человека следует рассматривать в нескольких аспектах:

1. Самозащита представляет собой особый способ защиты конституционных прав человека, содержание которого формируется в каждом конкретном случае исходя из экономического, социального и других факторов.

2. Самозащита как способ защиты конституционных прав человека реализуется в форме конкретных правовых отношений.

3. Самозащита конституционных прав осуществляется человеком самостоятельно и непосредственно не связана с юрисдикционной деятельностью правоохранительных органов и публичных организаций.

4. Самозащита может применяться не только в условиях нарушения конкретного конституционного права человека, но и при возникновении угрозы причинения вреда такому праву.

5. Основания и пределы применения самозащиты конституционных прав человека определяются различными отраслями права (уголовным, гражданским, трудовым и др.)

6. Пределы самозащиты конституционных прав человека должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

7. Самозащита конституционных прав человека является эффективным средством охраны прав и законных интересов личности, установленная законом.

8. Самозащита конституционных прав человека является одним из основных субъективных прав личности, закрепляемых в конституциях и национальном законодательстве России и зарубежных стран.

9. Самозащита конституционных прав человека является межотраслевым институтом права, нормы которого размещены в различных отраслях права (уголовном, гражданском, трудовом и др.).

Резюмируя все вышесказанное, автор приходит к выводу, что самозащита прав человека выступает многогранным правовым феноменом, который рассматривается в различных аспектах в зависимости от событий, действий, обстоятельств, условий и иных юридических фактов, лежащих в основе возникновения конкретного охранительного правоотношения, связанного с реализацией конкретного субъективного права человека.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. М., 2005. Т. 1. 719 с.

2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М., 2006. 784 с.

3. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с.

4. Виноградов В.А., Мазаев В.Д., Масленникова С.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академ. бакалавриата.3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

5. Газаева А.А. К проблеме определения сущностных характеристик юридической природы права на самозащиту // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 5. С. 8–11.

6. Иванова А.А. Самозащита как юридический инструмент обеспечения безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 30.

7. Конституционное право России: Учебник для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд., перераб.

и доп. М., 2012 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

8. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. – Т. 2. – 528 с. // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

9. Конституционное право / А. В. Юрковский, В. М. Деревскова, К. Н. Евдокимов [и др.]. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. – 671 с.

10. Конституция Соединенных Штатов Америки с поправками. – URL: https://constitution.congress.gov/ constitution (дата обращения: 21.02.2025).

11. Конституция Соединенных Мексиканских Штатов. – URL: https://imagine-mexico.com/wp-content/uploads/ 2019/08/Mexican-constitution.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

12. Курданов В.О. Самозащита как самостоятельный вид механизма защиты прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 4. С. 10–14.

13. Лакоба А. Д. Институт самозащиты конституционных прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. – 2018. – № 4. – С. 30–36

14. Липунова Л.В. Самозащита гражданских прав как правовой институт // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей / Под ред. М.М. Журавлева, А.М. Барнашова, С.С. Кузнецова. Ч. 53. Томск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. С. 49.

15. Почепко К.И. Конституционное право человека на самозащиту в условиях развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 33–40.

16. Свободный Т.Д., Шушина Е.В. Самозащита гражданских прав // Цивилист. 2024. № 3. С. 54–60.

Информация об авторе

Евдокимов Константин Николаевич – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент. E-mail: konsevdokimov@yandex.ru.

Author

Evdokimov Konstantin Nikolaevich – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

УДК 347(71) Н.Я. Елкина, О.А. Хропина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАНАДЫ

Авторами рассматривается система электронной подачи документов в канадских судах, в том числе особенности, правила и условия, действующие в Федеральном суде и Верховном суде Канады. Обсуждается проведение судебных разбирательств посредством видеоконференций, что позволяет оптимизировать судебные процедуры и упростить доступ к правосудию. Исследователями выявлены противоречия, возникающие в провинциях, таких как Онтарио, где действуют свои правила относительно формата и процедуры подачи документов. Отдельно уделено внимание развитию электронного судопроизводства в судах провинции Британская Колумбия, где внедрение технологий получения и обработки судебных документов стало образцом для других юрисдикций Канады. Описываются ключевые инициативы и инструменты, направленные на упрощение доступа к правосудию и повышение эффективности судебных процессов.

Ключевые слова: суд; судопроизводство; судебный процесс; Канада; электронный документ.

N.Y. Yolkina, O.A. Khropina

THE USE OF INFORMATION, TELECOMMUNICATIONS AND COMPUTER TECHNOLOGY IN THE CANADIAN JUDICIARY

Abstract. In this article, the authors examine the electronic filing system in Canadian courts, including the features, rules and conditions in force in the Federal Court and the Supreme Court of Canada. The authors also discuss the use of videoconferencing in court proceedings, which streamlines court procedures and simplifies access to justice. The researchers identify inconsistencies that arise in provinces such as Ontario, which have their own rules regarding format and filing procedures. Special attention is paid to the development of e-judicial proceedings in the courts of British Columbia, where the

introduction of technology for receiving and processing court documents has become a model for other jurisdictions in Canada. Key initiatives and tools to simplify access to justice and improve the efficiency of court processes are described.

Key words: court; court proceedings; judicial process; Canada; electronic document.

В канадских судах существует несколько систем электронной подачи документов, каждая из которых имеет свои особенности, а их свойства варьируются в зависимости от юрисдикции. Несмотря на недружественную позицию, занимаемую Канадой по отношению к России, канадский правовой опыт заслуживает внимания[1].

Под электронной подачей документов (e-filing) подразумевается передача данных (процессуальных документов сторон, заявлений и др.) в формате, определенном судом, по электронной почте или с помощью других электронных инструментов. Несмотря на то что электронная подача документов получила широкое распространение, она используется не во всех юрисдикциях. При этом в некоторых юрисдикциях допускается предоставление в суд электронных документов с помощью цифрового носителя информации (компакт-диска). По сути, в Канаде каждый суд в пределах своей юрисдикции определяет требования по представлению документов в электронном виде, и в зависимости от юрисдикции эти требования могут существенно отличаться как форматом электронного документа, так и способом его представления в суд [3].

С декабря 2008 года в Верховный суд Канады стороны процесса обязаны в электронном формате подавать заявления об апелляции, излагать обстоятельства дела, представлять материалы судебного дела и документы, подтверждающие правомочия заявителя. В ходе судебного слушания эти материалы доступны судье, выступающим лицам, адвокатам и прессе (только представителям канадских СМИ). Верховный суд Канады также тре-

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бует представить все документы в печатном виде [1]. На официальном сайте Верховного суда Канады подробно изложены основные положения подачи документов в «Руководящих принципах для подготовки документов, подаваемых в Верховный суд Канады (печатных и электронных)»[2].

Федеральный суд Канады не требует подачи документов в электронном виде, но допускает это в любом апелляционном процессе. Представлять документы в электронном виде разрешается любой стороне или ее представителям.

Об электронном судебном процессе говорится в Национальном типовом практическом руководстве для использования технологий в гражданских процессах (National Model Practice Direction for the Use of Technology in Civil Litigation)[3]. В Приложении «D» сказано, что электронный судебный процесс есть слушание, в рамках которого доказательства предоставляются и хранятся в электронном виде в суде. Когда к конкретному делу применимо вышеназванное Руководство, по заявлению одной из сторон суд может принять решение о проведении процедуры электронного судебного процесса. В таком случае все судебные документы, включая свидетельские показания, заключения экспертов, приведенные аргументы и другие доказательства, должны быть оформлены и представлены в электронном виде для протокола судебного заседания. Общий пакет документов будет сформирован также в электронном виде. В определении о проведении электронного судебного процесса могут быть установлены ограничения по использованию в судебном процессе бумажных носителей информации; также могут быть выданы любые другие предписания, которые суд считает целесообразными [2]. По результату рассмотрения судом заявления одной из сторон о проведении электронного судопроизводства выносится одно из следующих решений: удовлетворить заявление или отклонить заявление. Если заявление удовлетворено, то стороны не позднее чем за 60 дней до даты рассмотрения дела в суде должны довести до сведения суда свои соображения по поводу того, каким образом лучше провести заседание и какие при

---

[2] Верховный суд Канады : сайт. URL: https://www.scc-csc.ca/parties/gl-ld2017–01–01-eng.aspx (дата обращения: 22.01.2025).

[3] URL: https://cjc-cm.ca/camslib/general/JTAG%20National%20Model%20Practic(1).pdf (дата обращения: 22.01.2025).

этом следует использовать технологии; в том числе оговаривается предоставление оборудования и иных услуг (например, решаются вопросы по программному обеспечению, обсуждается формат документов, подготовительные меры, которые следует принять сторонам и суду), информация о том, как расходы на необходимое оборудование и услуги будут распределены. Не менее чем за 30 дней до запланированной даты заседания суда по делу стороны встречаются со специальным координатором суда, чтобы принять решение о предоставлении необходимого оборудования для проведения судебного процесса в электронном формате. А не позднее чем за 14 дней до судебного заседания стороны в письменной форме представляют координатору суда совместные наработки, касающиеся достигнутых договоренностей.

Каждая юрисдикция в Канаде допускает проведение видеоконференций и использование других технологий. Принятие решения о том, подходят ли формат видеоконференции или какие-либо иные технологии в конкретной ситуации, остается, как правило, на усмотрение судьи. На основании поданного в суд заявления с указанием надлежащих оснований для этого суд может разрешить представление доказательств по телефону, аудиовизуально или с помощью других средств, которые соответствуют суду [3].

Известно, что Конституция Канады дает федеральному правительству исключительное право издавать уголовные законы, в то время как провинции имеют исключительный контроль над гражданским законодательством.

Рассмотрим, например, возможность подачи документов в электронном виде в судах Онтарио – самой населенной провинции Канады. Правилами гражданского судопроизводства Онтарио[4] предусмотрено, что процессуальные документы должны быть напечатаны на машинке, написаны или воспроизведены разборчиво (п. 4.01). При этом документ, выданный или поданный в электронном виде в соответствии с этими Правилами, является достаточным, если он соответствует стандартам программного обеспечения, утвержденного Министерством юстиции (оригинальное название – Ministry of the Attorney General).

[4] Правила гражданского судопроизводства = Rules of civil procedure. URL: https://www.ontario.ca/laws/regulation/900194 (дата обращения: 22.01.2025).

Имеются отдельные правила относительно сроков представления документов (пп. 4.1, 4.2). При этом согласно п. 4.10 Правил лицо, в электронном виде подающее документ, который был изначально подписан, заверен или введен в эксплуатацию в бумажном формате, должно: а) хранить оригинал документа в бумажном формате до тридцатого дня после окончания срока подачи апелляции; б) предоставить оригинал документа в бумажном виде для ознакомления и копирования не позднее чем через пять дней после запроса суда или другой стороны, участвующей в рассмотрении спора.

Пункт 4.05 Правил содержит нормы о Civil Claims Online Portal, «Онлайн-портал гражданских исков», – программном обеспечении, утвержденном Министерством юстиции для использования с целью, указанной в Правилах гражданского судопроизводства: подача исков, отзывов на иск и др. Если сторона по делу, подающая документ через интернет-портал Civil Claims, не согласится с условиями использования портала, включая предоставление адреса электронной почты, на который сторона соглашается принимать документы от суда в электронном виде, то такая сторона не может использовать портал. Формы процессуальных документов содержатся на портале Ontario Court Forms[5].

Например, если необходимо подать иск на сумму более 35 тыс. долл., он подается в Высший суд провинции Онтарио. Высший суд рассматривает практически все типы гражданских дел, кроме случаев, когда закон предусматривает, что дело должно быть передано в специальный государственный орган или суд (жалобы на аренду жилья, вопросы компенсации работникам, трудовые отношения и др.), а также случаев, когда дело должно рассматриваться в Федеральном суде (налоговые вопросы, иммиграционные вопросы, патенты и товарные знаки). Документы по гражданскому делу подаются онлайн в Высший суд согласно Правилам гражданского процесса Онтарио[6].

Свои особенности имеет Суд мелких тяжб, который является подразделением Высшего суда Онтарио и рассматривает почти половину всех гражданских исков в провинции (под гражданскими исками понимаются иски в спорах не только между

[5] URL: http://ontariocourtforms.on.ca/en (дата обращения: 22.01.2025).

[6] File civil case documents online : website. URL: http://www.ontario.ca/page/file-civil-or-divisional-court-documents-online (дата обращения: 22.01.2025).

физическими, но и юридическими лицами). Суд мелких тяжб имеет юрисдикцию в отношении денежных претензий на сумму до 35 тыс. долл. или возврата личного имущества на сумму до 35 тыс. долл. Судопроизводство в Суде мелких тяжб регулируется Правилами Суда мелких тяжб[7]. Интересно, что обычно судебными процессами в Суде мелких тяжб руководят заместители судей. Заместителями судей являются старшие юристы, которые назначаются старшим региональным судьей с одобрения Генерального прокурора на определенный срок. Подать претензию можно онлайн (а также оплатить судебные издержки онлайн) лично или по почте. Чтобы подать претензию онлайн, нужно иметь учетную запись ServiceOntari. Для вхождения в систему нужно использовать свой идентификатор ONe-key – это уникальная электронная идентификация, которая позволяет безопасно обращаться к онлайн-сервисам правительства. Если претензия составляет 3 500 долл. или больше, можно подать апелляцию на решение Суда мелких тяжб. Ее рассматривает Окружной суд, который является подразделением Высшего суда Онтарио[8]. Сейчас электронная подача документов доступна только лицам, предъявляющим претензии (истцам), а ответчик не может использовать онлайн-систему. Другие важные процедурные вопросы регулируются Руководством, размещенным на портале[9].

Отдельно остановимся на развитии электронного судопроизводства в судах провинции Британская Колумбия, где широко используется система электронной подачи документов, на которую определенным образом ориентируется судебная система всей Канады.

В 2006 году судья Верховного суда Британской Колумбии Дональд Бреннер издал Практическое руководство по электронным документам и доказательствам, в котором определил границы электронного обмена документами между сторонами и порядок представления электронных документов в суд в этой провинции. Данное Руководство применяется по согласию сторон

---

[7] Правила Суда мелких тяжб = Rules of the small claims court. URL: https://www.ontario.ca/laws/regulation/980258 (дата обращения: 22.01.2025).

[8] URL: http://www.attorneygeneral.jus.gov.on.ca/english/courts/divisional/What_is_Divisional_Court_EN.html (дата обращения: 22.01.2025).

[9] Small Claims Court E-filing Service User Guide. URL: https://www.attorneygeneral.jus.gov.on.ca/english/courts/scc/e-filing/small_claims_e-filing_user_guide.html (дата обращения: 22.01.2025).

или если суд издал соответствующий приказ. Сторонам предлагается воспользоваться Практическим руководством, если значительная часть документов содержится в электронной форме или если в процессе участвует более трех сторон. Документ включает в себя контрольные списки и глоссарий терминов для более эффективного использования. Стоит отметить, что Консультативный комитет судей по технологиям Судебного совета Канады осуществлял мониторинг практики Британской Колумбии и рассматривал ее в качестве возможного варианта модели для принятия другими юрисдикциями по всей Канаде[10].

На сайте Высшего суда Британской Колумбии можно ознакомиться с деталями и правилами представления электронных процессуальных документов, электронных доказательств (Electronic Evidence Practice Direction – July 1, 2006). Это типичный стандарт для электронных документов, которые подаются в суд, и, как подчеркивается, с наименее строгими к ним требованиями[11].

Развивается электронное судопроизводство и в местных судах (The Provincial Court of British Columbia): около 150 судей работают в более чем 80 населенных пунктах по всей провинции и рассматривают более 225 тыс. дел в год. Провинциальный суд рассматривает все гражданские иски о требованиях от 5 001 до 35 тыс. долл. – «малые претензии», около 50 % всех семейных дел, большинство уголовных дел[12].

Заявки на сумму до 5 001 долл., как правило, направляются в Онлайн-трибунал гражданского судопроизводства Британской Колумбии (Civil Resolution Tribunal (CRT). Претензии на сумму более 35 тыс. долл., как правило, подаются в Высший суд Британской Колумбии.

Онлайн-трибунал гражданского судопроизводства Британской Колумбии рассматривает заявления на сумму до 5 тыс. долл. по делам, касающимся возмещения долгов или убытков, выполнения договоров о личном имуществе или услугах; CRT не

---

[10] Technological Solutions between Lawyers. URL: https://attorneygeneral.jus.gov.on.ca/english/about/pubs/cjrp/180_technology.php (дата обращения: 22.01.2025).

[11] URL: http://www.courts.gov.bc.ca/supreme_court/practice_and_procedure/electronic_evidence_project.aspx (дата обращения: 22.01.2025).

[12] Provincial Court of British Columbia : website. URL: http://www.provincialcourt.bc.ca (дата обращения: 22.01.2025).

рассматривает дела о клевете, вопросы преступного преследования, претензии к правительству, конституционные вопросы, вопросы о существовании конфликта между Кодексом прав человека и другим законом.

Интернет-суд (CRT) осуществляет трехэтапный процесс, включающий:

1) переговоры: сначала стороны общаются онлайн между собой, чтобы выявить, могут ли они сами мирно решить спор;

2) посредничество: сотрудники CRT пытаются помочь сторонам решить проблему;

3) судебный процесс: если стороны не смогут самостоятельно разрешить спор, член суда принимает решение, и оно будет выполнено как решение суда, вынесенное в провинциальном суде[13].

CRT был учрежден Законом Британской Колумбии (Civil Resolution Tribunal Act, 2012). Онлайн-трибунал внедряется поэтапно: в июле 2016 года началась работа по спорам относительно кондоминиумов; 1 июня 2017 года началось рассмотрение споров по малым искам на сумму до 5 тыс. долл. Использование CRT стало обязательным для большинства претензий на сумму до 5 тыс. долл. Участники могут решать споры через CRT на своих смартфонах, ноутбуках и планшетах круглосуточно. Телефонные и почтовые услуги также доступны для тех, кто не может получить доступ к сети «Интернет».

Как первый в мире онлайн-суд (так отмечается на его официальном сайте), интегрированный в систему гражданского правосудия, CRT предлагает бесплатные пути и инструменты гражданского судопроизводства для помощи людям на пути понимания проблем и изучения вариантов раннего решения споров и малых претензий. Те, кто не может воспользоваться CRT самостоятельно, могут обратиться за помощью для примирения с другими участниками спора или получения обязательного экспертного решения от члена трибунала.

[13] URL: https://provincialcourt.bc.ca/navigating-court-case/small-claims/claims-5001-35000 (дата обращения: 22.01.2025).

На первом этапе, до подачи заявления в онлайн-трибунал, нужно воспользоваться Solution Explorer, содержащим информацию и инструменты, которые могут помочь решить спор[14].

На втором этапе (фасилитации) фасилитатор должен способствовать примирению сторон. Процесс содействия примирению, как правило, включает четыре этапа: 1) объяснение претензии: фасилитатор общается со всеми участниками с целью убедиться, что все понимают суть спора; 2) посредничество: фасилитатор осуществляет посредничество между сторонами, чтобы выяснить, смогут ли они сами решить спорный вопрос; 3) обмен доказательствами; 4) подготовка сторон к процессу принятия решений трибуналом: фасилитатор разъясняет процедуру, этапы и т. д., если стороны не смогли решить спор во время оказания помощи. Более подробно о процедурах и правилах можно ознакомиться на сайте Civil Resolution Tribunal (https://civilresolutionbc.ca).

На сайте Министерства юстиции провинции Британская Колумбия предложен специальный электронный сервис, который должен помочь лицу получить доступ к правосудию: Court Services Online (https://justice.gov.bc.ca/cso/index.do).

Судебные службы в сети «Интернет» (CSO) – это электронное обслуживание, которое является частью общей стратегии правительства, направленной на обеспечение альтернативных вариантов и дополнительного удобства для доступа к государственным услугам. CSO предоставляет следующие услуги: eSearch – просмотр файлов провинциальных и высших гражданских судов (6,00 долл. за файл); просмотр и печать электронных документов (при наличии) (6,00 долл. за файл); ежедневный график рассмотрения дел судьями: доступ к ежедневным судебным спискам по делам о мелких претензиях провинциального суда и палаты Верховного суда (доступно бесплатно); eFiling – подача электронным путем документов в гражданский суд (7 долл. за подачу). При этом сервис eSearch не предоставляет доступа к уголовным делам Верховного суда, к большинству семейных дел, в частности по разводу и усыновлению, к информации по делам до 1989 года и т. п. Доступ к Судебной службе в сети «Интернет» возможен по учетной записи, которую имеет лицо

[14] Small Claims under $5,000 Coming to the CRT on June 1, 2017. URL: https://civilresolutionbc.ca/blog/small-claims-5000-coming-crt-june-1-2017 (дата обращения: 22.01.2025).

(для физических лиц), если уже получало другие услуги от «электронного правительства» (англ. e-Government), или имеет бизнес (BCelD). Документы направляются в формате PDF. Пользователи могут подавать документы круглосуточно, но надо учитывать, что документы, подаваемые в электронном виде до 16:00 часов в рабочий день, будут считаться поданными в тот же день, а документы, поданные после 16:00 часов, будут считаться поданными на следующий рабочий день.

Веб-сайт www.canlii.org предоставляет доступ к судебным решениям и канадскому законодательству. На сайте можно не только получить информацию о законодательстве и судебных решениях, но и ознакомиться с комментариями к ним; Canlii Connects создан для того, чтобы обеспечить юридическим специалистам и общественности доступ к высококачественным юридическим комментариям относительно канадских судебных решений.

В заключение следует подчеркнуть значимость электронной подачи документов как важного шага на пути модернизации судебной системы Канады, увеличения эффективности и доступности правосудия. Тем не менее наличие различных правил и требований в разных юрисдикциях создает сложности для участников судебных процессов, что требует дальнейшей гармонизации и упрощения процедур. Рассмотренные аспекты дают представление о текущем состоянии и перспективах электронного документооборота в канадских судах, подчеркивают его практическую значимость для юристов и участников правосудия. Внедрение систем электронной подачи документов в Британской Колумбии открыло новые горизонты для доступности правосудия и судебной эффективности. Несмотря на наличие различных правил и процедур, упомянутых в статье, опыт провинции Британская Колумбия может служить основой для развития электронной судебной системы в других провинциях Канады. Кроме того, предложенные электронные сервисы, такие как Court Services Online, значительно облегчают процесс взаимодействия граждан с судебной системой, делая его более доступным и удобным.

Список использованной литературы

1. Документы в суд по интернету. Опыт Канады // Право.RU : сетевое издание. – 2009. – 8 авг. – URL:

https://pravo.ru/interpravo/news/view/15951 (дата обращения: 22.01.2025).

2. Канада: компьютерные технологии в суде // Право.RU : сетевое издание. – 2009. – 7 сент. – URL: https://pravo.ru/interpravo/news/view/16895 (дата обращения: 22.01.2025).

3. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран / С.В. Романенкова // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. – № 4. – С. 26–31. – URL: http://www.center-bereg.ru/h227.html (дата обращения: 22.01.2025).

Информация об авторах

Елкина Надежда Яковлевна – научный сотрудник отдела научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: rio-procuror@yandex.ru.

Хропина Ольга Александровна – научный сотрудник отдела научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: rio-procuror@yandex.ru.

Authors

Yolkina Nadezhda Yakovlevna – Research worker at the Department of scientific information and publishing, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation. E-mail: rio-procuror@yandex.ru.

Khropina Olga Aleksandrovna – Research worker at the Department of scientific information and publishing, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation. E-mail: rio-procuror@yandex.ru.

УДК 340.130.53 Т.А. Желдыбина

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ И МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье дан сравнительный анализ двух механизмов – социальной инженерии и механизма обеспечения процесса законотворчества. Их важность обусловлена глобализацией и интеграцией научного знания, поиском альтернативных явлений, способствующих повышению эффективности законотворческой деятельности. Предлагается рассмотрение обоих феноменов комплексно, в тесной взаимосвязи, что даст возможность по-новому посмотреть на перспективы решения законотворческих задач.

Ключевые слова: социальная инженерия; правотворчество; законотворчество; механизм обеспечения процесса законотворчества; закон.

T.A. Zheldybina

SOCIAL ENGINEERING AND THE MECHANISM OF ENSURING THE LAWMAKING PROCESS: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article provides a comparative analysis of two mechanisms – social engineering and the mechanism for ensuring the lawmaking process. Their importance is due to the globalization and integration of scientific knowledge, the search for alternative phenomena that contribute to improving the effectiveness of legislative activity. It is proposed to consider both phenomena comprehensively, in close interrelation, which will give an opportunity to take a fresh look at the prospects for solving legislative tasks.

Key words: social engineering; lawmaking; lawmaking; mechanism for ensuring the lawmaking process; law.

Цифровая трансформация оказывает значимое влияние на право – в сфере занятости, обучения, электронного документооборота, электронной торговли, защиты интеллектуальных

прав, при использовании биометрических и коммуникационных данных и т.д. Общепринятыми становятся понятия цифровое и высокотехнологичное право, цифровой закон. Однако технологические изменения и увеличение информационного потока влекут появление нового проблемного поля исследований. Использование искусственного интеллекта, информационная безопасность, защита конфиденциальной информации, риски от финансового мошенничества сегодня являются важными общественными задачами.

Одной из интересных исследовательских проблем является социальная инженерия. Идея базируется на аналогии между обществом и механизмом, уподоблением одного другому. С этой точки зрения социум рассматривается в качестве машины, состоящей из разных частей и функционирующих как единое целое. Подобно любому механизму, что-то в его конструкции может выйти из строя, требовать ремонта и замены. Такую работу осуществляют специалисты, которые хорошо разбираются в общественном устройстве, социальные механики и инженеры [1, с. 79].

Введение в научный оборот конструкции «социальная инженерия» связывают с именем американского ученого Роско Паунда. Он представлял право как социальный институт, предназначенный для удовлетворения социальных потребностей – требований, связанных с существованием цивилизованного общества, осуществляя их в максимально возможной степени с наименьшими жертвами. Ученый видел свидетельства все более широкого признания и удовлетворения человеческих потребностей, притязаний посредством социального контроля; все более всеобъемлющего и эффективного обеспечения социальных интересов; все более полного и эффективного устранения расточительства и недопущения трений в пользовании правом людьми [9, с. 99]. С его точки зрения суды, законодательные органы, администраторы, юристы должны прилагать усилия для поддержания баланса между конкурирующими интересами в обществе [10].

Л.Дж. Макманаман отмечает, что Р. Паунд рассматривает право как процесс социальной инженерии. Закон же для него социальный институт, который может быть улучшен разумными усилиями. Чтобы найти наилучшие способы направлять и про-

двигать усилия по совершенствованию права, юрист должен заниматься широким спектром исследований не только в области права. Для Р. Паунда юриспруденция – это процесс социальной инженерии, процесс согласования и компромисса противоречивых требований таким образом, чтобы максимально удовлетворить интересы человека при минимуме потерь [7, p. 45].

Феномен социальной инженерии тесно взаимосвязан с механизмом обеспечения процесса законотворчества – сложным, новым комплексным правовым механизмом, направленным на предотвращение сбоев в законотворческой деятельности, на выявление дефектов современного российского законодательства и поиск вариантов решения законотворческих проблем.

Механизм обеспечения процесса законотворчества отчасти сравним с любым техническим механизмом. В технических науках (к примеру, в механике) под механизмом понимается система тел, предназначенная для преобразования движения твердых тел в движения других тел. Механизм состоит из множества деталей, которые имеют общее движение и составляют звенья определенного механизма.

Актуальность социальных оснований для современного сложноорганизованного законотворческого процесса связана с тем, что появились новые социальные группы с различными интересами, новые субъекты общественных отношений (операторы цифровых платформ, специалисты, работающие в сети интернет, региональные интернет-регистратуры, информационные брокеры и т.д.). Это актуализирует ряд исследовательских задач. Например, законодательное определение статуса таких субъектов, усиление гарантий их защиты, исследование правовых рисков в связи с установлением статуса субъекта, контроль за ними со стороны государственных органов и т.д.

Следует сказать, что проблематика социальной инженерии в нашей стране стала актуальной в связи с научно-технической революцией в второй половине XX века и получила освещение в работах таких авторов как А.Я. Грудулс, А.В. Веселов, Ю.М. Резник, А.П. Моисеева и др.

Так, Ю.М. Резник определяет социальную инженерию как область научно-практической деятельности, связанную с применением инженерного подхода к созданию и изменению соци-

альных систем, в том числе социальных институтов, организаций, региональных систем управления, рабочих групп и т.д. [11, с. 124].

Во второй половине XX века социальная инженерия как система прикладного знания стала ориентироваться на разработку правил, методов, приемов и средств направленного воздействия на социальные процессы, применять результаты социологических и смежных исследований для рационализации и оптимизации социальных отношений на основе проектирования и конструирования [3, с. 11].

Следует отметить, что законотворческий процесс становится все более многоуровневым и сложноорганизованным с привлечением в него все большего количества субъектов. Механизм обеспечения процесса законотворчества связан с современной социальной инженерией (являющейся в определенной степени тоже механизмом), средства которой дадут возможность в настоящее время – время кардинальных инноваций решить новые задачи.

К числу субъектов социальной инженерии относят:

1) институциализированные (правительства, общественные организации и т.д.);

2) самоорганизующиеся (неформальные группы, спонтанные общественно-политические движения и т.д.) [2, с. 13].

Несложно заметить, что некоторые из субъектов законотворчества и социальной инженерии совпадают, многие из которых вовлечены в технологические и социальные процессы.

Оба феномена имеют цель: законотворчество – повышение качества правовых актов, социальной инженерии – побуждение к каким-либо действиям (получение информации, оказание влияния и т.д.).

Интересным видится точка зрения В.М. Сырых на законотворчество как на разновидность проектной работы, вид социальной инженерии, требующий применения специфических методов. С его точки зрения, специфика законотворчества как вида социального проектирования определяет содержание методологических основ законотворчества, в том числе совокупности приемов, способов выражения и изложения законотворческой воли в виде нормативно-правовых предписаний и других структурных частей закона [5, с. 37].

Здесь стоит провести параллель между социальным инженером и инженером-правоведом.

Действительно, деятельность субъектов законотворчества – как государственных органов, так и негосударственных субъектов можно сравнить с работой социальных инженеров. Эти субъекты принимают решения, обладая специальной компетенцией.

Социальный инженер – высокоинтеллектуальный специалист-управленец, ориентированный на управление социальными процессами, который умеет анализировать социальные явления и процессы [11, с. 129].

Инженеры-«правоведы» создают технико-нормативные стандарты, по которым осуществляются различные сделки или операции. Возникающая связь между технологиями и правом предполагает, что юристы уже не должны рассматривать стандарты функционирования, к примеру блокчейна, как технический вопрос. Таким образом, в цифровом праве применение получают так называемые гибридные технико-правовые инструменты правотворческого процесса [12, с. 134].

Более полувека назад румынский исследователь А. Нашиц, анализируя механизм правотворчества отметила, что он должен включать познавательную сторону, имеющую своим предметом социальную действительность, к которой он должен будет применяться:

– общественные отношения, которые должны быть упорядочены правовыми нормами,

– общественные потребности, которым они должны отвечать, интересы, которые будут затронуты этими нормами;

– общественные последствия, которые они могут вызвать и то, насколько эти нормы будут отвечать общественному мнению по вопросу, который они призваны решать и т.д. [8, с. 82–83].

Меняются общественные потребности, расширяется сфера правового регулирования, как следствие этого увеличивается массив нормативно-правовых актов. Изменение социально-экономических условий ускоряет развитие общественных отношений и модернизирует законодательное регулирование.

Достойной внимания представляется точка зрения доцента Университета Ламбунг Мангкурат (Индонезия) Х. Матнух о связи между социальной инженерией и юридическим открытием; общество существует и создает закон, общество меняется, и закон также меняется. Правовое изменение проходит через

две формы: сначала происходят изменения в обществе, затем появляется закон, легализующий изменение (пассивное изменение), а другая форма – это закон как инструмент для лучшего изменения или закон как инструмент социальной инженерии [6, p. 118].

Роль закона как инструмента социальной инженерии определяется тремя составляющими, а именно:

1. Правоохранительные органы, к которым относятся юристы, полиция, прокуратура и судебные органы для обеспечения правовой определенности.

2. Общество как субъект принятия законов.

3. Суть самого закона, которая должна соответствовать принципам права, таким как проникновение в чаяния людей, удовлетворение чувства справедливости и способность разрешать конфликты, возникающие в обществе [6, p. 120].

Важно и то, что инструментом социальной инженерии в правотворческом процессе выступает мягкое право как социальный регулятор, регламентирующий поведение адресатов [4, с. 112]. Таким образом, это также вид проектной работы.

В эпоху перехода от традиционного общества к информационному применение социоинженерного подхода к законотворческому процессу позволит разработать предложения и рекомендации в условиях, когда одним из важных ресурсов общества является информация, а вопросы ее передачи приобрели мировой масштаб.

В итоге можно прийти к выводу о том, что и социальная инженерия, и механизм обеспечения процесса законотворчества есть разновидности механизмов, тесно взаимосвязанных по кругу субъектов, по цели и задачам, по результативности и важности в регулировании общественных отношений.

Список использованной литературы

1. Аргамакова А.А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // Epistemology & Philosophy of Science. 2015. Т. 46. № 4. С. 70–84.

2. Веселов А.В. Социальная инженерия: сущность и парадигмальная методология : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2012. 31 с.

3. Волкова О.А. Возможности социальной инженерии как социально-коммуникативной технологии в управлении устойчивым развитием социума XXI века // Управление устойчивым развитием топливно-энергетического комплекса – 2021. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Ухта, 2022. С. 10–15.

4. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. Монография. М: Проспект, 2016. 240 с.

5. Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. (Автор главы 2 – В.М. Сырых). 271 с.

6. Matnuh H. Law as a Tool of Social Engineering Advances in Social Science // Education and Humanities Research (ASSEHR). 2017. Vol. 147. P. 118–120.

7. McManaman L.J. Social engineering: The legal philosophy of Roscoe Pound // St. John's Law Review. 1958. Vol. 33. No. 1. 47 p.

8. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М.: Изд-во «Прогресс», 1974. 256 с.

9. Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale university press London: Humphrey Milford Oxford University Press, 1922. 318 p.

10. Pound Theory of Social Engineering. URL: https://thelegalquotient.com/social-laws/law-and-society/pound-theory-of-social-engineering/1393 (дата обращения: 15.02.2025 г.).

11. Резник Ю.М. Социальная инженерия как профессия // Известия Томского политехнического ун-та. 2011. Т. 318. № 6. С. 124–130.

12. Умнова-Конюхова И.А. Тенденции и перспективы развития и трансформации современного права в условиях научно-технологического прогресса // Генерология и футурология права: тенденции и прогноз развития. Сер. «Правоведение». М.: Изд-во Института научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 161 с.

Информация об авторе

Желдыбина Татьяна Анатольевна – доцент кафедры истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tatyana130802@yandex.ru.

Author

Zheldybina Tatiana Anatolyevna – Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy», Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: tatyana130802@yandex.ru.

УДК 342.565.2 А.Н. Завьялов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИЩЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В российской и зарубежной юридической литературе неоднократно актуализировались проблемы обеспечения безопасного функционирования ключевых элементов механизма государственной власти. Обеспечение защищенности государственных структур в России и зарубежных странах является отдельным видом юридической деятельности и отдельным направлением правового регулирования. При описании защищенности государственных структур в России и зарубежных странах чаще всего используют в качестве эмпирических примеров проблемы антитеррористической защищенности. При этом в стороне остается целый ряд обстоятельств, способных дестабилизировать работу государственных структур. Предлагаемая публикация предполагает необходимость заострить внимание научной общественности на прогнозируемых и непрогнозируемых угрозах безопасности функционирования государственных структур, способах обеспечения защищенности элементов механизмов государственной власти на основе анализа российской и зарубежной практики.

Ключевые слова: безопасность; защищенность; механизм государственной власти; государственные структуры; право; свобода; юридическая компаративистская лингвистика; эстология.

A.N. Zavyalov

ENSURING THE SECURITY OF GOVERNMENT STRUCTURES IN RUSSIA AND ABROAD

The problems of ensuring the safe functioning of key elements of the mechanism of state power have been repeatedly updated in the Russian and foreign legal literature. Ensuring the security of government structures in Russia and abroad is a separate type of legal activity and a separate area of legal regulation. When describing the security of government structures in Russia and foreign countries, the problems of anti-terrorist security are most often used as empirical

examples. At the same time, a number of circumstances that can destabilize the work of government agencies remain on the sidelines. The proposed publication suggests the need to focus the attention of the scientific community on predictable and unpredictable threats to the security of the functioning of government structures, ways to ensure the security of elements of government mechanisms based on an analysis of Russian and foreign practice.

Key words: security; security; mechanism of state power; state structures; law; freedom; comparative legal linguistics; estology.

Изучение современных проявлений объективной действительности, связанных с прогнозируемыми и непрогнозируемыми угрозами, целесообразно осуществлять с профессиональным использованием методов сравнительного правоведения [13].

Познание прогнозируемых угроз, по нашему мнению, целесообразно осуществлять, рассматривая угрозы, как самостоятельный объект компаративных исследований [14].

В российской и зарубежной юридической литературе к прогнозируемым угрозам принято относить попытки насильственного изменения конституционного (государственного, общественного) строя, захвата или присвоения власти, вооруженные мятежи, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Данные факты исследуются в трудах таких авторов, как Абалкин П.И. [1], Авдеев В.А. [2], Buchanan J. [3], Локк Дж. [4], Holcombe R.G. [5], Rowley C.K. [6], Загашвили В. [7], Евдокимов К.Н. [8,9], Земляков А.В. [10], Иванова Е.Л. [9, 11], Иванова Е.Ю. [12], Покуль А.А. [13], Юрковский А.В. [15–18].

К разряду непрогнозируемых угроз безопасности прокуратуры, по нашему мнению, для любой страны. Любого государства, государственно подобного образования мира, следует относить создание обстановки на определенной территории, сложившейся в результате аварии, опасного природного явления,

катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей

Проявление прогнозируемых и непрогнозируемых угроз, так или иначе, приводит к нестабильности функционирования государственных структур, сотрудникам органов государственной власти, органов местного самоуправления, служащим государственных и муниципальных учреждений, приходится приспосабливаться к изменениям ситуации и искать пути минимизации угроз безопасности, возникающих в результате их деятельности.

Угроза (прогнозируемый и непрогнозируемых риск) безопасности деятельности элементов механизма государственной власти, в буквальном толковании, означает возможность случайного возникновения нежелательных последствий. Функционированию и развитию многих направлений деятельности сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления присущи элементы неопределенности. Это обусловливает появление ситуаций, не имеющих однозначного подхода к решению. Если существует возможность качественно и количественно определить степень вероятности того или иного варианта, то это будет ситуация риска или угрозы безопасности механизма государственной власти.

Анализ угроз (прогнозируемых и непрогнозируемых рисков) связан со статистическими методами.

1) обнаружение и фиксация состояния неопределенности;

2) обнаружение и фиксация состояния необходимости выбора альтернативных решений.

3) оценка возможности, вероятной опасности.

4) данные о принимаемых в аналогичных ситуациях решениях, осуществления выбираемых альтернатив.

Таким образом, можно выделить три основные черты риска нарушения безопасности деятельности сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления: противоречивость; альтернативность; неопределенность.

Полагаем целесообразным обратить внимание на сущность прогнозируемых и непрогнозируемых угроз безопасности сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, которые представляют собой риски, связанные наличием возможности отклонения от намеченных целей деятельности соответствующих структурных элементов механизма государственной власти. Прогнозируемые и непрогнозируемые угрозы предполагают необходимость выбор и принятия альтернативных управленческих решений для обеспечения безопасности сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления в силу отсутствия уверенности в том, что поставленные цели стабильного функционирования будут достигнуты.

Достижение желаемого результата в условиях проявления прогнозируемых и непрогнозируемых угроз безопасности сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления может быть связано с возникновением человеческих, материальных, финансовых, нравственных и иных потерь в условиях неопределенности.

Осознанность проявления рисков, связанных с прогнозируемыми и непрогнозируемыми угрозами безопасности сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления – залог успешного устранения предполагаемых угроз.

В процессе повседневной работы, следует учитывать зоны рисков функционирования прокуратуры по степени дестабилизации состояния безопасности прокуратуры.

1. Безрисковая зона функционирования сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, где не прогнозируются возможные человеческие, материальные, финансовые, нравственные и иные потери.

2. Зона минимального риска функционирования сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, где возможные человеческие, материальные, финансовые, нравственные и иные потери не превышают прогнозируемые размеры.

3. Зона допустимого (повышенного) риска функционирования сотрудников органов государственной власти, органов мест-

ного самоуправления, в которой возможные человеческие, материальные, финансовые, нравственные и иные потери не превышают прогнозируемые размеры.

4. Зона критического риска функционирования сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, предполагает возможные человеческие, материальные, финансовые, нравственные и иные потери

5. Зона катастрофического риска функционирования сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, когда возможные человеческие, материальные, финансовые, нравственные и иные потери могут превысить прогнозируемые размеры.

Причинами для возникновения риска считаются условия, приводящие к неопределенности завершения ситуации. Это может быть сама деятельность сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, личностные качества сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, дефицит информации о внешнем окружении, т. е. все то, что накладывает отпечаток на конечный результат государственно-властной деятельности.

Самыми опасными, на наш взгляд, прогнозируемыми и непрогнозируемыми угрозами безопасности являются катастрофические риски, которые приводят к потере личного состава и всего имущества государственных и муниципальных структур.

Список использованной литературы

1. Абалкин П.И. Экономическая безопасность России // Вестн. РАН. – 1997. – Т. 67, № 9. – С. 771–776.

2. Авдеев В.А. Правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности: тенденции и перспективы / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Рос. юстиция. – 2020. – № 4. – С. 2–5.

3. Buchanan J. The Limits of Liberty. Chicago. L. 1975. P. 123.

4. Локк Дж. Два трактата о правлениии. Кн. 2. – В кн.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 262–356.

5. Holcombe R.G. An Emperical Test of the Median Voter Model. Economic Inquairy, 1980. Vol. 18. P. 260–274.

6. Rowley C.K. The Relevance of the Median Voter Theorem // Journal of Instilional and Theoretical Economics, 1984. Vol. 140. P. 104–126.

7. Загашвили В. Национальная экономическая безопасность // Обществ. науки и современность. – 1995. – № 2. – С. 15–24.

8. Евдокимов К.Н. Уголовное законодательство зарубежных стран, регламентирующее ответственность за высокотехнологичные преступления: компаративистские аспекты / К.Н. Евдокимов // Байкальские компаративистские чтения : Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 17–18 марта 2023 года / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. – С. 207–213.

9. Евдокимов К.Н., Иванова Е.Л. Антитеррористическая защищенность избирательных участков как важнейший элемент системы обеспечения конституционных прав граждан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 81–93.

10. Земляков А.В. Отдельные вопросы организации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). С. 47–54.

11. Иванова Е.Л. Правовое лицемерие в публично-правовых отношениях: вопросы теории и практики // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 116–129.

12. Иванова Е.Ю. Бюджетные средства как финансово-правовая категория // Искусство правоведения. 2024. № 4 (12). С. 37–43.

13. Покуль А.А. Использование цифровых технологий в прокурорской деятельности: тенденции развития // Искусство правоведения. 2024. № 3 (11). С. 57–61.

14. Сравнительное правоведение : учебник / под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 199 с.

15. Теория государства и права : учебное пособие / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – 595 с.

16. Юрковский А.В. Основные направления сравнительного правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 55–59.

17. Юрковский А.В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 139–141.

18. Юрковский А.В. Ценностные ориентиры в конституционном праве государств Северо-Восточной Азии // Проблемы права. 2014. № 4 (47). С. 56–66.

Информация об авторе

Завьялов Александр Николаевич – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, кандидат педагогических наук. E-mail: zavyalov/61@bk.ru.

Author

Zavyalov Aleksandr Nikolaevich – Head of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, Candidate of Pedagogical Sciences. E-mail: zavyalov/61@bk.ru.

УДК 342.565.2 А.В. Земляков

ВРЕМЯ В ПРАВЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД)

В российской и зарубежной юридической литературе неоднократно актуализировались вопросы времени и сроков в праве. Обеспечение юридико-лингвистической определенности фундаментальных юридических категорий, например, таких как время и сроки, является самостоятельным и весьма ответственным, отдельным направлением как научной деятельности, так и правового регулирования. При описании времени и сроков в России и зарубежных странах чаще всего используют в качестве эмпирических примеров философские подходы в их многообразии. При этом в стороне остается целый ряд обстоятельств, отражающих опыт правового регулирования соответствующих категорий. Предлагаемая публикация предполагает необходимость заострить внимание научной общественности на примерах правотворческой и правоприменительной практики в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: время; срок; правотворчество; механизм государственной власти; право; свобода; юридическая компаративистская лингвистика; эстология.

A.V. Zemlyakov

TIME IN LAW (COMPARATIVE LEGAL APPROACH)

Time and time limits in law have been repeatedly updated in Russian and foreign legal literature. Ensuring the legal and linguistic certainty of fundamental legal categories, such as time and deadlines, is an independent and very responsible, separate area of both scientific activity and legal regulation. When describing time and deadlines in Russia and foreign countries, philosophical approaches in their diversity are most often used as empirical examples. At the same time, a number of circumstances remain on the sidelines, reflecting the experience of legal regulation of the relevant categories. The proposed publication suggests the need to focus the attention of

the scientific community on examples of law-making and law enforcement practice in Russia and abroad.

Key words: time; term; law-making; mechanism of state power; law; freedom; comparative legal linguistics; estology.

В формате научной дискуссии вопрос об основных направлениях исследования времени и сроков в рамках сравнительного правоведения является наименее однозначным. Очевидно, что многие ученые в рамках научных исследований пытаются применять методы сравнительного правоведения. Однако в специализированных научных исследованиях вопросов времени и сроков, наблюдается смещение целей и задач, не ставится именно проведение сравнения объектов исследований [15, с. 9]. Большинство ученых используют сравнительное правоведение, скорее, для иллюстрации примеров, расширения разнообразия обстоятельств, привлекаемых в качестве объекта исследования, украшения используемого эмпирического материала, но отказываются от применения специализированных методов, например, таких как метод юридической компаративистской лингвистики [2, с. 5–9], свойственных для изучения особенностей юридической техники в зарубежных странах [16, с. 23.].

Познание времени и сроков в правовом регулировании, по нашему мнению, целесообразно осуществлять, рассматривая данные феномены, как самостоятельный объект компаративных исследований [15, с. 55–59].

В российской и зарубежной юридической литературе в разных форматах и контекстах, вопросы времени и сроков исследуются в трудах таких авторов, как Алексеев С.С. [1], Амосова Т.В. [2], Власенко Н.А. [3], Гомьен Д., Харрис Д., [4], Грибанов В.П. [5], Грибунов О.П. [6], Головаха Е.И. [7], Евдокимов, К.Н. [8,9], Завьялов А.Н. [10, 11], Иванова Е.Л. [9, 12], Иванова Е.Ю. [13], Покуль А.А. [14], Юрковский А.В. [17–19] и др.

В качестве ключевого тезиса, предлагаем рассмотреть высказывание Т.Л. Тениловой о том, что время в праве представляет собой особую функциональную категорию юридической науки, выражающую возникновение, длительность и завершение правовых действий, процессов, норм, событий и последовательность смены их состояний.

Используя инструментарий сравнительного правоведения, и в частности, методы контент-анализа и сравнительной компаративистской лингвистики, проведем исследование категорий времени и сроков в правовой материи ряда стран.

Так, например, в преамбуле Конституции Китайской Народной Республики[1], в буквальном смысле звучит следующая фраза. Руководимая Коммунистической партией Китая система многопартийного сотрудничества и политических консультаций будет длительное время существовать и развиваться.

Аналогичная ситуация встречается в законодательстве Японии[2], которая в некотором смысле может смешивать понятия времени и сроков.

Хотя нужно отдать должное, как для Китая итак и для Японии, что для определения понятия сроков используется самостоятельная иероглифика.

Очевидно, что в российском законодательстве, категории времени сроков различаются.

Разница между понятиями «время» и «срок» в юридическом контексте заключается в следующем.

Правовые основы исчисления времени в Российской Федерации, регламентированы в Федеральном законе от 03.06.2011 № 107-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об исчислении времени»[3], но вместе с тем, категория времени не имеет целостного дефинитивного определения, и в юридическом контексте описывается через совокупность смежных, однородных категорий, таких как календарная дата, календарная неделя, календарный месяц, календарный день, что может свидетельствовать о том. что время представляет собой комплексную правовую категорию, отражающую начало, продолжительность и окончание любого юридического действия, процесса, нормы, состояния или события.

В свою очередь понятие сроков, разнесено по различным источникам права и в целом, в юридическом контексте представляет собой момент или период времени, наступление или

---

[1] Конституция КНР URL: http://www.mod.gov.cn/big5/regulatory/2018-03/22/content_4807615.htm (дата обращения: 21.02.2025)

[2] Официальный сайт палаты представителей Парламента Японии // URL: ttps://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm (дата обращения: 12.02.2025). Режим доступа: свободный.

[3] Федеральный закон от 03.06.2011 № 107-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об исчислении времени» // Собрание законодательства РФ, 06.06.2011, № 23, ст. 3247.

истечение которого влечёт возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Право и наша жизнь. М.: Юрид. лит., 1978. – 222 с.

2. Амосова Т.В., Юрковский А.В. К вопросу о понятии «юридическая компаративистская лингвистика» // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 5. С. 5–9.

3. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск, 1984. 99 с.

4. Гомьен Д., Харрис Д., Европейская конвенция правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. – 600 с.

5. Грибанов В.П. Сроки в гражданском праве. М., 1967. – 400 с.

6. Грибунов О.П. Совершенствование правового регулирования геномной регистрации в контексте предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 101–110.

7. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984. – 208 с.

8. Евдокимов К.Н. Уголовное законодательство зарубежных стран, регламентирующее ответственность за высокотехнологичные преступления: компаративистские аспекты / К.Н. Евдокимов // Байкальские компаративистские чтения : Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 17–18 марта 2023 года / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. – С. 207–213.

9. Евдокимов К.Н., Иванова Е.Л. Антитеррористическая защищенность избирательных участков как важнейший элемент системы обеспечения конституционных прав граждан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 81–93.

10. Завьялов А.Н., Юрковский А.В. К вопросу об особенностях деятельности правоохранительных органов по выявлению, аресту, конфискации и возвращению активов, в том числе из-за рубежа, полученных в результате коррупционной деятельно-

сти // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию со дня рождения Г.Р. Державина. Иркутск, 2023. С. 321–328.

11. Завьялов А.Н., Юрковский А.В. Роль и значение служб собственной (внутренней) безопасности в профилактике экстремизма в правоохранительных органах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 94–105.

12. Иванова Е.Л. Правовое лицемерие в публично-правовых отношениях: вопросы теории и практики // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 116–129.

13. Иванова Е.Ю. Бюджетные средства как финансово-правовая категория // Искусство правоведения. 2024. № 4 (12). С. 37–43.

14. Покуль А.А. Использование цифровых технологий в прокурорской деятельности: тенденции развития // Искусство правоведения. 2024. № 3 (11). С. 57–61.

15. Сравнительное правоведение : учебник / под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 199 с.

16. Теория государства и права : учебное пособие / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – 595 с.

17. Юрковский А.В. Основные направления сравнительного правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 55–59.

18. Юрковский А.В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 139–141.

19. Юрковский А.В. Ценностные ориентиры в конституционном праве государств Северо-Восточной Азии // Проблемы права. 2014. № 4 (47). С. 56–66.

Информация об авторе

Земляков Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск. E-mail: zemlykov@bk.ru.

Author

Zemlyakov Aleksandr Vladimirovich – assistant professor at the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk. E-mail: zemlykov@bk.ru.

УДК 340.114.5

Д.В. Зыков

ФИЛОСОФСКИЙ ЗОМБИ И НОРМАТИВНОСТЬ СОЗНАНИЯ

В докладе обосновывается идея, что нормативность сознания в предшествующей общественно-экономической формации есть философский зомби с позиции нормативности сознания последующей общественно-экономической формации, поскольку люди в ее рамках действовали как «сознательные автоматы» вне осознания иных правовых возможностей коммуникации и возможностей права как регулятора, заключенных и открываемых в новых формациях. Нормативность сознания легитимирует соответствующую пассивно-правовую мотивацию подвластных и санкционирует активно-этическую мотивацию властвующих в рамках текущей и последующей формации, делая возможным и реальным рабство, крепостностничество, свободную торговлю, как способы производства в конкретно-исторических условиях. Утрата значимости ранее существовавшей правовой мотивации в новых материальных и социально-психологических условиях делает невозможным восстановление рабства, крепостного права или социалистической системы как способов производства.

Ключевые слова: философский зомби; общественно-экономическая формация; совокупность знания; нормативность сознания; социальная воля; право.

D.V. Zykov

PHILOSOPHICAL ZOMBIE AND THE NORMATIVENESS OF CONSCIOUSNESS

The report substantiates the idea that the normativity of consciousness in the previous socio-economic formation is a philosophical zombie from the position of the normativity of consciousness of the subsequent socio-economic formation, since people within the framework of “their” formation acted as “conscious automatons” without awareness of other legal possibilities of communication and the possibilities of law as a regulator, concluded and discovered in new formations. The normativity of consciousness legitimizes the

corresponding passive-legal motivation of the subordinates and sanctions the active-ethical motivation of those in power within the framework of the current and subsequent formation, making slavery, serfdom, and free trade possible and real as modes of production in specific historical conditions. The loss of significance of the previously existing legal motivation in new material and socio-psychological conditions makes it impossible to restore slavery, serfdom, or the socialist system as modes of production.

Key words: philosophical zombie; socio-economic formation; totality of knowledge; normativity of consciousness; social will; law.

Для простоты «сознание» иногда так и определяют, как «*совокупность знания*» («*со-знания*») [1, с. 132]. Под последним нами в рамках данного доклада понимается общий уровень знаний о законе причинности в той или иной сфере деятельности по производству, распределению и управлению в определенный момент места и времени, который дифференцированно отражает степень соответствия наших субъективных представлений объективной реальности, подтверждая их или опровергая как фантазии. «...человек узнавал, что в мире есть общее, сущность, и начинал создавать их образы, которые могли быть только понятийными. Создавались эти образы при помощи фантазии, и они могли как иметь объективное содержание, т. е. находиться в соответствии с действительностью, так и не иметь его, т. е. быть ложными. Проверка истинности этих образов происходила в процессе практической деятельности» [3, с. 92–93]. Отдельное значение имеют со-знания о возможностях права как регулятора и правовых возможностях субъектов права как главной разновидности условной (гипотетической) причинности. «Воление есть проявление власти чего-то, отличного от мозга и тела человека, над мозгом и телом человека. Именно это, отличное от тела и господствующее над телом нечто, двумя неразрывно связанными функциями которого выступают мышление и воление, принято называть иногда просто сознанием, а чаще духом или душой» [3, с. 83]. Это господство нечто проявляется не только в отношении собственных мышления и воли, но и в отношении других со-знаний коммуницирующих индивидов. Объем знаний человечества в целом увеличился в геометрической прогрессии с начала времен. Но и количество людей увели-

чилось многократно. Нам видится корреляция между исторически ограниченной совокупностью добытого знания и количеством его носителей в момент времени, а также стохастически неодинаковой его распределенностью между управляющими и управляемыми. Кроме того, важно понимать, что в целом разница в интеллектуальном развитии, в объеме и содержании сознаний отдельных людей может достигать множества порядков. В этом отношении в различии между людьми мало что меняется с течением исторического времени. Данному факту имеется объяснение в объективном и субъективном смысле.

Объективная причина заключается в самой природе знания, делающей невозможным равное обладание им между количествами людей в определенный момент времени и места. Знание составляет продукт идеального производства, но поскольку его значимость определяется практической применимостью в условиях ограниченности материальных ресурсов и конкуренции за них, знание само по себе начинает приобретать свойства материального. Одним из свойств материи является ее *предельность* в данном месте и в данное время, количество материи всегда локально ограничено. Поэтому предполагаем знание, настоящее работающее объективное знание, не может быть достоянием широких масс людей по этой причине. Если верно то, что знание включает в себя свойство предельности, значит в конкретно-историческом месте и времени существует его определенное измеримое количество, локализованное и неравномерно распределенное в виде его совокупностей в головах управляющих и управляемых. С свойством количественной предельности знания связано другое его свойство – *изменчивость ценности в зависимости от увеличения или уменьшения концентрации его количества в одном месте и времени*. К примеру, собрав в «Манхэттенском проекте» со всего мира более 50 физиков и других ученых с мировым именем, дав им ресурсы, оборудование и более 130 тыс. человек обслуживающего персонала, США первые в истории в 1945 году создали атомное оружие. До объединения знаний физиков и других ученых в одном месте, их знания обладали другим качеством, чем после. Тоже относится и к неравномерному распределению общего знания, добытого человечеством в определенный момент времени и сконцентрированного в определенном пространстве, что приводит и приводило к неравномерному развитию наций и народов.

Сегодня технологии (производства и управления) все более и более усложняются, а понимают их устройство и само создание только единичные супер-люди, тогда как большинство населения, использующее эти технологии или являющееся результатом развития этих технологий, все более и более упрощается, «бабуинизируется», «выхолащивается», обнаруживая свою некомпетентность даже в их использовании, не говоря уже о понимании устройства, ограничиваясь лишь базовыми настройками пользования. Но это не сравнимо с прошлым уровнем со-знаний древних рабов (которые набирались в основном из варваров) в своей массе или крепостных во времена средневекового феодализма в своей массе. Такое положение дел кажется несправедливым. И здесь мы подходим к субъективной причине различий в совокупностях знаний людей. Суть этой причины заключена в природе человека, ведь большинство по тем или иным причинам просто не желает знаний, поскольку их получение тяжелое, обременительное и рискованное занятие. Поэтому концентрация знаний в одном месте означает, что немногие его собирают, тогда как многие считают данное занятие бесполезным или непосильным.

И подобно тому, как управляющим меньшинством присваивается большая часть результатов общественного материального производства, ими одновременно (исторически) «присваиваются» ключевые совокупности знаниевых результатов идеального производства. Знание в своей «материальности» отличается от информации, которая при делении только увеличивается, а потому знанием в практическом смысле не является. Информация может быть лишь способом существования добытого знания, но не его сущностью. С ростом общего количества знаний так или иначе растет и количественная представленность их совокупностей как в управляющих, так и в управляемых. Ведь еще до политики просвещения предельный объем знаний был таков, что его не хватало даже на то, чтобы большинство умело читать и писать. Очевидно, что знания по управлению и обеспечению безопасности всегда носили более высокий уровень значимости («гриф секретности») по отношению к производственным знаниям в формальном, но не в содержательном смысле, поскольку в конечном итоге последние возможны благодаря первым.

Совокупности знаний имеют непосредственное отношение к нормативности сознания. «Волевая власть существует как в пределах общества в целом, так и в отдельных его ячейках, например, в семье. Но из всех видов волевой власти для общей теории общества и истории важен только один... И такого рода властная воля выражается в нормах поведения, соблюдение которых обязательно для всех носителей подвластных воль. Поэтому такого рода властную волю называют в литературе *нормативным сознанием*. В последующем изложении для обозначения подобной властной воли используется термин «социальная воля». Главными формами такой социальной воли являются мораль и право» (курсив наш. – *Д.З.*) (см.: [4, с. 93]).

Определенная нормативность сознания является результирующей *предельного уровня* конкретно-исторической совокупности знаний (в том числе о гипотетической (условной, нормативной) причинности), закрепляющего и скрепляющего доминирующие в обществе представления о возможном и должно-дозволенном, составляющих содержание «общенаучной картины мира» и «юридической картины мира». И опосредованное отношение совокупности знаний имеют к элементам в виде объемов прав и обязанностей управляющих и управляемых и источников обязательности объемов прав и обязанностей управляющих и управляемых, характеризуя содержательную (знаниевую) сторону носителей нормативности сознания и ее неравномерную распределенность между ними. Именно изменения в представлениях («фантазиях») о правильном балансе объемов прав и обязанностей управляющих и управляемых в силу нарастающего количества несогласных управляемых низов с установленной рамкой поведения и встречных им деградативных, дезорганизационных процессов в самих управляющих верхах как источниках обязательности, утративших по экономическим и социально-психологическим причинам актуальность и адекватность своих со-знаний, способны привести к превращению объемов прав и обязанностей управляемых в свой противоположный элемент – новое качество источника общеобязательности, построенного на актуальности и адекватности со-знаний новых управляющих новым экономическим и социально-психологическим реалиям. Представления о должно-дозволенных и возможных объемах прав и обязанностей у управляемых и управляющих в существующей нормативности сознания зависят от их

со-знаний и стохастического перетекания их количества то в пользу управляющих со-знаний, то в пользу управляемых со-знаний. Нарастающее количество со-знаний обусловлено в конечном итоге объективным поступательным движением смен общественно-экономических формаций (нормативностей сознания). Тем не менее, именно нарастающее количество со-знаний неравномерно распределенных в головах управляющих и управляемых в силу исторических причин оказывается тормозящим или ускоряющим фактором, неким спусковым механизмом перехода от одной нормативности сознания (общественно-экономической формации) к другой, обратным воздействием общественного сознания на общественное бытие.

Мы подошли к «трудной проблеме сознания» и «философскому зомби». Р. Кирк дает следующее определение: «Зомби в философии – это вымышленные существа, использующиеся для прояснения проблем, связанных с сознанием и с отношением сознания к физическому миру. В отличие от кинематографических и колдовских зомби, они совершенно подобны нам во всех физических характеристиках, но лишены сознательных переживаний: по определению невозможно говорить о том, «каково это быть зомби». Тем не менее зомби ведут себя в точности так же, как ведем себя мы, и даже тратят немало времени на споры о сознании. Мало кто думает, что зомби действительно существуют. Но многие полагают, что они по крайней мере представимы, а некоторые считают их возможными. Утверждается, что из одной только возможности зомби вытекает ложность физикализма и истинность какой-то из разновидностей дуализма» [2].

Одним из аргументов за представимость и даже возможность зомби является сама по себе возможность помыслить, что кто-то в данный момент находится в состоянии зомби, т.е. утратил квалиа. Данный аргумент кажется слабым и вызывает сомнение у специалистов. Тем не менее, мы попытаемся развить именно этот аргумент в пользу мыслимости и возможности зомби. Если рассматривать сознание как такую совокупность знания, которая развита до уровня самосознания, когда возможен самовызов внутреннего управляющего и свидетеля личного бытия, когда видишь себя со стороны, становясь не только участником, но – наблюдателем, то можно рефлексивным путем кон-

статировать такое его (сознания) свойство как – *прерывистость*. В один момент сознание может присутствовать, и мы помним себя, свидетельствуем свое присутствие, в другой момент – отсутствовать и мы не помним себя, не наблюдаем наличие себя, находясь как считается окружающими «в сознании».

Феноменология утверждает, что не существует чистого сознания, не соотнесенного, не направленного на объект. Сознание всегда *интенциально*. Крайним следствием такой неизбежной соотнесенности становится такое свойство нашего сознания как *отождествленность с чем-то*. Отождествленность с объектом означает утрату квалиа. Отождествиться можно с чем угодно, даже со стеной, вперив в нее взгляд, уснув наяву. Так, мы отождествляемся с мыслями, эмоциями, ощущениями, воспоминаниями, мечтаниями, фантазиями, ролями, должностями, званиями, правами, обязанностями, телами, делами, нормами, значениями, ценностями, не помня себя, утрачивая квалиа. Это состояние сна наяву нам представляется философским зомби. Успех карманного вора, шулера, фокусника, начальника над подчиненным означает, что они «предполагают» потерю квалиа своего визави, впадение его в сон наяву, отождествленность с чужой «фантазией» или состояние зомби и не ошибаются. Почему они не ошибаются?! Каковы могут быть процедуры распознавания и дифференциации зомби? Нам видятся существующими следующие связки в корреляции со-знаний и нормативности сознания. Чем шире и богаче совокупность знаний индивида, тем больше отождествленность с нормативностью сознания как с условной субъективной проекцией. Чем уже и беднее совокупность знаний, тем больше отождествленность с нормативностью сознания как с безусловной объективной данностью. Совокупные объемы со-знаний управляющих и управляемых прямо пропорциональны совокупным объемам их прав и обязанностей и обратно пропорциональны предельному количеству знаний в конкретно-исторической нормативности сознания. И если прямая пропорциональность перестает коррелировать с обратной пропорциональностью, т.е. у всегда меньшего количества управляющих оказывается меньшее количество объемов со-знаний, чем у всегда большего количества управляемых объемов со-знаний, то между ними начинается конфликт по поводу того, кто здесь «право имеет», а кто – «тварь дрожащая».

Список использованной литературы

1. Васильев В.А. Знание и вера в социально-гуманитарном познании / А.В. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 2. – С. 132–142.

2. Кирк Р. Зомби / Р. Кирк // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL: http://philosophy.ru/zombies/.

3. Семенов Ю.И. Диалектический материализм: его место в истории философской мысли и современное значение / Ю.И. Семенов // Философия и общество. – 2002. –№ 3. – С. 74–102.

4. Семенов Ю.И. Понятие власти и социальная воля / Ю.И. Семенов // Вестник Московского университета. Серия «Философия». – 2018. – № 6. – С. 91–99.

Информация об авторе

Зыков Дмитрий Валерьевич – доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, кандидат юридический наук. E-mail: zyk9@yandex.ru.

Author

Zykov Dmitry Valerievich – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences. E-mail: zyk9@yandex.ru.

УДК 342.565.2 Е.Л. Иванова

ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В российской юридической литературе при описании моделей судебного конституционного контроля, как правило, выделяются две ее базовые модели (американскую (англо-саксонскую) и европейскую (континентальную)), а также процедуру «ампаро»[1], рассматриваемую некоторыми авторами в качестве иберийской модели конституционного контроля [2, с. 85–86; 3, с. 257]. При этом российскую модель конституционного контроля, по понятным причинам, относят к континентальной. Но можно ли сложившеюся в России модель конституционной юстиции считать разновидностью европейской (континентальной) модели или она, наряду с моделями конституционного контроля других стран постсоветского пространства, может быть выделена в качестве особой интенсивно развивающейся модели?

Ключевые слова: конституционная юстиция; европейская (континентальная) модель; права человека.

E.L. Ivanova

CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE MECHANISM OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN RUSSIA AND ABROAD

In the Russian legal literature, when describing models of judicial constitutional control, as a rule, two basic models are distinguished (American (Anglo-Saxon) and European (continental)), as well as the «amparo» procedure, considered by some authors as an Iberian model of constitutional control [2, pp. 85–86; 3, p. 257]. At

[1] Институт английского уголовно-процессуального права, тесно связанный с принципом неприкосновенности личности, в соответствии с которым задержанный человек либо его представитель может обратиться к суду с жалобой на произвольный арест или задержание и потребовать выдачи специального судебного приказа, предписывающего доставить задержанного в суд для проверки законности такого ареста или задержания. В российской юридической науке именно представление о процедуре ампаро и конституционном судебном контроле в латино-американских странах формируют труды профессора А.А. Клишаса.

the same time, the Russian model of constitutional control, for obvious reasons, is classified as continental. But can the model of constitutional justice that has developed in Russia be considered a kind of European (continental) model, or can it, along with the models of constitutional control in other post-Soviet countries, be singled out as a special intensively developing model?

Key words: constitutional justice; european (continental) model; human rights.

Родиной европейской модели конституционного нормоконтроля принято считать Австрию, где идеи правовых гарантий конституции в иерархии правовых норм были озвучены профессором права Венского университета Гансом Кельзином. Практическая реализации указанных идей осуществилась в 1919–1920 годах путем сначала создании Высшего Конституционного суда Австрии, а затем – закреплении в австрийской Конституции института конституционного судопроизводства.

На основе австрийской модели, главным признаком которой на момент ее создания стало наличие специального органа конституционного контроля, были учреждены специальные органы конституционного правосудия в Чехословакии (1920 год), Греции (1927 год), Испании (1931 год), Ирландии (1937 год), Египте (1941 год). Однако в данных государствах развитие правовых форм охраны конституции в тот период, к сожалению, ограничилось лишь созданием специальных органов с небольшим объемом полномочий.

Истинное же развитие европейской модели судебного конституционного контроля связывается с окончанием Второй мировой войны, когда специальные органы конституционного правосудия были первично созданы в Италии (1947 год), Японии (1947 год), Индии (1949 год), Германии (1951 год), Кипре (1960 год), Турции (1962 год), Югославии (1963 год) и ряде других государств, либо созданы повторно после свержения диктаторских режимов, как например, в Греции (1968 год) и Испании (1978 год).

В литературе сегодня распространены мнения о том, что развитие конституционного правосудия в европейских странах, как важнейшего элемента в системе правовой охраны конституции, обязано именно тем историко-политическим событиям, ко-

торые предшествовали закреплению положений об органах конституционного контроля (надзора – в некоторых странах) и закреплению их полномочий в законодательстве. Во многом такие утверждения справедливы, если рассматривать примеры послевоенных Германии и Италии, поставторитарных Испании и Португалии, а также страны постсоветского пространства. В то же время существуют примеры Югославии и Польши, сумевших в условиях авторитаризма создать и сохранить эффективно функционирующие институты конституционного контроля [1, с. 1]. Кроме того, нельзя всецело согласиться с высказываниями о том, что именно «американский пример убедил европейцев в том, что конституция не может реализовываться сама по себе, но нуждается в юридических средствах обеспечения ее верховенства» [5, с. 51]. Как обоснованно указывает С.Н. Пастернак, причиной создания конституционных судов в Европе нельзя считать исключительно слепое следование западным образцам. Избрание континентальной модели конституционного контроля странами Центральной и Восточной Европы обусловлено исторически сложившимися правовой и судебной системами в этом регионе: законодательно закрепленной независимостью ветвей власти друг от друга, кодифицированной системой права, пассивной ролью судьи в судебном процессе [4, с. 11–12]. Эти и другие факторы предопределили формирование самостоятельной кардинально отличающейся по своим основным признакам от американской (англо-саксонской) модели европейского (континентального) судебного конституционного нормоконтроля.

Отдельного внимания в истории восточно-европейского конституционного судебного контроля, безусловно, заслуживает развитие конституционной юстиции в странах постсоветского пространства. После распада Советского Союза конституциями всех бывших союзных республик, за исключением Туркменистана (пунктом 8 статьи 69 Конституции Туркменистана определение соответствия Конституции и законам нормативных актов органов государственной власти и управлении отнесено к компетенции Меджлиса (парламента) Туркменистана[2]), в системе органов государственной власти были предусмотрены специализированные органы конституционного контроля.

[2] Конституция Туркменистана : принята 27 декабря 1995 г. URL: https://legalns.com (дата обращения: 20.02.2025).

Общность советского прошлого и новые общественно-политические устремления, безусловно, предопределили схожее, во многом даже идентичное правовое закрепление идей и системы организации судебного конституционного контроля в государствах, получивших независимость после распада СССР. Сравнительный анализ конституций посткоммунистических государств показал, что в них признается особая роль конституционного суда, который стоит в одном ряду с высшими органами государственной власти: главой государства, парламентом, правительством. Конституционный суд в постсоветских государствах входит в судебную систему, не являясь единственным «высшим судом в стране по всем вопросам», решает исключительно вопросы права, обеспечивая тем самым непосредственную реализацию принципа разделения властей.

Одновременно с этим на пути развития конституционного контроля на постсоветском пространстве существуют существенные проблемы, как:

1) пробельность законодательства, в том числе регулирующего само право на обращение в конституционный суд, механизмы исполнения решений конституционного суда;

2) неполное соответствие национального и «наднацинального» законодательства;

3) несбалансированность системы разделения властей, нередко проявляющаяся ярко выраженным конфликтом между законодательной и исполнительной ветвями власти, а в ряде случаев и судебной [1, с. 2].

Общность указанных проблем и исторического прошлого, как идентичного старта в развитии системы судебного конституционного контроля, приводит некоторых исследователей к мыслям о необходимости выделения складывающейся в постсоветских государствах системы конституционного судебного контроля в качестве самостоятельной [6, с. 9], что, на наш взгляд, является преждевременным.

Во-первых, чем больше времени проходит с периода крушения государственного социализма, тем слабее становится объединяющее эти страны влияние коммунистического прошлого и заметнее роль факторов геополитического характера, которые предопределяют существенные культурно-цивилизационные различия между ними, проявляющиеся в том числе, и в сфере конституционного контроля [1, с. 3].

Во-вторых, мы являемся свидетелями пока еще переживающей первые десятилетия своего развития системы конституционного контроля, и говорить о ее организационной или функциональной самостоятельности является преждевременным. Хотя и не признавать специфики системы организации конституционного судебного контроля в постсоветских государствах, с учетом указанных выше обстоятельств, конечно, было бы ошибочным.

Подводя итог, отметим, что российская модель конституционного правосудия, основанная на идеях европейской (континентальной) модели, в ходе своего развития получила свои особенности (возможность предварительного конституционного контроля по инициативе Президента, возможность обращения в Конституционный Суд Российской Федерации широкого круга субъектов (включая органы местного самоуправления) и др.) и играет важнейшую роль в обеспечении качественной реализации и защиты прав и свобод человека в гражданина в России.

Список использованной литературы

1. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие стран новой демократии: вызовы и перспективы / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 3 (39). – С. 1–17.

2. Клишас А.А. «Иберийская» (южноамериканская) модель судебного конституционного контроля / А.А. Клишас // Российское правосудие. – 2007. – № 7 (15). – С. 80–87.

3. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран / А.А. Клишас. Москва: «Международные отношения». – 2015. – 496 с.

4. Пастернак С.Н. Конституционное правосудие в странах Центральной и Восточной Европы (на примере Польской Республики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С.Н. Пастернак. – Санкт-Петербург, 2010. – 27 с.

5. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение / В. Садурский ; пер. с англ. А. Слащина// Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 4. – С. 49–67.

6. Слесарева К.А. Конституционная юстиция государств – членов содружества независимых государств (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / К.А. Слесарева. Тюмень, 2016. – 29 с.

Информация об авторе

Иванова Елена Леонидовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: lenai@list.ru.

Author

Ivanova Elena Leonidovna – associate professor of the chair of state and law disciplines Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal sciences. E-mail: lenai@list.ru.

УДК 336.14 Е.Ю. Иванова

ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТОВ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Участие граждан в формировании государственных бюджетов является важным элементом демократического управления. Это право позволяет населению влиять на распределение бюджетных средств, повышает прозрачность бюджетного процесса и способствует укреплению доверия к государственным институтам. В данной статье рассматриваются механизмы реализации этого права в России и зарубежных странах (Германии, США, Бразилии, Швеции, Японии и Китая) с акцентом на механизмы влияния, такие как публичные слушания, инициативное бюджетирование и общественные обсуждения.

Ключевые слова: бюджет; бюджетные средства; бюджетный процесс; граждане; инициативное бюджетирование; публичные слушания; партисипаторное бюджетирование.

E.Yu. Ivanova

THE RIGHTS OF CITIZENS TO PARTICIPATE IN THE FORMATION OF STATE BUDGETS: EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Citizen participation in the formation of state budgets is an important element of democratic governance. This right allows the population to influence the distribution of budgetary funds, increases the transparency of the budgetary process and contributes to building trust in public institutions. This article examines the mechanisms of realisation of this right in Russia and foreign countries (Germany, USA, Brazil, Sweden, Japan and China) with a focus on the mechanisms of influence, such as public hearings, initiative budgeting and public discussions.

Key words: budget; budget funds; budget process; citizens; initiative budgeting; public hearings; participatory budgeting.

Для того, чтобы провести научный анализ реализации прав граждан в формировании государственных бюджетом, проводя

компаративистское исследование, необходимо использовать сравнительное правоведения.

Право граждан на участие в управлении государственными делами закреплено в Конституции Российской Федерации[1] (ст. 32) и международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека[2] (ст. 21) и Международный пакт о гражданских и политических правах[3] (ст. 25). Также принцип участия граждан в бюджетном процессе закреплен в Бюджетном кодексе Российской Федерации[4] (ст. 28).

Участие граждан в бюджетном процессе реализуется через следующие бюджетные механизмы: публичные слушания, инициативное бюджетирование общественные обсуждения на электронных платформах.

Публичные слушания как элемент бюджетного механизма – это систематические мероприятия, на которых граждане могут высказать свои предложения по проекту бюджета или отчету о его исполнении.

Согласно ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[5] на публичные слушания должны выноситься проект местного бюджета и отчет о его исполнении. Аналогичная норма в отношении бюджетов субъектов Российской Федерации предусмотрена п. 8 ст. 58 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[6].

Аналогичные процедуры широко распространены в зарубежной практике.

---

[1] Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г. : с изм. от 14 марта 2020 г. // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 1998 № 145-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В Соединенных Штатах Америки публичные слушания и консультации дополняются обязательной обратной связью от органов власти, что повышает доверие граждан.

Публичные слушания являются одним из основных инструментов участия граждан. Они проводятся на обязательной основе, что позволяет гражданам влиять на распределение бюджетных средств.

Конституция Соединенных Штатов Америки[7] (10-я поправка) передает полномочия по бюджетным вопросам штатам и местным органам власти. На местном уровне широко применяются публичные слушания, где граждане могут высказывать свои мнения по бюджетным проектам. Это позволяет гражданам влиять на распределение средств, особенно в сферах образования, здравоохранения и инфраструктуры.

Основной закон для Федеративной Республики Германия[8] (статья 20) устанавливает принцип демократии, который включает участие граждан в управлении государственными делами. Бюджетное право Германии предусматривает публичные обсуждения проектов бюджетов на уровне земель и муниципалитетов. Например, граждане могут участвовать в онлайн-обсуждениях бюджетных проектов, что делает процесс более доступным и прозрачным.

Согласно статье 83 Конституции Японии[9] полномочия по управлению государственными финансами осуществляются на основании решений Парламента. Соответственно, при решении бюджетных вопросов на местах при местных органах публичной власти в соответствии с законом учреждаются собрания в качестве совещательного органа. Данное обстоятельство регламентировано статьей 93 Конституции Японии согласно которой муниципалитеты проводят публичные слушания по проекту бюджета. Например, в Токио и других крупных городах граждане активно участвуют в обсуждениях, предлагая проекты для финансирования. В Японии как при формировании государственного,

---

[7] Конституция США URL: https://www.archives.gov/founding-docs/constitution (дата обращения: 27.01.2025)

[8] Основной закон ФРГ URL:https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html (дата обращения: 27.01.2025)

[9] Конституция Японии. URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/ itdb_english.nsf/html/statics/english/constitution_e.htm (дата обращения: 20.01.2025).

так и местных бюджетов учитываются интересы субъектов политических отношений [1].

Конституция Китайской Народной Республики[10] (статья 2) провозглашает, что власть принадлежит народу. Однако механизмы участия граждан в бюджетном процессе ограничены. Закон о бюджете Китайской Народной Республики[11] предусматривает консультации с общественностью на местном уровне. Так, ст. 44 Закона о бюджете КНР предусматривает обязательное одобрение соответствующих бюджетов местным собранием народных представителей. В основном участие граждан сводится к формальным процедурам, что снижает их реальное влияние на бюджетный процесс. Он связаны со спецификой государственно-правового режима КНР [2].

Инициативное бюджетирование как совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также в последующем контроле за реализацией отобранных проектов [3].

В бюджетной практике России применяются две модели инициативного бюджетирования, выработанные мировой практикой. Первая модель предполагает привлечение граждан к участию в принятии решений о том, какие объекты (проекты) в первоочередном порядке подлежат финансированию за счёт средств советующего бюджета [4].

Примером использования обозначенной модели является реализация на территории Иркутской области проекта «Есть решение»[12], где жители выбирают приоритетные направления расходов. Так, 40 проектов из Иркутска победили на региональном этапе конкурсного отбора инициативных проектов «Есть решение». Все они в 2025 году получат финансовую поддержку из областного бюджета. Этот механизм позволяет гражданам предлагать проекты для финансирования на местном уровне, что способствует повышению прозрачности и вовлеченности граждан в формирования местных расходов.

---

[10] Конституция КНР. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/constitution2019/ (дата обращения: 20.01.2025).

[11] Закон о бюджете КНР. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30188245 (дата обращения: 21.01.2025).

[12] URL: https://ereshenie.ru.

Вторая модель инициативного бюджетирования, реализуемая в России, предполагает помимо учёта позиции граждан объектах финансирования необходимость участия граждан или хозяйствующих субъектов в реализации этих проектов. Причем участие может выражаться как в финансовом софинансировании (в форме инициативных платежей), так и в имущественном или трудовом участии граждан, предпринимателей или организаций. Использование данной модели наряду с выше обозначенными задачами, позволит решить экономические вопросы реализации проектов [4].

Модель партисипаторное бюджетирования зародилась в Бразилии. С целью преодоления острых социально-бытовых проблем и недопущения «социального взрыва» в г. Порту-Алегри в конце 80-х гг. была налажена совместная работа органов публичной власти и граждан по вопросам финансирования городских проблем [5].

Конституция Федеративной Республики Бразилия[13] (статья 29) гарантирует участие граждан в управлении местными делами. Закон о бюджетных директивах (Lei de Diretrizes Orçamentárias)[14] предусматривает проведение публичных слушаний и участие граждан в разработке бюджетных программ на муниципальном уровне. Партисипаторное бюджетирование стало важным инструментом для вовлечения граждан в процесс принятия решений. Этот опыт стал примером для многих стран.

Совместное составление бюджета играет важнейшую роль в ускорении прогресса в достижении целей в области устойчивого развития. Оно способствует сотрудничеству в распределении ресурсов, пониманию местных потребностей и увязыванию целей с устойчивым развитием за счёт инклюзивности, ответственности и решений, принимаемых сообществом [6].

Электронные платформы – порталы, такие как «Российская общественная инициатива»[15], где граждане могут предлагать и обсуждать проекты бюджетных решений.

---

[13] Конституция ФРБ. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm.

[14] Закон о бюджетных директивах. URL: https://planejamento.rs.gov.br/lei-de-diretrizes-orcamentarias.

[15] URL: https://www.roi.ru.

Однако, несмотря на наличие этих механизмов, их эффективность невысока. Например, публичные слушания часто носят формальный характер, а уровень вовлеченности граждан остается низким.

В Швеции активно используются онлайн-инструменты для обсуждения бюджетных проектов и сбора предложений от граждан.

Шведский свод законов[16] (глава 1, статья 1) подчеркивает принцип народовластия. Бюджетный процесс в Швеции включает публичные обсуждения, где граждане могут вносить предложения через местные советы. Например, в Стокгольме действует система электронных консультаций по бюджетным вопросам, что позволяет жителям участвовать в процессе, не выходя из дома.

В настоящее время для повышения эффективности участия граждан в бюджетном процессе в России принимаются следующие меры:

Расширение использования цифровых технологий – создание удобных онлайн-платформ для обсуждения и голосования по бюджетным вопросам.

Повышение прозрачности. ГИИС «Электронный бюджет»[17] призвана обеспечить возможность участия в процессах формирования, утверждения и исполнения бюджета не только участников бюджетного процесса, но и граждан, общественных институтов, профессиональных сообществ, представителей бизнеса и контролирующих организаций. Также на сайтах органов местного самоуправления и органов государственной власти публикуются проект бюджета, результаты публичных слушаний и отчетов о реализации инициатив граждан.

Активно внедряются образовательные программы – повышение финансовой грамотности населения для более активного участия в бюджетном процессе.

Участие граждан в формировании государственных бюджетов является важным инструментом демократического управления. Опыт России и зарубежных стран показывает, что эффек-

---

[16] Шведский свод законов. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/kungorelse-1974152-om-beslutad-ny-regeringsform_sfs-1974-152 (дата обращения: 13.02.2025).

[17] http://budget.gov.ru.

тивность этого процесса зависит от уровня прозрачности, доступности механизмов участия и доверия граждан к государственным институтам. Внедрение современных технологий и законодательных изменений значительно улучшает ситуацию в России, сделав бюджетный процесс более открытым и ориентированным на нужды населения. В дальнейшем необходимо чаще привлекать граждан к участию в формировании и расходовании бюджетных средств, развивать инициативное бюджетирование, в связи с чем необходимо активно проводить просветительную работу и повышать финансовую грамотность населения. Согласимся с мнением Бураковой М. Ю., Фейзуллаева М. А., что партисипаторное бюджетирование имеет высокий потенциал повышения эффективности бюджетной политики, стало инновационным финансовым инструментом, который весьма активно применяются во всем мир [7].

Список использованной литературы

1. Юрковский А.В. Интересы в конституционном праве Японии и интересы конституционно-правового регулирования: эстологическое исследование / А.В. Юрковский // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : научно-практический журнал. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. – № 1 (104). – С. 90–101.

2. Юрковский А.В. Интересы в конституционном праве Китайской Народной Республики и интересы конституционно-правового регулирования: эстологическое исследование / А.В. Юрковский // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 1. – С. 31–40.

3. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование: международный контекст российской версии. / В.В. Вагин, Н.В. Гаврилов, Н. А. Шаповалова // Финансовый журнал / Financial journal. – 2015. – №3. – С. 117–122.

4. Пятковская Ю.В. Правовое регулирование инициативного бюджетирования: от истории вопроса к современности / Ю.В. Пятковская // Вековые традиции российского права: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 28–29 октября 2022 года / отв. редактор О. В. Горбач. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. – С. 133–136.

5. Пятковская Ю.В. Партисипаторное финансирование в России: первый опыт законодательного регулирования / Ю.В. Пятковская // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – № 3 (102). – С. 104–109.

6. Participatory Budgeting: A Growing Approach for Citizen Empowerment in Marginalized Communities. [Duke University] (https://journal.sanford.duke.edu/article/participatory-budgeting-a-growing-approach-for-citizen-empowerment-in-marginalized-communities-and-promoting-sdgs).

7. Буракова М.Ю. Партисипаторное бюджетирование: мировой опыт и внедрение в России / М.Ю. Буракова, М.А. Фейзуллаев // Северный регион: наука, образование, культура. – 2019. – № 3/4. – С. 29–34.

Информация об авторе

Иванова Елена Юрьевна – научный сотрудник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, аспирант Байкальского государственного университета. E-mail: eivanovangarsk@yandex.ru

Author

Ivanova Elena Iurievna – the researcher of the Department of Scientific Information, publishing and bibliographic provision of the Irkutsk juridical institute (branch office) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, postgraduate student of Baikal State University. E-mail: eivanovangarsk@yandex.ru.

УДК 349.3, 34.05

В.В. Игнатенко

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦ, ЗАМЕЩАВШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассмотрены особенности публично-правового регулирования дополнительного пенсионного обеспечения за выслугу лет лиц, замещавших государственные должности в субъектах Российской Федерации. В сравнительно-правовом аспекте дан анализ оснований и порядка назначения пенсий за выслугу лет указанной категории лиц. Автором выявлено общее и особенное в пенсионном обеспечении лиц, замещавших региональные государственные должности, а также сформулированы предложения в целях дальнейшего совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации о пенсионном обеспечении лиц, замещавших региональные государственные должности.

Ключевые слова: субъекты Российской Федерации; государственные должности; пенсионное обеспечение; сравнительно-правовой анализ.

V.V. Ignatenko

PUBLIC LEGAL REGULATION OF PENSION PROVISION FOR PERSONS WHO HELD PUBLIC POSITIONS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

The article considers the features of public legal regulation of pension provision for seniority of persons who held public positions in the subjects of the Russian Federation. In the comparative legal aspect, an analysis of the grounds and procedure for awarding long-service pensions to this category of persons is given. The author identifies the general and special features of pension provision for persons who held regional government positions, and also formulates proposals for further improving the legislation of the subjects of the Russian Federation on pension provision for persons who held regional government positions.

Key words: subjects of the Russian Federation; government positions; pension provision; comparative legal analysis.

Государственные должности на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации учреждаются с целью исполнения полномочий государства [2, с. 42]. Как отмечается в литературе, государственные должности субъектов Российской Федерации – это устанавливаемые федеральными законами, конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий органов государственной власти и иных государственных органов субъектов Российской Федерации [1, с. 84; 3, с. 86–87].

Лица, замещающие государственные должности в субъектах Российской Федерации, имеют особый правовой статус. Они наделены важными государственными полномочиями. Вместе с тем, в структуре правового статуса этих лиц, имеется достаточно много правовых ограничений, запретов и специальных служебных обязанностей. К примеру, эти лица не могут заниматься предпринимательской деятельностью и другими видами деятельности, которые могут приносить доход. По этой причине они не могут обеспечить накопление средств, достаточных для нормальной жизни при выходе на пенсию по старости или инвалидности. В этой связи для лиц, замещавших государственные должности в субъектах Российской Федерации, законодательством предусмотрено дополнительное пенсионное обеспечение за выслугу лет.

Полномочие субъекта Российской Федерации по установлению дополнительного пенсионного обеспечения лиц, замещавших государственные должности в субъекте Российской Федерации, в качестве одной из социальных гарантий для этой категории лиц закреплено в ч. 6 ст. 5 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[1]. Согласно этой норме лицам, замещавшим государственные должности субъекта Российской Федерации в течение срока, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, к страховой пенсии по старости (инвалидности),

[1] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 13 ноября 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.

назначенной в соответствии с федеральным законом о страховых пенсиях либо досрочно назначенной в соответствии с федеральным законом о занятости населения в Российской Федерации, может быть установлено дополнительное пенсионное обеспечение в случаях, на условиях и в порядке, которые предусмотрены законом субъекта Российской Федерации. Финансирование расходов, связанных с установлением дополнительного пенсионного обеспечения, осуществляется за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации.

В субъектах Российской Федерации используются разные подходы к реализации полномочия по установлению рассматриваемого дополнительного пенсионного обеспечения.

Проведенный сравнительно-правовой анализ регионального законодательства показал, что наиболее оптимальная, сбалансированная, выверенная и в полной мере соответствующая требованиям федерального законодательства является правовая модель, примененная в *Свердловской области* и ряде других субъектов Российской Федерации (*Республика Калмыкия, Республика Татарстан, Республика Тыва, Чеченская Республика, Забайкальский край, Приморский край, Амурская область, Воронежская область, Курская область, Мурманская область, Омская область* и др.). В этой модели на единой концептуальной основе применяются единые правила дополнительного пенсионного обеспечения за выслугу лет в отношении всех государственных должностей, включая государственную должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В этой модели предусматриваются только два правовых основания назначения пенсии за выслугу лет: достижение пенсионного возраста (потеря трудоспособности в период осуществления полномочий по государственной должности) и наличие стажа службы на государственной должности не менее пяти лет.

Так, в Свердловской области вопросы дополнительного пенсионного обеспечения лиц, замещавших государственные должности в этом субъекте Российской Федерации, регулируется Законом Свердловской области «Об отдельных вопросах ре-

гулирования статуса лиц, замещавших государственные должности»[2]. Данный Закон в рамках единой концептуальной основы определяет основания и общий порядок назначения пенсий за выслугу лет лицам, замещавшим следующие государственный должности области: губернатора, члена правительства области, депутата Законодательного Собрания области, осуществляющего депутатскую деятельность на профессиональной постоянной основе, председателя, заместителя председателя или аудитора счетной палаты области, уполномоченного по правам человека в области, уполномоченного по правам ребенка в области, уполномоченного по защите прав предпринимателей в области, члена избирательной комиссии области с правом решающего голоса, работающего в указанной избирательной комиссии на постоянной (штатной) основе, или члена территориальной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, с правом решающего голоса, работающего в указанной избирательной комиссии на постоянной (штатной) основе.

Гарантия по дополнительному пенсионному обеспечению не распространяется на тех лиц, замещавшим региональные государственные должности, у которых полномочия по этим должностям были прекращены по одному или нескольким «виновным» основаниям, предусмотренных федеральными законами и связанным с несоблюдением ограничений, запретов и неисполнением соответствующих обязанностей.

Пенсия за выслугу лет установлена в Свердловской области в следующих размерах: 1) при замещении должности губернатора области и (или) иных государственных должностей области от пяти до семи лет включительно – в размере 135 процентов ежемесячного должностного оклада; 2) при замещении указанных государственных должностей области свыше семи до двенадцати лет включительно – в размере 155 процентов ежемесячного должностного оклада; 3) при замещении этих должностей свыше двенадцати до пятнадцати лет включительно – в размере

[2] Закон Свердловской области от 9 декабря 2016 г. № 124-ОЗ «Об отдельных вопросах регулирования статуса лиц, замещавших государственные должности» (с последующими изменениями и дополнениями). URL: https://docs.cntd.ru/document/429082289 (дата обращения: 12.02.2025).

175 процентов ежемесячного должностного оклада; 4) при замещении этих должностей свыше пятнадцати лет – в размере 195 процентов ежемесячного должностного оклада.

Во многих субъектах Российской Федерации применяется так называемая смешанная модель правового регулирования дополнительного пенсионного обеспечения лиц, замещавшим региональные государственные должности. В данной модели устанавливается разное регулирование для лиц, замещавших должности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, и лиц, замещавших иные государственные должности субъектов Российской Федерации.

В отдельных регионах страны предусматривается одинаковый концептуальный подход к публично-правовому регулированию дополнительного пенсионного обеспечения лиц, замещавшим государственные должности и лиц, замещавшим должности государственной службы.

В *Иркутской области* и ряде других субъектов Российской Федерации (*Республика Бурятия, Московская область* и др.) предусмотрен отдельный эксклюзивный подход к установлению дополнительного пенсионного обеспечения для высших должностных лиц субъекта Российской Федерации в отличие от лиц, замещавших другие государственные должности области.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона Иркутской области «О государственных должностях Иркутской области»[3] лицу, замещавшему областную государственную должность Губернатора Иркутской области и достигшему в соответствии с федеральным законодательством пенсионного возраста, устанавливается ежемесячная доплата к страховой пенсии по старости (инвалидности) независимо от продолжительности замещения областных государственных должностей. Как видим, основаниями дополнительного пенсионного обеспечения бывшего губернатора области являются только два обстоятельства: замещение должности губернатора независимо от продолжительности такого замещения должностей и достижение пенсионного возраста (назначения пенсии по инвалидности). На наш взгляд, отсутствие в Законе Иркутской области «О государственных должностях Иркутской области» такого условия пенсионного обеспечения как

[3] Закон Иркутской области от 13 декабря 2010 г. № 125-ОЗ «О государственных должностях Иркутской области» (с последующими изменениями и дополнениями). URL: https://docs.cntd.ru/document/895284906 (дата обращения: 12.02.2025).

минимальный срок замещения должности губернатора является необоснованной привилегией. Получается, что по иркутскому варианту бывший губернатор области может получать приличную доплату к страховой пенсии за нахождение в должности губернатора всего лишь один месяц или даже одну неделю.

Размер ежемесячной доплаты бывшему губернатору в Иркутской области устанавливается в таком размере, чтобы сумма страховой пенсии по старости (инвалидности), фиксированной выплаты к страховой пенсии, повышений фиксированной выплаты к страховой пенсии и ежемесячной доплаты к страховой пенсии по старости (инвалидности) составила 80 процентов от суммы месячного денежного вознаграждения и ежемесячного денежного поощрения лица, замещающего государственную должность губернатора области. Здесь возникает закономерный вопрос: почему при исчислении размера доплаты кроме месячного денежного вознаграждения дополнительно включено ежемесячное денежное поощрение? Как представляется, правовые основания для такого широкого определения базы для определения размера доплаты отсутствуют.

Для лиц, замещавших иные государственный должности в Иркутской области, предусмотрен иной подход. К примеру, согласно ч. 1 ст. 17 Закона Иркутской области «О государственных должностях Иркутской области» лица, замещающие областные государственные должности (председатель правительства области, заместители губернатора, председатель областной избирательной комиссии, уполномоченный по правам человека в области и др.) при прекращении полномочий с выходом на страховую пенсию по старости (инвалидности) имеют право на получение ежемесячной доплаты к страховой пенсии по старости (инвалидности). В данном случае такое дополнительное условие надбавки к страховой пенсии как «прекращение полномочий с выходом на страховую пенсию по старости (инвалидности)» является явно дискриминационной. При таком правовом регулировании не учитывается срочный характер полномочий по государственной должности. Гражданин, имеющий, допустим, 30 лет стажа службы по государственным должностям и прекративший полномочия по государственной должности за месяц до назначения страховой пенсии, необоснованно лишается права на надбавку к страховой пенсии.

Здесь уместно отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации в их региональном законодательстве прямо оговаривается право лиц, замещавших государственные должности, на ежемесячную добавку к пенсии по старости независимо от времени их выхода на пенсию по старости. Например, в ч. 3 ст. 12 Закона Амурской области «О государственных должностях Амурской области» особо отмечается, что лицо, имеющее право на получение дополнительной пенсии за выслугу лет, вправе обратиться за назначением этой пенсии в любое время, но не ранее назначения страховой пенсии по старости (инвалидности) в соответствии с федеральным законодательством[4].

Для получения права на надбавку к страховой пенсии депутатам Законодательного Собрания Иркутской области достаточно проработать 4 года в Собрании на освобожденной основе. Для лиц, замешавших иные государственные должности, за исключением губернатора, для приобретения права на надбавку к пенсии, необходимо наличие специального стажа замещения областных государственных должностей не менее 15 лет. В чем логика такого подхода? По всей видимости, для депутатов была установлена необоснованная преференция.

Проведенный анализ регионального законодательства о дополнительном пенсионном обеспечении лиц, замещавшим государственные должности в субъектах Российской Федерации позволяет сделать следующие основные выводы.

В субъектах Российской Федерации применяются разные правовые модели дополнительного пенсионного обеспечения за выслугу лет лиц, замещавших региональные государственные должности.

В целом ряде субъектов Российской Федерации предусмотрено эксклюзивное правовое регулирование дополнительного пенсионного обеспечения высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Многие особенности этого регулирования носят индивидуальный субъективный характер, а в отдельных случаях объясняются финансовыми возможностями бюджетов субъектов Российской Федерации.

Представляется целесообразным установить на федеральном уровне единые для всех субъектов Российской Федерации

---

[4] Закон Амурской области от 13 декабря 2006 г. № 260-ОЗ «О государственных должностях Амурской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/961705473 (дата обращения: 12.02.2025).

основания назначения пенсий за выслугу лет лицам, замещавшим региональные государственные должности, а также размеры этих пенсий.

Список использованной литературы

1. Анисифорова М.В. Государственная служба : учебное пособие. – М.: Проспект, 2023. – 592 с.

2. Винокуров В.А. Понятие и классификация должностей российского государства / В.А. Винокуров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 39–42.

3. Старилов Ю.Н. Государственная служба и служебное право. – 2-е изд., доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 448 с.

Информация об авторе

Игнатенко Виктор Васильевич – директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: ignatenkovv@bgu.ru.

Author

Ignatenko Viktor Vasilyevich – Director of the Institute of Legal Studies at Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: ignatenkovv@bgu.ru.

УДК 342.00 Н.В. Кешикова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ МОДЕЛЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В МИРЕ

Тезисы посвящены вопросу определения места российской модели противодействия коррупции в системе мировых моделей. Обращается внимание на необходимость выработки понятийного аппарата исследования. Уделяется внимание познанию модели противодействия коррупции на теоретическом и практическом уровне. Выявляются широкий и узкий смысл толкования модели противодействия коррупции. Выстраивается система моделей противодействия коррупции, функционирующих на международном региональном и национальном уровнях. Определяются основные отличительные характеристики данных систем. Делается вывод о необходимости мега–, макро –, мезо – и микроуровней юридического анализа моделей противодействия коррупции. Формулируется понятие идентификации российской модели. Обращается внимание на необходимость в ходе такой идентификации учета как мирового, так и собственного опыта. Последний при этом рассматривается в качестве приоритетного.

Ключевые слова: противодействие коррупции; идентификация модели; российская модель; система мировых моделей.

N.V. Keshikova

IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN MODEL IN THE SYSTEM ANTI-CORRUPTION MODELS IN THE WORLD

The theses are devoted to the issue of determining the place of the Russian anti-corruption model in the system of global models. Attention is drawn to the need to develop a conceptual framework for research. Attention is paid to the knowledge of the anti-corruption model at the theoretical and practical levels. The broad and narrow meaning of the interpretation of the anti-corruption model is revealed. A system of anti-corruption models is being built that operate

at the international, regional and national levels. The main distinguishing characteristics of these systems are determined. It is concluded that there is a need for mega–, macro–, meso– and micro-levels of legal analysis of anti-corruption models. The concept of identification of the Russian model is formulated. Attention is drawn to the need for such identification to take into account both global and own experience. The latter is considered as a priority.

Key words: anti-corruption; identification of the model; Russian model; system of global models.

В условиях, когда глобализация утрачивает свое всемирное непреходящее значение, складываются и нарастают тенденции регионализации международных отношений, формирование многополярного мира и закрепление в нем России как одного из ключевых действующих акторов актуализирует ее ответственность за судьбу не только своего народа, но и человеческой цивилизации [9, с. 32]. Это еще в большей степени повышает значимость тех научных изысканий, которые посвящены целям устойчивого развития в целом и противодействия коррупции в частности. Объективная взаимосвязь процесса устойчивого развития человечества и необходимость адаптации способов достижения целей противодействия коррупции к современным условиям не вызывает сомнений. Как известно, коррупция негативно влияет на все несущие опоры устойчивого развития – людей и государства, планету, процветание, мир и партнерские отношения. Усилия, предпринимаемые государством в сфере противодействия коррупции, приобретают критически важное и определяющее значение для конструирования жизнеспособной и отвечающей современным реалиям и вызовам модели противодействия коррупции, реализация в государственно-правовую действительность которой предполагает «создание сильных, прозрачных и подотчетных институтов в целях эффективного удовлетворения потребностей всех людей» [14].

Всякая методология правового конструирования, а тем более слабо разработанная в отечественном праве модель противодействия коррупции, должна опираться на непротиворечивый и адекватный понятийный аппарат [12, с. 54–55]. В нашем случае речь идет о тех ключевых понятиях, которыми мы оперируем в заявленной в названии статьи проблематике. Сразу отме-

тим, что унифицированные дефиниции «идентификация», «модель», как и «модель противодействия коррупции» отсутствуют в действующем российском законодательстве. По оценке экспертов в наибольшей степени приближено к общепринятому пониманию идентификации законодательное определение, касающееся противодействия легализации преступных доходов[1], где идентификация рассматривается как совокупность соответствующих мероприятий. Доктринально, категории «идентификация и «модель» рассматриваются в частно-правовом контексте, например, применительно к проблемам идентификации объекта земельных отношений [8, с. 45] и модельных правил европейского частного права [18, с. 30–31] или же в публично-правовом аспекте, в частности, по вопросам правовых оснований и особенностей идентификации цифрового следа личности, связанных с противодействием коррупции [17] и теоретическом моделировании [5].

Следует заметить, что в философском энциклопедическом словаре идентификация трактуется как установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков; или распознание(опознание) [6]. В словаре по философии политики идентификация определяется как процесс обнаружения и выяснения того, чем данная вещь является, а чем нет [19]. Данные определения мы примем за исходные в дальнейшем нашем анализе. От идентификации перейдем к ее объектам – моделям противодействия коррупции в мире и в России. Здесь специфика заданного объекта идентификации состоит, с одной стороны, в том, что речь идет не о любой композиции противодействия коррупции, а о ее модели. И это не случайно, так как теория противодействия коррупции, развитие и модернизация деятельности в данной сфере постоянно так или иначе входит в предмет научных изысканий, а сама такого рода деятельность нуждается в постоянной оптимизации, учитывающей трансформации и метаморфозы как самой коррупции и предпринимаемых коррупционерами шагов, так и внутренних и внешних угроз и вызовов.

---

[1] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.)// Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

В нашем случае модель противодействия коррупции можно трактовать с позиции двух измерений – теоретического и практического. В развитие идеи В. С. Плетникова[13, с. 134], на теоретическом уровне познания исследуемая модель предстает в качестве абстрактного сформированного посредством сознательно-волевых усилий исследователя образа, в котором отражается противодействие коррупции как объект, явление и процесс в достаточной и необходимой степени повторяющего существенные свойства и черты противодействия коррупции как реального государственно-правового явления и процесса, обусловленного субъективными и объективными факторами развития мирового сообщества, общества, государства и личности.

Практический уровень познания в контексте нашего исследования позволяет рассматривать модель противодействия коррупции в широком и узком смысле. В первом случае предполагается интегративное(синтетическое) видение и комплексный анализ видов действующих моделей противодействия коррупции в мире и относимость российской модели противодействия коррупции к ним. Во втором – это целостное системное явление и телеологический процесс государственно-правовой действительности, обладающий сущностными характеристиками, основывающийся на определенных руководящих началах –принципах организации и функционирования. В таком аспекте можно говорить о модели противодействия коррупции конкретного государства.

Акцентируем свое внимание на практическом уровне познания и начнем с широкого толкования системы моделей противодействия коррупции, которая сложилась и функционирует не на национальном, а на международном региональном уровне. Здесь каждая модель объединяет в некую региональную международную систему национальные модели противодействия коррупции государств определенного географического региона. В рамках данного подхода единство мнений о том, что это за регионы и каков состав государств и их национальных моделей противодействия коррупции в региональном модельном ряде, отсутствует. В одном варианте группировки национальных моделей государств речь идет об условно основных географических международных регионах – европейском, азиатском, африканском, латиноамериканском [21]. При этом модели противо-

действия коррупции носят аналогичные соответствующему региону названия. В основу их дифференциации могут быть положены определенные универсальные общие и специальные показатели. В первую очередь к разряду общих относят географическую принадлежность государства соответствующему международному географическому региону; а затем уровень развития общественных отношений; форму государственного устройства и правления; принадлежность к определенной правовой системе и иные. В свою очередь специальные показатели – уровень коррупции; официальная позиция государства и общества по вопросу непринятия коррупции и ее проявлений; характерные механизмы противодействия коррупции, учитывающие особенности государств определенного региона и др. Данная группировка государств в модельный ряд не является идеальным вариантом и предстает неполной, поскольку не охватывает все государства мира, выпадают те, чья территория или находится на других континентах – части Северной Америки, Австралии, Океании или захватывает европейскую и азиатскую части Евразии. Это особенно актуально для России с ее географическим положением, многонациональным составом населения, разнообразными традициями и обычаями, плюрализмом верований и другими особенностями. По своему географическому положению по идее российская модель должна быть отнесена и к европейской, и к азиатской. Возможно следует скорректировать данную систему моделей. Применительно к России рассмотреть вопрос о существовании интегративной (комплексной) модели противодействия коррупции. Либо рассмотреть возможность в рамках данного подхода группировки моделей противодействия коррупции на идеальные и реальные.

Другой вариант системной организации национальных моделей противодействия коррупции характеризуется разнообразием позиций разработчиков, их субъективными предпочтениями. На наш взгляд, он обусловлен также упадком глобализации и возникновением и развитием тенденций регионализации в мире, формированием представлений о многополярном мире. Здесь выделяют, например, модели стран Закавказья, стран Восточной Европы, стран Прибалтики, Индии и стран Ближнего Востока, США и Канады, стран Центральной Азии и др. Помимо того, множественность дифференциации детерминирована попытками деления самой модели противодействия коррупции на

ее отдельные разновидности(типы), как – то модель государственной антикоррупционной политики [20], модель антикоррупционной деятельности [1], модель антикоррупционной стратегии, модель антикоррупционного комплаенса [4]. Среди их множества присутствует и модель антикоррупционной политики [16] и антикоррупционного комплаенса в России [10]. Практика функционирования данных моделей в мире дает пищу для совершенствования российского варианта. Так показательными примерами можно посчитать позитивный бразильский и казахстанский опыт. В Бразилии принят нормативный правовой акт (Указ от 9 декабря 2024 г. № 12.304/2024 «О регламентации параграфа 4 статьи 25, части 4 статьи 60 и единственного абзаца статьи 163 Закона от 1 апреля 2021 года №14.133), который регулирует принятие комплаенс-программ в организациях, участвующих в государственных закупках и устанавливает обязанность участников закупок по внедрению комплаенс-программ [3]. В Казахстане на сайте антикоррупционного ведомства Агентства по противодействию коррупции (Сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл ұлттық агенттігі) появится публичный общедоступный реестр лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления. Соответствующую норму утвердили депутаты мажилиса в первом чтении [2].

Второй подход к выстраиванию системы моделей противодействия коррупции носит узкий характер, так как подразумевает национальный уровень моделирования – выделение модели противодействия коррупции с учетом специфики конкретного государства. В практике деятельности современных государств сложились определенные способы систематизации, с помощью которых формируется модельный ряд противодействия коррупции. Один из них основан на понимании противодействия коррупции в качестве деятельности, направленной прежде всего на борьбу с ней. Здесь модельный ряд включает пять основных видов моделей борьбы с коррупцией: тоталитарную, авторитарную, олигархическую, либеральную и основанную на принципах правового государства [15]. Данные виды моделей еще называют национальными, так как применяются они на национальном, то есть конкретно государственном уровне. Судя по названию видов моделей, их дифференциация напрямую определяется одной из характеристик самого государства –

формой политического режима. При этом сущностными признаками, положенными в основу их разграничения, являются особенности мер, предпринимаемых государством в условиях соответствующего вида политического режима, в ходе борьбы с коррупцией. Следует заметить, что такие модели подвержены динамике, иначе говоря, в практике соответствующей деятельности государства с изменением де-юре и/или де-факто политического режима и под его влиянием один вид модели борьбы с коррупцией плавно (в ходе постепенного реформирования государства), либо одномоментно (в результате коренной смены государственного строя или государственного переворота) переходит в другой вид модели. В истории российского государства сложился наглядный пример: либеральная модель применялась в царской России во время правления Временного правительства; функционирующая в период сталинизма тоталитарная модель, модифицировалась в авторитарную в эпоху правления Хрущева Н.С. и Брежнева Л.И.; олигархическая характерна для России после распада Советского Союза в 90-е и начало 2000-х гг., когда реализация ответственности осуществлялась в соответствии с клановым подходом по принципу «свой – чужой» (наш – не наш) и все решалось за деньги[11]. Наконец, модель, построенная на принципах правового государства, к которой тяготеет российская модель противодействия коррупции на современном этапе развития российского государства, что де-юре вытекает из норм действующей Конституции Российской Федерации, однако де-факто, как показывает практика противодействия коррупции, в указанной сфере не обеспечивается в полной мере реальное воплощение и гарантирование таких конституционных принципов.

Следовательно, достоверное представление о реальной государственно-правовой действительности в сфере противодействия коррупции основывается на применении неотъемлемого свойства исследователя – сопоставлять, и отождествлять противодействие коррупции как объект наблюдения и затем конструировать модели, которые нацелены на выполнение определенной программы действий и процедур в ходе осуществления противодействия коррупции как деятельности, процесса и результата [7, с. 39].

В нашем случае можно вести речь о моделях мега-, макро-, мезо- и микроуровней юридического анализа. Модель мегауровня – это модель интересующей нас предметной области исследования в целом – сферы противодействия коррупции как неотъемлемой части государственно-правовой действительности. В свою очередь модели макро- и мезоуровней – есть системы моделей противодействия коррупции, которые складываются и функционируют или на международном региональном уровне, или на национальном – уровне конкретного государства. Модель микроуровня носит комплексный характер, так как может толковаться в различных смыслах, как модель антикоррупционной деятельности, модель антикоррупционной политики, модель антикоррупционной стратегии, модель антикоррупционного комплаенса и др.

Идентификация российской модели противодействия коррупции представляет собой процесс обнаружения и выяснения того, относится ли она к той или иной системе моделей противодействия коррупции, существующих в мире, или нет; процесс установления на основании совпадения признаков тождества с ними или отсутствие такового. В исследовании вопросов идентификации российской модели противодействия коррупции в условиях современных вызовов и угроз не следует замыкаться только на зарубежном, либо лишь на российском опыте, необходимо опираться и на зарубежный, и на собственный опыт. Однако прежде всего российский опыт противодействия коррупции должен послужить политико-правовым ориентиром отнесения российской модели противодействия коррупции к той или иной системе моделей в мире и соответственно ее заимствования и внедрения в государственно-правовую практику противодействия коррупции. Такой подход оправдан в силу определенных обстоятельств. Прежде всего речь идет о специфическом уровне коррупции, который порой невозможно загнать в определенные рамки статистики; помимо того не последнюю роль играет своеобразие официальной позиции государства и общества по вопросу (не)принятия коррупции и ее проявлений. Наконец, меры, приемы и способы противодействия коррупции (профилактики и борьбы) с проявлениями коррупции отличаются нестандартностью, порой уникальностью, что обусловлено

самобытностью конкретного государства и его правовой системы. И российское государство и его правовая системы здесь не являют собой какое-то исключение.

Список использованной литературы

1. Бондарь Н.С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности/ Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 36–55.
2. В Казахстане появится публичный реестр коррупционеров.30 января 2025[Электронный ресурс]. – URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_kazahstane_poyavitsya_publichnyy_reestr_korruptsionerov (дата обращения: 12.02.2025).
3. Горбачева Н.С., Ожерельева В.И. В Бразилии установлена обязанность участников закупок по внедрению комплаенс-программ [Электронный ресурс]/ Н.С. Горбачева, В.И. Ожерельева. – URL:https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_brazilii_ustanovlena_obyazannost_uchastnikov_zakupok_po_vnedreniyu_komplaensprogramm (дата обращения: 12.02.2025).
4. Грибанова А.С., Зобова А.В., Согоян Д.П. Антикоррупционный комплаенс: индийская модель/ А.С. Грибанова, А.В. Зобова, Д.П. Согоян // Хозяйство и право. – 2024. – № 7. – С. 41–55.
5. Жевняк О.В. О теоретическом моделировании цифровой платформы как многоаспектного явления/ О.В. Жевняк// Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 9. – С. С. 80–90.
6. Ильичев Ф., Федосеев П.Н. Философский энциклопедический словарь/ Ф. Ильичев, П.Н. Фнедосеев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с. – URL: https://terme.ru/slovari/filosofskii-enciklopedicheskii-slovar1.html (дата обращения: 18.02.2025).
7. Кешикова Н. В. Проблемы идентификации концептуальной модели порядка формирования государственных органов в теории конституционного права: монография / Н.В. Кешикова. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. – 231 с.
8. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография/ Н.Н. Мельников. – Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2024. – 302 с.

9. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России/ С.Н. Митяков // Развитие и безопасность. – 2023. – № 1. – С. 21–35.

10. Михеев Г.В. Применимость отдельных моделей антикоррупционного комплаенса в российской практике/ Г.В. Михеев, В.В. Власов, Е.В. Савченко, И.В. Маймистова // Хозяйство и право. – 2024. – № 7. – С. 109–119.

11. Петелина Л.В. Изучение и предупреждение коррупции в правоохранительных органах: дис. ... канд. юрид. наук/ Петелина Людмила Викторовна. – Омск, 1998. – 182 с.

12. Петрова А. В. Правовая модель устойчивого корпоративного управления: дис. ... канд. юрид. наук/ Петрова Алина Викторовна. – Москва, 2024. – 238 с.

13. Плетников В.С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование/ В.С. Плетников // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Том 16. – Вып. 2. – С. 121–135.

14. Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития: монография / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев, А.М. Цирин и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Инфотропик Медиа, 2024. – 236 с.

15. Противодействие коррупции / И.В. Левакин, Е.В. Охотский, И.Е. Охотский, М.В. Шедий; под общей редакцией Е.В. Охотского. – Москва: Юрайт, 2025. – 469 с.

16. Савинов Л.В. Сравнительный анализ антикоррупционной политики России и зарубежных стран/ Л.В. Савинов, В.Е. Шорохов // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 26–37.

17. Степанов А.О. Правовые основания и особенности идентификации цифрового следа личности, связанные с противодействием коррупции/ А.О. Степанов // Современное право. – 2024. – № 8. – С. 78–82.

18. Тебенев И.К. Форма сделок и идентификация их сторон в электронной коммерции / И.К. Тебенев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 99–149.

19. Философия политики и права: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. проф. Е.Н. Мощелкова; науч. ред. А.В. Никандров. –М.: ИНФРА-М, 2019. – 551 с.

20. Шорохов В.Е. [и др.] Современная модель государственной антикоррупционной политики в странах Закавказья/ В.Е. Шорохов, А.А. Шорохова, А.С. Грибанова // Хозяйство и право. – 2023. – № 11. – С. 108–120.

21. Sobirova N., Shakhosmanov S. Anti-corruption mechanisms: experience of foreign countries/ N. Sobirova, S. Shakhosmanov // Society and innovations Journal. – 2022. – P. 15. – Режим доступа: https://inscience.uz/index.php/socinov/index (дата обращения 15.02.2025).

Информация об авторе

Кешикова Наталья Владимировна – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

Author

Keshikova Natalia Vladimirovna – Ass. Professor Chair of Constitutional Law and Theory of Law of the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Ph.D. in Law, Ass. Professor. E-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

УДК 336.2

Е.В. Килинкарова

НАЛОГ НА ЦИФРОВЫЕ УСЛУГИ КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ОТВЕТОВ НА НАЛОГОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ[1]

В условиях отсутствия единого подхода к решению налоговых вызовов цифровой экономики налог на цифровые услуги получил распространение как мера одностороннего реагирования государств на проблему неналогообложения прибыли компаний в государстве рынка оказания цифровых услуг. Автор представляет результаты сравнительно-правового анализа правил взимания данного налога, который в настоящее время введен или рассматривается для введения в сорок одном государстве. Также автор рассматривает историю возникновения данного налога и сложившуюся на начало 2025 года ситуацию в области координации усилий государств по вопросам выработки согласованного подхода к налогообложению цифровых компаний, которая скорее всего окажет существенное влияние на будущее данного налога.

Ключевые слова: налог на цифровые услуги; платформенная экономика; электронная коммерция; сравнительное правоведение; налоговое право; международное налогообложение; налогообложение цифровой экономики.

E.V. Kilinkarova

DIGITAL SERVICE TAX AS A POSSIBLE ANSWER TO TAX CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

In the absence of a unified approach to addressing tax challenges of the digital economy, the states have started to use digital services tax as a unilateral measure to deal with non-taxation of profits of digital companies in the market state. The author presents the results of a comparative legal analysis of the rules of the imposition

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00751 «Правовое регулирование платформенной экономики в России и КНР», https://rscf.ru/project/24-28-00751.

of the digital services tax, which has been introduced or is being considered for introduction in forty-one countries. The author also examines the history of the digital services tax and the current state of intergovernmental coordination on taxation of digital companies which is likely to have impact on the future of the digital services tax.
Key words: digital services tax; platform economy; e-commerce; comparative legal studies; tax law; international taxation; taxation of digital economy.

В последние десятилетия цифровизация экономики оказывает существенное влияние на развитие налогового права, затрагивая самые разные его аспекты – это и построение правил налогообложения участников рынка в условиях новых бизнес-моделей, и цифровизация государственного управления в налоговой сфере, и внедрение новых технологий в рамках налоговой функции бизнеса. Налог на цифровые услуги – это одно из возможных решений для налогообложения компаний, которые имеют значительное цифровое присутствие в экономике государства, однако платят недостаточно налогов в рамках существующих правил, ориентированных прежде всего на необходимость наличия устойчивой физической связи со страной источника дохода.

Процесс выработки государствами ответов на налоговые вызовы цифровой экономики весьма интересным образом объединяет экономику, политику и юриспруденцию. Это и поиск наиболее эффективной модели налогообложения, которая отвечает целям налоговой политики государства, и выработка согласованных решений на разных площадках (речь о международных организациях – ОЭСР и ООН, и об интеграционных объединениях – в первую очередь Европейском союзе), и поиск оптимальных правовых форм для оформления принятых решений и достигнутых договоренностей.

В конце 1990-х годов ОЭСР, которая на тот момент была основной площадкой для выработки рекомендаций по вопросам устранения международного двойного налогообложения, предприняла попытку распространить сферу своего влияния и на другие налоговые вопросы, в первую очередь – на налогообложение в условиях цифровизации, которая оказывала все более существенное влияние на развитие мировой экономики [1,

с. 139–140]. Вместе с тем резкий рост внимания к этой проблематике связан с началом реализации в 2013 году по инициативе Большой двадцатки проекта БЭПС (от англ. BEPS, аббревиатура от Base Erosion and Profit Shifting), направленного на борьбу с размыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения.

В основу проекта БЭПС был положен план действий[2] из пятнадцати пунктов, первым из которых стало решение налоговых проблем цифровой экономики – была поставлена задача выявить основные трудности, которые цифровая экономика создает для применения существующих международных налоговых правил, и разработать подробные варианты их решения. Однако опубликованный в 2015 году итоговый отчет[3] показал, что участники проекта не пришли к согласию по ряду существенных моментов. Так, в отношении подоходного налогообложения было предложено три альтернативных варианта для дальнейшего обсуждения – концепция виртуального постоянного представительства, удержание налога у источника и уравнительный сбор («equalisation levy»). В условиях, когда единые подходы к построению новых правил не были выработаны, применение государствами односторонних мер было лишь вопросом времени.

В 2016 году Индия ввела уравнительный сбор в отношении онлайн-рекламы [2, 815–817]. Вариант уравнительного сбора разрабатывался в Европейском союзе (ЕС) – в 2018 году было представлено предложение о директиве Совета ЕС об общей системе налога на цифровые услуги с доходов, полученных в результате представления определенных цифровых услуг [3, 80–84]. Налог на цифровые услуги задумывался как унифицированный европейский краткосрочный ответ на налоговые проблемы, вызванные цифровой экономикой, пока на уровне ОЭСР не будет достигнуто соглашение о долгосрочных решениях. Эта идея не была реализована из-за отсутствия политической поддержки в ЕС, однако процесс введения данных налогов государствами-членами ЕС был запущен.

---

[2] OECD (2013), Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting, OECD Publishing, Paris.

[3] OECD (2015), Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, Action 1 – 2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD Publishing, Paris.

По состоянию на конец 2024 года налог на цифровые услуги в том или ином виде можно обнаружить на каждом континенте, как в государствах с развитой, так и развивающейся экономикой[4]. Налог введен в Европе (Австрия, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Испания, Италия, Польша, Португалия, Турция, Франция), государствах Азиатско-Тихоокеанского региона (Вьетнам, Индия, Индонезия, Киргизстан, Лаос, Непал, Новая Зеландия, Пакистан, Тайвань), на американских континентах (Канада в Северной Америке и пять государств в Южной Америке – Аргентина, Колумбия, Коста Рика, Парагвай, Уругвай), в Африке (Зимбабве, Кения, Нигерия, Сьерра Леоне, Танзания, Тунис, Уганда). Соответствующие законопроекты (рассмотрение некоторых приостановлено) разработаны в ряде европейских государств (Бельгия, Латвия, Норвегия, Словения, Чехия), а также в Бразилии, Израиле и ЮАР. Всего на настоящий момент речь идет о сорока одном государстве.

Введенные и предлагаемые к введению в данных государствах налоги на цифровые услуги несколько различаются, однако все их объединяет то, что в рамках этого налога происходит налогообложение доходов, полученных компаниями от определенных цифровых услуг, предоставленных пользователям из соответствующего государства. Экономически данный налог может сочетать в себе налогообложение валовой выручки и конкретных сделок в отношении цифровых услуг, доходы от которых не попадают под общие правила подоходного налогообложения. В этой связи важно отметить, что налоги на цифровые услуги обычно не являются частью существующего в государстве подоходного налогообложения иностранных компаний, а также не могут быть квалифицированы как частный случай взимания налога на добавленную стоимость. По своим сущностным характеристикам налог на цифровые услуги ближе всего к налогам с продаж или акцизам.

В общей структуре налогов на цифровые услуги можно выделить следующие черты: (1) взимается с валовой выручки, (2) применяется к определенному спектру цифровых услуг (чаще всего под налог попадают онлайн реклама, посреднические

[4] URL: https://www.vatcalc.com/global/digital-services-taxes-dst-global-tracker/ (дата обращения: 02.02.2025).

услуги на цифровых платформах, продажа данных, услуги социальных сетей), (3) предполагает учет присутствия на рынке государства, и (4) может применяться (и чаще всего применяется) с учетом пороговых значений в отношении общемировой выручки и выручки на внутреннем рынке государства.

Три основные характеристики, по которым различаются налоги на цифровые услуги – это сфера применения (на какие цифровые услуги распространяется), пороговые значения доходов и налоговая ставка. Очевидных закономерностей при выборе государствами тех или иных цифровых услуг для применения нового налога обнаружено не было, однако в отношении применения пороговых значений доходов и налоговой ставки можно сделать интересное наблюдение.

Как правило, государства-члены ОЭСР ориентируются на крупные компании и устанавливают высокие пороговые значения доходов на глобальном и национальном уровнях. В свою очередь государства, не входящие в ОЭСР, применяют нулевые или низкие пороговые значения, что позволяет им охватить налогами гораздо более широкий круг компаний.

Что касается ставок, то страны ОЭСР устанавливают более высокие налоговые ставки, чем страны, не входящие в ОЭСР. Также более высокий уровень налоговой нагрузки приходится на онлайн рекламу по сравнению с другими цифровыми услугами. При этом нужно понимать, что низкие налоговые ставки (часто применяются ставки в диапазоне от 1,5 до 3 процентов) не должны вводить в заблуждение – налог взимается с выручки, а не прибыли компании, поэтому кажущиеся низкими налоговые ставки таких оборотных налогов могут обернуться высоким налоговым бременем.

В настоящее время перспективы налога на цифровые услуги получить более широкое распространение зависят от двух основных факторов – во-первых, от прогресса ОЭСР в рамках продолжающейся на ее площадке работы по реформе подоходного налогообложения в условиях цифровизации, и, во-вторых, от позиции США в отношении предложений ОЭСР и налогов на цифровые услуги.

Как было указано выше, появление налогов на цифровые услуги стало ответом на то, что международном уровне, а именно в рамках реализуемого на базе ОЭСР проекта Большой

двадцатки БЭПС, в 2015 году не было выработано единого решения по совершенствованию подоходного налогообложения в условиях цифровизации экономики. Вместе с тем после 2015 года работа в ОЭСР продолжилась (и даже приобрела более масштабный характер с формированием Инклюзивной группы ОЭСР/G20), и в 2019 году ОЭСР одобрила программу работы по цифровому налогообложению, которая предполагает два компонента.

В контексте рассматриваемой проблематики для нас представляет интерес то, что в рамках первого компонента в том числе предполагается отмена и прекращение действия налогов на цифровые услуги (которые рассматриваются как временные односторонние меры) при условии введения новых правил распределения части прибыли крупнейших цифровых компаний мира по юрисдикциям, где они получают доходы.

В октябре 2023 года на сайте ОЭСР была опубликована разработанная для имплементации данных правил многосторонняя конвенция, а также сопутствующие ей материалы. Однако на начало 2025 года перспективы данной конвенции стать работающим инструментом выглядят весьма сомнительно, поскольку функционирование конвенции зависит от участия США как государства размещения штаб-квартир существенного количества транснациональных корпораций, которые подпадут под действие конвенции, а 20 января 2025 года, сразу после инаугурации Дональда Трампа в качестве 47-го президента США, на сайте Белого дома был опубликован меморандум[5], согласно которому поддержанное предыдущей администрацией Глобальное налоговое соглашение ОЭСР (OECD Global Tax Deal) «не имеет силы и действия в США».

Что касается отношения США к вводимым в одностороннем порядке государствами налогам на цифровые услуги, то оно всегда было отрицательным, поскольку США оценивают их как дискриминационные по отношению к американскому бизнесу. Введение данных налогов Францией, Австрией, Великобританией, Индией, Италией, Испанией и Турцией привело в 2019-2021 годах к торговым войнам, по итогам которых были достигнуты договоренности, в том числе повлиявшие на содержание

[5] URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/the-organization-for-economic-co-operation-and-development-oecd-global-tax-deal-global-tax-deal (дата обращения: 02.02.2025).

первого компонента из пакета ОЭСР по реформе налогообложения в условиях цифровой экономики. В приведенном выше меморандуме от 20 января 2025 года министру финансов США было в том числе поручено в течение 60 дней проанализировать, в каких иностранных государствах действуют или могут быть введены налоговые правила, которые являются экстерриториальными или непропорционально затрагивают американские компании, а также разработать и представить президенту список вариантов защитных мер или других действий, которые США должны принять или предпринять в ответ на такие налоговые правила.

В дополнение к изложенным выше обстоятельствам также следует отметить предпринятые в последние годы ООН (во многом по инициативе государств с развивающейся и переходной экономикой, в частности государств Глобального юга) действия по усилению своей роли в рамках международного сотрудничества по вопросам налогообложения. 22 декабря 2023 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 78/230, запустившую процесс разработки рамочной конвенции ООН по международному сотрудничеству в налоговой сфере, которая в том числе будет затрагивать и вопросы налогообложения в условиях цифровой экономики.

Таким образом, на начало 2025 года перспективы развития правового регулирования налогообложения в условиях цифровизации экономики выглядят весьма неоднозначными. Экономика, политика и юриспруденция переплелись в интересном многофакторном взаимодействии, и только время покажет, станет ли налог на цифровые услуги действительно работающим ответом на налоговые вызовы цифровой экономики.

Список использованной литературы

1. Архипов В.В., Килинкарова Е.В., Мелащенко Н.В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6. С. 120–143.

2. Пономарева К.А. Налогообложение цифровых услуг в странах БРИКС: сравнительно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 3. С. 804–823.

3. Пономарева К.А. Переходный налог на цифровые услуги в ЕС // Налоговед. 2020. № 4. С. 79–89.

Информация об авторе

Килинкарова Елена Васильевна – доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: e.kilinkarova@spbu.ru.

Author

Kilinkarova Elena Vasilievna – Associate Professor of Department of Administrative and Financial Law, Saint Petersburg State University, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: e.kilinkarova@spbu.ru.

УДК 340

Н.Е. Коваленко

КАТЕГОРИЯ «СУБЪЕКТ ПРАВА» В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

Проблема понимания субъекта права возникла с середины прошлого века, когда окончательно закрепилось отраслевое его понимание, что ограничивает его содержание как категории. Данный подход не позволяет раскрыть все стороны исследованного явления и порождает ряд негативных факторов, к примеру, проникает в нормотворческие техники законодателя, в результате чего последний не соблюдает единство терминологии. В статье освещается начальный этап освещения проблемы понимания субъекта права как категории.

Ключевые слова: право; субъект права; научная категория.

N.E. Kovalenko

CATEGORIES OF LAW SUBJECTS IN RUSSIA AND THE CIS COUNTRIES

The problem of understanding the subject of law arose in the middle of the last century, when its sectoral understanding was finally consolidated, which limits its content as a category. This approach does not allow to reveal all aspects of the studied phenomenon, which gives rise to a number of negative factors, for example, in the legislator's rule-making techniques, as a result of which he does not observe the unity of terminology. The article covers the initial stage of covering the problem of understanding the subject of law as a category.

Key words: law; subject of law; scientific category.

Субъект права представляет собой правовую категорию, которая взаимодействует со всеми элементами правовой системы, находясь внутри нее. Отметим, что в её содержании следует рассматривать несколько состояний: личностное, где основное влияние социальной среды наблюдается; юридическое (правовое), которое выражается в правовых конструкциях текстов нормативно-правовых актов, ключевая роль отводится правовым ролям. В отечественной доктрине права принято рассматривать

субъект права как понятие, которое определяется как лицо, участвующее в правовых отношениях и обладающее правосубъектностью и дееспособность [1]. Отметим, что данное понимание сформировалось под влиянием отрасли гражданского права, согласно которой субъект принято рассматривать в качестве физических и юридических лиц. Следует рассмотреть определение субъекта права в законодательстве ряда стран СНГ.

Раздел 2 Гражданского кодекса Армении – «Лица (субъекты гражданских прав)», одноименной главы, посвященной субъектам, нет, отсутствует и само определение физических лиц[1]. Отождествление лица и субъекта с точки зрения логики правоприменения не вызывает нареканий.

Далее рассмотрим Гражданский кодекс Республики Азербайджан, в нем содержится интересующий нас раздел 2 «Лица», и глава 3 «Физические лица». В статье 24.1 предлагается следующее определение: «Физическим лицом является индивидуум, участвующий в правовых отношениях от своего имени». Данный подход позволяет говорить о том, что законодатель учел характеристику категории субъект права и смог сохранить сущность человека в субъекте гражданского права, описывая физическое лицо[2]. Также интерес представляет статья 24.2, согласно которой «все граждане, иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие или временно пребывающие на территории Азербайджанской Республики» являются ими. Наблюдаем, что перечислено бОльшее число тех, кто определяется в качестве физических лиц.

Таким образом, приходим к тому, что как в отечественном праве, так и в праве стран СНГ наблюдается отраслевое понимание субъекта права. Причем законодатель не стремится к стройной и логичной системе изложения понятия субъекта в нормах права, что вызвано недостаточной проработанностью теории о субъекте права, что следует решить в настоящее время. Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова и Ф.А. Тасалов обозначают проблему

---

[1] Интернет-ресурс: Гражданский кодекс Республики Армении. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus (дата обращения: 20.02.2025).

[2] Интернет-ресурс: Гражданский кодекс Республики Азербайджан. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420111 (дата обращения: 18.02.2025).

сложности определения субъекта права, так как происходит смешение с объектом, в новых видах отношениях происходит подмена понятий [2]. Информационно-коммуникационные отношения в обществе, повсеместная цифровизация и автоматизация приводят к возникновению новых участников, требующих идентификации в качестве субъектов, что бывает крайне затруднительно при отсутствии рекомендаций, предложенных доктриной.

Список использованной литературы

1. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник // МГУ им. М.В. Ломоносова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2019. С. 390–410.

2. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых субъектов» (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. III/ отв. ред. Л.Ю. Василевская. Москва: Проспект, 2023. С. 5.

Информация об авторе

Коваленко Наталья Евгеньевна – младший научный сотрудник, аспирант, Алтайский государственный университет. E-mail: kovalenkorub5@gmail.com.

Author

Kovalenko Natalia Evgenievna – Junior Researcher, Postgraduate Student, Altai State University. E-mail: kovalenkorub5@gmail.com.

УДК 34

С.В. Кодан

МЕТОД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ПРОСТРАНСТВА[1]

Активное развитие юридической историографии ставит проблему разработки методологического инструментария исследований в этой сфере. Одним из методов изучения историографических процессов в юриспруденции является метод историографической компаративистики, который позволяет в сравнительном ключе проанализировать развитие юридической науки в различных исследовательских направлениях и проекциях. Автор определяет основные проблемные пространства формирования указанного метода и его основные характеристики. Особе внимание акцентируется на междисциплинарном характере метода историографической компаративистики в юридической историографии в контексте его взаимодействия с методологическим инструментарием других научных дисциплин социально-гуманитарного профиля, на пресечении с которыми формируется содержание и определяют методики и технологии использования данного метода в исследовательских практиках в различных юридических науках. В статье представлено авторское видение взаимодействий и направлении развития указанного метода в юридической историографии.

Ключевые слова: юриспруденция; сравнительный метод в юриспруденции; метод историографической компаративистики; юридическая историография; методология юридической историографии.

[1] Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

S.V. Kodan

METHOD OF HISTORIOGRAPHIC COMPARATIVISTICS IN LEGAL HISTORIOGRAPHY: MAIN PROBLEM SPACES

The active development of legal historiography poses the problem of developing methodological research tools in this field. One of the methods of studying historiographical processes in jurisprudence is the method of historiographical comparative studies, which allows a comparative analysis of the development of legal science in various research areas. The author defines the main problem spaces of the definition of the specified method and its main characteristics. Special attention is paid to the interdisciplinary nature of the method of comparative historiography in legal historiography in the context of its interaction with the methodological tools of other scientific disciplines of the social and humanitarian profile, which form the content and determine the technology of using this method in research practices in various legal sciences. The author's vision of the research matrix of this method is also given.

Key words: jurisprudence; comparative method in jurisprudence; method of historiographical comparative studies; legal historiography; methodology of legal historiography.

Современное развитие юриспруденции, с появлением новых исследовательских направлений, формированием областей знания и научных дисциплин, актуализирует разработку вопросов методологического обеспечения исследований в их предметных сферах. В этом отношении становление юридической историографии ставит проблему разработки методологического инструментария, принципов, методов и технологий историографических исследований в юриспруденции. Реализация Институтом государства и права РАН научного проекта "Создание российской историографической модели политических и правовых знаний и её применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России" и проведённые в 2024 году научные конференции по данной проблематике рельефно обозначили остроту вопроса о необходимости проработки методологии ис-

ториографических исследований и определяют её в качестве одного из основных элементов создания историографической модели в юридической науке [1].

Методология историографического исследования в юриспруденции рассматривается как область общих методологических знаний в преломлении относительно методологического инструментария проведения конкретного историографического исследования. Исследователь опирается на принципы, методы, подходы, методики и технологии, обеспечивающие получение точных, достоверных и проверяемых результатов изучения историографических явлений и процессов: истории науки, массивов научной литературы, историографических источников, места и роли отдельных учёных в получении нового знания, традиций и преемственности в юридической науке и т.п. [5] Одним из основных инструментов изучения историографических процессов в юриспруденции является метод историографической компаративистики). Он позволяет проводить сравнительный анализ развития юридической науки в различных исследовательских направлениях и временных срезах. В современном науковедении компаративистика чётко позиционируется как инструмент анализа научной деятельности и развития науки, широко представлена в современной социогуманитаристике [6].

В связи с указанным обозначу ряд проблем, связанных с проработкой в юридической историографии метода историографической компаративистики.

Первая проблема носит общий характер и состоит в определении предметной направленности историографии в юриспруденции в контексте отработки ее методологического инструментария. Юридическая историография находится в исследовательском пространстве историографии социогуманитаристики, которая обращается к истории развития отдельных отраслей науки и научных дисциплин. В этом отношении важно учитывать, что понимание историографии в эпистемологическом плане предполагает «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» [8]. При этом историографическая реконструкция опира-

ется на историко-сравнительный метод в качестве основного познавательного средства и исследовательского инструмента изучения процессов развития отраслей знания и научных дисциплин через многоаспектное исследование их историографии.

Предмет историографии юридической науки – юридической историографии – находится в плоскости осмысления развития юриспруденции в категориях ее прошлого, настоящего и направлений будущих исследовательских перспектив через призму изучения накопленного интеллектуального наследия в сфере изучении государственно-правовой жизнедеятельности общества, биографий ведущих ученых-юристов и их научной деятельности. Соответственно в рамках предметной направленности юридической историографии разворачиваются и ее основные характеристики, в числе которых одним из главных проблемных пространств является проработка ее методологического инструментария как одного из оснований историографических исследований в юриспруденции [4].

Вторая проблема связана с позиционированием метода компаративистики в социогуманитаристике. Здесь необходимо учитывать, что в современных социально-гуманитарных науках сформировалось общее междисциплинарное комплексное понимание компаративного метода исследования как способа и набора методологических принципов, методов и технологий познания окружающего мира, основанных на сравнении и сопоставлении, которые позволяют в процессе исследования выявлять общее и особенное в различных социокультурных системах – степень их сходства и различия, тенденции развития и др. характеристики в режиме диахронных и синхронных исследовательских проекций. В основе компаративного метода находится историко-сравнительный метод, который уходит своими истоками в XIX в. и пройдя становление в XX столетии является одним из основных инструментов в современной науке [9].

Современная компаративистика представляет собой развитое исследовательское пространство, в котором присутствуют одновременно взаимосвязанные и предметно локализованные направления изучения явлений, процессов, институтов и др., которые проводятся в рамках социальных, гуманитарных и естественных наук и входящих в их состав научных дисциплин. В основе их взаимосвязей и междисциплинарного взаимодействия

находится один из универсальных и наиболее распространённых методов научного познания – сравнение. Одновременно сравнительные исследования в современных условиях рассредоточены по отдельным наукам и характеризуются наличием таких направлений как философская компаративистика, литературная компаративистика, политическая компаративистика, юридическая компаративистика и др.

Третья проблема непосредственно связана пониманием метода историографической компаративистики в историографии социогуманитаристики. Этот метод сформировался и активно применяется в исторической науке и, соответственно, в исторической историографии [7]. С развитием историографических исследований в других областях научного знания метод историографической компаративистики стал универсальным инструментом изучения историографических процессов в различных проекциях, а его понимание и позиционирование вышло за пределы исторической науки. Сравнительно-исторический метод в изучении историографии позиционируется в числе главенствующего познавательного инструмента, поскольку позволяет изучить историографические процессы и факты на различных этапах развития науки в связи с исторической обстановкой, в которой осуществлялась научная деятельность [3, с. 35–37].

Важно учитывать, что юридическая историография в настоящее время отпочковывается от историографии социогуманитаристики и ее методологический инструментарий создаёт предпосылки для определения и развития историографических познавательных средств в юриспруденции. Здесь представляется важным как обеспечение взаимодействия социогуманитаристики и юриспруденции в изучении историографии через взаимное обогащение и использование историографических знаний, так и адаптация последних в юриспруденции для снабжения ими исследовательских практик историографического характера.

Четвертая проблема состоит в соотношении методологии юридической компаративистики и метода историографической компаративистики в юридической историографии. И хотя между указанными методологическими пространствами есть много общего, но юридическая компаративистика в целом не ориентирована на историографический уровень познания

государственно-правовых явлений и институтов и даже не включает его в свой объект познания. Традиционно ее объектом является правовые системы различных государств – сопоставляемые государственные и правовые институты, их основные принципы, категории, источники познания и др. [10] Тем не менее в сравнительном правоведении обращается внимание и на исследования правовых культур, неотъемлемым атрибутом которых является юридическая наука и ее история, а тем самым и юридическая историография. Представляется, что именно здесь и происходит сопряжение, определяется совместное исследовательское пространство юридической компаративистики и юридической историографии.

Особо почеркнем, что именно в юридической компаративистике заложен большой потенциал для развития метода историографической компаративистики в юридической историографии. В работах основных представителей сравнительного правоведения в отечественной юриспруденции – В.С. Нерсесянц, В.А. Туманов, М.Н Марченко, А.Д. Тихомиров, В.И. Лафицкий, А.Х Саидов, В.В. Оксамытный и др. – представлены особо значимые наработки методологического характера в сравнительном срезе [2]. Именно они могут и должны быть использованы в рамках разработки методологии, методики и технологий проведения сравнительных исследований в юридической историографии. Одновременно и сравнительно-историографическая компонента может войти в общее пространство юридической компаративистики и обеспечить более широкий диапазон сравнительно-юридических исследований в юридической науке.

Пятая проблема включает определение содержания метода историографической компаративистики в юридической историографии. В общем плане компаративный метод содержательно включает три элемента: объект и предмет сопоставляемых явлений, процессов, институтов и др.; метод сравнения и обеспечивающие его реализацию аналитические процедуры; описание результатов компаративного исследования. Заметим, что общая методология сравнительных исследований основательно проработана в различных науках и может стать основой для разработки методологии юридической историографии.

В рамках проработки метода историографической компаративистики в юридической историографии центральным во-

просом является проработка общих критериев выделения объектов характеристик для сравнения в научном исследовании с возможностью их конкретизации на уровне отдельной научной работы историографического характера. Не менее важной проблемой является и выделение критериев сравнения и их согласование с ними характеристик сравниваемых объектов. Особое значение приобретает разработка методик, технологий и процедур сравнительно-историографического анализа с выделением особенностей аналитических практик в соответствии с направлениями историографических исследований в юриспруденции, а также их репрезентация результатов сравнительных исследований в юридической историографии.

В итоге подчеркнём, что разработка методологии, методик и технологий проведения сравнительных исследований в юридической историографии как представляется важной проблемой междисциплинарного характера. Использование накопленных знаний проведения историко-сравнительных исследований в социально-гуманитарных науках и потенциала юридической компаративистики позволяет обеспечить основательную проработку метода историографической компаративистики в юридической историографии и обеспечить его эффективное использования в исследовательских практиках, а также встроить его вместе с другими методами как компоненту в создаваемую российскую историографической модели политико-правовых знаний

Список использованной литературы

1. Горбань В.С. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний / В.С. Горбань // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 64–78;

2. Егоров А.В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения / А.В. Егоров. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 207 с.

3. Зевлев А.И. Историографическое исследование; методологические аспекты / А.И. Зевлев. – М.: Высшая школа, 1987. – 160 с.

4. Кодан С.В. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках / С.В. Кодан // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3. – С. 12–18.

5. Кодан С.В. Историография в структуре юриспруденции: понимание и основные исследовательские пространства / С.В. Кодан // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях: Сборник научных трудов первой Международной конференции «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях (Москва, 16 октября 2024 года) ; Под под общ. ред. чл.-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Савенкова, д-ра юрид. наук В.С. Горбаня. – М.: ИГП РАН, 2024. – С. 46–57.

6. Котенко В.П. Компаративистика – новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки / В.П. Котенко // Библиосфера. – 2007. – № 3. – С. 21–27.

7. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику / М.М. Кром – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 247 с.

8. Маркова Л.А. Историография науки / Л.А. Маркова // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, РООИ.Реабилитация, 2009. – С. 333–334.

9. Моргачева Е.Н. Сравнительно-исторический метод: обзор подходов к классификации в общественных науках / Е.Н. Моргачева // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2016. – № 2. – С. 102–114.

10. Оксамытный В.В. Юридическая компаративистика / В.В. Оксамытный. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, – 2017. – 431 с.

Информация об авторе

Кодан Сергей Владимирович – ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: svk2005@yandex.ru.

Author

Kodan Sergey Vladimirovich – leading researcher in the sector of philosophy of law, history and theory of state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: svk2005@yandex.ru.

УДК 342 Я.А. Коновальчиков

ПАРАДОКС ПРИНЦИПА МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Принцип многопартийности реализуется во многих демократических государствах, в том числе и в России, и предполагает постепенный переход от количественной многопартийности к качественной. Так, в 2025 году в России насчитывается 24 политических партии, в Бразилии – 26 партий, в Испании – 25 партий, в Мексике – 10 партий[1]. С этими государствами объединяет не только политическое многообразие. В каждом из них в тот или иной период существовала «партия власти», имевшая постоянное парламентское большинство. По мнению автора, в этом заключается парадокс принципа многопартийности. О причинах и последствиях этого явления будет рассказано в настоящей статье.

Ключевые слова: конституционный принцип многопартийности; доминантная политическая партия; партия власти; партийная система; демократический транзит; избиратель.

Y.A. Konovalchikov

THE PARADOX OF THE MULTIPARTY PRINCIPLE

The principle of multiparty rule is implemented in many democratic states, including Russia. It assumes a gradual transition from quantitative multiparty to qualitative. So, in 2025, there are 24 political parties in Russia, 26 parties in Brazil, 25 parties in Spain, and 10 parties in Mexico. It is not only political diversity that unites these States. In each of them, at one time or another, there was a "party of power" that had a permanent parliamentary majority. According to the author, this is the paradox of the multiparty principle. The causes and consequences of this phenomenon will be described in this article.

[1] Информация получена на сайте Министерства юстиции Российской Федерации https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii (дата обращения: 24.02.2025), а также портале iSideWith.com (справочник по голосованию) https://www.isidewith.com/ru (дата обращения: 24.02.2025).

Key words: constitutional principle of multiparty system; dominant political party; party of power; party system; democratic transit; voter.

Всем известны идеалы демократии, среди которых принцип многопартийности (политического плюрализма) занимает особое место. В конституционно-правовой науке понятие «политический плюрализм» определяется с позиции как сущностного многообразия, так и формального количества акторов [9, с. 9]. Разнообразие политических партий и предлагаемых ими идеологических взглядов призвано обеспечивать максимальное народное представительство и отражение интересов даже самых малых групп населения.

Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила многопартийность как принцип конституционного строя России. И хотя в нашей стране имелся опыт партийного строительства, в 1990-е годы партийную систему России характеризовали как незавершенную, при которой, по меткому выражению политолога В.Ю. Разумовского, «большинство политических партий создавались накануне очередных парламентских выборов под конкретного лидера, не имели четкой программы и плана социально-экономического развития страны, а также поддержки избирателей» [8]. Такая фрагментация политических партий, влекущая неспособность обеспечить интересы электората, порождала политическую апатию и индифферентность в обществе, негативно влияющие на развитие демократии. Для решения этой проблемы была предложена идея, согласно которой именно государство и его лидер могли бы консолидировать различные социальные группы и региональные элиты путем создания мощной федеральной политической партии, которая будет выдвигать кандидатов на выборах [8]. В конституционно-правовой науке такая партия получила название «партии власти», а в политологии «доминантной партии».

Постепенно партийная и избирательная реформа периода 2000-х – 2010-х годов (выдвижение кандидатов исключительно политическими партиями, заградительный барьер, вид избирательной системы на выборах в федеральный парламент, численность политической партии, отмена прямых выборов глав субъектов Российской Федерации) привела к трансформации пар-

тийной системы в России в доминантную или, по-другому, партийную систему с доминированием одной партии. Такие системы возникают в государствах, перед которыми стоят задачи национальной интеграции, социально-экономической модернизации, формирования гражданского общества и включения широких масс населения в политическую жизнь [3, с. 147]. При этом политический режим с доминантной партией предполагает: 1) регулярное проведение выборов на альтернативной основе с участием более одной партии или кандидата; 2) непрерывное превосходство одной и той же политической силы над всеми остальными более трех электоральных циклов подряд; 3) непрерывное пребывание у власти в государстве одной и той же политической силы на протяжении как минимум нескольких электоральных циклов подряд [7, с. 235]. Поэтому, доминантные партийные системы в отличие от однопартийных характеризуются конкурентностью, то есть наличием соперников у правящей партии, что само по себе является стимулом для мобилизации [3, с. 149]. Функциями доминантной партии следует считать: 1) «стабилизаторскую», направленную на устранение конфликтов между исполнительной и законодательной ветвями власти путем фактического подчинения парламента президенту через парламентское большинство партии власти; 2) «консолидации», направленную на объединение управленческих, экономических, политических элит, поддерживающих президента и правительство [4]. В связи с этим доминантную партию отличает минимизация идеологического компонента и стремление охватить всю «повестку дня». Такая партия отвечает запросам медианного избирателя, что позволяет ей удерживаться у власти длительное время без поражений и прихода к власти ее политических оппонентов [7, с. 244–245]. Создание «партии власти» и регулярное обеспечение ей парламентского большинства, на наш взгляд, является одним из парадоксов принципа многопартийности.

Следует отметить, что подобная политическая технология (создание «партии власти») отнюдь не нова и была апробирована в ряде государств, например, в Испании, Мексике и Бразилии. Предлагаем оценить ее влияние на принцип многопартийности в этих государствах.

Смена франкистской политической системы в Испании на демократическую в период с 1975 по 1977 годы привела к образованию более 500 различных политических организаций. Отмечается, что для Испании, как и для России, характерно значительное влияние фактора личности на политические процессы. Лидер Испании того периода А. Суарес для стабилизации политической обстановки сформировал предвыборную коалицию «Союз демократического центра», в которую вошли порядка 15 политических организаций (позже трансформировался в «Народную партию»). Другой сильнейшей партией стала Испанская социалистическая рабочая партия. По итогам парламентских выборов 1977 года в Испании сложилась и длительное время действовала двухпартийная модель при вспомогательной роли двух-трех относительно небольших партий, которые могли добавить голоса, но не участвовали в формировании правительства. Это обеспечивало высокий уровень политической стабильности в стране. Победившая на выборах партия, как правило, имела абсолютное большинство в нижней палате парламента, поэтому могла считаться «партией власти». Так продолжалось вплоть до очередных выборов 2015 года, по итогам которых стали очевидными начало разрушения двухпартийной системы и переход к многопартийной. К этому, как считается, привел экономический кризис и последующая пандемия коронавируса, вызвавшие протестные настроения в испанском обществе [6].

В XX веке в Мексике более 70 лет действовал режим доминирующей политической партии – Институционально-революционной партии. Эта партия широко использовала административный ресурс и метод патронажа для удержания власти. При этом в стране регулярно проводились выборы, к участию в которых была допущена оппозиция. Во многом это объяснялось необходимостью признания режима на международной арене. Для преодоления кризиса легитимности в 1964 году была проведена избирательная реформа, которая предполагала введение квоты для оппозиционных партий, набравших 2,5 % голосов избирателей. Реформа способствовала росту парламентского представительства оппозиции. Позже в 1977 году избирательная реформа была продолжена: разрешена регистрация левых революционных организаций, общественное финансирование партий, введены квоты для политической рекламы в СМИ [1]. Ста-

тистические данные свидетельствуют, что электоральная поддержка Институционально-революционной партии усиливалась в условиях роста экономики и ослабевала во время ее спада [10]. В результате экономического кризиса в 1987 году пришлось проводить новую избирательную реформу, предполагавшую расширение пропорциональной избирательной системы. В отличие от предыдущих реформ ее задачей стало сдерживание оппозиции и сохранение доминирования Институционально-революционной партии в парламенте. Новый экономический кризис 2000-х годов привел к переходу к многопартийной системе, а для Институционально-революционной партии усилилась борьба между фракциями внутри нее самой, особенно за места в начале партийного списка на выборах [1].

Схожесть политической ситуации Бразилии и России отмечается исключительно в период демократического транзита (1980–1990 годы). В условиях усложнения социальной стратификации общества и появления так называемого «массового общества» для демократического развития должны были выдвинуться партии очень широкого социального и политического спектра, которые были бы способны наладить связь между политиками и электоратом. В результате в Бразилии появилось множество партий, в том числе популистского характера, некоторые из которых создавались исключительно для выдвижения определенного кандидата на выборах, поскольку такое требование было заложено в Конституции Бразилии. С одной стороны, это вызвало недоверие населения к политическим партиям, а с другой стороны способствовало появлению феномена «харизматичного лидера», которому как предполагалось было бы по силам консолидировать разрозненные элиты [5].

Подытоживая, отметим, что как проявлению парадокса принципа многопартийности, так и его исчезновению способствуют различные кризисные явления (экономические, социальные, ценностные и даже санитарные кризисы). Хотя появление «партии власти» и преследует цель политической стабилизации в государстве и обществе, но в полноте не отвечает интересам электората.

Список использованной литературы

1. Гришина А.М., Мелешкина Е.Ю. Механизмы сохранения власти доминантной партии в условиях авторитарного режима в Мексике // Политическая наука. 2015. № 1. С. 83–94.

2. Дудников Е.В. Политический плюрализм и становление многопартийности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

3. Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 135–161.

4. Мухаметов Р.С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне // Ars Administrandi. 2015. № 1. С. 85–94.

5. Окунева Л.С. Бразилия – Россия: схожесть, параллелизмы, расхождения. Парадоксы феномена переходности // Ибероамериканские тетради. 2015. № 3. С. 68–90.

6. Орлов А.А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. 2022. № 2. С. 115–129.

7. Порошин А.В. Режим с доминантной партией как перспектива политической трансформации посткоммунистических государств // Политическая наука. 2014. № 3. С. 232–248.

8. Разумовский В.Ю. Российская «партия власти» и региональная политическая элита – интересы, противоречия, перспективы // Сравнительная политика. 2021. №2. С. 38–53.

9. Ситникова И.Е. Политический плюрализм и правотворчество в современном российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 31 с.

10. Скулкин И. А. Триумф и крушение Институционально-революционной партии: логика функционирования политических систем с гегемонистской партией. Magaloni B. voting for autocracy:hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006 // Полития. 2010. №3–4 (58–59). С. 297–302.

Информация об авторе

Коновальчиков Ярослав Андреевич – кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской федерации, доцент кафедры. E-mail: jarush999@mail.ru.

Author

Konovalchikov Yaroslav Andreevich – Candidate of Law, Acting Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of the Department. E-mail: jarush999@mail.ru.

УДК 343.14

С.В. Корнакова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН СНГ

В статье сравнительно-правовой анализ регламентации участия защитника в доказывании в уголовно-процессуальном законодательстве России и некоторых стран ближнего зарубежья выявлен. на его основании выявлен ряд преимуществ соответствующих норм законодательства ряда стран СНГ, проявляющихся в более детальной конкретизации способов собирания защитником сведений с целью защиты своего доверителя. Делается вывод, что в российский уголовно-процессуальный кодекс нуждается в совершенствовании, в чем может оказаться полезным соответствующий опыт рассмотренных в статье стран СНГ.

Ключевые слова: адвокат-защитник; полномочия защитника; доказывание; участник доказывания; способы собирания сведений; представление доказательств защитником.

S.V. Kornakova

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE REGULATION OF THE DEFENDER'S ACTIVITIES IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND SOME CIS COUNTRIES

The article provides a comparative legal analysis of the regulation of the defender's participation in evidence in the criminal procedure legislation of Russia and some neighboring countries. Based on it, a number of advantages of the relevant legislation of a number of CIS countries have been identified, manifested in a more detailed specification of the ways in which a defender collects information in order to protect his client. It is concluded that the Russian Code of Criminal Procedure needs to be improved, in which the relevant experience of the CIS countries considered in the article may be useful.

Key words: defense attorney; powers of the defense attorney; evidence; participant in evidence; methods of collecting information; presentation of evidence by the defense attorney.

Наличие процессуальной фигуры защитника в российском уголовном судопроизводстве обусловлено необходимостью и обязанностью государства обеспечивать право на защиту подозреваемому, обвиняемому. В настоящее время сложно представить отстаивание своих прав в разных видах уголовно-процессуального производства без защитника. Данное обстоятельство обусловлено тем, что квалифицированная юридическая помощь позволяет гражданам защитить свои права более качественно, имея шанс на их восстановление.

Как верно отмечает И.Л. Урадовских, современный законодатель, совершенствуя нормы уголовно-процессуального права, верно обозначил в качестве приоритетных мер защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, исходя из конституционных принципов на свободу каждого человека и гражданина [4, с. 159].

При этом А.А. Магомедали полагает, что независимость защитника является одной из главных составляющих его деятельности, поскольку при его нарушении может быть нарушен баланс между обвинением и защитой [2, с. 205]. Независимость – это необходимое условие оказания им квалифицированной юридической помощи, поскольку такая помощь дает возможность самостоятельно определять правовую позицию по уголовному делу и в оптимальном правовом режиме обеспечивать защиту или представительство интересов доверителя [1, с. 48].

Однако наличие ряда проблем, возникающих при толковании норм УПК РФ, не позволяют по достоинству оценить роль и правовой статус защитника в уголовном судопроизводстве. Так, по мнению А.В. Петрова существует ряд уже устаревших проблем, касающихся его процессуального статуса, которые, к сожалению, несмотря на постоянное реформирование УПК РФ, не изменяются [3, с. 219]. К таковым относятся, в частности, проблемы, связанные с недостатками регламентации уголовно-процессуальным законом способов осуществления защитником доказательственной деятельности.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе собирать доказательства путем:

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса лиц с их согласия;

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Между тем анализ использованных законодателем формулировок для отражения в тексте закона способов собирания защитником сведений, по нашему мнению, не может не вызывать критики. В частности, остается открытым вопрос, что подразумевать под глаголом «получать» по отношению к предметам и документам, употребленном в п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Думается, что без указания конкретных процедур такого получения указанная норма в полной мере «работать» не может.

В этом отношении стоит указать, что во многих уголовно-процессуальных кодексах стран СНГ в нормах, регламентирующих участие защитника в доказывании, в отношении предметов использован глагол «представлять (предоставлять)», а не «получать». Более того, представлять (предоставлять) предметы и документы могут любые лица. Так, согласно п. 4 ст. 143 УПК Азербайджанской Республики [5], «подозреваемый, обвиняемый, защитник, частный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, физические и юридические лица вправе представлять вещи и документы, а также устные или письменные сведения, которые могут быть признаны доказательствами». Нормы аналогичного содержания содержатся в УПК республик Казахстан (ч. 4 ст. 122), Молдова [6] (ч. 3 ст. 100), Таджикистан [7] (ч. 4 ст. 86).

Примечательным также является то, что, например, в УПК Кыргызской Республики содержится предписание, обращенное к властным участникам процесса, согласно которому «принятие предметов и документов от участников уголовного судопроизводства и иных лиц осуществляется на основании ходатайства и подлежат приобщению к делу, о чем выносится постановление» (ч. 4 ст. 91). Подчеркнем, не могут быть приобщены, а подлежат приобщению. А согласно ч. 7 ст. 53 УПК Кыргызской Республики, приобщенные материалы подлежат исследованию, оценке в соответствии с требованиями закона. Подобное положение содержится и в ст. 87 УПК Республики Узбекистан [8].

В этом отношении вызывает, по меньшей мере, недоумение, почему в российском уголовно-процессуальном законе подобные конкретизированные предписания законодателем не предусмотрены. В этой связи думается, что в статьях, определяющих права подозреваемого, обвиняемого и защитника должно быть закреплено их право ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела сведений, которые представлены стороной защиты в ходе осуществления его правозащитной функции.

Что касается второго из указанных законодателем в ч. 3 ст. 86 УПК РФ способов участия защитника в доказывании стоит отметить, что было бы более предпочтительным, на наш взгляд, указать в качестве такового не опрос, а «получение объяснений от лиц с их согласия», поскольку первый термин представляется не вполне удачным.

Отметим, что в УПК Азербайджанской Республики в качестве способа собирания защитником сведений для оказания юридической помощи закреплено получение именно объяснений от индивидуальных лиц (ч. 3 ст. 143), а в ст. 87 УПК Республики Узбекистан отражено положение о том, что результатом опроса лиц должно быть «получение письменных объяснений с их согласия».

В этом отношении видится прогрессивным содержание п. 4 ч. 3 ст. 91 УПК Кыргызской Республики, согласно которому, «если адвокат не обеспечил явку опрошенного им лица в орган, ведущий уголовное судопроизводство, для проведения процессуального или следственного действия, опрос признается недостаточным и к делу не приобщается». То есть законодатель этой республики, в отличие от российского законодателя, уделил внимание вопросу введения имеющей значение для дела информации, представленной защитником, в уголовный процесс.

Бóльшая конкретизация законодательных положений кодексов ряда стран СНГ прослеживается и в отношении третьего способа получения сведений защитником, отраженных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. В частности, в п. 1 ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан не просто закреплено право защитника на истребование справок, характеристик, иных документов от юридических лиц, в том числе от государственных органов и общественных объединений, но и установлен срок его исполнения запрашиваемыми защитником органами и лицами. При этом такой срок

варьируется в зависимости ситуации расследования: если в общих случаях требуемые защитником документы должны быть ему предоставлены в 10-дневный срок, то в случае рассмотрения вопроса о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей – в течение 24 часов. Обязанность представить запрошенные защитником документы в течение 10 суток также отражена в УПК Кыргызской Республики (п. 1 ч. 3 ст. 91).

Российский УПК не содержит подобных положений, но, для сравнения, согласно ч. 2 ст. 6.1 Закона об адвокатуре запрашиваемые адвокатом органы должны дать ответ на его запрос в 30-дневный срок со дня его получения, при этом предоставление такого ответа может быть продлено еще на такой же срок. Думается, что приведенные законодательные положения уголовно-процессуальных законов республики Казахстан и Кыргызстан гораздо в большей степени способствуют эффективности деятельности защитника по защите интересов и законных прав лица, доверившего ему свою защиту и представление интересов.

Кроме этого, при анализе способов собирания защитником сведений, имеющих значение для дела, в российском уголовно-процессуальном законе обнаруживается некоторая несогласованность указания на такие способы в ч. 3 ст. 86 УПК РФ и теми полномочиями, которыми закон наделил защитника, отраженными ч. 1 ст. 53 УПК РФ. В частности, согласно п. 3 последней из указанных норм, защитник имеет право привлекать специалиста. Как представляется, цель привлечение данного участника процесса не может быть ничем иным, как получением сведений, для обоснования обстоятельств, благоприятствующих позиции защиты. В связи с этим вызывает удивление не указание такого способа получения сведений защитником в перечне, приведенном в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, который следует признать неполным.

Напротив, в ряде стран СНГ уголовно-процессуальным законодательством для осуществления своей функции защитник наделен не только правом привлечения на договорной основе специалиста (п. 4 ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан, п. 3. ч. 3 ст. 91 УПК Кыргызской Республики), но и обязанностью разъяснения последнему последствий в виде уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения с оформлением расписки специалиста об осведомленности об этом, которую ответственное за производство по делу лицо обязано приобщить к материалам дела (п. 4 ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан).

УПК республик Молдова, Таджикистан и Туркменистан также предусматривают право защитника «с согласия подзащитного запрашивать мнение специалиста для выяснения вопросов, требующих специальных знаний» (п. 3. ч. 2 ст. 100; п. 5 ч. 3 ст. 86 и ч. 2 ст. 133 соответственно).

Кроме этого, законодательством Казахстана и Кыргызстана защитник наделен правом инициирования на договорной основе производства судебной экспертизы и направления запроса в орган судебной экспертизы о ее производстве (п. п. 4 ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан; п. 3–4 ч. 4 ст. 53 и п. 2 ч. 3 ст. 91 УПК Кыргызской Республики). При этом, согласно ч. 5 ст. 272 УПК Республики Казахстан, «орган, ведущий уголовный процесс, не вправе отказать в назначении экспертизы, за исключением случаев, когда вопросы, представленные на ее разрешение, не относятся к уголовному делу или предмету судебной экспертизы».

Думается, что подобный способ участия защитника в доказывании следует закрепить в УПК РФ. Если производство у мирового судьи по делам частного обвинения осуществляется, минуя досудебные стадии, а соответственно исключается возможность участия защитника на более ранних этапах, то этого нельзя сказать о делах, производство которых осуществляется в общем порядке. В этой связи представляется, что российский уголовно-процессуальный закон нуждается в совершенствовании посредством более детальной деятельности по участию защитника в доказывании на стадии предварительного расследования. И в этом мог бы быть полезен имеющийся опыт законодательной регламентации полномочий защитника рассмотренных стран СНГ. В УПК РФ, как минимум, должна найти отражение обязанность уполномоченных лиц по приобщению предоставляемых стороной защиты сведений к материалам уголовного дела и последующей их проверке и оценке на предмет возможности или невозможности их использования в качестве доказательств.

Список использованной литературы

1. Ларинков А.А. К вопросу о полномочиях защитника по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве / А.А. Ларинков // КриминалистЪ. – 2011. – № 1 (8). – С. 47–51.

2. Магомедали А.А. К вопросу об участии защитника в уголовном / А.А. Магомедали // Закон и право. – 2024. – № 2. – С. 203–206.

3. Петров А.В. Проблемы правового статуса адвоката-защитника в уголовном процессе / А.В. Петров // Актуальные проблемы права. – 2015. – № 11. – С. 219–222.

4. Урадовских И.Л. Проблемы реализации прав защитника в уголовном судопроизводстве / И.Л. Урадовских // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 159–162.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. (с изм. и доп. по сост. на 22.12.2023 г.) // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. – 2000. – № 8. – Ст. 585.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 01.03.2024 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. – 2013. – № 248–251. – Ст. 699.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изм. и доп. по сост. на 03.01.2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12. – Ст. 816.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 19.04.2024 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1995. – № 2. – Ст. 5.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета. E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Author

Kornakova Svetlana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of State Law and National Security of Baikal State University. E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

УДК 342.846 А.Д. Котельников

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ: ГДЕ ГРАНЬ МЕЖДУ СОДЕЙСТВИЕМ И ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ?

На основе сравнительного анализа избирательного законодательства России и ряда зарубежных государств, а также рассмотрения практики организации выборов Российской Федерации выявлен ряд проблем правового закрепления и реализации института содействия избирательным комиссиям со стороны иных органов публичной власти, в частности принадлежащих к исполнительной ветви государственной власти. Определено, что отсутствие четкого разделения прав и обязанностей указанных органов порождает возможности для злоупотреблений и вмешательства в деятельность избирательных комиссий. Приведена положительная практика правового регулирования схожих вопросов избирательным законодательством государств Центральной Азии. Предлагаются меры по совершенствованию избирательного законодательства в части разграничения непосредственного обеспечения деятельности комиссий и оказания им содействия в реализации полномочий с одновременным пересмотром принципов такого содействия.

Ключевые слова: выборы; содействие избирательным комиссиям; финансирование выборов; принципы избирательного права; избирательное законодательство.

A.D. Kotelnikov

EXECUTIVE AUTHORITY AND ELECTION COMMISSIONS: WHERE IS THE LINE BETWEEN ASSISTANCE AND INTERFERENCE?

Based on a comparative analysis of the electoral legislation of Russia and a number of foreign countries, as well as consideration of the practice of organizing elections in the Russian Federation, a number of problems in the legal consolidation and implementation of the institution of assistance to election commissions by other public authorities, in particular those belonging to the executive branch of government, have been identified. It has been determined that the lack

of a clear division of the rights and responsibilities of these bodies creates opportunities for abuse and interference in the activities of election commissions. Positive practice of legal regulation of similar issues by the electoral legislation of the Central Asian states is given. Measures are proposed to improve the electoral legislation in terms of delimiting the direct provision of the activities of commissions and assisting them in the implementation of their powers with a simultaneous revision of the principles of such assistance.

Key words: elections; assistance to election commissions; election financing; principles of electoral law; electoral legislation.

Правовой статус избирательных комиссий как организаторов подготовки и проведения выборов в России характеризуется сложностью и неоднозначностью. Одной из его особенностей является институт содействия комиссиям со стороны иных органов публичной власти, подведомственных и подконтрольных им организаций. Несмотря на то, что данный институт достаточно давно представлен в российском законодательстве, его правовое закрепление и практика реализации порождают ряд вопросов, особенно в рамках взаимодействия избирательных комиссий с исполнительными органами государственной власти.

Основные положения о содействии органов и организаций в реализации полномочий избирательных комиссий предусмотрены пунктом 16 статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ)[1]. До 2023 года они носили довольно общий характер, но впоследствии обрели более конкретизированные формулировки. Так, появилось условие о недопустимости возложения на комиссии расходов по содержанию предоставленных им помещений, а также об обязанности содействующих субъектов предоставлять участковым избирательным комиссиям также и технологическое оборудование. Тем не менее, существенного реформирования рассматриваемого института не осуществлялось и, как представляется, не предвидится в обозримом будущем.

[1] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

В настоящее время правовой механизм содействия избиркомам включает в себя как обязательные, то есть прямо поименованные в законе (предоставление помещений, транспортных средств, обеспечение связью и т. д.), так и необязательные компоненты. Последние вызывают наибольшее количество вопросов на практике, поскольку избирательное законодательство прямо не предусматривает пределов, в которых органами власти и учреждениями осуществляется такое содействие.

Так, например, в 2024 году избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации (далее также – субъекты РФ) по предложению ЦИК России были направлены запросы в высшие исполнительные органы соответствующих субъектов РФ об оказании содействия в части оснащения альтернативными источниками электропитания комплексов средств автоматизации территориальных избирательных комиссий Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» (далее – ГАС «Выборы»). Очевидная актуальность бесперебойного обеспечения электроэнергией избирательных комиссий в периоды избирательных кампаний, в особенности в дни голосования, не вызывает сомнений, поскольку банальные технологические сбои в данном случае могут поставить под угрозу надлежащее обеспечение избирательного процесса и соблюдение прав граждан. Вместе с тем положения статьи 25 Федерального закона «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» (далее – Закон о ГАС «Выборы») устанавливают по общему правилу возможность предусматривать ассигнования на использование, эксплуатацию и развитие ГАС «Выборы» как из федерального, так и из регионального и местного бюджетов[2].

Попытку частично разделить сферы ответственности в вопросах финансирования указанных направлений деятельности предприняла Центральная избирательная комиссия РФ, определив порядок и объемы финансирования расходов избирательных комиссий субъектов РФ на обеспечение их деятельности[3].

---

[2] О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» : федеральный закон от 10 января 2003 года № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 172.

[3] О порядке и объемах финансирования расходов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации на обеспечение их деятельности : постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 10 октября 2012 года № 144/1095-6 // Вестник ЦИК России. 2012. № 11.

Однако указанный документ также не позволяет провести четкие границы между финансированием работы комиссий из федерального и регионального бюджетов. В отсутствие императивных норм законодательства ЦИК России вправе лишь определить направления расходования средств федерального бюджета (например, оплата труда работающих на постоянной основе членов комиссий и работников их аппаратов) и дать рекомендации субъектам РФ, в какой части желательно предусмотреть ассигнования из бюджета региона.

Таким образом, сложившаяся модель правового регулирования содействия избирательным комиссиям не позволяет даже провести границу между непосредственным обеспечением функционирования избирательных комиссий и содействием со стороны органов государственной власти и муниципалитетов, не говоря уже о том, чтобы четко определить уровни публичной власти и субъектов оказания такого содействия по конкретным направлениям деятельности, особенно в части финансирования работы комиссий. Как следствие, допускается одновременное содействие по одним и тем же направлениям со стороны органов публичной власти различного уровня либо неоказание такого содействия вовсе, что открывает широкие возможности для злоупотреблений, вплоть до вмешательства в деятельность комиссий, со стороны органов не только исполнительной власти, но и местного самоуправления.

В приведенном примере с обеспечением оснащения альтернативными источниками электропитания комплексов ГАС «Выборы» правительства отдельных регионов пошли по пути фактического самоустранения, предложив комиссиям обратиться за содействием к органам местного самоуправления либо запросить финансирование из федерального бюджета (фактически сведя решение вопроса к состоянию рекурсии). Не вызывает сомнения, что сложившаяся ситуация является следствием описанных выше недостатков правового регулирования работы комиссий.

При этом в схожих правопорядках зарубежных государств существуют более удачные примеры формулирования обязанности органов публичной власти по содействию организаторам выборов. Так, Конституционный Закон Кыргызской Республики «О Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики» в части 5 статьи 1 определяет

перечень направлений содействия в реализации полномочий ЦИК Кыргызстана, во многом совпадающий с положениями пункта 16 статьи 20 Федерального закона № 67-ФЗ – предоставление необходимого оборудования, транспортных средств, обеспечения связи и т. д., но, в отличие от российского примера, данный перечень является закрытым[4]. Аналогичные положения содержатся в части 3 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов Кыргызской Республики»[5]. При этом следует отметить выраженное общее сходство избирательного законодательства двух государств [2, с. 23].

В Республике Казахстан, напротив, институт содействия органов власти избирательным комиссиям закреплен достаточно широко, без уточнения его конкретных видов и форм. Тем не менее, механизм финансирования выборов предусматривает четкое распределение целевых расходов между республиканским и местными бюджетами, что, следует полагать, не оставляет возможностей для расширительного толкования норм государственными и местными органами[6].

Схожим образом регулируются отношения по организации выборов и в Республике Узбекистан. При этом законодатель разделяет финансирование собственно выборов, которое осуществляется из бюджетов разного уровня, и финансирование избирательных комиссий, осуществляемое исключительно за счет республиканского бюджета, которым посвящены соответственно статьи 98 и 99 Избирательного кодекса Республики Узбекистан[7]. Примечательно, что в статье 129 Конституции Узбекистана, по-

---

[4] О Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики : Конституционный Закон Кыргызской Республики от 26 июня 2021 года № 79 // Газета «Эркин-Тоо». 2021. 29 июня.

[5] Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов Кыргызской Республики : Закон Кыргызской Республики от 30 июня 2011 года № 62 // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики. Режим доступа : https://shailoo.gov.kg/ru/ZakonodatelstvoMyyzamdar/ZakonyMyyzamdar/Ov_izbzratel_kom_provedeni (дата обращения: 20 февраля 2025 года).

[6] О выборах в Республике Казахстан : Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464 // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 17-18. Ст. 114.

[7] Избирательный кодекс Республики Узбекистан : утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 июня 2019 года № ЗРУ-544 // Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2019. № 6. Ст. 327.

священной статусу Центральной избирательной комиссии республики, первым среди основных принципов ее деятельности указана независимость[8]. Современное самостоятельное положение избирательных комиссий в системе публичной власти Узбекистана является результатом целенаправленной реформы, продолжавшейся более десятка лет [1, с. 40].

Обобщая правотворческий и правоприменительный опыт, в том числе приведенные примеры из законодательства зарубежных государств, можно заключить, что наиболее оптимальной моделью содействия органов публичной власти избирательным комиссиям видится закрепление принципа финансирования избирательных комиссий из бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований только для целей проведения выборов соответствующего уровня, тогда как постоянная деятельность комиссий, в том числе в межвыборный период, должна финансироваться исключительно из федерального бюджета. Виды и формы содействия комиссиям со стороны иных органов, особенно принадлежащих к исполнительной ветви власти, должны быть сведены федеральным законодателем в закрытый перечень, не допускающий расширительного толкования последними. Данные меры позволят не допустить пересечения той грани, за которой содействие избирательным комиссиям превращается во вмешательство в их деятельность, и обеспечить неукоснительную реализацию в Российской Федерации принципов демократического и правового государства [3, с. 309].

Список использованной литературы

1. Артемова О.Е. Конституционно-правовой статус центрального избирательного органа Республики Узбекистан / О.Е. Артемова // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 2(18). – С. 39–46. – EDN XUBGVF.

2. Девицкий, Э.И. Особенности организации и проведения выборов и референдума в Кыргызской Республике / Э.И. Девицкий // Избирательное право. – 2017. – № 1(35). – С. 23–30. – EDN ZTENUX.

[8] Конституция Республики Узбекистан // Правительственный портал Республики Узбекистан. Режим доступа : https://davlat.uz/ru/mfa/sections/view/14475 (дата обращения: 20 февраля 2025 года).

3. Якимова Е.М. Свободные выборы как международный избирательный стандарт / Е.М. Якимова // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование : Материалы Международного Байкальского форума, Иркутск, 20–21 сентября 2018 года / Под научной редакцией Е.Р. Метелевой. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. – С. 309–311. – EDN YPMAXR.

Информация об авторе

Котельников Алексей Дмитриевич – заместитель председателя Иркутской городской № 4 территориальной избирательной комиссии (Свердловский округ), советник отдела государственного права и местного самоуправления главного правового управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, аспирант кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета. E-mail: ADK8897@yandex.ru.

Author

Kotelnikov Alexey Dmitrievich – Deputy Chairman of Irkutsk city No. 4 territorial election commission (Sverdlovsky district), adviser of the Department of State Law and Local Self-Government of the Main Legal Department of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region, postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of Baikal State University. E-mail: ADK8897@yandex.ru.

УДК 342 Д.С. Лачинова

КОНТРОЛЬ ЗА ИНОСТРАННЫМ ВЛИЯНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ОПЫТА

В статье рассматривается тенденция усиления государственного контроля над деятельностью международных некоммерческих организаций (НПО), с акцентом на российский и китайский опыт. В России контроль осуществляется через институт «иностранных агентов» а в Китае – через закон «Об иностранных НПО», требующий регистрации и ограничивающий деятельность. Анализируются четыре сценария развития ситуации в Китае после введения закона, предложенные немецкими учеными на основе теории институциональных изменений Элинор Остром, от игнорирования норм до переориентации международного сотрудничества на условиях, выгодных китайскому государству. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия формальных и фактических правил в контексте деятельности иностранных НПО в Китае.

Ключевые слова: иностранные агенты; международные НПО; международные НКО; международное сотрудничество; нежелательные организации; институциональные изменения; китайское законодательство.

D.S. Lachinova

CONTROL OVER FOREIGN INFLUENCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN AND CHINESE EXPERIENCE

The article examines the trend of increasing state control over the activities of international non-profit organizations (NGOs), with an emphasis on the Russian and Chinese experience. In Russia, control is carried out through the institution of "foreign agents" and in China through the law "On Foreign NGOs", which requires registration and restricts activities. The article analyzes four scenarios for the development of the situation in China after the introduction of the law, proposed by German scientists based on the theory of institutional change by Elinor Ostrom, from ignoring norms to reorienting

international cooperation on terms beneficial to the Chinese state. Special attention is paid to the analysis of the interaction of formal and factual rules in the context of the activities of foreign NGOs in China.

Key words: foreign agents; international NGOs; international NGOs; international cooperation; undesirable organizations; institutional changes; Chinese legislation.

Мировая тенденция к формированию национальных механизмов по защите государств от внешнего влияния со стороны международных представительств гражданского общества стремительно развивается в последние годы не только в России, но и других государствах. Во многих зарубежных правовых системах мы можем проследить схожий вариант регулирования через институт иностранного агента и введения последующих ограничений при получении статуса.

Такой путь выбрала для себя Россия – через поэтапное введение норм, которые привели к оформлению полноценного института иностранного агента. Подтверждением является принятый в 2022 году закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»[1]. Иностранным агентом в России может стать иностранное юридическое лицо, иностранная структура без образования юридического лица в случае получения поддержки и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах при осуществлении политической деятельности, сбора сведений в области военной деятельности Российской Федерации, распространении материалов для широкого круга лиц. Для субъектов, признанных иностранными агентами наступают определенные правовые последствия в виде обязательной маркировки, отчетности и ограничения определенных видов деятельности. Присвоение статуса иноагента находится в ведении Министерства юстиции России. Другим менее популярным инструментов контроля за деятельностью международных некоммерческих организаций в России выступает признание организации нежелательной по решению органов прокуратуры с последующим полным запретом на ведение деятельности на территории Российской Федерации.

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Российская газета. № 154-155.19 июля 2022 г.

В мировой практике существуют иные подходы к регулированию иностранного влияния на гражданское общество и его представителей. Например, в Китае был сделан выбор в пользу полного контроля за осуществлением деятельности на территории государства международных неправительственных организаций при помощи правоохранительных органов. Новый этап развития контроля за иностранным влиянием в Китае связан с принятием в 2017 году закона «Об иностранных НПО», влияние которого рассмотрим подробнее в данной статье.

Для проведения исследования нам необходимо определиться с некоторыми терминами. Рассматриваемый нами закон Китая в английском варианте именуемый Law of the People's Republic of China on Administration of Foreign NGOs' Activities within China (далее – Закон Китая об иностранных НПО) не является официальным, перевод выполнен изданием China Law Translate и используется в научной литературе (Franceschini and Elisa Nesossi, 2016) [1, с. 34–41]. Данный закон оперирует понятием NGO (Non-Governmental Organization), что в переводе на русский язык означает неправительственная организация (НПО). В российском законодательстве в контексте иностранных агентов чаще употребляется термин – некоммерческая организация (НКО), что в переводе на английский язык обозначает NPO (Non-Profit Organization). Термины NGO и NPO схожи по своей сути, цель этих организаций состоит в достижении общественного блага, а не извлечение прибыли. Независимо от названия в данной статье пойдет речь о международных организациях гражданского общества.

Исследование Yu Z., Wen Z., Sun H. позволяет нам подробнее узнать о развитии процесса регулирования деятельности международных представителей гражданского общества в Китае [3, с.4]. Активная деятельность иностранных НПО (далее – иНПО) в Китае отмечается с 1980-х годов, включая организации из Гонконга, Макао и Тайваня, осуществляющих программы в области защиты окружающей среды, бедности и помощи при стихийных бедствиях. С 2000-х по 2010-х годы в Китае наблюдалось жесткое регулирование деятельности иНПО с трудностями при регистрации организации, что привело к росту числа работы незарегистрированных НПО. В 2017 году наступил новый этап регулирования деятельности иНПО с принятием закона

Китая об иностранных НПО. В соответствии с новыми правилами для легальной деятельности на территории материкового Китая иНПО обязаны зарегистрировать представительство в Министерстве общественной безопасности (Народная полиция КНР) или получить разрешение на временное мероприятие. Целью нового законодательства, которая официально закреплена в 1 статье закона, стало упорядочивание и регулирование деятельности всех иНПО в Китае для защиты их прав и содействия сотрудничеству. Под сферу деятельности фактически подпадают все иностранные НПО, в том числе фонды, общественные организации, аналитические центры. Для продолжения своей деятельности на территории Китая таким организациям помимо обязательной регистрации запрещено участвовать в коммерческой или политической деятельности, проводить религиозную деятельность или финансировать такие виды деятельности.

С принятием нового закона обязательную регистрацию обязаны пройти в том числе действующие на тот момент иНПО, фактически теперь для осуществления деятельности иНПО должно получить разрешение от правоохранительных органов Китая на свою работу. Помимо этого, иНПО прошедшие успешную регистрацию обязаны представлять в надзорный орган план своей деятельности на год для его утверждения. Дополнительно вводятся требования о внедрении единой системы финансовой отчетности, которая может осуществляться только аккредитованной китайской организацией.

Проведенное исследование немецкими учеными о последствиях принятия такого закона на деятельность местных китайских НКО и международных НПО (Holbig and Lang, 2022) при применении теории институциональных изменений Элинор Остром позволило предположить четыре сценария развития. Э. Остром лауреат Нобелевской премии по экономике, разработала теорию институциональных изменений, которая акцентирует внимание на важности как формальных, так и неформальных правил в управлении общественными ресурсами. Основное внимание в её работах уделяется концепциям «rules-in-form» (формальные правила), которые представляют собой нормативные предписания в виде текста и «rules-in-use» (используемые правила), которые представляют собой применение установленных фактических правил в реальной жизни с особенностями

культуры и традиций. По мнению Э. Остром для эффективного функционирования институтов необходима согласованность между формальными и используемыми правилами, в противном случае может сложиться ситуация при которой происходит уклонение от соблюдения нормативных предписаний или их полное игнорирование. На основе анализа взаимодействия формальных правил и используемых правил в контексте закона Китая об иностранных НПО Х. Хольбинг и Б. Ланг предложили следующие сценарии влияния закона на международное гражданское общество [2, с. 574–601].

Первый сценарий «без изменений»: предполагает, что принятые нормы в основном игнорируются и не оказывают влияния на существование субъектов гражданского общества. Данный сценарий характерен для Китая 1990-х и начала 2000-х годов, однако не актуален в современном китайском государстве.

Второй сценарий «сдерживание»: предполагает полную согласованность нормативных правил с их исполнением. Результатом такого развития событий становится ряд ограничений для иНПО на территории Китая. Отмечается, что развитие данного сценария наиболее вероятно, о чем свидетельствуют передача надзорных прав за иНПО фактически полицейскому органу, повышение неопределенности среди населения и опасения сотрудничества с иНПО. В настоящее время в Китае практически не использовалось принудительное изгнание иностранных организаций некоммерческого сектора. В большинстве случаев сокращение числа иНПО связано с бюрократическими трудностями получения финансирования и регистрации деятельности, либо с собственной осторожности организаций.

Третий сценарий «повторные изменения»: предполагает частичное соблюдение и исполнение нормативных предписаний в зависимости от воли лиц, принимающих решение. Результатом этого сценария может стать в разрешении деятельности иНПО, которые сотрудничают с государством и преследуют общие цели, а также исключении организаций, деятельность которых не соответствует общепринятой идеологии. Сотрудничество с иНПО полностью не исключается при этом сценарии, что создает разрыв между формальными правилами и используемыми правилами, что ставит под сомнение эффективность законодательства. Подтверждением развития данного сценария мо-

жет послужить 13-й пятилетний план Республики Китай, в котором предусмотрено использование частных ресурсов международных организаций для решения проблем с бедностью, улучшения медицинского обслуживания, образования.

Четвертый сценарий «переориентация»: предполагает существенно изменение «правил игры». В такой ситуации предполагается, что принятие закона является первым шагом к целому ряду более масштабных изменений существующих правил в сотрудничестве с международными некоммерческими организациями гражданского общества. В рамках такого сценария предполагается, что Китай не отказывается полностью от международного сотрудничества и партнерства, а наоборот хочет изменить его структурно. Идея состоит в том, чтобы заставить иНПО сотрудничать на выгодных для китайского государства условиях и осуществлять социально значимую деятельность в полном согласовании с правящей партией.

Данное исследование позволяет рассмотреть процесс изменения взаимоотношения китайского государства с иностранными организациями гражданского общества с различных точек зрения. Мировая тенденция к контролю государств над деятельностью международных некоммерческих организаций приводит к формированию различных правовых механизмов. В России для этих целей используется институт иностранного агента или признания организации нежелательной. Китайский опыт показывает нам иной вариант в виде полного контроля за регистрацией международных неправительственных организаций со стороны правоохранительных органов, установленный законом Китая об иностранных НПО 2017 года. Применение теории институциональных изменений Э. Остром позволило нам предположить влияние принятого в Китае закона на развитие международного гражданского общества. Несомненно, прошло недостаточно времени, чтобы делать точные выводы для институциональных изменений, однако проведенное исследование может стать основой для дальнейшего изучения и наблюдения за развитием ситуации.

Список использованной литературы

1. Franceschini I., Nesossi E. The Foreign NGOs Management Law: A Compendium //Made in China Journal. – 2016. – Т. 1, № 2. – С. 34–41.

2. Holbig H., Lang B. China's overseas NGO law and the future of international civil society //Journal of Contemporary Asia. – 2022. – Т. 52, № 4. – С. 574–601.

3. Yu Z., Wen Z., Sun H. Regulation of International Human Service NGOs in China: New Actors, Old Obstacles //China Nonprofit Review. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 4.

Информация об авторе

Лачинова Дарья Сергеевна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет». E-mail: darya.lachinova@gmail.com.

Author

Lachinova Daria Sergeevna – postgraduate student at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Volgograd State University. E-mail: darya.lachinova@gmail.com.

УДК 340.5

С.Э. Либанова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЕНСИОНЕРОВ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Отношение социального государства к решению социальных вопросов своих граждан есть показатель их значимости и ценности для государства. Несмотря на наличие правовых норм, гарантирующих социальные права, их реальная реализация в некоторых странах, включая Россию, сталкивается с различными трудностями. Пенсия во всех странах зависит от того сколько человек зарабатывал и сколько отчислений производил. Реально уровень жизни пенсионеров зависит не от размера пенсии, а от того какая сумма остается после затрат на еду, медицину, одежду, коммунальные платежи и жильё.

Ключевые слова: социальные права; пенсии; пенсионный возраст; социальное обеспечение; уровень жизни; государственная поддержка.

S.E. Libanova

PROVISION OF SOCIAL RIGHTS FOR PENSIONERS IN RUSSIA AND OTHER COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The attitude of the welfare state towards solving the social issues of its citizens is an indicator of their importance and value to the state. Despite the existence of legal norms guaranteeing social rights, their real implementation in some countries, including Russia, faces various difficulties. The pension in all countries depends on how much a person earned and how many contributions he made. In reality, the standard of living of pensioners does not depend on the size of the pension, but on how much remains after spending on food, medicine, clothing, utilities and housing.

Keywords: social rights; pensions; retirement age; social security; standard of living; state support.

Социальное государство – это государство, в котором установлен такой правовой порядок, который гарантирует конституционные права, свободы человека и гражданина, формальное юридическое равенство всех перед законом, т.е. всеобщее господство права, а значит, недопустимость удовлетворения социально-экономических прав одних членов общества в ущерб прав и свобод других. Указанные положения служат тем правовым фундаментом, на котором российское демократическое правовое государство должно функционировать как социальное [3, с. 30–34].

Отношение социального государства к решению социальных вопросов своих граждан есть показатель их значимости и ценности для государства. Сравнительный анализ социальных прав в международных правовых актах показывает, что в большинстве развитых стран социальные права занимают центральное место в конституционном праве. Например, в Конституции Германии закрепляется принцип социального государства, который предполагает обеспечение социального благосостояния граждан через систему прав и государственных гарантий. Схожая концепция выражена в законодательных актах многих европейских стран, включая Францию и Великобританию. Социальные права тесно связаны с правами личности, обеспечивая доступ к необходимым социальным благам.

Социальные права в разном объеме закрепляются как на международном уровне, так и в конституционном праве многих государств. Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская социальная хартия 1961 г. Конституции многих государств (Бельгии, Италии, Франции, Японии, Германии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Мексики и ряда других), в том числе России, не содержат деления прав в соответствии с международной классификацией.

Примером успешной реализации социальных прав являются скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания). В Скандинавии доступ к качественному образованию обеспечивается для всех граждан. Образование, начиная с детских садов и заканчивая университетами, часто является бесплатным или доступным при минимальных затратах. Эти страны предлагают систему здравоохранения, основанную на принципах универ-

сального доступа и финансирования из налогов. Каждый гражданин имеет право на бесплатное или крайне низкооплачиваемое медицинское обслуживание. Скандинавские модели социального обеспечения характеризуются высокими стандартами жизни, щедрыми пособиями по безработице и уходу за детьми, что способствует снижению уровня бедности и обеспечению равенства.

Наибольшие проблемы в реализации социальных наблюдаются в развивающихся странах (например, многие страны Африки и Азии). Доступ к качественному образованию в них остается ограниченным из-за отсутствия финансирования, инфраструктуры и обучающих материалов. Более того, в некоторых регионах сохраняются гендерные барьеры, которые препятствуют девочкам в получении образования. Часто наблюдается нехватка медицинских учреждений и специалистов, что ограничивает доступность медицинской помощи. Кроме того, высокие уровни инфекционных заболеваний и нехватка вакцин создают дополнительные трудности в обеспечении здоровья населения.

Системы социальной защиты не развиты или отсутствуют, что приводит к уязвимости населения к экономическим кризисам, природным катастрофам и другим рискам.

Социальным называется то государство, которое «берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии граждан и их социальной защищенности». Оно как бы исправляет формализм «свободы» и «равенства», помогая бедным и непредприимчивым [1, с. 140].

Несмотря на наличие правовых норм, гарантирующих социальные права, их реальная реализация в некоторых странах, включая Россию, сталкивается с различными трудностями. Экономические кризисы, низкий уровень социальной защиты и правовые пробелы создают препятствия для полной реализации этих прав. Например, право на здравоохранение в России сталкивается с проблемами доступности и качества медицинских услуг, что является важным индикатором неэффективности системы социальной защиты. Неоднозначное воздействие на социальные права оказывает глобализация как процесс усиления взаимосвязанности и взаимозависимости стран мира в экономической, политической и культурной сферах. Но одновременно она открыла новые рынки труда, улучшила доступ к об-

разовательным и медицинским ресурсам, а также способствовала обмену знаниями и технологиями. Это создало условия для повышения уровня жизни в некоторых регионах мира, но привело к усилению экономического неравенства как внутри отдельных стран, так и между ними. Богатые страны и транснациональные корпорации получают больше выгод, чем развивающиеся регионы, что приводит к сокращению ресурсов для социальной защиты и поддержки населения. Нельзя не отметить, что экономические кризисы оказывают разрушительное воздействие на социальные права, приводя к ухудшению условий жизни миллионов людей, к росту безработицы, сокращению бюджетных расходов на социальные программы здравоохранения, образования и социального обеспечения. Это приводит к ухудшению качества предоставляемых услуг и снижению уровня жизни населения.

Трансформация социальных прав в эпоху цифровизации и процесс внедрения информационных технологий во все сферы жизни также оказывает значительное влияние на социальные права. Цифровые технологии открывают новые возможности для получения знаний и информации, в том числе пенсионерам, позволяя многим работать на удалённом режиме. Однако это также может привести к увеличению нагрузки и нарушению границ между рабочим временем и личным пространством.

Социальные права человека – это права, закрепленные в нормах международного и внутригосударственного права, которые реализуются в социальной сфере, гарантируют достаточный уровень жизни, отражают статус различных социальных групп, обеспечивают социальную свободу и социальную безопасность каждой личности при активной роли государства.

Обьективным фактором современности, влияющим на пенсионное обеспечение в XXI веке, является старение населения. Неуклонно растет доля людей старше трудоспособного возраста и уменьшается доля людей трудоспособного возраста. Согласно отчетам Организации Объединенных Наций[1], к 2050 году каждый шестой человек в мире будет старше 65 лет (16% населения) по сравнению с каждым десятым в 2022 году (10% населения). Число людей в возрасте 80 лет и старше утроится: со 143 млн в

[1] Старение // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/global-issues.

2019 году до 426 млн в 2050 году. Наиболее старыми континентами будут Европа и Северная Америка: каждый четвертый житель на этих материках будет входить в категорию людей 65 лет и старше.

Большинство стран Европы имеют многоуровневую систему пенсионного обеспечения, которая состоит из трех видов пенсий: Государственная пенсия – минимальная выплата от правительства, которая предлагается большинству граждан, достигших пенсионного возраста и зависит от взносов и стажа национального страхования. При недостаточности стажа, есть возможность уплатить добровольный взнос; профессиональная пенсия – схемы начисления основываются на трудовом стаже, размере заработной платы и годах уплаты взносов; частная пенсия – добровольные программы, которые предлагают финансовые учреждения: страховые компании, банки, инвестиционные фонды. Отсутствует государственная система пенсионного обеспечения по старости в Индии, Нигерии, Кениии, Суринами, Нигерии, Танзании, Гондурасе, Ираке, Филиппинах, Вьетнаме, Пакистане, Китае[2].

В европейских государствах суммы пенсионных выплат зависят от внутреннего законодательства, а не от общеустановленного в Европейском союзе. Минимальная пенсия в Европе составляет 400 евро, а максимальная – примерно 1500 евро в месяц. В 2024 году был установлен порог минимальных выплат: Испания – 789 евро; Швеция – 645 евро; Великобритания – 550 евро; Италия – 750 евро; Португалия – 450 евро; Франция – 360 евро; США – 300 евро; Израиль – 340 евро; Германия – 416 евро. Обьективное сравнение может иметь место только при учете затрат на проживание, медицину, еду и коммунальные услуги в каждой стране.

Уровень пенсий в каждом государстве определяется несколькими факторами: ростом безработицы; уменьшением рождаемости; трудовым стажем; уровнем заработной платы; уменьшением зачисления в фонд социального страхования. Средний возраст выхода на пенсию в Европе около 67 лет. При этом пенсионный возраст жителей ЕС зависит не от пола, а от страхового стажа и профессиональной деятельности.

---

[2] Сайт Визовый центр Visasam.ru (дата обращения: 26.09.24). URL: https://visasam.ru/emigration/vybor/pensiya-v-stranah-mira.html.

Для адаптации к постоянно изменяющимся экономическим и демографическим условиям, в европейских странах регулярно происходит реформирование пенсионной системы. Самую большую пенсию в мире выплачивают в Испании – более 3 600 евро в месяц. При этом сумма ежегодно индексируется в соответствии с инфляцией. Испанцы идут на заслуженный отдых в 65 лет, а выплаты получают на основе взносов в пенсионную систему и трудового стажа. В Германии максимальная сумма ежемесячных выплат достигает 2 140 фунтов и определяется от стажа работы, увеличиваясь с уровнем инфляции и ростом средней зарплаты или на 2,5% ежегодно. В Великобритании максимально возможная пенсия составляет 958 фунтов стерлингов. На высокие выплаты претендуют граждане, достигшие возраста 66 лет, платившие взносы в пенсионную систему от 35 лет и более. Среди экспертов считается, что пенсионная система Великобритании близка к совершенству. Как и в большинстве других стран, пенсионные выплаты в королевстве могут быть государственными, частными или назначенными по выслуге лет. Мужчины идут на заслуженный отдых в 65 лет, женщины в 60–65 лет. Если британский пенсионер продолжает трудиться после достижения этого возраста, за каждый отработанный год идет надбавка к пенсии. В США мужчины выходят на пенсию в 67 лет, женщины в 65 и получают в среднем 1 503 долларов в месяц. Одной из особенностей американской пенсионной системы является возможность накопить необходимую пенсионную сумму, отработав в одной из компаний страны 10 лет. Многие из граждан за время осуществления трудовой деятельности успевают собрать сбережений на две или даже три пенсии. Американец может уйти на пенсию досрочно, но размер пенсии будет составлять 70% от суммы, которую он получал бы, уйдя на пенсию в 67 лет, и выйти на 100% в дальнейшем возможно. В США коммуналка и жильё съедает около 70% от пенсии, цены на продукты там выше, чем в России, купить одежду, конечно, можно в специальных магазинах, где её продают на вес как залежалый товар. Продукты в супермаркетах делятся на категории по цене. Самые низкие цены на ГМО продукцию и с истекающим сроком годности, на мясные изделия с крайне низким содержанием мяса или же его отсутствием в них. Это всё что может себе позволить американский пенсионер. Аналогичная ситуа-

ция существует во многих странах за редким исключением, которым является Дания, которую называют раем для пенсионеров.

Признание прав человека является необходимым, но недостаточным фактором для реализации конституционных гарантий. Доказательством тому является советская Конституция. Особенности прав человека на рубеже XX и XXI веков состоят в том, что они развиваются в условиях противоречий глобализирующегося мира, приводящих к возникновению системы модернизационных рисков, устранение которых возможно только в правовом поле. Провозглашение Российской Федерации как демократического правового и социального государства в первую очередь проявляется в гарантиях, то есть создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого [2, с. 94]. Россия исходит из простого постулата: наличие у человека тех или иных личных проблем (бедность, болезнь, одиночество, старость и т.д.) является веским основанием для предъявления законных требований к государству, чтобы оно материально и организационно помогло в решении этих проблем.

Основными формами социального обеспечения являются: пенсии, пособия, компенсационные выплаты и социальные услуги. Кроме этого имеют место и другие формы социального обеспечения, как государственные (бюджетные и внебюджетные), так и международные.

У пенсионеров в России имеется различная государственная поддержка. Она заключается не только в гарантированной пенсии, но и других мерах, закреплённых в законодательстве Российской Федерации, а именно: праве работать и получать пенсию; праве на алименты; праве брать выходной для ежегодной диспансеризации; праве уволиться без отработки; праве на надбавки к пенсии; праве докупить пенсионный стаж и баллы; праве на социальную пенсию; праве на обязательную долю в наследстве; праве платить меньше налогов; праве выхода в отпуск, без права на отказ работодателем; праве получать пенсию находясь за границей; праве на налоговый вычет при покупке жилья; льготы по оплате проезда и услуг ЖКХ.

Обеспечение реализации данного положения Конституции Российской Федерации закреплено в Федеральном законе

№166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», в Федеральном законе «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» от 06.12.2021 № 391-ФЗ (пос. ред.). Основным общим правовым регулятором в сфере реализации социальной функции государства является Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее ФЗ 442). Действие Закона распространяется на граждан Российской Федерации, на иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, беженцев. Ранее в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ содержалось понятия «трудная жизненная ситуация». В действующем введены понятия «получатель социальных услуг», «поставщик социальных услуг», «профилактика обстоятельств, обусловливающих нуждаемость в социальном обслуживании», «стандарт социальной услуги» и обстоятельства, при наличии которых граждане признаются нуждающимися в социальном обслуживании (ст. 15 Закона). Это представляется юридически грамотным, позволяя применять нормы закона, исходя из определенных обстоятельств, как более четкого правового критерия применения. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 мая 2024 № 564, вступившим в силу с 1 января 2025 года, утверждены «Основные требования к осуществлению процессов назначения и предоставления мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг, предоставляемых в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий и выплат», реализуемые органами власти в электронном виде с использованием ГИС «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» или информационных систем органов и (или) организаций. В статье 2 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» указано, что «Законодательство Российской Федерации о страховых пенсиях состоит из настоящего Федерального закона, Федерального закона от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», Федерального закона от 1 апреля 1996 года № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном)

учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования», других федеральных законов. (в ред. Федеральных законов от 03.07.2016, от 14.07.2022 № 237-ФЗ, от 29.05.24 № 108-ФЗ).

В соответствии с п.3 ст.3 ФЗ № 400. право на одновременное получение двух пенсий предоставляется: гражданам, ставшим инвалидами вследствие военной травмы, которым имеют право на пенсию по инвалидности, предусмотренную пп.1 (с применением п.3 и 5 ст. 15 ФЗ №400) и страховая пенсия по старости. После перерасчета, произведенного 1 января 2024 года, средний размер пенсии неработающим пенсионерам составил 22 605 рублей, а средний размер страховой пенсии по старости увеличился на 1 631 рубль – до 23 449 рублей. Так же в рамках реализации пенсионной реформы Президент России поручил подготовить и принять законопроект о ежегодном повышении с 1 февраля 2025 года пенсий работающим пенсионерам, которых на 2024 год в России 7,85 млн.

Федеральный закон № 442-ФЗ, как основной правовой регулятор в сфере реализации социальной функции государства, направлен на улучшение условий социального обеспечения, но введенный им заявительный порядок породил ряд проблем. Одна из них состоит в том, что пенсионер сам, должен искать во всемирной паутине положенные ему льготы. Представляется, что большее количество пенсионеров по возрасту смогли бы воспользоваться льготами, если бы уполномоченные органы сами в соответствии с пенсионным статусом человека предлагали ему все возможное и положенное по действующему законодательству. Это явилось бы реальной заботой государства о слабозащищенных слоях населения (в первую очередь пенсионерах).

Выход людей на пенсию в различных уголках мира происходит примерно в одинаковом возрасте 60–67 лет, но они получают весьма различные выплаты и имеют глобально различающееся социальное обеспечение, исходя из стоимости потребительской корзины и медицинских услуг. Пенсия во всех странах зависит от того сколько человек зарабатывал и сколько отчислений производил. Реально уровень жизни пенсионеров зависит не от размера пенсии, а от того какая сумма остается после затрат на еду, медицину, одежду, коммунальные платежи и жильё.

Россия стремится соответствовать конституционной доктрине, но ей предстоит решить множество экономических вопросов, позволяющих обеспечить достойную жизнь пенсионеров по возрасту. В первую очередь, заинтересовать граждан регулярно платить 13%, 22%, 2,9% от официальной заработной платы или дохода индивидуального предпринимателя и т.д., а не работать на себя, не показывая свои доходы.

Правовая культура и правовое просвещение, обеспеченное на государственном уровне, позволят гражданам получить знание о своих социальных правах и эффективно ими пользоваться, помогая стать государству де факто социальным и правовым в соответствии с требованиям основного Закона России.

Список использованной литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М.: Норма: Инфра М, 2017. 768 с.

2. Либанова С.Э. Адвокатура в механизме обеспечения прав человека: конституционно-правовое исследование : дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 94.

3. Охотский Е.В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат / Е.В. Охотский, В.А. Богучарская // Труд и социальные отношения. 2012. № 5 (95). С. 30–44.

Информация об авторе

Либанова Светлана Эдуардовна – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, доктор юридичесих наук, адвокат-медиатор. E-mail: libany@rambler.ru.

Author

Libanova Svetlana Eduardovna – Professor of the Department of Constitutional Law of the V.F. Yakovlev Ural State Law University, Doctor of Law, lawyer-mediator. E-mail: libany@rambler.ru.

УДК 341.4 Д.В. Лобач

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В ФОКУСЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

На примере уголовного законодательства 12 стран Европейского союза исследуется национальный опыт криминализации общественно опасных деяний, посягающих на международный мир и безопасность человечества. Выявлены две тенденции такой криминализации: унификация и регионализация уголовно-правовой политики в сфере обеспечения мира и безопасности человечества. Делается вывод о том, процесс глобальной унификации в установлении уголовной ответственности за общественно опасные деяния, посягающие на международный мир и безопасность человечества, на национальном уровне стран Европейского союза неоднороден как по объему, так и по содержанию криминализации в соответствии с нормами Римского статута МУС. Европейские государства имплементировали в свое национальное законодательство положения международных договоров преимущественно в модифицированном выражении. При этом наблюдается и региональная специфика расширения группы преступлений, посягающих на отношения, охраняемые международным правом.

Ключевые слова: агрессия; геноцид; военные преступления; международные преступления; Международный уголовный суд; Европейский союз; имплементация.

D.V. Lobach

CRIMINAL LAW POLICY IN THE SPHERE OF PROTECTING INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY OF HUMANITY IN THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION: TRENDS OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION IN FOCUS ON THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL INTERESTS

Using the example of the criminal legislation of 12 countries of the European Union, the national experience of criminalization of socially dangerous acts that encroach on international peace and security of mankind is studied. Two trends of such criminalization are identified: unification and regionalization of criminal law policy in the sphere of ensuring peace and security of mankind. It is concluded that the process of global unification in establishing criminal liability for socially dangerous acts that encroach on international peace and human security at the national level of the European Union countries is heterogeneous both in terms of the volume and content of criminalization in accordance with the norms of the Rome Statute of the ICC. European states have implemented the provisions of international treaties in their national legislation mainly in a modified form. At the same time, there is also a regional specificity in the expansion of the group of crimes that encroach on relations protected by international law.

Key words: aggression; genocide; war crimes; international crimes; International Criminal Court; European Union; implementation.

После Второй мировой войны обеспечению международных отношений, составляющих международный мир и безопасность человечества, стало уделяться особое внимание, продиктованное как самими последствиями мировой войны, выразившимися в беспрецедентном социокультурном, экономическом и демографическом вреде для всего человечества, так и всеобщим (международным) признанием необходимости борьбы с политическим насилием, совершаемым в форме агрессии, геноцида, этнических чисток и иных проявлений бесчеловечных деяний. В свою очередь общий вектор такой борьбы выразился в поли-

тико-правовой институционализации и юридической регламентации международных отношений в сфере глобальной безопасности и предупреждения деяний, посягающих на всеобщий мир и безопасность всего человечества. Оба направления международной консолидации охватывают активное интеграционное участие государств. Так, если политико-правовая институционализация связана с созданием и функционированием международных организаций, осуществляющих дифференцированную работу в различных направлениях предупреждения и устранения угроз миру и безопасности человечества, то юридическая регламентация международных отношений охватывает создание конвенционных актов, закрепляющих международные обязательства по криминализации на национальном уровне деяний в качестве преступлений, посягающих на наиболее значимые подсистемы международного правового порядка – международный мир и безопасность человечества.

Вместе с тем развитие международного уголовного права в сфере противодействия международным преступлениям (агрессии, геноциду, военным преступлениям и преступлениям против человечности) не всегда приводит к унификации национального законодательства, что объясняется особенностями правовой политики, спецификой юридической техники и правовой культуры, а также различными конъюнктурными факторами (супрематия национальных интересов, лоббирование корпоративных устремлений, примат идеологического влияния, низкий рейтинг доверия у населения).

Особенности данного процесса можно продемонстрировать на примере отдельных стран Европейского союза (далее – ЕС). Внимание именно к этим странам продиктовано тем, что европейские государства вместе с СССР и КНР столкнулись с вопиющими злодеяниями во время Второй мировой войны, а как следствие – историческая память в условиях европейского менталитета в определенной мере оказала влияние на формирование национальной правовой политики в сфере борьбы с бесчеловечными деяниями, составляющими группу международных преступлений, а международная интеграция в Европейском союзе с учетом признания юрисдикции Международного уголовного суда (далее – МУС) ознаменовали вектор унификации в крими-

нализации общественно опасных деяний, вызывающих озабоченность всего международного сообщества, с учетом национальных особенностей.

Анализ зарубежного опыта криминализации общественно опасных деяний, посягающих на международный мир и безопасность человечества, позволяет выделить две ключевые тенденции, отражающие особые направления национальной уголовно-правовой политики: 1) унификация уголовно-правовой политики в сфере обеспечения мира и безопасности через криминализацию общественно опасных деяний, составляющих группу международных преступлений («core crimes»), которая осуществляется в связи с имплементацией международных обязательств; 2) регионализация уголовно-правовой политики в сфере обеспечения мира и безопасности человечества посредством расширения группы преступлений, посягающих на интересы международного сообщества.

Первая тенденция продиктована интеграционной связью между европейскими государствами, являющимися членами ЕС и признающими юрисдикцию МУС. Все страны, входящие в ЕС, одновременно являются государствами–членами МУС. Учитывая тот факт, что ряд положений Договора о Европейском союзе от 1992 г. предусматривают цель поддержания мира и безопасности (п. «с», ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 42, ч. 1 ст. 43[1]), а Римский статут МУС возводит эти объекты в уголовно-правовое измерение, национальный законодатель европейских стран криминализировал бесчеловечные деяния, составляющие группу международных преступлений. Так, например, в уголовном законодательстве Франции (ст. 211.1, 211.2, 212.1–212.3, 461.2–461.31 УК Франции[2]), Испании (ст. 607–614 bis[3]), Германии (Кодекс преступлений против международного права от 26 июня 2002 г.[4]),

---

[1] Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union, European Union. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/7874.

[2] Code pénal français. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719.

[3] Penal Code of Spain (Organic Law No. 10/1995 of November 23, 1995, as amended up to Organic Law No. 2/2019 of March 1, 2019). URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18760.

[4] Code of Crimes against International Law (CCAIL) of 26 June 2002 (Federal Law Gazette I, p. 2254), as last amended by Article 1 of the Act of 30 July 2024 (Federal Law Gazette 2024 I, no. 255). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_vstgb/englisch_vstgb.html.

Дании (законы о военных преступлениях и геноциде), Италии (Закон от 9 октября 1967 г. № 962 «О предупреждении и пресечении преступления геноцида»[5]), Польши (ст. 117–125 УК Польши), Австрии (§ 321–324 УК Австрии)[6], Румынии (ст. 172–177 УК Румынии[7]), Болгарии (ст. 407–418 УК Болгарии[8]), Эстонии (§ 89–91, § 94–109 УК Эстонии[9]), Латвии (ст. 71–74 УК Латвии[10]) и Литвы (ст. 99–113 УК Литвы[11]) содержатся нормы, которые в определенном объеме и модификации закрепляют составы международных преступлений («core crimes»).

Объем криминализации отражает количество составов международных преступлений по отношению к статутной модели преступлений[12]. Говорить о полном объеме криминализации представляется возможным только в том случае, если все четыре международных преступления, посягающих на всеобщий мир, безопасность человечества и отношения, возникающие в результате действия норм международного гуманитарного права (агрессия, военные преступления, преступления против человечности и геноцид), нашли свое нормативное закрепление в национальном законодательстве. Отметим, что в представленной выборке европейских уголовных законов в абсолютном большинстве случаев были криминализированы бесчеловечные деяния, составляющие геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Вместе с тем ответственность за агрессию предусмотрена не во всех национальных уголовных законах (например, Франция, Италия, Испания, Дания).

---

[5] Legge 9 ottobre 1967, №. 962 «Prevenzione e repressione del delitto di genocidio». URL: https://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1967-10-30&atto.codiceRedazionale=067U0962&currentPage=1.

[6] Bundesgesetz vom 23. Jänner 1974 über die mit gerichtlicher Strafe bedrohten Handlungen (Strafgesetzbuch – StGB). URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung/Bundesnormen/10002296/StGB%2c%20Fassung%20vom%2019.10.2016.pdf.

[7] The criminal code of Romania. URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Romania/RO_Criminal_Code.pdf.

[8] Criminal Code of Bulgaria (SG No. 26/1968, as amended up to July 8, 2022). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21816.

[9] Penal Code of Estonia. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/522012015002/consolide.

[10] Krimināllikums (Ar grozījumiem: 02.02.2021). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20918.

[11] Lithuanian Criminal Code. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/522012015002/consolide.

[12] Статутная модель международных преступлений представляет собой составы четырех преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, указанные в ст. 6 – 8 bis Римского статута Международного уголовного суда.

Во многом такая ситуация объясняется, во-первых, сложностью самого деяния (как в плане определения его юридических признаков, так и в части отграничения от иных форм политического насилия против другого государства) и, во-вторых, запоздалым появлением в Римском статуте МУС нормы об агрессии (ст. 8 bis была включена резолюцией RC/Res.6 от 11 июня 2010 г.).

Модификационная криминализация общественно опасных деяний, составляющих группу международных преступлений, заключается в изменении (сужении или расширении) юридических признаков составов таких преступлений. Такое изменение может выражаться как в некотором (частичном) отступлении от выполнения международных обязательств в обозначенной сфере, так и в усилении уголовно-правового регулирования отношений, составляющих мир и безопасность человечества.

В качестве примера первого изменения в рамках модификационной криминализации, в результате которого происходит неполное по отношению к материальным нормам Римского статута МУС закрепление признаков составов международных преступлений, можно привести законодательный опыт уголовно-правовой борьбы с такими преступлениями в Болгарии. В третьем разделе главы XIV УК Болгарии содержатся нормы, устанавливающие ответственность за геноцид (ст. 416 и 417) и апартеид (ст. 418). Учитывая тот факт, что Болгария является государством–членом МУС с 2002 г., а апартеид в соответствии со ст. 7 Римского статута МУС представляет собой только часть (один из признаков объективной стороны) преступлений против человечности, следует сделать логическое допущение о неполной имплементации нормативного положения Римского статута МУС.

Не менее интересным представляется опыт криминализации агрессии в Германском Кодексе преступлений против международного права[13]. В разделе 13 этого документа закреплена смешанная модель преступления агрессии, совмещающая в себе элементы статутной (ст. 8-bis) и нюрнбергской (п. «а» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала) модели этого преступления. Немецкий законодатель ограничил правило универсальной

[13] Code of Crimes against International Law (CCAIL) of 26 June 2002 (Federal Law Gazette I, p. 2254), as last amended by Article 1 of the Act of 30 July 2024 (Federal Law Gazette 2024 I, no. 255). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_vstgb/englisch_vstgb.html.

юрисдикции в отношении преступления агрессии, закрепив в первом разделе Кодекса преступлений против международного права положение о возможности применения этого закона только, если преступник является немцем или если агрессия направлена против Германии.

Модификационная криминализация, которая заключается в расширении составов международных преступлений, наблюдается прежде всего с геноцидом. Так, в ряде национальных норм о геноциде помимо демографических групп, поставленных международным правом под охрану (национальная, этническая, религиозная и расовая), также указаны социальные, политические и любые другие группы, идентифицируемые по любому произвольному критерию (§ 321 УК Австрии, § 90 УК Эстонии, ст. 607 УК Испании, ст. 99 УК Литвы, ст. 211.1 УК Франции). Наблюдается и некоторая коррекция группы военных преступлений. Например, немецкий законодатель расширил перечень бесчеловечных деяний, составляющих группу военных преступлений. Показательным в этом отношении является норма двенадцатого раздела Кодекса преступлений против международного права, в которой перечислены в качестве запрещенных средств ведения войны яды, отравленное оружие, биологическое и химическое оружие, пули и оружие, причиняющие чрезмерный вред, а также лазерное оружие. В статутной модели военных преступлений отсутствует указание на биологическое, химическое и лазерное оружие.

Помимо унификации в криминализации общественно опасных деяний, составляющих международные преступления, на национальном уровне отдельных государств ЕС также наблюдается и некоторая региональная специфика уголовно-правовой политики в данном направлении. Продемонстрировать сказанное можно на примере национального опыта уголовно-правовой политики в сфере обеспечения мира и безопасности в Эстонии и Латвии. Уголовные кодексы обоих государств содержат главы о преступлениях, посягающих на указанные объекты правовой охраны. Правовой анализ норм об этих преступлениях позволяет увидеть, что кроме криминализации деяний, составляющих собственно сами международные преступления, национальный законодатель пошел по пути расширения системы таких преступлений, дополнив ее нормами, предусматривающими ответственность за незаконный оборот оружия массового

поражения (§ 93 УК Эстонии, ст. 731 УК Латвии), пропаганду войны (§ 93 УК Эстонии), отказ от применения международных санкций (§ 931 УК Эстонии), применение запрещенного оружия массового поражения (§ 103 УК Эстонии), уничтожение культурного и национального наследия (ст. 79 УК Латвии).

В заключение необходимо отметить, что процесс глобальной унификации в установлении уголовной ответственности за общественно опасные деяния, посягающие на международный мир и безопасность человечества, на национальном уровне стран ЕС неоднороден как по объему, так и по содержанию криминализации в соответствии с нормами Римского статута МУС. Европейские государства имплементировали в свое национальное законодательство положения международных договоров преимущественно в модифицированном выражении. При этом наблюдается и региональная специфика расширения группы преступлений, посягающих на отношения, охраняемые международным правом.

Информация об авторе

Лобач Дмитрий Владимирович – доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dimaved85@mail.ru.

Author

Lobach Dmitry Vladimirovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: dimaved85@mail.ru.

УДК 349.2

И.Г. Ломакина

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБА ПОДДЕРЖКИ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

Исследование посвящено обоснованию необходимости и неоспоримой значимости углубленных научных представлений о роли права в урегулировании общественных отношений в сфере труда, в формировании правовой модели обеспечения трудовой дисциплины посредством применения мер дисциплинарных взысканий. Настоятельная потребность в современных разработках эффективных подходов к самому механизму воздействия на поведение работника с целью формирования его правомерного поведения обусловлена изменениями, которым подверглись трудовые отношения за последние десятилетия их формирования в условиях рыночной экономики. Законодательство, действующее в качестве основного и активного регулятора общественных отношений, должно подтвердить эффективность применения дисциплинарных взысканий в трудовом праве, способствовать укреплению правопорядка в организации. С этой точки зрения представляет интерес дисциплинарная правоприменительная практика зарубежных стран.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; дисциплинарное взыскание; дисциплинарный проступок; дисциплина труда; работник; работодатель; штраф.

I.G. Lomakina

FOREIGN EXPERIENCE IN THE APPLICATION OF DISCIPLINARY MEASURES AS A WAY TO SUPPORT LABOR DISCIPLINE

The study is devoted to substantiating the need and indisputable importance of in-depth scientific ideas about the role of law in regulating social relations in the world of work, in forming a legal model for ensuring labor discipline through the application of disciplinary measures. The urgent need for modern developments of effective approaches to the very mechanism of influencing employee behavior in

order to form his lawful behavior is due to the changes that labor relations have undergone over the past decades of their formation in a market economy. Legislation acting as the main and active regulator of public relations should confirm the effectiveness of the application of disciplinary penalties in labor law and help strengthen law and order in the organization. From this point of view, the disciplinary law enforcement practice of foreign countries is of interest.

Key words: disciplinary responsibility; disciplinary action; misconduct.

Являясь одним из важнейших институтов трудового права, система дисциплинарных взысканий представляет собой гарантию соблюдения прав и законных интересов сторон трудовых правоотношений. Анализ теоретических положений о понятии и видах дисциплинарных взысканий, применяемых в Российской Федерации и в зарубежных странах, позволяет выявить существенные различия в доктринальном определении дисциплинарной ответственности и практике использования разных видов дисциплинарных взысканий. Основной целью дисциплинарной ответственности выступает предотвращение совершения проступков, чему служат наличие превентивной (меры воспитания и профилактики), исправительной (обоснованные и справедливые дисциплинарные взыскания) и альтернативной дисциплины (возможность неприменения формального взыскания с согласия привлекаемого к ответственности) [1, с. 90]. Законодательство зарубежных государств предлагает различные подходы к возможности применения того или иного вида взыскания. Так, в практике Германии и Японии имеются существенные различия в вопросе применения штрафа, как вида взыскания, а также иных санкций, в то время как законодательство Российской Федерации категорически не допускает применение санкций материального характера в качестве вида дисциплинарного взыскания.

Обязанность соблюдения трудовой дисциплины прямо закреплена в ст. 21 Трудового кодекса Российской Федерации и является одной из ключевых обязанностей работника, выступая в качестве фундамента для осуществления всей трудовой деятельности [2, с. 597]. Совершение работником дисциплинарного проступка автоматически влечет за собой применение к нему

негативных последствий, предусмотренных действующим законодательством. Непосредственным инструментом реализации дисциплинарной ответственности являются дисциплинарные взыскания [3, с. 4]. Действующим трудовым законодательством Российской Федерации предусмотрено применение в отношении работника следующих видов дисциплинарных взысканий: замечание; выговор; увольнение по соответствующим основаниям. Схема перечисления в Трудовом кодексе Российской Федерации видов дисциплинарных взысканий строится по принципу усиления воздействия мер взыскания. Самой мягкой мерой взыскания является замечание, самой строгой мерой выступает расторжение трудового договора. При этом действует запрет на применение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных Трудовым кодексом либо иными действующими нормативными правовыми актами. В зарубежных странах вопрос о видах дисциплинарных взысканий, а также о порядке и условиях их применения имеет свои особенности. В законодательстве Японии к работнику в случае совершения дисциплинарного проступка могут быть применены следующие дисциплинарные взыскания: выговор; строгий выговор; понижение в должности; увольнение [4, с. 14]. При этом законом не допускается применение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных Законом о трудовых нормах и иными правовыми актами, под страхом привлечения работодателя в случае нарушения этого запрета к уголовной ответственности [5, с. 683]. Тем не менее, Закон о трудовых правах в Японии содержит возможность лишения работника части премии либо прямого уменьшения размера заработной платы[1]. Однако применение такого рода взысканий сопряжено с необходимостью соблюдения ряда условий:

– уменьшение размера заработной платы не должно превышать половину от среднедневного размера оплаты труда;

– работодателем прямо установлена подобная мера ответственности, а также размер и порядок её применения;

– при решении вопроса о применении данного вида дисциплинарного взыскания должен быть учтен ущерб, причиненный работником, а также соразмерность применяемой санкции. При этом при заключении трудового договора, сторонам запрещено включать в текст договора условия, допускающие применение

[1] Закон № 49 от 1947 г. Закон о трудовых стандартах в Японии.

штрафов и иных не предусмотренных законодательством дисциплинарных взысканий.

Законодательство Германии в этом вопросе придерживается иного подхода относительно применения штрафа в качестве вида дисциплинарного взыскания. Согласно Трудовому кодексу Германии наказание работника штрафом является вполне допустимым. Главное, сумма штрафа не должна превышать размер оплаты труда работника за один месяц. Общее правило при этом: в трудовом договоре, в локальных нормативных актах работодателя условия применения штрафа должны быть изложены ясным образом и не содержать неоднозначных формулировок, способных ввести стороны в заблуждение относительно условий взыскания штрафа и его размеров [6, с. 56]. Условия наложения штрафа могут быть определены работодателем в установленном законом порядке. И эти условия следующие:

1. Разглашение работником коммерческой тайны и нарушение режима защиты иной охраняемой законом информации.

2. Порча имущества компании.

3. Нарушение требования о запрете работы по совместительству.

По мнению зарубежных исследователей трудового права, штраф представляет собой санкцию в отношении работника в случае нарушения им норм трудового законодательства и положений дисциплины труда. Помимо этого, штраф может быть рассмотрен как средство компенсации ущерба работодателю без обращения в суд.

Зарубежное законодательство нередко закрепляет возможность наложения дисциплинарного взыскания за случаи, не зафиксированные в нормативных правовых актах. Так, трудовое законодательство Бельгии содержит исчерпывающий перечень правонарушений, которые влекут дисциплинарную ответственность. В законодательстве Великобритании, Швейцарии, Австрии в дополнение к впечатляющему, но не исчерпывающему перечню правонарушений «заложено» право работодателя привлекать работника к ответственности и за иные, не названные в законе, проступки в виде исключения. Нормативные правовые акты, действующие в сфере труда в Канаде, Франции, Австралии, Новой Зеландии допускают привлечение к дисциплинарной ответственности за проступки, не закрепленные в законода-

тельстве, хотя оно и содержит весьма внушительный список критериев дисциплинарного проступка. Так, к критериям дисциплинарного проступка в Японии относится: связь с трудовой деятельностью работника, но может рассматриваться и без таковой, если поведение работника вне работы явно наносит вред компании или ее репутации; нарушает закон; содержит признаки вины. В Трудовой кодекс РФ Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ в ст. 192 внесено дополнение ч. 5, согласно которой законодатель обязывает работодателя при наложении дисциплинарного взыскания учитывать тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он совершен. При этом законодатель без достаточных оснований не включил в ч. 5 ст. 192 ТК Российской Федерации положения, обязывающие работодателя при применении дисциплинарного взыскания учитывать предшествующее поведение работника и его отношение к труду, что нашло отражение в п. 53 постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2. Вопрос о возможности применения указанного разъяснения в этой части остается дискуссионным.

Разнообразие описываемых в законе критериев и видов проступков способствует поиску и применению наиболее адекватных и адаптированных к конкретной ситуации видов санкций, что в условиях ориентации на исчерпывающий перечень взысканий представляется практически невозможным. Так, в большинстве своем на практике остаются безнаказанными случаи, когда работник в процессе выполнения своих трудовых обязанностей сталкивается с оскорблениями, унижением человеческого достоинства, использованием нецензурной брани в свой адрес со стороны работодателя или других членов трудового коллектива и т.д. В трудовом праве большинства европейских стран содержится право работника остановить свою работу, выполнение своих трудовых обязанностей, пока не получит извинений от обидчика, если работодатель задел его чувство достоинства (Дания), работник вправе расторгнуть трудовой договор при оскорблении, взыскать компенсацию морального вреда, требовать уважения его человеческого достоинства (Испания). Более того, хотя это и может, на первый взгляд, показаться неким атавизмом, законодатель закрепляет запрет на применение телесных наказаний к наемным работникам, в защиту интересов работников закреплено правило о запрете вывешивать

публично приказы о наложении взыскания, в том числе запрет на использование при этом оскорбительных формулировок.

Зарубежное законодательство в части применения мер дисциплинарной ответственности удивляет обилием разнообразных видов применяемых взысканий. В дополнение к закрепленному в статье 192 Трудового кодекса РФ перечню дисциплинарных взысканий, имеющемуся в арсенале российского работодателя (жестко исчерпывающе закрепленному), встречаются весьма оригинальные, экстраординарные и, может быть, чрезмерно жесткие, или даже абсолютно недопустимые по российскому национальному законодательству: понижение в должности, отсрочка повышения, отстранение от должности с потерей (или сохранением) зарплаты, штраф, увольнение без выходного пособия.

Таким образом, трудовое законодательство зарубежных стран демонстрирует различные подходы к определению и формированию системы дисциплинарных взысканий и условий их применения. В число основных особенностей входит вопрос допустимости штрафа как меры дисциплинарного взыскания. Первостепенная цель дисциплинарной ответственности заключается не в наказании виновного работника, а в побуждении действовать правомерно, не нарушать установленный порядок в организации. Трудовой кодекс Республики Казахстан представляет работодателю право расторгнуть трудовой договор с работником, не изменившим свое отношение к трудовым обязанностям и допустившим повторное нарушение трудовой дисциплины. В качестве гарантий прав работника выступают закрепленные в правовых нормах положения в виде исчерпывающего перечня мер дисциплинарных взысканий; установления обязанности работодателя затребовать письменное объяснение от работника по факту совершения проступка; наличие обязательных для соблюдения процедур привлечения к дисциплинарной ответственности и т.д.

В то же время существуют значительное количество спорных вопросов в области привлечения работника к дисциплинарной ответственности и применения к нему мер дисциплинарных взысканий, связанных с пробелами и неточностью формулировок правовой нормы, несоблюдением принципов и правил формальной логики, что затрудняет правоприменение и снижает уровень провозглашенных законом гарантий.

Список использованной литературы

1. Бальчинов В.С. Теория и практика института дисциплинарных взысканий в трудовом праве России и зарубежных стран// Современная цивилистика: научно-практический журнал. 2017. № 3 С. 12–15.

2. Добробаба М.Б. Доктринальная характеристика дисциплинарной ответственности государственных служащих в зарубежных странах// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4. С. 596–604.

3. Волгин А.Р. Актуальные проблемы дисциплинарной ответственности//Правовой альманах 2024. № 2 (33) . 6–10.

4. Лещина Э. Л. Дисциплинарная ответственность и дисциплинарный процесс в системе государственной службы США // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2024. Т. 24, № 4. С. 89–97.

5. Collins H. Employment Law. Oxford University Press, 2003.

6. Токи М., Сыченко Е. В., Особенности трудового права Японии // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 11. С. 679–692.

Информация об авторе

Ломакина Ирина Геннадьевна – доцент кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: casatka61@ya.ru.

Author

Lomakina Irina Gennadyevna – Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Novosibirsk Military Institute of the National Guard of Russia, Ph.D. in Law, Ass. Professor. E-mail: casatka61@ya.ru.

УДК 342.56(470) Р.С. Лунёв

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются вопросы правовых особенностей конституционных основ системы Российской Федерации. Одной из важных задач современного этапа государственно-правовых реформ является становление новой модели судебной системы российского общества, что занимает важнейшее место в демократическом процессе российской политической системы, коренной реорганизации методов и форм деятельности правовых институтов, которые связанны с защитой прав, свобод и законных интересов граждан в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: суд Российской Федерации; Конституция Российской Федерации; судебная власть; Федеральные конституционные законы; конституционное судопроизводство; правосудие.

R.S. Lunev

LEGAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE CONSTITUTIONAL BASIS OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the issues of legal features of the constitutional foundations of the Russian Federation system. One of the important tasks of the current stage of state and legal reforms is the formation of a new model of the judicial system of Russian society, which occupies a key place in the democratic process of the Russian political system, a radical reorganization of the methods and forms of activity of legal institutions that are associated with the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens in accordance with the Constitution of the Russian Federation.

Key words: court of the Russian Federation; Constitution of the Russian Federation; judicial power; Federal constitutional laws; constitutional proceedings; justice.

Юридическая структура каждой страны, включая Россию, представляет собой сложную и многогранную систему, которая постоянно эволюционирует и адаптируется к изменяющимся условиям. Она неразрывно связана с обществом и государством, не существуя в изоляции от них. Суды в каждой стране уникальны и отражают особенности её социального и политического устройства. В России формирование конституционных принципов, регулирующих работу судебной системы, включает в себя различные правовые аспекты. Судебная реформа 1864 года, осуществлённая Александром II, привнесла значительные изменения, внедрив в судебные процессы принципы открытости и состязательности, обеспечив независимость судей и участие присяжных заседателей в рассмотрении серьёзных уголовных дел. Создание адвокатуры и нотариата способствовало унификации судебной системы и расширению прав граждан в суде. Однако Конституция СССР 1936 года, несмотря на провозглашённые принципы независимости и выборности судей, а также привлечение народных заседателей, на практике не обеспечила их реального выполнения.

В контексте последних конституционных поправок, вступивших в силу 4 июля 2020 года, Конституционный Суд Российской Федерации наделен полномочиями оценивать соответствие законопроектов Конституции до их утверждения Государственной Думой. Аналогичное право распространяется и на уже принятые законы, но до момента их подписания президентом страны. Стоит подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации определяет лишь общие положения, касающиеся судебной системы. Конкретные нормы и правила функционирования судебной власти, включая детали ее организации и деятельности, устанавливаются федеральными и региональными законами.

В Российской Федерации, в соответствии с Основным законом, отправление правосудия является исключительной прерогативой судебных органов. Судебная власть реализуется посредством различных форм судопроизводства, включая конституционное, гражданское, административное и уголовное. Организация судебной системы устанавливается Конституцией и федеральным конституционным законодательством. Создание каких-либо чрезвычайных судебных инстанций не допускается.

В Российской Федерации судебная власть принадлежит исключительно судам, которые представлены судьями, присяжными и арбитражными заседателями. Другие органы и структуры не обладают полномочиями для осуществления правосудия. Судебная система играет важную роль в защите прав и свобод как граждан, так и юридических лиц. Результаты работы судов формируют общее представление об эффективности правовой системы. Необходимо учитывать недостатки, существующие в законодательстве и правовой системе, которые проявляются в процессе работы судов.

Судебная система представляет собой совокупность судов, объединенных общими задачами в рамках судебной власти и принципами организации. Её правовую основу составляют Конституция и федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», а также другие нормативные акты, регулирующие деятельность судов. Судьи, обладающие особым статусом, в своей работе руководствуются исключительно требованиями закона. Отметим, что единство судебной системы Российской Федерации поддерживается рядом ключевых элементов:

1. Неуклонное следование всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральным законам, общепризнанным принципам международного права и договорам Российской Федерации, а также конституциям и законам субъектов Российской Федерации.

2. Обязательное признание юридической силы вступивших в законную силу судебных решений на всей территории страны.

3. Точное соблюдение федеральными судами и мировыми судьями процессуальных норм, установленных федеральным законодательством.

4. Законодательное закрепление единого статуса судей.

5. Финансирование федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета.

6. Конституционное закрепление судебной системы Российской Федерации и Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации».

По нашему мнению, конституционные принципы правосудия являются основой для организации и функционирования судебных органов. Нормы процессуального законодательства

определяют последовательность действий, стадии и виды вердиктов в судебном процессе, а также права и обязанности сторон. Рассмотрение дел на судебных слушаниях – это стандартная процедура для всех форм судопроизводства. Суды применяют действующие законы к конкретным случаям, не создавая новых норм. В их компетенцию входит разрешение конфликтов и наложение санкций на правонарушителей. Несмотря на наличие развитой законодательной базы, российская судебная система сталкивается с определенными рисками. Она состоит из двух уровней: Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации. В целом, в России функционирует эффективная судебная система, соответствующая международным стандартам и основанная на историческом опыте. На региональном уровне важную роль играют конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Согласно статье 77 Конституции Российской Федерации, субъекты самостоятельно устанавливают систему органов государственной власти, основываясь на конституционном строе и общих принципах организации власти, установленных федеральным законом[1]. Хотя Конституция 1993 года прямо не предусматривает создание таких судов, право субъектов на их учреждение вытекает из положения о том, что республики и другие субъекты создаются и функционируют на основе своих конституций и уставов.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, региональные конституционные (уставные) суды, осуществляющие контроль за соответствием нормативных актов субъектов федерации, одновременно являются частью судебной системы страны и входят в структуру государственной власти субъекта, обладая статусом независимого органа. В своей деятельности эти суды руководствуются принципами самостоятельности, независимости и организационной обособленности. Основным аспектом их работы является определение границ компетенции, что включает рассмотрение дел о соответствии нормативных актов региональным законам и другим нормативным актам, а также интерпретацию региональной конституции (устава). В любом государстве, основанном на верховенстве

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lq025rep9a636301261 (дата обращения: 08.12.2023 г.).

права, судебная система является краеугольным камнем в обеспечении государственной защиты. Выступая в качестве нейтрального арбитра, она гарантирует защиту во всех сферах правового регулирования. Судебные органы обеспечивают соблюдение конституционных норм, охраняя правопорядок, экономическую целостность, имущественные и личные неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантируют свободу предпринимательской деятельности. Основы судебной системы Российской Федерации определены Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»[2]. Функционирование эффективной судебной системы является краеугольным камнем любого правового государства. Её роль выходит далеко за рамки простого разрешения споров; она гарантирует неукоснительное соблюдение Конституции, служит движущей силой развития правовой базы, обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан и всего общества, а также контролирует соблюдение полномочий всех ветвей власти, предотвращая их превышение. В правовом государстве суд – это независимая, самостоятельная ветвь власти, обладающая полномочиями, позволяющими объективно и беспристрастно рассматривать дела, невзирая на лица и обстоятельства. Это принципиально важно для обеспечения верховенства права и недопущения произвола. Автономия судебной системы проявляется не только в ее независимости от других ветвей власти, но и в механизмах защиты от внешнего давления. Это достигается через строгую иерархию судов, систему апелляций и кассаций, а также механизмы привлечения судей к ответственности исключительно за совершение правонарушений, установленных законом. Судьи наделены иммунитетом, защищающим их от необоснованного давления и угроз, что является гарантией их беспристрастности. Важно отметить, что независимость судей не означает их вседозволенность; они подчиняются закону и несут ответственность за свои решения. Нарушение норм права судьей может повлечь за собой дисциплинарные взыскания, вплоть до

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/?ysclid=lq01kbnarh984689241 (дата обращения: 08.12.2023 г.).

лишения судейского статуса. Право каждого человека на справедливое судебное разбирательство – фундаментальный принцип, заложенный во многих международных договорах и конституциях. Это право включает в себя возможность обращения в суд для защиты своих нарушенных прав, получения квалифицированной юридической помощи, и, что особенно важно, возможность обжалования решений суда в вышестоящие инстанции. Защита прав человека в судебном процессе предполагает соблюдение принципов состязательности презумпции невиновности, равенства сторон перед законом. Теоретически, гражданин действительно может выиграть судебный процесс против любого политического института, включая и самого суда, если сможет доказать нарушение своих прав. Однако, на практике, преодоление устоявшихся институциональных барьеров и мощного административного ресурса может оказаться сложной задачей, требующей значительных усилий и квалифицированной юридической помощи.

Более того, эффективность судебной системы зависит не только от ее независимости, но и от ряда других факторов, таких как доступность правосудия, квалификация судей и других работников судебной системы, материально-техническое обеспечение судов, а также прозрачность и открытость судебной деятельности. Постоянный мониторинг и реформирование судебной системы – необходимые условия для обеспечения ее эффективности и доверия граждан к правосудию. Только в таком случае судебная система сможет полноценно выполнять свою роль в защите прав и свобод человека и гражданина, в обеспечении верховенства права и стабильности в обществе. Помимо непосредственного осуществления правосудия, суды выполняют ряд значимых функций, включая контроль за соответствием законов Конституции, надзор за законностью действий государственных структур и их представителей, контроль за мерами пресечения и задержаниями, санкционирование действий, ограничивающих права граждан, разъяснение вопросов судебной практики и участие в формировании судейского корпуса.

Для обеспечения законности, основанной на конституционных принципах, необходимо рассмотреть возможность расширения полномочий конституционных судов субъектов Российской Федерации. Это расширение может включать в себя функ-

ции мониторинга регионального законодательства, что позволит более эффективно проверять соответствие региональных актов федеральным законам. Кроме того, конституционные суды могли бы участвовать в процедурах отрешения от должности высших должностных лиц регионов, что обеспечит более строгий контроль за соблюдением законности на местах.

В текущей судебной практике возникают значительные трудности при применении конституционных норм. Судьи зачастую не готовы напрямую ссылаться на Конституцию, что связано с опасениями по поводу возможной отмены их решений, недостатком опыта в интерпретации конституционных норм и отсутствием единого подхода к их толкованию. Это приводит к тому, что применение конституционных норм становится неэффективным и затруднённым, особенно в случаях, касающихся административной ответственности.

Сложность в применении конституционных норм также связана с необходимостью предварительного согласования с Конституционным Судом Российской Федерации, что значительно удлиняет сроки рассмотрения дел. Это обстоятельство создает дополнительные препятствия для реализации правосудия, поскольку задержки в судебных процессах могут негативно сказаться на защите прав граждан.

Для решения вышеописанных проблем необходимо законодательно закрепить обязательное применение Конституции Российской Федерации в судебной практике. Это может быть достигнуто путём разработки единой концепции применения Конституции, которая позволит унифицировать подходы к её интерпретации и применению. Важно, чтобы все судьи имели доступ к единому толкованию норм Конституции, что обеспечит более предсказуемые и справедливые судебные решения. Судебная власть в Российской Федерации является независимой и действует обособленно от других ветвей власти. Исключительное право судебной власти заключается в осуществлении правосудия, что подразумевает защиту прав и свобод граждан. Единство судебной системы обеспечивается соблюдением процессуальных норм и обязательным исполнением судебных решений на всей территории страны. Судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральным законам, что гарантирует их беспристрастность и объективность в принятии решений.

Таким образом, для повышения эффективности правосудия и укрепления законности на конституционных основах необходимо не только расширение полномочий конституционных судов субъектов, но и создание условий для более активного применения Конституции в судебной практике. Это требует комплексного подхода, включающего в себя как законодательные изменения, так и развитие судебной системы в целом, что, в конечном счёте, приведёт к созданию более справедливого и прозрачного правосудия в стране. Для улучшения правового регулирования судебной сферы следует: упростить доступ к правосудию, укрепить независимость судей, обеспечить их профессиональный рост, сократить сроки судебных разбирательств, бороться с коррупцией, привлекать граждан к судебной системе, обновить законодательство и внедрить электронный документооборот.

Список использованной литературы

1. Бочкарёва Ю.В. Состояние и пути совершенствования судебной системы Российской Федерации // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях. –2016 г. – С. 97–101.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ ?ysclid=lq025rep9a636301261 (дата обращения: 08.12.2023 г.).

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834?ysclid=lq01kbnarh984689241 (дата обращения: 08.12.2023 г.).

Информация об авторе

Лунёв Роман Сергеевич – преподаватель правовых и юридических дисциплин Санкт-Петербургской Академии управле-

ния городской средой, градостроительства и печати, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. E-mail: Roman_Lunev@mail.ru.

Author

Lunev Roman Sergeevich – lecturer in law and legal disciplines at the St. Petersburg Academy of Urban Environment Management, Urban Planning and Printing, corresponding member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts. E-mail: Roman_Lunev@mail.ru.

УДК 34.096

В.О. Макаров

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ КАК БАРЬЕР ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

В работе концептуализируется проблема, являющаяся одним из барьеров, возникающих на пути развития телемедицины. К ней относится нерелевантный характер большинства лицензионных требований, применимых для оказания медицинской помощи в традиционной форме, однако излишних для применения телемедицинских технологий. На примере отдельных требований (к помещению, к наличию принадлежащих соискателю лицензии медицинских изделий, к хранению лекарственных средств медицинскими организациями, санитарно-эпидемиологические нормы применительно к рабочему месту врача) обосновывается чрезмерный характер части требований и предлагается вариант решения обозначенной проблемы (сохраняющий баланс между упрощением нормативных требований и обеспечением безопасности пациентов) путем установления отдельных лицензионных требований для оказания исключительно телемедицинских услуг. Также, в качестве пути развития телемедицины отмечаются экспериментальные правовые режимы.

Ключевые слова: телемедицина; цифровое здравоохранение; лицензионные требования; медицинские услуги; цифровая медицина; экспериментальные правовые режимы.

V.O. Makarov

EXCESSIVE LICENSE REQUIREMENTS AS A BARRIER TO THE APPLICATION OF TELEMEDICAL TECHNOLOGIES[2]

The study conceptualizes an issue that represents one of the barriers hindering the development of telemedicine. This issue pertains

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175, https://rscf.ru/project/23-78-10175.

[2] The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 23-78-10175, https://rscf.ru/project/23-78-10175.

to the non-relevant nature of most licensing requirements applicable to traditional healthcare delivery, which are excessive for the application of telemedicine technologies. Using specific examples of requirements (e.g., premises, ownership of medical devices by the license applicant, storage of medications by medical organizations, sanitary and epidemiological standards for a physician's workplace), the study justifies the overly stringent nature of certain regulations and proposes a solution to the identified problem (maintaining a balance between simplifying regulatory requirements and ensuring patient safety) by establishing separate licensing requirements for exclusively telemedical services. Additionally, experimental legal regimes are highlighted as a pathway for advancing telemedicine.

Key words: telemedicine; digital health; licensing requirements; medical services; digital medicine; experimental legal regime.

Применение телемедицинских технологий является сегодня активно развивающимся направлением, которое интегрируется в медицинскую деятельность. В связи с этим, исследования, посвященные вопросам телемедицины, всё чаще поднимают проблемы ограничений и барьеров, которые не позволяют новым технологиям в полной мере применяться при оказании медицинской помощи с использованием средств телемедицины. Одним из таких препятствий является правовое регулирование, при котором действующее законодательство в широком смысле этого слова не является должным образом адаптированным для видоизменяющейся формы деятельности. Безусловно, российское право постепенно развивается, в результате чего создаются условия для применения телемедицинских технологий. К таким шагам можно отнести Закон № 242-ФЗ от 29.07.2017, постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2023 № 1164, приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н. Однако на сегодняшний день сохраняются ограничения, создающие коллизию между регулированием традиционной формы оказания медицинской помощи и спецификой применения телемедицинских технологий.

Описывая технологические, экономические, методологические и юридические барьеры телемедицины, наряду с остальными, И.А. Шадеркин, выделяет требования к рабочему месту врача [3, с. 65]. Проблема заключается в том, что правовая возможность применения телемедицинских технологий возникает

лишь в случае соблюдения и исполнения всего массива норм, регулирующих медицинскую деятельность. На первый взгляд, подобная конструкция представляется обоснованной, однако ситуация воспринимается иначе, если мы погрузимся в суть предъявляемых требований.

Министерство здравоохранения Российской Федерации расценивает применение телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи не как самостоятельный вид такой помощи, а как её технологическую составляющую. В этой связи оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий может происходить исключительно в соответствии с лицензионными требованиями[3].

Основным источником правового регулирования в этой части выступает постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2021 № 852[4], которое устанавливает порядок лицензирования медицинской деятельности. Закреплены также и требования к организации и выполнению работ (услуг) по сестринскому делу (Приказ Минздрава России от 11.12.2020 № 1317н[5]) и требования к организации и выполнению работ (услуг) по организации здравоохранения и общественному здоровью (Приказ Минздрава России от 29.12.2020 № 1399н[6]).

---

[3] Письмо Министерства здравоохранения РФ от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий». Документ опубликован не был. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 (ред. от 20.03.2024) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково") и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с "Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково")") // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 02.06.2021, "Собрание законодательства РФ", 07.06.2021, № 23, ст. 4091.

[5] Приказ Минздрава России от 11.12.2020 № 1317н «Об утверждении требований к организации и выполнению работ (услуг) по сестринскому делу» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2021 № 62134) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 19.01.2021.

[6] Приказ Минздрава России от 29.12.2020 № 1399н «Об установлении требований к организации и выполнению работ (услуг) по организации здравоохранения и общественному здоровью, а также по медицинской статистике» (Зарегистрировано в

Таким образом, для того, чтобы врач имел правовую возможность провести, например, консультацию с применением телемедицинских технологий, медицинское учреждение обязано соблюсти целый ряд требований, в том числе, к организации его рабочего места.

Во-первых, устанавливаются требования к помещению, в котором происходит оказание медицинской помощи. Раздел IV «Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений при осуществлении деятельности хозяйствующими субъектами, оказывающими медицинские услуги» постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 24.12.2020 № 44[7] устанавливает требования к отдаленности расположения относительно жилых домов, соответствие почвы гигиеническим нормативам, запрет на размещение медицинских организаций, оказывающих специализированную медицинскую помощь по некоторым направлениям, в многоквартирных домах, устойчивость полов в вестибюле к механическому воздействию, характеристики вентиляции и т.д. Очевидно, что подобные требования направлены на ситуации, предполагающие физическое присутствие пациента в здании медицинской организации, тогда как при применении телемедицинских технологий указанные требования представляются излишними. Качество телемедицинской консультации не пострадает в случае, если врач будет проводить её из кабинета, не обязательно расположенного в здании, соответствующим вышеуказанным санитарно-эпидемиологическими требованиями.

Во-вторых, обязательным лицензионным требованием является наличие принадлежащих соискателю лицензии медицинских изделий (оборудование, аппараты, приборы, инструменты). Вместе с тем зачастую как взаимодействие «врач-врач»,

---

Минюсте России 06.04.2021 № 63003) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.04.2021.

[7] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24.12.2020 № 44 (ред. от 14.04.2022) "Об утверждении санитарных правил СП 2.1.3678-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2020 № 61953) // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 31.12.2020.

так и взаимодействие «врач-пациент» при использовании телемедицинских технологий предполагает использование поступивших врачу анализов, данных от медицинской организации или от автоматически передающих показатели носимых устройств. Следовательно, инфраструктурная база медицинского учреждения позволяет врачу оказывать медицинскую помощь с применением телемедицинских технологий, однако не требует наличия такого оборудования на его рабочем месте.

В-третьих, отдельные требования устанавливаются применительно к хранению лекарственных средств медицинскими организациями (Ст. 58 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ[8], приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 23.08.2010 № 706н[9]). При осуществлении используемой нами в качестве примера телемедицинской консультации, оперативный доступ к лекарственному средству ни для врача, ни для пациента не является необходимым условием. Более того, назначение лечение в соответствии с действующей редакцией ст. 36.2 федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ («Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») формально невозможно без проведения очного осмотра.

В-четвертых, устанавливаются санитарно-эпидемиологические нормы применительно к рабочему месту врача, являющиеся целесообразными для очного приема пациентов. М. Э. Гурылева и Ф. Т. Нежметдинова поднимают вопрос о доступности оказания такого вида медицинской помощи, поскольку «врач может оказывать «телемедпомощь» только со своего рабочего места, оснащение которого отвечает лицензионным требованиям, и используя только оборудование медицинской организации и никак иначе» [1, с. 6]. Прогрессом в данном вопросе представляется закрепление в нормативном регулировании понятия

---

[8] Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об обращении лекарственных средств» // В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в "Российская газета", № 78, 14.04.2010.

[9] Приказ Минздравсоцразвития РФ от 23.08.2010 № 706н (ред. от 28.12.2010) «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 04.10.2010 № 18608). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании "Российская газета", № 231, 13.10.2010.

«автоматизированное рабочее место врача» при установлении одного из экспериментальных правовых режимов[10].

Вышеуказанное подтверждает наличие проблемы, которая становится барьером для развития телемедицины в России. Однако объективно существующую потребность в медицинских услугах с применением телемедицинских технологий участники отношений пытаются реализовывать путем игнорирования (И.А. Шадеркин отмечает, что «врачи, использующие телемедицинские технологии при оказании медицинской помощи пациентам, подвергаются риску из-за того, что в реальной практике в большом числе случаев они не полностью соблюдают юридический регламент применения телемедицинских технологий» [3, с. 61]) или обхода нормативных ограничений (теневой сектор по онлайн-консультированию, о котором нами указывалось ранее [2]).

Отметим, что описываемая проблема носит исключительно регуляторный характер, то есть подлежит решению правовыми средствами: дерегулирование (например, в рамках экспериментальных правовых режимов) или умное регулирование. Первый способ разрешения возникающей проблемы уже применяется на практике, однако влечет за собой параллельно существующее правовое регулирование, не позволяющее полноценно и эффективно применять телемедицинских технологий организациям, не являющимся участниками экспериментального правового режима. Использование второго способа вынуждено балансировать между упрощением нормативных требований и обеспечением безопасности пациентов. Вместе с тем возможным решением представляется нормативное выделение отдельных лицензионных требований, которые позволили бы организации (и, как следствие, врачам, действующим от такой организации) заниматься исключительно телемедицинской деятельности, без

[10] Постановление Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 (ред. от 11.12.2024) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации "Персональные медицинские помощники». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru, 15.12.2022.

необходимости выполнения избыточных нерелевантных для такого вида деятельности ограничений. Указанный подход требует пересмотра Министерством здравоохранения Российской Федерации позиции относительно содержания телемедицинской деятельности, изложенной в письме Министерства здравоохранения Российской Федерации от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579, как технологической составляющей медицинской деятельности в целом.

Список использованной литературы

1. Гурылева М.Э. Телемедицина: преимущества и риски / М.Э. Гурылева, Ф.Т. Нежметдинова // Медицинская этика. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 4–9. – DOI 10.24075/medet.2022.039.
2. Макаров В.О. К вопросу об эффективности регулятивных ограничений при проведении телемедицинских консультаций / В.О. Макаров, М.А. Коваленко // Право и политика. – 2024. – № 4. – С. 24–35. – DOI 10.7256/2454-0706.2024.4.70612.
3. Шадеркин И.А. Барьеры телемедицины и пути их преодоления / И.А. Шадеркин // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 59–76. – DOI 10.29188/2712-9217-2022-8-2-59-76.

Информация об авторе

Макаров Владислав Олегович – старший научный сотрудник научно–исследовательской лаборатории «Правовое регулирование в условиях цифровизации», Волгоградский государственный университет, кандидат юридических наук. E-mail: makarov.legal@gmail.com.

Author

Makarov Vladislav Olegovich – Senior Researcher at the Research Laboratory «Legal Regulation in the context of digitalization», Volgograd State University, Candidate of sciences (law). E-mail: makarov.legal@gmail.com.

УДК 347.9

В.А. Максимов

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ШВЕЦИИ

Автор статьи анализирует принципы и практику использования доказательств в гражданском судопроизводстве Швеции, делая акцент на том, что шведская система опирается на принцип свободной оценки доказательств, что позволяет суду самостоятельно определять их ценность и значимость в каждом конкретном случае. Шведский кодекс судопроизводства не содержит четких правил, регулирующих электронные доказательства. Законодательство нейтрально в отношении технологий, и электронные доказательства рассматриваются как допустимые, если они могут повлиять на ценность дела. Автор приходит к выводу, что, в целом, Швеция демонстрирует общий подход к упрощению требований для принятия электронных доказательств в судах. Они оцениваются наравне с другими средствами доказывания по принципу свободной оценки доказательств.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; Швеция; оценка доказательств; судебный процесс.

V.A. Maximov

GENERAL ASPECTS REGARDING EVIDENCE AND PROOF IN SWEDISH CIVIL PROCEEDINGS

The author of the article analyses the principles and practice of evidence in Swedish civil proceedings, focusing on the fact that the Swedish system is based on the principle of free evaluation of evidence, which allows the court to independently determine its value and relevance in each case. The Swedish Code of Judicature does not contain clear rules governing electronic evidence. The legislation is technology neutral and electronic evidence is considered admissible if it can affect the value of the case. The author concludes that, in general, Sweden shows a general approach to simplifying the requirements for the admission of electronic evidence in courts. They are evaluated on an equal footing with other means of proof according to the principle of free evaluation of evidence.

Key words: evidence; proof; Sweden; evaluation of evidence; judicial process.

Основные принципы гражданского судопроизводства Швеции предусмотрены и регулируются «The swedish code of judicial procedure» (Шведский кодекс судопроизводства, далее – Кодекс), который был обнародован в 1942 году и вступил в силу 1 января 1948 года [3]. Часть третья «The swedish code of judicial procedure» закрепляет нормы относительно доказательств в гражданском судопроизводстве. Несмотря на недружественный статус указанного государства, его правовой опыт заслуживает внимания[1].

Принцип свободной оценки доказательств является действующим принципом в шведском законодательстве, включая как получение доказательств, так и их оценку, о чем указано в главе 35 Кодекса. Из этого раздела следует, что суд должен учитывать все, что произошло в соответствии с его «диктатом совести» и после этого определить, что было доказано в деле [2], все, что может быть полезным в качестве доказательства по делу, в принципе, может быть представлено на главном слушании. Другими словами, это означает, что оценка и сбалансированность доказательств, имеющихся в деле, зависит от профессионального усмотрения суда. Принципы существуют в Кодексе с 1948 года, но до этого года они были разработаны в судебной практике. Принцип numerns clausus не применяется в шведской системе.

Шведский закон гражданского судопроизводства имеет лишь небольшое количество формальных норм, регулирующих оценку доказательств. Обычно суд считает, что некоторые виды доказательств имеют большую ценность чем другие. Однако это не указано в законе, но следует из принципов и из судебной практики, например, частному документу может придаваться большее значение, потому что в нем есть логическая убедительность, следовательно, документы, где есть подлинность, не под-

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 марта 2022 № 430-р: текст с изм. и доп. на 29 октября 2022 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

вергаются сомнению, они получают высокую ценность как доказательства. Заявление свидетеля, данное под присягой, считается весомым доказательством, при этом информация, предоставленная сторонами и другими лицами, близкими к делу, и под присягой рассматривается как слабые доказательства. Значение судебных и административных решений как доказательств не указывается в законе, но они, как правило, считаются большой ценностью как доказательства.

У суда есть возможность отклонить доказательство, в случае если он установит, что обстоятельство, которое сторона предлагает доказать является не важным в деле, или предъявленное доказательство является не нужным или не должно иметь никакого эффекта. Суд может также отклонить предмет доказательств, если доказательства можно подать другим значительно менее хлопотным способом, или если это зависит от расходов (раздел 7 главы 35 Кодекса). Суд оправдывает такой отказ в соответствии с Кодексом, где указано общее обязательство суда мотивировать свой ответ.

В исключительных случаях определенные методы доказывания являются обязательными (например, доказательства являются обязательными в делах о наследовании относительно волеизъявления завещателя). Хотя по общему правилу, обязанности представления доказательств от сторон в шведском законодательстве нет. Однако если сторона не предоставляет доказательств, которые она обязана предоставить, чтобы выиграть дело, то рискует тем, что её требование будет отклонено, при этом, для третьей стороны обязанность представлять доказательства есть, а именно в отношении документов и объектов для осмотра. Суд принимает решение на основе доказательств, предоставленных сторонами, и он, как правило, не собирает дополнительные доказательства самостоятельно. При этом все же не исключается возможность суда, если он сочтет необходимым, организовать представление доказательств по собственному желанию. Гражданское судопроизводство Швеции является состязательным, соответственно стороны несут ответственность за представление материалов, которые они хотят рассмотреть в своем деле, и судья не может принимать решения относительно каких-либо обстоятельств, на которые стороны не ссылаются.

Средства доказывания предусмотрены в шведском законе о гражданском судопроизводстве (раздел 36-40 Кодекса). Доказательными средствами являются показания свидетелей, экспертизы сторон и потерпевших лиц, которые не являются стороной, документальные (письменные) доказательства, обзоры, и выводы экспертов. Существуют средства доказывания, которые не указаны в этих разделах, но все же являются актуальными, поскольку разрешено все, что может повлиять на ценность доказательств. В шведском законе нет четких правил, обязывающих суд в его свободной оценке доказательств.

Что касается внедрения электронных доказательств в гражданское судопроизводство Швеции, то она юридически признала электронные подписи, когда Европейский Союз принял Закон о квалифицированных электронных подписях, установленный после принятия Директивы ЕС в 1999 году. С относительно недавних пор (внедрение elDAS в июле 2016 года) эти нормы были стандартизированы по всей Европе. Регламент elDAS означает, что начиная с июля 2016 года все компании в ЕС придерживаются правил электронной подписи, т.е. произошла их стандартизация по всей Европе.

Юридическая модель Швеции является многоуровневой. Так, электронные подписи являются приемлемыми в суде Швеции, а именно общепринятой является система электронной подписи и идентификации, названная Е-идентификация (в шведской Е- легитимации), которую используют многие органы власти, например, налоговая администрация. Е-легитимация является исходным пунктом и считается равной обычной подписи. Таким образом, квалифицированная электронная подпись, рассматривается как легальный тип электронной подписи, но это не означает, что электронная подпись, которая не касается QES, не может быть подана в суд, но для ее подтверждения понадобятся дополнительные доказательства. В конкретных случаях доказательственное значение решается по принципу свободной оценки доказательств.

Суды – как и другие органы власти – обязаны архивировать публичные документы. Документы могут быть упорядочены через определенный промежуток времени, например записи со слушания в суде могут быть изъяты через шесть недель после вынесения судом окончательного решения. Кстати, интересной

особенностью является то, что согласно Шведскому кодексу судопроизводства в случае, когда судом вынесено окончательное решение, судья в порядке надзора имеет право дополнить свое решение в течение шести месяцев. В соответствии с Кодексом профессионального поведения членов шведской коллегии адвокатов, Ассоциация, член коллегии адвокатов, обязана архивировать все соответствующие документы, представленные в связи с поручением, либо в оригинале, либо в виде копий. Однако это не касается дубликатов, печатных материалов или подобных материалов, которые без труда можно получить в другом месте. Архивный период составляет десять и более лет, в зависимости от характера мандата. Документы, кроме оригиналов, принадлежащих клиенту, могут архивироваться в фотографической или электронной форме [1]. В Швеции нет никаких конкретных правил, регулирующих электронные документы. Законодательство является нейтральным в отношении технологий.

Что же касается концепции документа как таковой, то в шведской системе нет единой однородной системы документа. Право на ознакомление с официальными документами регламентировано конкретным образом по сравнению с процедурными правилами, регулирующими возможность доступа к документам и доказательствам. Письменные доказательства особенно регламентированы в отношении средств доказывания. Таким образом, никакой решающей разницы в специальном регулировании не возникает (Глава 38 и 39 Кодекса).

Таким образом, нет законодательной формы, которая в целом применяется в отношении документов. Как правило, большинство из электронных документов признается в судах Швеции, но доказательственное значение электронных документов не регулируется на законодательном уровне. Они оцениваются по принципу свободной оценки доказательств.

Швеция не содержит в своем кодифицированном акте специфического определения электронных средств доказывания. В основном их определяют благодаря широкому толкованию понятия доказательств, не давая при этом отдельного определения, тем самым законодательная неурегулированность сущности и использования электронных доказательств создает определенные недоразумения для гражданского судопроизводства.

Подытоживая, следует отметить, что Шведский процессуальный закон полагается на принципы бесплатного представления и бесплатной оценки доказательств. Процедура судебного дела Швеции базируется на теории свободных доказательств, следовательно, оценка и сбалансирование доказательств, имеющихся в деле, зависит от профессионального усмотрения суда. Судья, учитывая обстоятельства дела, оценивает их доказательственное значение в каждом конкретном деле. В шведском законе нет четких правил, обязывающих суд в его свободной оценке доказательств. Принцип numerns clausus не применяется в действующем законодательстве.

Доказательными средствами в шведском законе являются показания свидетелей, экспертизы сторон и потерпевших лиц, которые не являются стороной, документальные (письменные) доказательства, обзоры, и выводы экспертов. Значение судебных и административных решений как доказательств не указывается, но они, как правило, обладают большим весом как доказательства. Существуют средства доказывания (к которым и можно отнести электронные доказательства), которые не указаны в нормах закона, но все же актуальны, поскольку разрешено все, что может повлиять на ценность доказательств. Все доказательства оцениваются одинаково, отсутствует разница в том, как в шведских судах трактуются электронные доказательства и другие доказательства. Нет никаких конкретных правил, регулирующих электронные документы. Законодательство является нейтральным в отношении технологий.

В Швеции усматривается общий подход к упрощению требований и условий, при которых электронное доказательство может быть принято и исследовано судом. Они, как правило, считаются допустимыми доказательствами и оцениваются судом в рамках принципа свободной оценки доказательств наравне с другими средствами доказывания.

Список использованной литературы

1. Council of Europe: The Use of Electronic Evidence in Civil and Administrative Law Proceedings and its effect on the rules of evidence and modes of proof. URL: https://rm.coe.int/1680700298 (дата обращения: 22.01.2025).

2. Evidence in Civil Law – Sweden, Author: Eric Bylander First published 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/319314242_Evidence_in_civil_law_Sweden (дата обращения: 22.01.2025).

3. The Swedish code of judicial procedure [Electronic resource]. URL: https://www.government.se/government-policy/judicial-system/the-swedish-code-of-judicial-procedure (дата обращения: 22.01.2025).

Информация об авторе

Максимов Виталий Алексеевич – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: maximovva@mail.ru.

Author

Maximov Vitaly Alexeevith – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: maximovva@mail.ru.

УДК 340 Д.В. Малик

ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ «ПОЧЕТ» И «ЗАСЛУГА»: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К СООТНОШЕНИЮ

В статье предпринята попытка установления закономерностей использования в правовой доктрине, нормативных, интерпретационных и правоприменительных актах оценочных категорий «почет» и «заслуга». Автором выявляются формы проявления почетного и заслуженного поведения субъектов, дающие основания для получения почетного правового статуса личности. На основе совокупности общих и специальных методов исследования, применяя компаративистский подход, устанавливаются как формально-юридические и нравственно-этические элементы единства данных феноменов, так и аспекты их взаимодействия. Делается вывод об объективных основаниях использования субъектом нормотворчества оценочных категорий «почет» и «заслуга» в качестве содержательных компонентов почетного правового статуса, предполагающего дополнительные субъективные права, правовые преимущества, возможность облегчения либо уклонения от юридических обязанностей и ответственности.

Ключевые слова: почет; заслуга; оценочные категории; правовой статус; права; обязанности; правовые преимущества.

D.V. Malik

THE EVALUATION CATEGORIES "HONOR" AND "MERIT": A COMPARATIVE APPROACH TO THE RATIO

The article attempts to establish patterns of use in legal doctrine, normative, interpretative and law enforcement acts of the evaluation categories "honor" and "merit". The author identifies the forms of manifestation of honorable and well-deserved behavior of subjects, which give grounds for obtaining an honorable legal status of an individual. Based on a set of general and special research methods, using a comparative approach, both formal-legal and moral-ethical elements of the unity of these phenomena, as well as aspects of their interaction, are established. The conclusion is made about the objective grounds for the use of the evaluative categories "honor" and

"merit" by the subject of rulemaking as substantive components of the honorary legal status, which presupposes additional subjective rights, legal advantages, the possibility of facilitating or avoiding legal duties and responsibilities.

Key words: honor; merit; evaluation categories; legal status; rights; duties; legal advantages.

Оценочные категории в праве не первый год привлекают внимание ученое сообщество, в особенности интересующееся вопросами нормотворчества [1; 2]. Подобный интерес вызван, как думается, совокупностью обстоятельств. С одной стороны, медиа платформы тиражируют информацию о присвоении почетных званий гражданам, почетных наименований городам, реализации почетных миссий публичных государственных деятелей на основании оценочных характеристик: «широкая известность», «признанный авторитет», «выдающиеся достижения» и пр.

С другой стороны, указанные оценочные характеристики непосредственно отражаются на статусных характеристиках субъектов. По справедливому замечанию А.Г. Репьева, такая форма улучшения правового положения, как привилегия, предоставляется не всегда с опорой на объективные критерии, а нередко на основании субъективного усмотрения [3, с. 61]. К примеру, право владения наградным оружием предоставляется «за особые личные заслуги перед государством» [4]. Яркая оценочная характеристика данных заслуг далее не конкретизируется, что создает риски злоупотребления дискреционными полномочиями.

Обозначенная выдержка из положения ведомственного правового акта далеко не единственная. Другие нормативные правовые акты также изобилуют упоминаниями о почетных правах, почетных обязанностях, почестях как элементах церемониала и пр., в том числе, образующихся в результате проявленных заслуг с приставками «особые», «выдающиеся», «значимые» [5].

Между тем, доктринальное толкование термина «почет», не говоря о производных от него словосочетаниях: «почетные права», «почетные обязанности», «почетный статус» и пр., практически не встречаются в справочной литературе. В рамках

поощрительной и стимулирующей деятельности соответствующих органов государственной власти отсутствуют методические рекомендации по интерпретации терминологии, дающей основания для присвоения почетного звания. К примеру, тезаурус основных терминов и их определений, используемых в МВД России [6], не содержит упоминания ни об одной из всего многообразия семантических единиц (почет, заслуга, честь, уважение, поощрение и пр.), образующих впоследствии формально-юридическую оболочку звания «почетный сотрудник МВД».

Отсутствие выверенной интерпретационной правовой позиции субъектов правоприменения порождает соответствующие юридические ошибки, упущения, что негативным образом сказывается на процессе обеспечения прав и свобод граждан [7], реализации поощрительной деятельности государства, наградной правовой политики. Имеют место лишь единичные работы в ракурсе данной тематики [8, с. 26–36; 9, с. 85–90], что явно не соответствует сложившимся потребностям. Следовательно, попытка компаративистского осмысления феноменов «почет» и «заслуга» выступает актуальным направлением теоретико-правовых исследований, востребованных практикой.

Как думается, общее представление исследователя о каком-либо юридическом феномене, в первую очередь, помогает сформировать справочная литература. Так, в одном из самых известных и авторитетных изданий по толкованию русскоязычных слов – словаре В.И. Даля, лексема «почет» интерпретируется исключительно в глагольной форме «почитать», что означает «считать, принимать, полагать, признавать» [10, с. 371]. Первые три варианта термина сводятся к согласию с каким-либо устоявшимся делом, вопросом, предполагают позиционирование какого-либо события в качестве состоявшегося, свершившегося факта. Например, популярной общеупотребительной фразой является «почитать за отца», – в понимании признания близкого человека в статусе кровного родственника, либо «почтить своим долгом» в значении восприятия обязанности в качестве личной, неотъемлемой. Что касается последнего варианта толкования В.И. Далем слова «почитать» через глагол «признавать», здесь мы видим перспективы установления связи данной лексемы с феноменом «почет» в проекции к юридическим отношениям.

В частности, понимание слова «почитать» в значении «признавать», по нашему мнению, расставляет акцент на лучших качествах человека, для которого свойственно отношение окружающих к нему на основе уважения, путем его чествования, через утверждение, закрепление в сознании каких-либо личных достоинств. Подтверждением служит пример из исконного русского отношения к людям в возрасте – «почитай старших». Когда кто-то выражается: «меня почтили приглашением», это, как правило, означает, что данному человеку высказали уважение, произошло признание его высокого достоинства (по крайней мере, в данной социальной группе). Обиходное «мое почтение» равно по смыслу «мое вам уважение».

Установив, что в повседневной речи, в литературных источниках «почитать» синонимизируется с «признавать заслуги» попробуем выстроить относительно полноценную картину о сущности феноменов «почет» и «заслуга» в праве, и общественных отношениях, ими регулируемым.

Так, юридический энциклопедический словарь под редакцией А.Я. Сухарева содержит статью о почетных званиях в СССР. Ее авторы полагают, что это «одна из форм наиболее высокого признания государством и обществом заслуг отличившихся граждан и коллективов» [11, с. 109]. Краткая, но достаточная емкая дефиниция позволяет обозначить как минимум два фундаментальных момента, в данном случае непосредственно проливающих свет на феномены «почет» и «заслуга» в правовой плоскости:

во-первых, ядром прилагательного «почетный» является признание за субъектом каких-либо заслуг, выделяющих его из общей массы участников общественных отношений, т.е. дифференцирующих социальное и правовое положение, индивидуализирующих место субъекта относительно иерархии в обществе;

во-вторых, почетная характеристика может распространяться не только на индивидуальных субъектов (физических лиц), но и на лицо юридическое (коллективы людей, объединения граждан и пр.).

Попробуем внести ясность.

Авторы «Большой юридической энциклопедии» полагают, что заслуга – это «добросовестный правомерный поступок, связанный с исполнением субъектом своих обязанностей либо с до-

стижением им общепризнанного полезного результата и выступающий основанием для применения поощрения» [12, с. 457]. Обозначенная точка зрения может быть уточнена по следующему основанию.

Как думается, позиционирование заслуги в качестве результата какого-либо однократного действия, не совсем верно. Данный тезис вытекает как из общеязыкового толкования термина, так и из формально-юридического понимания. Термин «заслуга» образован от однокоренных существительных «слуга», «служба», в глагольной форме «служить». Все они, а два последних – в особенности, предполагают длящийся процесс, долгосрочное добросовестное выполнение предписываемых действий. Не случайно термин «служба» определяется через исполнение обязанностей (повседневных, воинских и пр.), добросовестный и длительный труд на благо чего-либо [13, с. 186]. Сложно себе представить службу, состоящую из однократного, пусть и положительного поступка (действия).

Интересным является тот факт, что с точки зрения идеологии государства, некоторые виды службы априори позиционируются как почетные, вне зависимости от их результата. К примеру, ст. 132 Конституции СССР определяла, что «военная служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР». Полагаем, что позиционирование службы в армии в качестве почетной есть проявление воспитательной функции советского государства. Закрепляя воинскую службу с такой оценочной характеристикой, аппарат власти с точки зрения реализуемой идеологии:

во-первых, определяет в качестве приоритетных общенациональных задач – защиту Отечества, обеспечение внутренней и внешней безопасности, тем самым устанавливая иерархию ценностей общества, ключевой из которых будет являться долг перед Родиной;

во-вторых, мотивирует гражданское население (преимущественно мужское) на поступление на военную службу, в том числе, через систему средств улучшения правового положения соответствующих субъектов (социальные льготы, жилищные привилегии и пр.).

Сказанное позволяет заключить, что служба будет являться почетной не только в силу идеологического, нравственно-этиче-

ского позиционирования ее в качестве таковой, но и в случае сопровождения процесса служения получением дополнительных прав, правовых преимуществ в форме льгот и привилегий.

На сновании вышеизложенного можно сделать промежуточный вывод, что наиболее распространенным основанием характеристики поведения субъектов в качестве почетного, выступает ярко-выраженная социальная активность, инициатива, вовлеченность в происходящие события, сопровождаемая удовлетворением преимущественно не собственных, а общих интересов.

На сегодняшний день, при просматривающейся популяризации и поощрении государством активного правового поведения индивидов и общественных коллективов, сопровождаемого выделением их особых заслуг, героических поступков и пр., стимулировании граждан на достижение трудовых показателей, превышающих общепринятые нормы, – сложился явный дефицит научных монографических исследований, как в области наградной и поощрительной политики в целом, так и изучении их категориального ряда. В частности, общеправовых феноменов, имеющих нравственно-этический компонент: «почет», «честь», «заслуга», «достоинство» и пр. Предпринятая нами попытка не преследовала собой цель – всесторонне раскрыть сущностные основы обозначенных феноменов. Скорее замысел состоял в привлечении внимания научной общественности к данной проблеме и активизация дискуссии.

Список использованной литературы

1. Белоусова К.А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2019. – 22 с.

2. Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 23 с.

3. Репьев А.Г. Оценочные категории в нормах законодательства (на примере положений о правовых преимуществах) / А.Г. Репьев // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 60–62.

4. Об определении Порядка подготовки и рассмотрения ходатайств о награждении, составления представления к награждению, вручения в качестве награды и возврата гражданского,

боевого короткоствольного ручного стрелкового и холодного оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации от 09.08.2022 № 454 // СПС «Консультант Плюс».

5. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4915.

6. Тезаурус основных терминов и их определений, используемых в нормативных правовых актах МВД России (бюллетень правового информирования) / под ред. заслуженного юриста Российской Федерации А.Г. Авдейко; сост.: В.А. Толстик, Д.В. Орлов и др. – М.: ЭПК МВД России, 2022. – 124 с.

7. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 10.

8. Репьев А.Г. Почетные права и обязанности: доктрина, практика, техника / А.Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 26–36.

9. Репьев А.Г. Юридическая конструкция «честь сотрудника» как компонент специального правового статуса (на примере субъектов, проходящих службу в МВД России и ФСИН России) / А.Г. Репьев // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2022. – № 2 (12). – С. 85–90.

10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. Т. III. П. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. слов., 1955. – 555 с.

11. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев; ред. кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. – М.: Сов. энцикл., 1984. – 415 с.

12. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2005. – 688 с.

13. Краткий толковый словарь русского языка / И.Л. Городецкая, Т.Н. Поповцева, М.Н. Судоплатова, Т.А. Фоменко; под ред. В.В. Розановой. 6-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1989. – 255 с.

Информация об авторе

Малик Дмитрий Валерьевич – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России. E-mail: malik.ufa@mail.ru.

Author

Malik Dmitry Valeryevich – Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation. E-mail: malik.ufa@mail.ru.

УДК 351.74 Н.И. Малинов

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА)

Историко-правовой анализ законодательства, являющегося основой деятельности отечественных полицейских органов на начальном этапе их создания и становления, приходится на исторический период, приходящийся на первую четверть XVIII века. Акцентируется внимание на основных моментах и документальных свидетельствах становления законодательства, регулирующего функционирование полиции в указанный исторический период, автором изложено общее понимание указанного этапа формирования источников формирующегося полицейского права, применяемого главным образом в эпоху Российской империи. Изложение материала статьи начинается с момента документального упоминания полицмейстерской канцелярии как первоначального органа, на который, волей государя Петра I были возложены присущие ей специфические функции в определенных сферах общественной жизни. В основе материала обозначены исторические, документально отраженные факты реформирования и принятия мер управления деятельностью по организации и поддержанию благочиния в эпоху становления абсолютизма в российском государстве.

Ключевые слова: полицмейстерская канцелярия, благочиние инструкция; государство; пункты; генерал-полицмейстер; обер-полицмейстер; полиция; полицмейстерская канцелярия, регламент.

N.I. Malinov

ON THE INITIAL STAGE OF THE FORMATION OF POLICE LEGISLATION OF THE RUSSIAN STATE (IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY)

The historical and legal analysis of the legislation, which is the basis of the activities of domestic police agencies at the initial stage of their creation and formation, falls on the historical period falling

on the first quarter of the 18th century. Attention is focused on the main points and documentary evidence of the formation of legislation regulating the functioning of the police in the specified historical period, the author sets out a general understanding of the specified stage of the formation of sources of the emerging police law, applied mainly in the era of the Russian Empire. The presentation of the material of the article begins with the moment of documentary mention of the police chief's office as the original body, which, by the will of Tsar Peter I, was entrusted with its inherent specific functions in certain areas of public life. The material is based on historical, documented facts of reform and adoption of measures to manage the activities to organize and maintain decency in the era of the formation of absolutism in the Russian state.

Key words: police chief's office, orderly instruction; state; points; general police chief; chief police chief; police; police chief's office, regulations.

Исторические перемены, происходившие в нашей стране в первой четверти XVIII века, проводимые по воле государя Петра I, ставшего инициатором модернизирнизации системы отправления полицейских функций в стороны их перераспределения от институтов духовной, политической и общественной власти в сторону государственной, в значительной степени способствовали трансформации Русского государства по отдельным «лекалам» европейской парадигмы соответствующих преобразований. Указанное распространяет свое действие и в отношении изменений в законодательстве, регулирующего создание и функционирование нового, отдельно взятого специального, ведомства, осуществлявшего полицейские функции.

В качестве такого органа, получившего полномочия отправления полицейских функций, послужило учреждение специального, отдельно взятого ведомства в виде «Полицмейстерской канцелярии», миссия которой сводилась к осуществлению ряда управленческих функций, в том числе в части поддержания в обществе «благочиния» в виде поддержания необходимого уровня безопасности и порядка или трактуя современным языком – правопорядка [1, с. 472].

Документальные сведения, подтверждающие факт того, что Полицмейстерская канцелярия, как орган, осуществляющий функции контроля и управления, существовала в столице

государства Санкт-Петербурге уже в 1715 г.[1] Сохранившиеся источники, свидетельствующие о деятельности «Полицмейстерской канцелярии», указывают, что в исследуемый период ее приоритетным направлением была совсем не та полицейская деятельность, понимаемая нами в своем современном значении, а иная, выражаемая в ведении строительных дел в Санкт-Петербурге, что было актуальным в условиях масштабного строительства новой столицы и возможного ущерба вследствие нарушений как градостроительных, так и противопожарных норм той эпохи.

Следует отметить, что законодательно, функциональная деятельность «Полицмейстерской канцелярии» кардинально изменилась в 1718 г., когда она по инициативе Петра I была преобразована в обособленный государственный орган, наделенный расширенными полномочиями, включившими регулирование как общественных вопросов, так и обеспечение «благочиния» под которым в то время понимался правопорядок, что корреспондировало пониманию в указанное время (Россия участвовала в Северной войне) мер обеспечения общественной и государственной безопасности в столице. Так, 25 мая 1718 г. волей Петра I был издан Указ[2], содержащий инструкцию в виде пунктов, в соответствии с которыми Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру предписывалось обеспечивать смотрение по ряду направлений. В упомянутом Указе, государем Петром I, собственноручно написаны пункты, содержавшие основные направления деятельности полиции как новой правоохранительной структуры в виде 14 (13 основных и 1 дополнительно приписанного), которые можно условно разделить на 4 группы, а именно:

1) по надзору за благоустройством и санитарией (пункты 1–6);

2) по соблюдению благочиния (пункты 7, 9–13);

3) по обеспечению пожарной безопасности (8,12–13);

4) по размещению личного состава на постой (дополнительный или так называемый 14-й пункт).

---

[1] Высочайшая резолюция на доклад по делам Полицмейстерской Канцелярии от 20 мая 1715 г. «О каменных и деревянных строениях») // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. V. СПб., 1830. № 2909. С. 157–158.

[2] Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру» от 25 мая 1718 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. V. 1830. № 3203. С. 569–571.

Развивая тему данного указа, считаю целесообразным привести мнение И.В. Гурлева, который писал, что «учитывая тот факт, что формой правления в Российской империи являлась абсолютная монархия, при которой вся власть (законодательная, исполнительная и судебная) принадлежала исключительно самодержцу, следует отдать приоритет дате написания Петром I пунктов поручения генерал-полицмейстеру, «как ему врученное дело управлять» (закон № 3203), и днем создания регулярного полицейского ведомства в России следует считать 25 мая 1718 г. по старому стилю или по новому стилю – 5 июня 1718 г. [2, с. 7–10]. Это мнение может быть проиллюстрировано фактом издания приказа МВД России, согласно которому, 5 июня был объявлен Днем Российской полиции[3].

В целях надлежащего управления «Полицмейстерской канцелярией» и в соответствии с царским указом от 7 июня 1718 г. «О Генерал-Полицмейстере»[4] ее главой был назначен Его царского Величества генерал-адъютант Антон Мануилович Девиер, получивший вышеуказанные «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-Полицмейстеру». Таким образом, А.М. Девиер стал первым в русской истории генерал-полицмейстером и руководителем отдельного ведомства, сосредоточившего полицейские функции. Этот тезис находит подтверждение в суждениях отдельных отечественных ученых-полицеистов, констатирующих о правомерности занесения А.М. Девиера в формат исторической галереи системы МВД России (под номером 1) [3, с. 30–33].

Интересным фактом начального этапа развития полиции в России стало утверждение царем Петром I своим Указом от 16 января 1721 г. «Регламента или Устава Главного Магистрата»[5], в котором наибольший интерес представляет глава X «О полицейских делах», законодательным образом закрепляющая основные функции полиции, дословно выражаемые в следующих формулировках, согласно которым полиция:

1) содействует в правах и в правосудии;

---

[3] Приказ МВД России от 15 марта 2018 г. № 121 «О Дне образования Российской полиции» // СПС Консультант Плюс.

[4] О генерале полицмейстере. Именной указ. [Июня 7 дня 1718 года] // Копии его царскаго величества указов, публикованных от 1714 года с марта 17 дня по нынешней 1719 год. СПб., 1719. С. 181.

[5] Регламент или Устав Главного магистрата // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. 1830. № 3708. С. 291–309.

2) способствует укреплению добрых порядков и нравоучения;

3) обеспечивает всем безопасность от различного рода разбойников, воров, насильников и обманщиков, и им подобных;

4) противодействует непорядочному и непотребному образу жизни, принуждая при этом каждого к трудам и к честному промыслу;

5) чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей города;

6) препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем необходимом для жизни человека;

7) предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах;

8) запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения;

9) призирает по заповедям Божьим нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных;

10) воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках.

Заключительная часть данной главы содержит констатацию того, «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности».

Следующим шагом, свидетельствующим о расширении территориальных пределов полицейской компетенции за границы новой столицы (Санкт-Петербург), выступает акт издания императором Петром I соответствующего Указа от 19 января 1722 г.[6], положившего началу создания полиции в г. Москве, как бывшей столице и втором по значимости городе страны.

Опыт организации службы полиции в Санкт-Петербурге впоследствии позволил сформулировать более конкретные требования к полицейской деятельности, отвечающие духу времени исследуемого периода. Эти требования нашли свое отражение в Именном Указе от 9 июля 1722 г., адресованном Московскому Обер-Полицмейстеру М.Т. Грекову[7]. В данном Указе

---

[6] О бытии в Москве Обер-Полицмейстеру // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. 1830. № 3883. С. 483.

[7] Инструкция Московскому Обер-Полицмейстеру Грекову // ПСЗ РИ Собр. I. Т. VI. 1830. № 4047. С. 726-736.

подробным образом (в более объемном, чем в пунктах к Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру – 48 пунктах против 14) были определены задачи, стоящие перед главой и служилыми людьми Московской «Полицмейстерской канцелярии», включая правила разрешения вопросов и устранения проблем, возникающих в сферах городской жизни, а именно: санитарного состояния, благочиния, правил торговли, пожарной безопасности и перемещения. Отличительной особенностью данного Указа стало наличие в нем преамбулы в виде клятвы верности императору (Петру I), императрице (Екатерине Алексеевне) и Его Императорского Величества законным Наследникам, что было значимым залогом верности и лояльности слуг государевых в условиях абсолютизма.

Издание более детализированной Инструкции, данной Московской Полицмейстерской Канцелярии от 10 декабря 1722 г.[8], указывает на важность организации различных сторон служебной деятельности служителей московской полиции, что нашло отражение в детальной регламентации их функций и полномочий в виде 46 пунктов. В ней, наряду с подлежащими полицейскому контролю правилами строительства домов и противопожарными требованиями, прописывались условия соблюдения благочиния, в том числе, в виде проведения отдельных профилактических мероприятий, а также санкции в случаях уклонения от оказания помощи полиции. По мнению Упорова И.В., «об основательности этого акта свидетельствует тот факт, что он действовал до известной полицейской реформы Екатерины II 1782 г. [4, с. 19–22].

Резюмируя изложенное, представляется необходимым заключить следующее:

1. Лапидарный анализ рассмотренного законодательства, являющегося основой деятельности отечественных полицейских органов на начальном этапе их создания и становления в стране в первой четверти XVIII века, корреспондирует «духу» эпохи становления отечественного абсолютизма, сопряженного с именем царя Петра I (с 1721 года – императора), в период правления которого произошло четкое оформление компетенции

[8] Инструкция, данная Московской Полицмейстерской Канцелярии // ПСЗ РИ Собр. I. Т. VI. 1830. № 4130. С. 796–809.

российского полицейского ведомства, а также нормативно-правового регулирования пределов его функционирования.

2. Законодательно установленная деятельность полицейских органов российского государства (в виде «Полицмейстерских канцелярий»), в период этапа своего создания и начального становления в первой четверти XVIII века осуществлялась исключительно в двух наиболее крупных городах страны (города Москва и Санкт-Петербург), в разные годы обладавших статусом столицы Российской империи.

3. Изучение материалов, посвященных ключевым источникам отечественного полицейского законодательства, свидетельствует о важности нового осмысления центрального направления процессов оформления юрисдикции и регламентации профессиональных функций полицейских органов, полномочия которых были ориентированы на эффективность их правоохранительной деятельности в различных сферах жизни российского общества.

4. Полицейское законодательство российского государства на начальном этапе ее создания и формирования нового облика предусматривали возложение на полицию значительного объема функций, выходящего за рамки обеспечения правопорядка и профилактики правонарушений, что иллюстрируется фактом интегрирования в юрисдикцию полицейской институции функций административной деятельности и контроля санитарно-эпидемиологического благополучия, надзора за градостроительной деятельностью, обеспечения противопожарных норм, защиты прав потребителей, благоустройства, организация городской караульной службы и ряда других.

5. Начальный этап становления полицейского законодательства российского государства характеризуется поступательным расширением количества и более детальной регламентацией функций, возлагаемых на полицию, а также изложения этических и моральных основ прохождения службы, введения процедуры законодательного закрепления верности и лояльности полицейских своему служебному долгу и монархической династии как залога абсолютизма.

6. Представленный в настоящей работе обзор основных источников полицейского законодательства, касающихся ее создания и первоначального функционирования в первой четверти XVIII века, в значительной степени востребован для органов

внутренних дел Российской Федерации, в части понимания ее сотрудниками базовых начал своей правоохранительной миссии.

Список использованной литературы

1. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 7: Битбург-Босха // Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: ПОЛРАДИС, 1998. – 472 с.

2. Гурлев И.В. О дате учреждения полиции в России (к 300-летию полиции) // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2(46). – С. 7–10.

3. Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Историческая галерея руководящего состава МВД России: генерал-полицмейстер Антон Мануилович Девиер // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 8–3(71). – С. 30–33.

4. Упоров И.В. Инструкция Московской Полицеймейстерской Канцелярии и другие законы Российской империи в декабре-месяце 300 лет назад (1722 год) / И.В. Упоров // Юридическая гносеология. – 2022. – № 3. – С. 19–22.

Информация об авторе

Малинов Николай Иванович – преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: malinov@list.ru.

Author

Malinov Nikolay Ivanovich – lecturer at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: malinov@list.ru.

УДК 346.5

Н.А. Маслов

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

В работе проанализирована англоязычная терминология, используемая в нормативных правовых актах, регулирующих различные аспекты экономики. Указаны положительные и отрицательные стороны данного явления. Сделан вывод о недопустимости масштабного использования данной терминологии в отечественных нормативных правовых актах.

Ключевые слова: англоязычная терминология; экономика; правовое регулирование экономики; нормотворчество.

N.A. Maslov

ENGLISH-LANGUAGE TERMINOLOGY IN THE LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY

The paper analyzes the English-language terminology used in regulatory legal acts regulating various aspects of the economy. The positive and negative sides of this phenomenon are indicated. The conclusion is made about the inadmissibility of the large-scale use of this terminology in domestic regulatory legal acts.

Key words: English terminology; economics; legal regulation of economics; rulemaking.

Сравнительное правоведение необходимо не только для того чтобы накопить знания о юридической картине мира, но и для того чтобы обосновать необходимость заимствований из иностранных правовых систем и заранее дать ответ о том способны ли они прижиться на нашей почве. Указанное сейчас очень актуально применительно к терминологии, используемой в правовом регулировании экономики. В этой сфере множество англоязычных терминов. Какие-то заимствования весьма удачны. Другие наоборот вызывают культурный шок и недоумение. И думается, что данная проблематика назрела и уже перезрела. В связи с этим актуальность заявленной темы не вызывает сомнений.

Первым делом хотелось бы проанализировать два крайне интересных термина, находящихся на стыке экономической и уголовно-правовой тематик. Речь идет о словосочетаниях «теневая экономика» и «легализация (отмывание) доходов». Первый термин является результатом калькированного перевода такого англоязычного словосочетания как «shadow economy». И здесь надо сказать, что в англоязычной терминологии помимо указанного словосочетания используется еще несколько полных эквивалентов данного термина. Это «underground economy» (подпольная экономика), «black economy» (черная экономика), «grey economy» (серая экономика), «hidden economy» (скрытая экономика), «informal economy» (неформальная экономика), «unofficial economy» (неофицальная экономика). Возникновение анализируемого термина произошло в первой половине XX века в США и связано с попыткой научного осмысления обозначаемого им явления [7, с. 180]. В России термин «теневая экономика» сначала использовался в научной и публицистической литературе, и гораздо позже перебрался в нормативные правовые акты. К примеру, он употреблен в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 216 [9] и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 [8]. Анализируемое заимствование надо назвать довольно удачным. Мы к данному термину привыкли, и он не вызывает никакого когнитивного диссонанса.

Термин «легализация (отмывание) доходов» имел в нашей правовой системе еще больший успех. Он проник прямо в федеральный закон и попал не только в его текст, но и в заголовок. Речь идет о Федеральном законе от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [12]. Данный термин также является результатом калькированного перевода и образован от англоязычного словосочетания «legalization (laundering) of income». У этого термина имеется эквивалент «money laundering» (отмывание денег). Появление анализируемого термина связано с преступной деятельностью американского мафиози Аль Капоне, который в целях легализа-

ции доходов, полученных преступным путем, открыл сеть прачечных самообслуживания, в которых люди за небольшую плату наличными могли выстирать свое белье [3, с. 116]. К данному термину мы тоже привыкли. Правда, к нему уже имеются критические замечания. Дело в том, что слово «laundering», переводимое на русский язык как «отмывание» или еще точнее «отстирывание», хотя и звучит метафорично, ярко, едва ли допустимо в официальной лексике. Оно в данном контексте имеет некоторый налет просторечия, жаргона, может быть даже криминального жаргона. И просто очевиден заложенный в этом слове юмористический смысл. Кроме того, за ним кроется целый иностранный культурно-исторический пласт. Спрашивается, зачем это нашему отечественному законодательству. И самое главное, в приведенном словосочетании этим словом вполне можно пренебречь без потери смысла. В нем уже есть слово «легализация». А слово «отмывание» в данном контексте является его синонимом. Правда, в данном случае это синоним усиливающий смысл. И видимо именно этого и добивался законодатель.

Указанные выше лексические единицы используются в нашей нормотворческой практике очень давно, и как было отмечено выше, общественность к ним уже привыкла. Но вот в последнее время появилось очень много заимствованных слов и словосочетаний, которые еще не адаптировались в нашей отечественной терминологии. Очень много их используется в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы развития малого и среднего предпринимательства. В частности, у нас появились такие термины как «бизнес-ангел» [6], «бизнес-инкубатор» [5], «крауд-платформа» и «эндаумент-фонд» [6] и пр. Значение словосочетаний «бизнес-ангел» и «бизнес-инкубатор» ясно без перевода, поскольку используемые в них слова давно присутствуют в лексике русского языка. Однако их употребление в приведенном смысле – это нечто совершенно новое. И звучат эти термины пока что очень вычурно и непривычно. Смысл последних двух словосочетаний без перевода понять уже невозможно. Термин «крауд-платформа» образован от такого термина как «краудфандинг», который в свою очередь образован от слов «crowd» (толпа) и fund (фонд). Таким образом, краудфандинг переводится дословно как финансирование толпой. И, таким образом, крауд-платформа – это электронная платформа по коллективному сбору средств для финансирования того или

иного проекта. Термин «эндаумент-фонд» образован от английского слова «endowment-fund» и переводится как благотворительный или дарственный фонд. У нас же этот термин используется для обозначения фонда целевого капитала [6]. Последние термины крайне тяжелы для понимания и требуют обращения к справочной литературе. Имеется еще один крайне интересный термин, связанный с развитием предпринимательства. Это слово «стартап» [6], являющееся транскрипцией от англоязычного слова «startup», переводимого как «запуск». Под данным словом обозначается новое предприятие, созданное на основе каких-то прорывных идей. Данный термин проник не только в нормативные правовые акты, но и стал словом общеупотребительной лексики. К примеру, в молодежной среде его переводить уже не надо.

Очень много англоязычных заимствований в правовом регулировании рынка ценных бумаг. К примеру, термины «листинг» и «делистинг» [10, ст. 2], являющиеся транслитерацией соответственно от «listing» и «delisting». И у нас и за рубежом эти термины обозначают процедуры включения ценных бумаг в список бумаг допущенных к торгам, и исключения из него. Честно говоря, для описания этих процедур вполне можно было использовать слова русской лексики. Имеется еще один крайне интересный термин. Это словосочетание «инсайдерская информация» [11], являющееся результатом калькированного перевода англоязычного словосочетания «insider information». Обозначает этот термин внутреннюю конфиденциальную информацию эмитента ценных бумаг, которая не была опубликована и по законодательству не подлежала опубликованию.

Выше были перечислены лишь некоторые англоязычные заимствования. Полный же охват этой лексики возможен, наверное, только в рамках масштабного монографического исследования. Однако уже приведенных примеров достаточно чтобы сделать несколько выводов о допустимости анализируемой терминологии в нашем отечественном нормотворчестве. Сначала укажем доводы в защиту данной терминологии. Во-первых, некоторые из указанных терминов вошли как в отечественную профессиональную, так и в общеупотребительную лексику. Многие из них используются очень давно. К примеру, термин «теневая экономика», который встречается не только в

наших нормативных правовых актах, но и в научной и в публицистической литературе. Этот термин прижился в нашем языке. Есть примеры терминов, которые хоть и не так давно используются, но тоже довольно органично вошли в нашу лексику. Допустим, слово «стартап», которое понятно без перевода в среде современной молодежи и в среде тех, кто интересуется проблемами экономики. Во-вторых, многие из анализируемых терминов по сути своей являются неологизмами, обозначающими заимствованные и совершенно новые для нашей экономики явления. Поэтому в отсутствии русскоязычного эквивалента используется новое слово или словосочетание.

Теперь укажем доводы против активного использования данной лексики. Во-первых, действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы экономики перегружены англоязычной лексикой, что точно недопустимо [13, с. 80]. Во-вторых, в ряде случаев вместо англоязычных слов и словосочетаний вполне можно было подобрать русскоязычные эквиваленты. Очевидно, что если есть адекватная русскоязычная лексика, то нет необходимости в иноязычных заимствованиях [13, с. 80]. В-третьих, почти все указанные термины явились результатом либо калькированного перевода, либо беспереводного заимствования. Калькированный перевод – это «пословный перевод составных частей сложного термина или термина-словосочетания» [2, с. 44]. По сути своей это неполный, неадаптированный перевод. А беспереводное заимствование – это способ передачи иноязычного слова путем знаков письменности иного языка, посредствам либо транскрипции, либо транслитерации [2, с. 44]. Иными словами, указанная терминология либо вообще не переведена на русский язык, либо переведена не полно. Поэтому она не всегда понятна и всякий раз требует обращения к словарям и разного рода справочной литературе. Честно говоря, в науке языкознания нет никаких проблем в переводе иностранной терминологии. К примеру, можно использовать такие приемы как описательный перевод или трансформационный перевод, которые позволяют найти достойный эквивалент в языке, на который переводится термин [2, с. 44]. Возникает вопрос о том, почему современный законодатель редко использует такие способы. В-четвертых, многие из указанных терминов, даже в английском языке являются очень яркими метафорами. И при

калькированном или беспереводном заимствовании эти метафоры сохраняются и переносятся в наш язык. Надо сказать, что в отечественной науке нет единства относительно использования метафор в нормотворчестве. По общему правилу, они, как языковые средства, дающие образность и эмоциональность, недопустимы в нормативных правовых актах [4, с. 251]. Однако некоторые исследователи считают, что при определенных условиях это возможно [1, с. 17]. И этот спор касается метафор русского языка. А в нашем случае метафоры, да еще и иностранные. В-пятых, в метафорах, имеющихся в данной терминологии, запрятаны целые культурные и исторические пласты информации, чуждые нашей культуре. В-шестых, думается, что отечественное нормотворчество, а также отечественная наука не могут быть самодостаточными, независимыми, суверенными при столь масштабном засилье иноязычной терминологии.

Как видно из сказанного отечественное законодательство, регулирующие вопросы экономики имеет множество англоязычных заимствований. Несомненно, отчасти данное явление следует расценивать как положительное, поскольку много терминов прижилось и обогатило наши право, науку и культуру. Однако гораздо больше доводов против столь масштабных заимствований. Самый главный из них заключается в необходимости самостоятельного развития отечественного законодательства без оглядки на иностранный опыт. Конечно, речь не идет о полном запрете на заимствования. Однако они должны быть разумны и обоснованы.

Список использованной литературы

1. Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 11–19.

2. Капшутарь Е.С., Филиппова М.М. Особенности перевода современных англоязычных терминов права // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – С. 41–53.

3. Кучумов А.В., Печерица И.В. Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты // Экономический вектор. – 2022. – № 3 (30). – С. 115–122.

4. Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2010. – 384 с.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // СЗ РФ. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2162.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 года № 1315-р // СЗ РФ. – 2023. – № 22. – Ст. 3964.

7. Санинский Р.А. Теневая экономика: история и современность – сохранение традиций // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 180–183.

8. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

9. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421.

10. Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1996. – Ст. 1918.

11. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4193.

12. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3418.

13. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Ин-т законодательства и сравн. Правоведения при Правительстве Российской Федерации; под ред. член-корр. Т.Я. Хабриевой, проф. Н.А. Власенко. – М.: Эксмо, 2010. – 272 с.

Информация об авторе

Маслов Николай Андреевич – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук. E-mail: maslovna@mail.ru.

Author

Maslov Nikolay Andreevich – Ass. Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law. E-mail: maslovna@mail.ru.

УДК 340.5

И.А. Минникес

ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Обосновывается существование индивидуального толкования как самостоятельного вида толкования права. При этом акцент делается не на объект, а субъект толкования. Методологическая основа исследования представлена общим диалектическим методом научного познания в сочетании с методом формально-юридического анализа и сравнительно-правовым методом. На основе проведенного анализа с привлечением исследований зарубежных авторов обращается внимание на такие проблемы как позиция интерпретатора в процессе толкования, субъективное восприятие интерпретатором содержания правовой нормы, правовые аргументы при толковании права, результат индивидуального толкования. Делается вывод, что многие устоявшиеся традиционные подходы в теории толкования нуждаются в дополнительном анализе и возможно в частичном пересмотре с учетом сложившихся правовых реалий и тенденций развития современного общества.

Ключевые слова: толкование права; виды толкования права; индивидуальное толкование; коллективное (коллегиальное) толкование; сравнительное правоведение.

I.A. Minnikes

PROBLEMS OF INDIVIDUAL INTERPRETATION: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

The existence of an individual interpretation as an independent type of interpretation of law is substantiated. In this case, the emphasis is not on the object, but on the subject of interpretation. The methodological basis of the research is represented by the general dialectical method of scientific cognition combined with the method of formal legal analysis and the comparative legal method. Based on the analysis conducted with the involvement of research by foreign authors, attention is drawn to such problems as the interpreter's position in the process of interpretation, the interpreter's subjective per-

ception of the content of a legal norm, legal arguments in the interpretation of law, and the result of individual interpretation. It is concluded that many well-established traditional approaches in the theory of interpretation need additional analysis and possibly a partial revision, taking into account the prevailing legal realities and trends in the development of modern society.

Key words: interpretation of law; types of interpretation of law; individual interpretation; collective (collegial) interpretation; comparative jurisprudence.

Вопросы толкования права постоянно находятся в поле зрения российских и зарубежных ученых. Во множестве работ подробно исследованы проблемы, связанные с понятием, способами, видами толкования. Представляет интерес тот факт, что во многих фундаментальных исследованиях прежних лет по проблемам толкования зачастую нет специального раздела (главы, параграфа) о субъекте толкования. Этот вопрос рассматривается в контексте других и, как правило, тогда, когда авторы пишут о видах толкования либо об актах толкования.

Возможно поэтому во все времена все поля зрения оставался вопрос об индивидуальном толковании, т.е. толковании, которое исходит от индивидуального субъекта. Говоря о данном виде толкования, принципиально важно, что акцент делается не на объект, а субъект толкования. Думается, что вопрос о субъектах толкования заслуживает более пристального внимания со стороны юридической науки.

В работах дореволюционных российских юристов не упоминается такой вид как индивидуальное толкование [4; 7; 9; 2].

Это же можно сказать и о советской юридической науке, включая даже самые серьезные монографические исследования как в общей теории права [6; 8; 3], так и отраслевых юридических науках [10; 11].

Справедливости ради нужно отметить, что С.С. Алексеев использовал термин «индивидуальное толкование», но несколько ином значении, отождествляя его с казуальным толкованием [1, с. 310–311].

Необходимо также сделать оговорку, что проблема индивидуальной интерпретации глубоко изучалась в философии, психологии, культурологии и других гуманитарных науках. В философии сформировалось как минимум два подхода к пониманию

индивидуальной интерпретации. Представители первого считают, что индивидуальная интерпретация субъективна и зависит от личного опыта или культурного фона. Другие полагают, что индивидуальная интерпретация объективна и универсальна. В психологии суть индивидуальных интерпретаций сводится к тому, что люди по-разному воспринимают и обрабатывают информацию в зависимости от своего опыта и способностей. В культурологии подходы к индивидуальной интерпретации в разных культурах существенно различаются. Достижения этих наук безусловно применимы в юриспруденции, но эта тема самостоятельного исследования.

В современных юридических исследованиях индивидуальному толкованию права должного внимания не уделялось. Автор настоящей статьи ранее опубликовал работу по этой теме, которая носит постановочный характер. В ней обосновывается существование нового самостоятельного вида толкования права – индивидуального толкования. Делается вывод, что любое толкование изначально индивидуально, когда это касается внутренней стороны толкования – процесса уяснения истинного смысла правового предписания. На второй стадии толкования в процессе разъяснения возможно коллективное (коллегиальное) толкование, которое понимается как совокупность индивидуальных толкований. Предлагаются дополнения к существующим классификациям, касающимся видов толкования [5].

Думается, что современные тенденции развития юридической науки и интерпретационной практики делают оправданным новое обращение к этой проблематике. Особый интерес она представляет в аспекте сравнительного правоведения.

Необходимо отметить, что в данном случае используются только те источники, которые были доступны автору. Среди них не было работ, посвященных именно индивидуальному толкованию. Однако выводы, содержащиеся в этих работах, вносят серьезных вклад в осмысление обозначенной проблемы.

Как представляется, следует начать с общих вопросов. Один из основоположников теории интерпретации Э. Бетти полагал, что интерпретация – это процесс, в котором задействованы три элемента. Первый элемент – это позиция автора, его собственное субъективное мнение. Второй элемент – это позиция интерпретатора, его субъективное мнение. И, наконец, третий эле-

мент – это репрезентативная форма, через которую осуществляется передача информации от автора к интерпретатору. Именно ее – репрезентативную форму сам Э. Бетти считал центральным звеном теории интерпретации [12]. Применительно же к индивидуальному толкованию больший интерес представляет второй элемент – позиция интерпретатора, его субъективное мнение. Это наиболее созвучно с тем, что в настоящее время преподносится как индивидуальное толкование.

С точки зрения теории юридической интерпретации важно и утверждение французского исследователя Ж-П. Камби в работе «Закон и норма» о том, что толкование всегда является субъективным восприятием правоприменителем любой нормы [13, p. 849–867]. Как представляется, субъективное восприятие, а по сути индивидуальное восприятие, предполагает затем индивидуальное толкование. Эти явления прямо взаимосвязаны.

Польский теоретик права Е. Врублевки, разрабатывая теоретическую модель применения права, очень основательно исследовал вопрос о правовых соображениях (аргументах) при толковании права [16, s. 137–158]. Этот, казалось бы, общий вопрос может иметь и прикладное значение. Такие правовые соображения (аргументы) могут исходить только от индивида, и именно на них строится индивидуальное толкование.

Еще одна проблема, о которой следует упомянуть – это результат индивидуального толкования. Профессор Университета Пантеон-Ассас

(Париж 2) Жак Шевалье обосновано предостерегает теоретиков и практиков от одной очень опасной тенденции – это создание так называемых «толковательных конструкций». Опасность, по его мнению, состоит в том, что эти конструкции могут заменить собой нормативно-правовые акты, и интерпретационные акты для практиков могут стать выше закона [14].

Примером тому может служить работа немецкого исследователя Х. Гаррна «О рациональности правовых решений», в которой он различает абстрактную норму (норму права) и интерпретированную норму (норму–дело), т.е. норму, которая приспособлена к содержанию конкретного дела. Создается такая норма в процессе толкования [15].

Думается, что к предостережению Ж. Шевалье следует отнестись предельно серьезно. Данный вывод имеет не только теоретическое, но большое практическое значение.

С результатом толкования связана еще одна проблема, которая важна как для теории толкования, так и интерпретационной практики – это эффективность толкования.

С позиции юридической практики один из самых насущных вопросов – это критерии эффективности. Трудно выделить критерии, которые относились бы только к индивидуальному толкованию. Скорее они носят общий характер и относятся ко всем видам толкования. ранее проведенные исследования позволяют назвать следующие критерии эффективности толкования:

– однозначность толкования – данное толкование не вызывает

сомнения в истинности толкования и не нуждается в дополнительных комментариях;

– устойчивость толкования – данное толкование оставлено в силе юрисдикционными органами, в компетенции которых есть право его отменить или оспорить;

– применимость толкования – данное толкование используется другими субъектами интерпретационной деятельности.

В результате можно сделать вывод, что многие традиционные подходы в теории толкования нуждаются в дополнительном анализе и возможно в частичном пересмотре с учетом сложившихся правовых реалий и тенденций развития современного общества.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. – Т. 2. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит, 1982. – 360 с.

2. Васьковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов: цивилистическая методология. – Ч. 1. / Е.В. Васьковский. – Одесса: «Экон.» тип., 1901. – 400 с.

3. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права / Н.Н. Вопленко. – М.: Юрид. лит., 1976. – 118 с.

4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб.: Тип. Н.К. Мартынова, 1886. – 364 с.

5. Минникес И.А. Индивидуальное толкование (к постановке проблемы) / И.А. Минникес // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 17–24.

6. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.

7. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
8. Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. – Т. 1: Вып. 1–4. / Г.Ф. Шершеневич – М.: Тип. Бр. Башмаковых, 1910. – 839 с.
10. Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона / А.С. Шляпочников. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.
11. Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – М.: Юрид. лит., 1967. – 192 с.
12. Betti E. Teoria generale della interpretazione / E. Betti. – Milano: Gioffe, 1955. – 983 p.
13. Camby J-P. La loi et la norme / J-P. Camby // Revue du droit public. – Paris, 2005. – № 4. – P. 849–867.
14. Chevallier J. Doctrine juridique er science juridique / J. Chevallier // Droit et societe. – 2002. – No. 50. – P. 103–119.
15. Garrn H. Zur Rationalität rechtlicher Entscheidungen / H. Garrn. – Stuttgart: Steiner-Verlag, 1986. – 147 s.
16. Wroblewski J. Pisma wybrane / J. Wroblewski. – Warszawa: Wolters Kluwer, 2015. – 480 s.

Информация об авторе

Минникес Илья Анисимович – заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: iaminnikes@yandex.ru

Author

Minnikes Ilia Anisimovich – Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: iaminnikes@yandex.ru

УДК 342.31 И.В. Минникес

«ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ

В статье рассматривается проблема регламентации государственных символов в законодательстве субъектов Российской Федерации. Автор исходит из тезиса о том, что законы об официальных символах государственности, как и конституции, имеют двойственную природу. С одной стороны – это нормативные правовые акты, с другой стороны – это акты, несущие большую идеологическую нагрузку. Это связано с особой природой символов государства. Символ государства – это и правовой и идеологический конструкт. Но современные законы субъектов о символике государственности регламентируют только внешние параметры символов – их размер, цвет, форму и т.д. Правовое оформление социально-политического, этнокультурного назначения государственных символов в законодательстве встречается очень редко. Завершает исследование рекомендация о необходимости дополнить законодательство субъектов Российской Федерации о государственной символике статьями об идеологическом значении символов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная символика; герб; флаг; законодательство субъектов Российской Федерации; закон о флаге; закон о гербе; законодательство о государственных символах.

I.V. Minnikes

“IDEOLOGICAL NEUTRALITY” OF THE LEGISLATION OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION ON STATE SYMBOLS

The article considers the problem of regulation of state symbols in the legislation of the constituent entities of the Russian Federation. The author proceeds from the thesis that laws on official symbols of statehood, like constitutions, have a dual nature. On the one hand, they are normative legal acts, on the other hand, they are acts that

carry a great ideological load. This is due to the special nature of symbols of the state. The symbol of the state is both a legal and ideological construct. But modern laws of constituent entities of the Russian Federation on the symbols of statehood regulate only external parameters of symbols – their size, color, shape, etc. Legal formalization of socio-political, ethno-cultural purpose of state symbols in the legislation is very rare. The study concludes with a recommendation on the need to supplement the legislation of the subjects of the Russian Federation on state symbols with articles on the ideological significance of the symbols of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: state symbols; coat of arms; flag; legislation of constituent entities of the Russian Federation; law on flag; law on coat of arms; legislation on state symbols.

Принимая нормативный акт, законодатель отвечает на определенный запрос общества, реагирует на вызовы времени.

Изменение государственного строя в 1917 г. повлекло за собой принятие множества декретов и Конституции РСФСР 1918 г., внедрение новой экономической политики (НЭП) потребовало принятия многочисленных актов о концессиях, об акционерных обществах и т.п., усиление репрессий вызвало к жизни изменения уголовно-процессуальных норм и дополнения уголовного законодательства и т.д. Независимо от того, указывал ли законодатель цель введения новых норм или изменения имеющихся правовых предписаний, она неизменно присутствовала.

У любого правового воздействия имеется определенная целевая направленность. Иногда она обозначена непосредственно в тексте нормативного правового акта. Например, в Уголовном Кодексе РСФСР 1922 г. определено, что «Уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершающим, указанных в настоящем Кодексе мер социальной защиты». В некоторых случаях законодатель обходит этот вопрос молчанием, как, например, в Гражданском Кодексе РСФСР 1922 г.

Особое внимание следует уделить целевой ориентации актов политико-правового характера. В этом контексте интерес представляют конституции.

Общеизвестно, что конституция государства – это не просто сборник правовых норм, не обычный нормативный акт. Роль конституции в общественной жизни выходит далеко за рамки правового воздействия. Как отмечено Л.В. Акоповым, конституция – это «национальная идея и высший закон для общества» [1, с. 34]. Тем самым подчеркивается, что помимо непосредственно правового регулирования, конституция выполняет и иные задачи.

Целевая направленность статей современной Конституции Российской Федерации отражена в ее Преамбуле. В ней обозначены такие направления как утверждение прав и свобод человека, сохранение исторически сложившегося государственного единства, уважение памяти предков, возрождение суверенной государственности России, обеспечение ее благополучия и процветания.

Представляется, что законы об официальных символах государственности, как и конституции, имеют смешанную политико-правовую и этнокультурную природу.

Возможность такого сопоставления проистекает из своеобразия предметов регулирования данных актов.

С одной стороны, и герб и флаг субъекта федерации (гимны лежат вне поля исследования, поскольку как элементы государственной символики есть не во всех субъектах Российской Федерации) – это, безусловно, явления правового характера. Так, например, герб определяется как опознавательно-правовой знак, составленный по определённым правилам и утверждённый (или фиксированный) верховной властью [3, с. 414].

Для сравнительного анализа в исследовании взяты законы о символике, действующие в настоящее время в субъектах Российской Федерации.

Признавая правовой характер символики, законодатель с помощью правовых норм описывает и закрепляет внешние, формальные характеристики государственных символов.

Например, в ст. 2 Закона о Государственном флаге Республики Коми предусмотрено следующее описание: «Государственный флаг Республики Коми представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верх-

ней – синего, средней – зеленого и нижней – белого цвета. Полотнища флагов могут изготавливаться из любых видов материалов. Отношение ширины флага к его длине 2:3»[1].

Аналогично описание флагов и в других субъектах: «Флаг Ставропольского края представляет собой прямоугольное полотнище золотого цвета с изображением на нем белого креста прямой формы. Отношение ширины флага к его длине 2:3. Устанавливаются следующие пропорции сторон креста к размеру полотнища: по вертикали 5,5:4,5:5,5; по горизонтали 7,5:4,5:13. В центре креста помещается цветное или монохромное, в золотом цвете, изображение герба Ставропольского края, размеры которого не выходят за пределы белого поля перекрестья. Отношение ширины флага к высоте герба 16:6. Отношение длины флага к ширине герба 25:5»[2].

Законы, посвященные гербам, в большинстве также содержат более или менее подробное описание формы, цвета, составных частей и деталей герба.

Так, согласно описанию закона, герб Кабардино-Балкарской Республики «представляет собой изображение золотого (желтого) орла в червленом (красном) поле щита; глаз орла – лазоревый (синий, голубой). На груди орла – малый пересеченный щит, вверху – изображение серебряной (белой) горы о двух вершинах в лазоревом (синем, голубом) поле, внизу – золотой (желтый) трилистник с продолговатыми листами в зеленом поле».

Таким образом, с разной степенью детализации, но законы субъектов федерации дают представление о внешней форме государственной символики.

Но символы государства в целом, как и символы государственноподобных субъектов, коими являются субъекты Российской Федерации – это не только юридические конструкты с определенными внешними характеристиками – цветом, формой, размерами и т.д. Помимо правовой составляющей, законы о государственной символике несут дополнительный социально-политический, культурно-идеологический посыл.

---

[1] Закон Республики Коми от 6 июня 1994 года № XII-20/3 «О Государственном флаге Республики Коми» (с изменениями на 1 марта 2022 года).

[2] Закон Ставропольского края от 30 мая 1997 года № 13-кз О флаге Ставропольского края (с изменениями на 30 мая 2022 года).

Поэтому в некоторых исследованиях на первый план выходит неправовая ценность данных актов.

Так, Т.Б. Бабаева подчеркивает именно идеологическую сторону государственных символов. Государственный флаг в ее трактовке – это «условный знак, имеющий геометрическую форму и в этом абстрактном виде отражающий идею государственности... Герб-эмблема – это зафиксированная в особой форме идея... [2, с. 99].

На той же ценности символики акцентирует внимание Д.А. Шевлякова: в ее трактовке символика является «словесным, событийным и предметным носителем идеи национального единства» [6, с. 248].

Но именно этот социально-политическое и идеологическое предназначение государственной символики, как правило, оказалось вне поля зрения регионального законодателя.

Детальный анализ текстов законов (в некоторых субъектах это один, общий Закон о государственной символике, как например, в республиках Башкортостан, Калмыкия, Саха (Якутия), Забайкальский и Хабаровский край, Амурская область и др., в большинстве же – два самостоятельных закона – закон о флаге и закон о гербе) позволяет сделать весьма печальный вывод: правовые предписания о целевом назначении государственной символики крайне редки. Немногочисленные исключения представлены в законодательстве лишь нескольких субъектов федерации.

Так, в законе Тульской области о гербе есть специальная статья, названная «Цели учреждения и использования герба области» (ст. 2). Согласно статье, целями учреждения и использования герба области являются: воспитание гражданственности и уважения к исторической памяти, традициям населения, проживающего на территории области; упрочение исторической гордости и патриотизма жителей области; укрепление межнационального согласия, гражданского мира и взаимопонимания в области[3].

Закон о гербе Тамбовской области дополняет целевую установку еще одной задачей символа: это обеспечение официаль-

[3] Закон Тульской области от 4 октября 2000 года № 206-ЗТО О гербе Тульской области (с изменениями на 29 ноября 2018 года).

ного обозначения области и ее государственных органов, сохраняя предписания о гербе как средстве «воспитания гражданственности и уважения к исторической памяти, традициям населения, проживающего на территории области; упрочения исторической гордости и патриотизма жителей области; укрепления гражданского мира и взаимопонимания в области»[4].

К сожалению, подавляющее большинство законов субъектов Российской федерации ограничиваются описанием внешних атрибутов государственной символики, после чего сразу переходят к вопросу о ее использовании.

В этом контексте прискорбную тенденцию можно наблюдать на примере законов Пермской области о флаге. Статья Закона, принятого в 2003 г., которая несла в себе особый идеологический посыл, не вошла в текст Закона 2007 г.

Как было указано в тексте ст. 2 Закона 2003 г., целью установления флага Пермской области является «воспитание гражданственности и уважения к исторической памяти, традициям, национальной и культурной самобытности народов, проживающих в Пермской области; укрепление международного согласия, гражданского мира и взаимопонимания между жителями Пермской области»[5].

Представляется, что эта статья верно отражала роль флага как политического, этнокультурного символа и должным образом подводила к идее уважения и большой общественной значимости флага для населения региона.

Но в действующем Законе от 2007 г.[6], к сожалению, упоминание о том, что флаг области «должен воспитывать у жителей области патриотические и земляческие чувства, поддерживать престиж Пермской области как в России, так и за ее пределами»[7], уже отсутствует, нет указания целей установления символа, которые были в предшествующем Законе. Новый Закон, ограничился, подобно законам иных субъектов Российской Фе-

---

[4] Закон Тамбовской области от от 27 марта 2003 г. № 432 О гербе Тамбовской области (с изменениями на 28 апреля 2018 года).

[5] Закон Пермского края от 6 мая 2003 года № 771-150 О флаге Пермского края.

[6] Закон Пермского края от 03 октября 2007 года № 124-ПК О флаге Пермского края.

[7] С. 1,2 Закона Пермского края от 6 мая 2003 года № 771-150 О флаге Пермского края.

дерации, лишь внешними характеристиками – формой, размерами, цветом флага. И, как и остальные законы субъектов, основное внимание уделил порядку использования флага области.

Безусловно, указание законодателя об объектах и документах, на которых можно размещать государственные символы, является важным направлением законодательного регулирования. Однако ни одна статья таких актов не несет должного идеологического посыла, все они являются идеологически абсолютно нейтральными предписаниями.

Такая модель законодательного регулирования, как представляется, лишает символы субъекта Российской Федерации должной политической, этнокультурной значимости, низводя их до положения административных атрибутов, обычных штампов [4, с. 1353; 5, с. 41–42].

Дабы избежать такого положения, не стоит ограничивать правовое регулирование государственной символики формально-юридическими рамками. Законы о символах должны не только указать форму, размер и цвет символа, но и нести политико-идеологический посыл, отражать идейную составляющую символов субъектов Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Акопов Л.В. Конституция России как национальная идея и высший закон для общества // Государство и право. – 2017. – № 5. – С. 34–38.

2. Бабаева Т.Б. Государственная символика: эстетические аспекты // Философия права. – 2008. – № 3 (28). – С. 99–102.

3. Военный энциклопедический словарь / В 2 т. Том 1. – Москва, Большая Российская энциклопедия; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – 848 с.

4. Загоруйко М.В., Алиев О.Г. Сначала мы создаем герб, а потом герб создает нас // Политика и Общество. – 2013. – № 11. – С. 1346–1356.

5. Минникес И.В. К вопросу о правовой охране объектов нематериальной культуры в Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2024. – № 3 (43). – С. 36–43.

6. Шевлякова Д.А. К вопросу о национальной идентичности: теоретико-методологические подходы исследования // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – № 1А. – С. 248–254.

Информация об авторе

Минникес Ирина Викторовна – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: ivminnikes@mail.ru.

Author

Minnikes Irina Viktorovna – Chief Researcher, Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: ivminnikes@mail.ru.

УДК 342.4

А.К. Нуржанова

ПРОЦЕДУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются основные этапы законодательного процесса в России и Казахстане, акцентируется внимание на сходствах и различиях в механизмах нормотворчества обеих стран. Автор детально анализирует нормативно-правовую базу, регламентирующую законотворческую деятельность, выделяет ключевые проблемы (перегруженность парламента инициативами, недостаточная предварительная экспертиза, высокая степень централизации), а также оценивает их влияние на качество принимаемых законов. В заключительной части приводятся рекомендации по совершенствованию законодательного процесса, включающие усиление экспертной компоненты, более чёткую регламентацию процедур рассмотрения законопроектов и развитие механизмов согласования нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: законодательный процесс; Российская Федерация; Республика Казахстан; законотворчество; парламент; законодательная инициатива; нормотворчество; правовые акты; оптимизация процедур.

A.K. Nurzhanova

PROCEDURAL FEATURES OF CONSIDERATION OF DRAFT LAWS IN THE RUSSIA AND THE KAZAKHSTAN: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

The article examines the main stages of the legislative process in the Russia and the Kazakhstan, focusing on the similarities and differences in the mechanisms of rule-making in both countries. The author analyzes in detail the legal framework governing legislative activity, identifies key problems (overload of parliament with initiatives, insufficient preliminary examination, high degree of centralization), and assesses their impact on the quality of adopted laws. The final part provides recommendations for improving the legislative process, including strengthening the expert component, more clearly

regulating the procedures for considering bills and developing mechanisms for coordinating rule-making activity.

Key words: legislative process; Russian Federation; Republic of Kazakhstan; lawmaking; parliament; legislative initiative; rule-making; legal acts; optimization of procedures.

В Российской Федерации (России) и Республике Казахстан (Казахстан) процедура рассмотрения законопроектов имеет как очевидные сходства, так и существенные различия, обусловленные историческим развитием, политической структурой и правовой культурой. Анализируя нормативно-правовые акты обеих стран и современные научные исследования, мы можем выявить ключевые особенности их законодательного процесса, определить наиболее острые проблемы и предложить пути оптимизации, направленные на повышение эффективности и прозрачности законотворческой деятельности. Системный подход к данному анализу позволяет уточнить конкретные различия в механизмах взаимодействия ветвей власти, а также выявить факторы, влияющие на эффективность принятия законов и качество их последующей реализации.

В России законодательный процесс регулируется Конституцией Российской Федерации (гл. 5), а также Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» и регламентами палат Федерального Собрания Российской Федерации [1]. Данные нормативно-правовые акты чётко определяют круг субъектов, уполномоченных вносить законопроекты: это Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, Совет Федерации, органы исполнительной власти и региональные парламенты. На практике, однако, наиболее результативными инициаторами законодательных новаций выступают именно Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, поскольку их инициативы часто имеют приоритетную политическую и социально-экономическую значимость, что обеспечивает поддержку со стороны большинства депутатов и способствует быстрому прохождению соответствующих проектов [1].

Важнейшей особенностью российского законодательного процесса считается многоэтапность рассмотрения и обсуждения законопроектов, что формально даёт возможность широкого участия различных институтов и общественности. Процедура

включает несколько стадий: внесение законопроекта в Государственную Думу, первое чтение (обсуждение основных концептуальных положений и общей направленности), второе чтение (детализированная доработка и внесение поправок), третье чтение (окончательное принятие с итоговым голосованием), а также одобрение Советом Федерации и подписание Президентом Российской Федерации с последующим официальным опубликованием [3, с. 47]. Каждая из перечисленных стадий имеет своё регламентное оформление и предполагает участие профильных комитетов, что должно гарантировать глубокую проработку законопроектов и учёт мнения различных экспертов.

Однако реальная практика обнаруживает ряд существенных проблем, требующих внимания законодателя и научного сообщества. Во-первых, существует несогласованность нормотворческой деятельности различных органов государственной власти, которая может выражаться в параллельном внесении схожих или даже противоречащих друг другу инициатив. Во-вторых, перегруженность парламента большим количеством законопроектов приводит к усложнению процедуры рассмотрения, нередко снижает качество экспертной оценки и замедляет принятие действительно важных законов. В-третьих, недостаточная предварительная экспертиза законопроектов на этапе их формирования приводит к тому, что часть законов приходится неоднократно корректировать в дальнейшем, внося в них поправки, расширяющие или уточняющие первоначальные положения [3, с. 49].

В Казахстане законодательный процесс регулируется Конституцией РК (ст. 61), Конституционным законом «О Парламенте РК и статусе его депутатов», а также Законом «О правовых актах» [2]. В отличие от российской системы, где законодательная власть осуществляется двумя палатами (Государственной Думой и Советом Федерации), казахстанский Парламент также является двухпалатным, однако структура Мажилиса и Сената в значительной степени определяется политической спецификой страны. Законодательная инициатива принадлежит Президенту, депутатам и Правительству РК, причём наиболее влиятельным актором в данной сфере, по мнению многих экспертов, остаётся Президент, обладающий широкими конституционными полномочиями и возможностью вносить законопроекты,

имеющие приоритетное значение для государственной политики.

Процедура рассмотрения законопроектов в Казахстане включает внесение проекта, детальное изучение в профильных комитетах Мажилиса, несколько чтений (как правило, первое, второе и третье), передачу в Сенат для дополнительного обсуждения и голосования, а затем подписание Президентом РК [4, с. 1025]. Важно отметить, что значительная часть законопроектов разрабатывается по инициативе Правительства, которое ориентируется на долгосрочные стратегические задачи и указания главы государства. При рассмотрении проектов в Мажилисе депутаты и профильные комитеты вносят корректировки, после чего Сенат может предложить свои изменения или дополнения. Если Сенат принимает поправки, несогласованные с нижней палатой, законопроект возвращается на доработку в Мажилис, что формирует своеобразный механизм «сдержек и противовесов» между палатами.

Одной из наиболее существенных проблем казахстанского законотворчества является высокая концентрация законодательной инициативы у Президента, что отражает общую модель сильной президентской власти в стране. С одной стороны, это обеспечивает оперативное принятие приоритетных законов и укрепляет вертикаль власти, но с другой – может ограничивать парламентский контроль и свободную законодательную дискуссию. Недостаточная проработанность законопроектов на стадии их внесения в парламент иногда приводит к необходимости внесения большого количества поправок уже в ходе чтений, что замедляет законодательную процедуру и порождает риски правовой неопределённости. Кроме того, эксперты указывают на частую неопределённость в толковании конституционных норм, что создаёт дополнительные сложности при рассмотрении конкретных законопроектов [4, с. 1027].

При сравнении законодательных процедур в России и Казахстане очевидно, что российская система формально более многосубъектная, поскольку право законодательной инициативы там принадлежит широкому кругу акторов, включая региональные парламенты. Это позволяет в теории учитывать разнообразие интересов, связанных с федеральным устройством страны, и формировать законодательные акты, отражающие специфику регионального развития. Однако на практике

именно такая широкая «открытость» системы порождает риск перегруженности Государственной Думы многочисленными инициативами, часть из которых либо не доходит до стадии чтений, либо требует значительной переработки уже в ходе рассмотрения.

В Казахстане, напротив, инициатива внесения законопроектов сосредоточена преимущественно в руках Президента и Правительства, что придаёт процессу большую управляемость и предсказуемость. Высокая эффективность и оперативность нередко достигаются благодаря относительной централизации власти, которая упрощает согласование интересов в верхних эшелонах политической системы. Однако подобная модель может уменьшать пространство для парламентского контроля и плюрализма мнений, что в долгосрочной перспективе способно негативно сказываться на качестве и легитимности принимаемых законов.

Сопоставление двух систем показывает, что обе страны сталкиваются с проблемой недостаточной предварительной экспертизы законопроектов, что приводит к увеличению числа поправок и дальнейшей корректировке уже принятых норм. Кроме того, согласование нормотворческой деятельности различных органов власти, будь то между федеральными и региональными структурами в Российской Федерации или между Президентом, Парламентом и Правительством в РК, по-прежнему остаётся одной из ключевых задач. Более чёткая регламентация процедур рассмотрения инициатив, в том числе определение конкретных сроков и механизмов оценки, способна повысить прозрачность и результативность законотворческого процесса.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания» // СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

2. Закон Республики Казахстан от 06.04.2016 № 480-V «О правовых актах» // Ведомости Парламента РК. 2016. № 8. Ст. 47.

3. Абдрасулов Е.Б. Конституционные основы законодательного и подзаконного регулирования в Республике Казахстан: практические вопросы и доктринальное толкование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 4. – С. 1022–1040.

4. Залоило М.В. Законодательный процесс в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – № 1. – С. 45–57.

Информация об авторе

Нуржанова Айнагуль Канаткалиевна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, магистр юридических наук, старший преподаватель образовательной программы «Право» Западно-Казахстанского университета имени М. Утемисова. E-mail: aina_ask@mail.ru.

Author

Nurzhanova Ainagul Kanatkalievna – Postgraduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Master of Law, senior lecturer of the Educational program "Law" of West Kazakhstan University named after M. Utemisov. E-mail: aina_ask@mail.ru.

УДК 340.004

Е.В. Перепелица

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу роли и значения автоматизированных коммуникаций как фактора развития публичного дискурса. Обращается внимание на те сложности, которые стоят на пути формирования пространства доверия между государственными и общественными институтами в условиях тотальной дигитализации. Сопоставлены позитивные и негативные стороны коммуникативного взаимодействия, организуемого при посредстве сетевых информационных технологий. Также ставится вопрос о необходимости раскрытия положительного потенциала онлайн-коммуникаций и их организационно-правовом обеспечении. При всех препятствиях, с которыми связано создание публичного дискурса, потенциал современных форм коммуникации не исчерпан. Он вполне может быть задействован для рекрутирования граждан на социально ответственное, законопослушное поведение. Такую уверенность подтверждает опыт вовлечения общественных акторов к процессу разработки и принятия юридических значимых решений с помощью цифровых платформ.

Ключевые слова: публичный дискурс; технологические инновации; автоматизированная коммуникация; участие в управлении; электронное правительство; офлайн-взаимодействие; совещательная демократия; диалог.

E.V. Perepelitsa

AUTOMATED COMMUNICATIONS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of the role and significance of automated communications as a factor in the development of public discourse. Attention is drawn to the difficulties that stand in the way of creating a space of trust between state and public institutions in the conditions of total digitalization. The positive and negative aspects of communicative interaction organized through network information technologies are compared. The question is also raised about

the need to reveal the positive potential of online communications and their organizational and legal support. Despite all the obstacles associated with the creation of public discourse, the potential of modern forms of communication has not been exhausted. It may well be used to recruit citizens for socially responsible, law-abiding behavior. This confidence is confirmed by the experience of involving public actors in the process of developing and making legally significant decisions using digital platforms.

Key words: public discourse; technological innovation; automated communications; participation in management; e-government; offline interaction; deliberative democracy; dialogue.

Информационная реальность создает новые стандарты межличностного, группового, коллективного и массового общения. Развивающиеся буквально на наших глазах коммуникативные сети, сетевые информационные технологии формируют качественно новое публичное пространство.

Цифровые каналы связи – это не единственно способ увеличения скорости функций, выполняемых государственными органами (организациями), а равно улучшения качества оказываемых населению услуг, но прежде всего возможность живых интеракций между государственными и общественными институтами, выработки общего взгляда на значимые вещи. Как известно, органы публичной власти и институты общества могут взаимодействовать и без сетевых средств, но с такими средствами их взаимодействие становится более действенным.

Автоматизированные средства как бы связывают «говорящих» и, тем самым, создают предпосылки преодоления коммуникативных барьеров между государственными и общественными институтами. В автоматизированных коммуникациях заложен значительный ресурсный запас для организации диалога между органами государственной власти и институтами общества, развития и укрепления их транспарентных связей.

Сегодня необходим свежий взгляд на коммуникативные отношения между государством и обществом и их информационно-правовое опосредование. Коммуникации, организуемые в контексте «высокотехнологизированной цифровой медиареальности» [15, с. 45], затребованы временем как источник подлинной социальной консолидации, образования неформальных общественных институтов. Вслед за этим коммуникации могут

брать на себя роль движущей силы «расширения участия граждан в управлении государством, усиления контроля за деятельностью всех ветвей власти, включения граждан в процесс принятия важных государственных решений» [8, с. 3].

Дигитальная эпоха предлагает нам средства, использование которых может улучшить взаимопонимание между людьми, привести их к согласию. В противоположность традиционному, офлайн-взаимодействию, информационно-цифровое, автоматизированное – в определенном смысле уравнивает статус его участников, какой бы минимальной ни казалась вероятность такого уравнивания.

Согласно методики, разработанной Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН, различаются «пять стадий развития электронного правительства: 1) начальное присутствие, когда в сети предоставляется информация об органе власти; 2) продвинутое присутствие (одностороннее взаимодействие); 3) интерактивное присутствие (возникает возможность двустороннего взаимодействия); 4) транзакционное присутствие (возможность осуществления полного цикла получения электронной государственной услуги); 5) интегрированное (сетевое) присутствие (предполагается развитие сервисов для вовлечения граждан в процессы разработки и принятия государственных решений» [13, с. 132–133].

Страны, занимающие ведущие позиции в международных рейтингах открытого правительства и электронной демократии, приобрели опыт использования потенциала коммуникаций в автоматизированном режиме в том числе для укрепления легитимных оснований публичного управления и нивелирования сопутствующих рисков. Государства, вступившие на путь построения цифровой экономики исторически позже, осваивают высокотехнологический инструментарий преимущественно в плане информатизации и автоматизации работы управленческих структур.

Безусловно, не существует простой корреляции между технологическими инновациями, общественно-государственным взаимодействием в автоматизированном режиме и электронной демократией. Если еще пару десятков лет назад в юридической литературе можно было довольно часто встретить утверждения о неоспоримой победе онлайн-демократии, то теперь возобла-

дало более трезвое и взвешенное отношение к нахождению пропорции между ростом Интернета, с одной стороны, и демократией, с другой [1, с. 55; 4, с. 11]. Заинтересованное в коммуникации с общественными институтами государство исходит из допущения, что «ни одна полезная идея, которую может предложить общество или конкретный индивид, не пропала. (...) Именно поэтому граждане и их объединения должны иметь возможность осуществлять своеобразный ”консалтинг“ власти по вырабатываемым решениям. А власть должна систематизировать и упорядочить работу с идеями, предложениями, замечаниями, поступающими от граждан» [18, с. 395].

Несмотря на явные и латентные риски безлюдной и имитационной демократии [9], превращения сервисов цифрового участия граждан в управлении в симулякры [3], иначе говоря, в «банальную, хоть и инновационную инфраструктуру» [10, с. 137], мировая практика сообщает примеры нахождения государством и обществом точек взаимного соприкосновения через доступ к беспроводным, автоматизированным коммуникациям.

При этом возникают шансы преодоления ситуации оскудевания демократии [5], состояния «выхолащивания демократических институтов и разочарования в них со стороны граждан» [26, с. 192], и того, что обозначается как «массовая утрата доверия к праву» [11, с. 270].

Разумеется, не всякому государству удается пройти через сложный опыт освоения демократии участия. Здесь уместен сдержанный оптимизм. Он подтверждается примерами совещательной, делиберативной (переговорной) демократии. По верному замечанию Б.О. Соколова, делиберативная демократия «не только сохраняет, но и реализует на качественно ином уровне основные идеалы представительной демократии, и при этом способствует принятию более взвешенных и эффективных решений» [21, с. 70].

Автоматизированные коммуникации могут послужить базой для развития публичного дискурса. В соответствии с наиболее распространенными определениями термин «дискурс» понимается как способ выражения и оценки информации. Долгое время понятие «дискурс» пребывало в лоне лингвистики, затем вышло из ее ареала и стало изучаться целым рядом социально-гуманитарных наук. В наши дни дискурс начинает пониматься

как процесс коммуникации, построенный с учетом определенных приоритетов и требований конкретного жанра (информационный дискурс, научный дискурс, политический дискурс и т.д.) [2, с. 83].

Открытое обсуждение и циркуляция публичных (общественных) мнений потенциально улучшают качество решений компетентных государственных органов. При всем при этом дискурс – это не какая-то отдельно взятая точка, а скорее целое пространство. В информационной реальности на смену одному дискурсу приходит множество саморегулируемых зон и самых разных дискурсов. Собственно публичный дискурс образует реальную альтернативу участия граждан в управлении делами государства и общества посредством восполнения объективно существующего дефицита «простых интеракций между присутствующими (или виртуально присутствующими адресатами), которые участвуют в практике коллективного принятия решений» [24, с. 127].

Интернет-дискурс – вид дискурса, содержащий в себе признаки всех видов институционального дискурса, «не принадлежа ни к одному из них полностью. (...) В Интернет-дискурсе находит свое отражение целая комбинация дискурсов: бытовое общение, деловой дискурс, рекламный дискурс, экономический дискурс. Для такого дискурса характерны нейтрализация устной и письменной речи и наличие целого ряда специфических жанров и форм общения» [19, с. 134]. Расширяющаяся под влиянием сетевых информационных технологий сфера публичного признается резонатором проблем, затрагивающих общество в целом, иными словами, это «дискурсивная очистительная установка», отфильтровывающая то, что способствует обобщению общественных мнений и интересов, с последующей передачей их в формальную повестку дня компетентных органов [24, с. 118].

Никто не станет отрицать сложностей целенаправленной практической организации публичного дискурса, если понимать под таковым «процесс образования мнения и воли» [25, с. 35]. По данной причине соответствующее явление нередко признается утопичным и практически нереализуемым.

Препятствий к развертыванию настоящего публичного дискурса более, чем достаточно. Среди них следует указать на

пассивность и маргинальность общественных акторов, институтов и структур, пренебрежение возможностью вступить в открытый диалог как со стороны общества, так и со стороны органов публичной власти. Сюда же относятся когнитивная некомпетентность общества в подходе к решению вопросов усложняющейся правовой жизни, использование подтасовок, пиара, различных манипулятивных технологий. Стало довольно привычным считать, что основную причину отсутствия реальной обратной связи между государственными и общественными институтами составляют нежелание, а также потенциальная неспособность рядовых граждан участвовать в формировании отрефлексированного общественного мнения. Надо заметить, соответствующий посыл находил широкое распространение в профессиональной юридической литературе советского периода и учебниках того периода. В наше время некоторые ученые и эксперты высказывают большую обеспокоенность тем, что дух гражданственности исчезает и из современного (информационного) общества [20, с. 403].

Вместе с тем, не стоит обесценивать набирающие силу прямо противоположные тенденции. Практический опыт свидетельствует о том, что сетевые информационные технологии выступают триггером «пробуждения» гражданской активности. В условиях информационного, сетевого общества известная многим юрисдикциям гражданская апатия уступает место стремлению граждан «шире участвовать в публичной сфере, и сама эта сфера приобретает более открытый характер, чем когда-либо ранее. Существенно повысился образовательный уровень населения, улучшилось качество информации – она стала глубже, а количество ее источников – больше, чем когда-либо в прошлом, да и участвовать во всем, что связано с публичной сферой, теперь гораздо легче, чем прежде» [23, с. 271]. С другой стороны, распространение Интернета, искусственных нейронных сетей «приводит к нежеланию людей участвовать в демократическом процессе и к попыткам скрыться в замкнутом мирке инфотеймента, то есть информразвлечений» [23, с. 218], и обозначенное обстоятельство также имеет под собой определенные основания.

Сказанное не означает, что резерв автоматизированных коммуникаций исчерпан. Напротив, доверие между государственными и общественными институтами как раз и возникает, когда граждане вовлекаются в процессы разработки и принятия

юридически значимых решений. Более того подлинное коммуникативное взаимодействие – прекрасный способ рекрутирования граждан на социально ответственное, законопослушное поведение. Автоматизация общения применима в рамках нормотворческого процесса, а также в более широком контексте.

При посредстве IT-технологий возникают «абстрактные» массовые коммуникации, отвлеченные от непосредственного физического присутствия более или менее пассивных «реципиентов», отсюда название – «коммуникация отсутствующих». У такого взаимодействия есть свои плюсы – независимость от локации, свобода, доступность, легкость получения обратной связи. Но не менее многочисленными являются минусы удаленной коммуникации. К примеру, простота подмены реального человека его искусственно сконструированными эквивалентами, подгонка общественного мнения под заведомо ожидаемый результат и др.

В то же самое время виртуальное, автоматизированное взаимодействие допускает возможность включения интерактивных и делиберативных элементов в нерегламентированный обмен между партнерами. Благодаря использованию современных форм общения публичная сфера способна становиться более открытой и демократичной. Недаром публичный дискурс, создаваемый автоматизированными коммуникациями, толкуется как «рассуждение, проводимое в форме обсуждения со многими участниками» [16, с. 197].

Потенциальная правовая ценность публичного дискурса, формируемого при посредстве сетевых информационных технологий, заключается в свободном волеобразовании (термин О.В. Кильдюшникова) [6], открытии для общества смысла принимаемых законотворческих, нормотворческих, управленческих решений, восполнении дефицита возможностей общественного влияния на их содержание. «Публичная сфера созидается в свободном обсуждении, формируется в рамках свободных гражданских дискуссий на разных социальных площадках» [7, с. 9].

Понятно, что все эти потенции останутся нереализованными в ситуации отсутствия цифровых платформ и технологий, обеспечивающих необходимую коммуникативную среду. Помимо всего прочего далеко не многие национальные юрисдикции могут похвастаться наличием адекватных информационно-

правовых средств регулирования соответствующей группы общественных отношений.

Публичный дискурс окажется эффективным при том условии, что его участники будут обладать способностями договариваться, находить компромисс, обходить конфликты. Это, в том числе, наличие говорящего, вступающего в "коммуникацию" со слушателем "по поводу" чего-то, то есть, когда говорящий выражает то, что он хочет сказать; коммуникативное использование характеризуется конструкцией, с помощью которой говорящий вступает во взаимодействие со слушателем на основе общего понимания ситуации» [14, с. 145]. Как разъясняет Б. Мелкевик, «Только с помощью проведенного до конца процесса легитимации "обсуждение" (Deliberation) может выполнять фильтрующую функцию, на которой основано предположение, что политическое формирования воли может выловить из мутных вод политической коммуникации разумные элементы формирования общественного мнения» [14, с. 64].

Автоматизированные коммуникации – инструмент, посредством которого происходит естественное «вовлечение Другого», достигается согласие при принятии тех решений, которые затрагивают интересы всего общества. Тогда как решения, не прошедшие проверку публичным дискурсом, публичной сферой, сто́ит признавать нелегитимными в силу их недостаточной общественной обоснованности. Такие решения рано или поздно не могут не вызывать социальное отторжение, закономерное неприятие со стороны общества. «Диалог – такая процедура согласования интересов участников политического процесса, в которой каждый из них рассматривает другого в качестве субъекта, т.е. признаёт его носителем специфических интересов, которые следует принимать во внимание, уважать и учитывать» [17, с. 11].

Перспективным видится применение автоматизированных коммуникаций в свете модернизации апробированных и формирования новых способов разработки, обсуждения и принятия нормотворческих и управленческих решений, их общественной верификации и отражения в данных решениях ожиданий и потребностей простых граждан.

Список использованной литературы

1. Абламейко М.С. Электронное правительство как основа построения электронной демократии: правовые основы /

М.С. Абламейко, Лю Игун // Право и демократия. – 2014. – Вып. 25. – С. 54–67.

2. Акопов Г.Л. Политика и Интернет / Г.Л. Акопов – Москва : Инфра-М, 2015. – 202 с.

3. Ефремов О.В. Участие граждан в решении вопросов местного значения: опыт Республики Беларусь / О.В. Ефремов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 2. – С. 107–111.

4. Казьмина Е.А. Общественное обсуждение нормативных правовых актов в контексте развития электронной демократии / Е.А. Казьмина // Академ. юрид. журнал. – 2016. – № 1. – С. 10–14.

5. Керимов А.Д. О кризисе демократии и способах его преодоления / А.Д. Керимов // Публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 39–57.

6. Кильдюшников О.В. Актуален как никогда. Предисловие к книге Ю. Хабермаса Проблема легитимации позднего капитализма / О.В. Кильдюшников. – Москва : Праксис, 2010. – С. 1–6.

7. Клюев Ю.В. Политический массмедиадискурс в России, феномен и концепции: 2000-е годы : дис. ... д-ра полит. наук / Клюев Юрий Владимирович. – Санкт-Петербург, 2017. – 482 л.

8. Ковалёва Н.Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Наталья Николаевна Ковалёва. – Саратов, 2014. – 55 с.

9. Комарова В.В. Электронная демократия: мифы и реальность / В.В. Комарова. – Номаи донишгох. Ученые записки. – 2016. – № 3 (48). – С. 44–52.

10. Коробов А.А. Цифровое правительство и древнеафинская демократия: утопия или сценарий будущего // Формирование общественной потребности в развитии систем электронного правительства и электронной демократии в современной России / А.А. Коробов, Т.С. Мельникова, Н.В. Митяева ; [под общ. рел. Т.С. Мельниковой]. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 148 с. – С. 129–141.

11. Лукашова Е.А. Права человека в современном мироустройстве / Е.А. Лукашова // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов

РАН. Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М. : ИГП РАН, 2019. – 408 с. – С. 259–271.

12. Ляхович-Петракова Н.В. Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики / Н.В. Ляхович-Петракова // Вуч. запіскі Гродзен. дзяр. ун-та. Ч. 1. Гум. і грам. навукі. – 2011. – Вып. 7. – С. 33–38.

13. Меланьина М.В. Электронное правительство: этапы и темпы цифровизации государственных услуг / М.В. Меланьина // Новые тренды цифровизации: Россия и мир : монография / под ред. Е. В. Пономаренко, А.Ю. Вереникиной. – М. : ИНФРА-М, 2025. – С. 128–146.

14. Мелкевик Б. Коммуникативная модель Ю. Хабермаса в юридической науке / Б. Мелкевик // Правоведение. – 2017. – № 4. – С. 60–73. С. Хабермас, Ю. Ах, Европа: небольшие политические сочинения, XI / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М. : Весь мир, 2012. – 155 с.

15. Очеретяный К.А. Возникновение цифрового разума из техник антропологического кодирования / К.А. Очеретяный // Критика цифрового разума / гл. ред. В.В. Савчук. – СПб. : Академия исследования культуры, 2020. – 295 с. – С. 27–47.

16. Придворов Н.А. Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. – М. : Норма : Инфра-М, 2012. – 400 с.

17. Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М. : Норма, 2003. – 528 с.

18. Савицкий В.А. Общественное обсуждение законопроектов: демократия или государственный рационализм / В.А. Савицкий // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 393–396.

19. Свистун Т.И. Специфика и жанровая композиция Интернет-дискурса / Т.И. Свистун // Коммуникация. Дискурс. Текст : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т.В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – С. 131–135.

20. Сморгунова В.Ю. Гражданские добродетели: демократическое истолкование / В.Ю. Сморгунова // Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред.: И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2006. – Разд. 8. – С. 383–419.

21. Соколов Б.О. Решая вопросы вместе, или Как воплотить идеалы делиберативной демократии через Интернет / Б.О. Соколов // Полит. наука. – 2013. – № 1. – С. 69–82.

22. Титова Е.В. Правомерное конституционное поведение / Е.В. Титова // Право цифровой среды : монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – М. : Проспект, 2022. – 896 с. – С. 175–184.

23. Уэбстер Ф. Управление информацией и манипулятивные технологии: Юрген Хабермас и концепция публичной сферы / Ф. Уэбстер // Теории информационного общества / Ф. Уэбстер ; пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной ; под ред. Е.Л. Вартановой. – М., 2004. – С. 217–274.

24. Хабермас Ю. Ах, Европа: небольшие политические сочинения, XI / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М. : Весь мир, 2012. – 155 с.

25. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : лекции и интервью, Москва, апр. 1989 г. / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 1992. – 175 с.

26. Черкасов А.И. Прямая и партисипационная демократия как средство вовлечения / А.И. Черкасов // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 190–215.

Информация об авторе

Перепелица Елена Васильевна – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент; ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: elenaperepelitsa@rambler.ru.

Author

Perepelitsa Elena Vasilievna – leading researcher at the Department of Research in the Field of State Construction and Information Law of the Institute of Legal Research of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; Associate Member

of the UNESCO Chair in Copyright, Related, Cultural and Information Rights, National Research University Higher School of Economics. E-mail: elenaperepelitsa@rambler.ru.

УДК 340.13 А.С. Петрик

ПОНЯТИЕ АВТОНОМНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Теме правового саморегулирования, в том числе автономного правового регулирования, посвящено значительное количество научных работ, однако большая их часть разработана в сфере частного права.

В настоящей статье автором предпринята попытка выделить из имеющихся определений автономного правового регулирования, в том числе изложенных в отраслевых исследованиях, базовые признаки данного явления, с целью формулирования определения автономного правового регулирования с позиции общей теории права. В результате предложено авторское определение понятия автономного правового регулирования.

Также отмечено, что в результате разработки такого определения открываются перспективы дальнейшего исследования автономного правового регулирования в целях формирования единой концепции автономного правового регулирования в теории права безотносительно к отраслям права, поскольку отраслевое законодательство должно иметь общеправовую основу.

Ключевые слова: автономное правовое регулирование; правовое регулирование; автономия; пробел в праве.

A.S. Petrik

THE CONCEPT OF AUTONOMOUS LEGAL REGULATION: A GENERAL THEORETICAL APPROACH

A significant number of scientific works are devoted to the topic of legal self-regulation, including autonomous legal regulation, but most of them were developed in the field of private law.

In this article, the author has made an attempt to identify from the existing definitions of autonomous legal regulation, including those set out in industry studies, the basic features of this phenomenon, in order to formulate a definition of autonomous legal regulation from the perspective of the general theory of law. As a result, the author's definition of the concept of autonomous legal regulation is proposed.

It is also noted that as a result of the development of such a definition, prospects for further research into autonomous legal regulation are opened up in order to form a unified concept of autonomous legal regulation in the theory of law, regardless of the branches of law, since sectoral legislation must have a general legal basis.

Key words: autonomous legal regulation; legal regulation; autonomy; gap in the law.

Впервые термин «автономное» использован для характеристики индивидуального правового регулирования, противостоящего правоприменительной (субординационной, властной) регламентации общественных отношений (С.С. Алексеев, В.М. Горшенев, В.Ф. Яковлев) [1, с. 6].

В настоящее время значительная часть научных трудов, затрагивающих вопросы автономного правового регулирования, относятся к частному праву. Это обусловлено его диспозитивностью, которая в большей мере характерна для указанных отраслей права.

Вместе с тем это не исключает актуальность автономного правового регулирования как для публичных отраслей права, так и для теории права.

В связи с чем в данной статье предпринята попытка сформулировать понятие автономного правового регулирования с точки зрения общетеоретического подхода на основании разработанных разными авторами определений указанного правового явления.

Так, В.В. Груздев отмечает, что автономное регулирование как вид индивидуального гражданско-правового регулирования наблюдается в случаях упорядочения субъектами собственного поведения на основе частной автономии.

Частная автономия заключается в деятельности, осуществляемой обладателем гражданской правосубъектности по свободному усмотрению (в своем интересе, свободной волей, по собственной инициативе) с соблюдением установленных универсальным императивом пределов. Универсальный императив образуют: императивные нормы и не конкретизированные субъектами диспозитивные нормы; индивидуальные правила поведения; правовые обычаи; общий запрет поведения, затрагивающего чужие права или охраняемые законом интересы регулирование [1, с. 14].

Данный подход актуален для автономного регулирования в частном праве, однако для общеправовой теории автономного регулирования следует определить иные аналогичные категории, в пределах которых осуществляется такое регулирование.

Так в данном случае будет иметь место автономия воли субъекта в общеправовом смысле (под которой для целей исследования следует понимать исключительно право субъекта действовать по собственному усмотрению, выражая собственное волеизъявление) и императив (универсальный или категорический), представляющий собой категорические предписания, которые не могут быть заменены по усмотрению лиц другими условиями их поведения [3, с. 3].

«Автономный» в одном из его значений понимается как независимый в управлении. В связи с этим применительно к правовому регулированию рассматриваемый термин оттеняет не количество сторон, участвующих в регулировании, а качество регулирования [2, с. 31].

В продолжение вопроса о количестве субъектов, участвующих в автономном правовом регулировании, сообразно затронуть подход Н. В. Рубцовой к определению и значению автономного правового регулирования в контексте предпринимательских правоотношений, указанный автор отмечает, что в основе современного анализа автономного правового регулирования лежит теория автономного (поднормативного) регулирования, которую использовали в своих работах С.С. Алексеев и В.М. Горшенев.

Если С.С. Алексеев связывал автономное регулирование с процессом реализации норм права, то В.М. Горшенев называл такое регулирование поднормативным, отводя автономным актам роль самостоятельного регулятора общественных отношений.

В рамках формирования модели автономного правового регулирования предпринимательской деятельности особое значение имеет выделение именно автономных правовых актов, которые, в отличие от индивидуальных, осуществляют регулирующее воздействие, поскольку формируются самими участниками общественных отношений и оказывают влияние на определенных участников, особое место среди них занимают решения гражданско-правового сообщества [6, с. 55–56].

Именно при принятии таких решений, с одной стороны, наблюдается множество субъектов автономного правового регулирования, с другой стороны, субъекты в данном случае действуют как единое сообщество с общим интересом, а потому такое сообщество можно рассматривать как один субъект, что опровергает возможность реализации автономного правового регулирования несколькими субъектами единовременно.

Вышеизложенное не позволяет однозначно определить понятие автономного правового регулирования, для чего обратимся к выделяемым в научных исследованиях признакам данного явления.

Для автономного регулирования характерны следующие признаки: оно осуществляется путем совершения правомерных односторонних действий; правовой режим в этом случае создается в одностороннем порядке; оно не зависит от волеизъявления других лиц.

Примеры данного вида правового регулирования встречаются в разных отраслях права: чаще всего это совершение односторонних сделок, предусмотренных гражданским законодательством, в уголовном праве к этому виду можно отнести деяния, совершенные при обстоятельствах, исключающих их преступность (противоправность). По своим внешним признакам указанные деяния могут совпадать с преступлениями (например, причинение вреда). Однако законодатель лишает их признака противоправности в силу их социальной полезности и необходимости. В чем-то эти деяния сопоставимы с осуществлением гражданских прав. В гражданском процессуальном праве примером может служить возбуждение гражданского дела по заявлению лица, обратившегося в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов [5, с. 152–153].

На основании приведенных выше примеров, можно выделить еще один признак автономного правового регулирования: оно базируется на исключительной самостоятельности субъектов и осуществляется под их ответственность за принятие решений о правомерности своих действий. Так, например, субъект сам решает, правомерно ли его обращение в определенный суд при альтернативной подсудности и сам несет риск за подачу иска, который не будет удовлетворен судом). Особенно ярко данный признак прослеживается в уголовно-процессуальном

праве, где за неправильную трактовку своих действий субъект может понести уголовную ответственность.

В ситуации же с совершением односторонней сделки субъект автономного правового регулирования обязан соблюсти обязательные требования к форме и содержанию такой сделки, в противном случае он также несет негативные последствия от их несоблюдения.

В научных работах по теме исследования также указывают, что значение автономного правового регулирования состоит в ликвидации пробелов в праве, развитии гражданского общества путем конкретизации права.

Автономная конкретизация права сопряжена с формулированием новых правил, которые удовлетворяют частным интересам действующих по свободному усмотрению субъектов регулирования [2, с. 24].

Юридический позитивизм, по существу, ограничивающий «все право только законами», «законодательством», приводит к бесконечным пробелам и коллизиям в национальных правовых актах, многообразной и противоречивой судебной практике [4, с. 11].

Автономное правовое регулирование, в свою очередь, позволяет расширить пределы правового регулирования с позиции юридического позитивизма, что может также выделяться как один из признаков данного явления (факультативный).

На основании вышеизложенного, можно определить понятие автономного правового регулирования с точки зрения общеправового подхода: автономное регулирование – это вид индивидуального правового регулирования, применяемый для упорядочения субъектами собственного поведения на основе автономии воли субъекта путем формулирования новых правил, которые удовлетворяют интересам действующих субъектов регулирования, с целью автономной конкретизации права, осуществляемое путем совершения правомерных односторонних действий, в одностороннем порядке и вне зависимости от волеизъявления других лиц, базирующийся на исключительной самостоятельности субъектов и осуществляемый под их ответственность.

Предложенное определение автономного правового регулирования с точки зрения общетеоретического подхода хотя и позволяет определить отправные начала указанного явления,

вместе с тем создает и перспективу дальнейшего его изучения, открывая другие дискуссионные вопросы, среди которых: соотношение понятий автономного правового регулирования с понятиями реализации права, определение места автономного правового регулирования в системе правового регулирования, а также средства автономного правового регулирования, путем которых осуществляется конкретизация права.

Список использованной литературы

1. Груздев В.В. Автономное гражданско-правовое регулирование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук/ Груздев Владислав Викторович. – Курск, 2022. – 51 с.
2. Груздев В.В. Автономное гражданско-правовое регулирование: [монография] / Груздев Владислав Викторович: Москва : Проспект. – 288 с. – Текст : непосредственный.
3. Дудина А.Н. Понятие и признаки императивных норм права (теоретико-правовой анализ) / А.Н. Дудина // Право и законодательство. – 2015. – № 2.
4. Ершов В. В. Регулирование правоотношений: [монография] / Ершов Валентин Валентинович. – Москва : Российский государственный университет правосудия. – 564 с. – Текст : непосредственный.
5. Минникес И.А. «Автономное регулирование как вид индивидуального правового регулирования / И.А. Минникес // Известия ИГЭА. – 2011. – № 1. С. 151–155.
6. Рубцова Н.В. Особенности актов автономного правового регулирования предпринимательской деятельности / Н.В. Рубцова // Бизнес, менеджмент и право. – 2024. – № 1. – С. 55–56.

Информация об авторе

Петрик Анжелика Сергеевна – частнопрактикующий юрист. E-mail: petrik.yurist.irk@mail.ru.

Author

Petrik Anzhelika Sergeevna – private practicing lawyer. E-mail: petrik.yurist.irk@mail.ru.

УДК 342.8, 34.05

В.Е. Подшивалов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье излагаются результаты анализа законодательства ряда иностранных государств о выборах, а также приводятся конкретные примеры правового регулирования в отношении использования в ходе предвыборной агитации таких средств персональной интернет-коммуникации, как социальные сети, сервисы мгновенных сообщений и других. Делается вывод, что несмотря на обоснованную критику российского избирательного законодательства со стороны научного сообщества в части логичности, полноты, непротиворечивости соответствующих правовых актов, данные отношения в настоящее время уже урегулированы в значительно большей степени, чем во многих иностранных государствах.

Ключевые слова: выборы, законодательный акт, правовое регулирование, предвыборная агитация, средство персональной интернет-коммуникации, социальная сеть.

V.E. Podshivalov

LEGISLATIVE REGULATION OF ELECTION CAMPAIGN USING PERSONAL INTERNET COMMUNICATION SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

The article presents the results of the analysis of the legislation of a number of foreign states on elections, and also provides specific examples of legal regulation regarding the use of such means of personal internet communication as social networks, instant messaging services and others during election campaigning. It is concluded that despite the justified criticism of Russian electoral legislation by the scientific community in terms of logic, completeness, consistency of the relevant legal acts, these relations are currently regulated to a much greater extent than in many foreign states.

Key words: elections, legislative act, legal regulation, election campaigning, personal internet communication service, social network.

Предвыборная агитация, проводимая избирательными объединениями и кандидатами, в современных условиях не может не использовать в той или иной степени возможности социальных сетей, сервисов мгновенных сообщений, публичных видеосервисов и иных средств персональной интернет-коммуникации. Российское избирательное законодательство, в частности, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] недостаточно внимания уделяет регулированию данных отношений [2], в то время как имеются возможности включить соответствующее эффективное правовое регулирование в текст данного федерального закона без коренной переработки его структуры [3].

В этой связи представляет интерес подход иностранного законодателя к регулированию указанных общественных отношений. Институт выборов в зарубежных государствах при всех присущих ему различиях, проистекающих из организации государственной и местной власти, различий в политической культуре населения, сложившегося правотворческого процесса, применяемой юридической техники, частоты обновления избирательного законодательства и множества иных особенностей, — все же следует объективно определенной логике. Эта логика обязательно требует воздействия, «политической рекламы» кандидата, избирательного объединения в адрес избирателя. Следовательно, в современных условиях мы вправе ожидать попыток решения иностранным законодателем сходных с российскими правотворческих задач, о каком бы государстве ни шла речь.

Источниковой базой проведенного исследования стали законодательные акты о выборах и референдумах ряда государств, размещенные в соответствующем разделе сайта ОБСЕ/БДИПЧ [4].

Приведем отдельные примеры норм, включенных в крупные законодательные акты иностранных государств.

Избирательный кодекс Франции [5] не содержит существенного правового регулирования электронных форм предвы-

борной агитации. Так, статья L48-1 предусматривает, что запреты и ограничения, предусмотренные Кодексом, по вопросам предвыборной агитации применимы ко всем сообщениям, имеющим характер предвыборной агитации, публично распространенным в с помощью средств связи электронным способом; статья L49 запрещает распространять соответствующие электронные сообщения после ноля часов накануне дня голосования. Других положений о предвыборной агитации в электронной форме Кодекс не содержит. Как видим, французский законодатель рассматривает все формы предвыборной агитации в едином контексте вне зависимости от формы и применяемых для ее распространения средств.

Избирательный кодекс Польши [6], принятый в 2011 году, при регулировании предвыборной агитации прежде всего сосредоточивается на сообщениях в прессе (ст. 111), делая отсылки к законодательству о деятельности средств массовой информации, другой печатной продукции (ст. 110), а также содержит специальную главу о предвыборной агитации на радио и телевидении (ст. ст. 116–122). Положения, посвященные более современным средствам ведения предвыборной агитации, данным актом не предусматриваются.

Закон о выборах в Монголии [7], принятый в 2015 году, в части регулирования предвыборной агитации с помощью электронных средств содержит указание в статье 70 (раздел 1.6) о том, что в ходе предвыборной агитации запрещается, в частности, распространять ложную информацию в средствах массовой информации, на интернет-страницах и в сообщениях на мобильных телефонах, а также включает статью 83, целиком посвященную использованию информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в предвыборной агитации. Так, разрешено создавать специальные тематические интернет-страницы (раздел 1), в то время как на иных интернет-страницах разрешено размещать только имена кандидатов (наименования партий) и девизов (раздел 2), разрешено использовать электронную почту (раздел 3), а также предписано упоминать лицо, оплатившее соответствующие услуги (раздел 4).

Избирательный кодекс Республики Беларусь 2000 года [8] в Общей части посвящает правилам ведения предвыборной агитации четыре статьи (ст.ст. 45–47), делая акцент на проведении

массовых мероприятий и использовании средств массовой информации и не упоминая саму возможность ведения предвыборной агитации посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и основанных на ее использовании сервисов. В Особенной части указанного Кодекса (применительно к отдельным видам выборов) вопросы предвыборной агитации не регулируются.

Некоторые законодательные акты о выборах вообще не содержат специального правового регулирования, касающегося правил ведения предвыборной агитации, например, Федеральный закон о выборах в Национальный Совет Австрии, изданный в 1992 году [9].

Проведенный анализ актов избирательного законодательства более чем 40 государств приводит к следующим основным выводам:

1. Иностранный законодатель, как правило, уделяет предвыборной агитации не такое значительное внимание, как российский, даже если сделать поправку на общую лаконичность и высокую обобщенность норм иностранного избирательного законодательства.

2. В наибольшей степени урегулированы традиционные формы ведения предвыборной агитации (предвыборные встречи, распространение агитационных печатных материалов), а также распространение агитации на радио и телевидении. Новым средствам ведения предвыборной агитации (интернет-страницы, сообщения, передаваемые по сотовым сетям, мессенджеры) специальное внимание уделяется редко.

3. Новые средства ведения предвыборной агитации, как правило, упоминаются только в законодательных актах, изданных не ранее 15–20 лет назад. Это связано не только с очевидным отсутствием соответствующей общественной практики в момент издания более ранних законодательных актов, но также практикой внесения изменений в законодательные акты не чаще одного раза в 5–10 лет.

4. В тех случаях, когда правовое регулирование использования новых средств ведения предвыборной агитации предусмотрено, оно преимущественно осуществляется в общем контексте дозволений, запретов и ограничений предвыборной агитации, без установления особых правил использования этих средств.

С учетом вышесказанного при всех обоснованных в научной литературе недостатках Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» российский законодатель не выглядит существенно отстающим в правовом регулировании средств персональной интернет-коммуникации в ходе предвыборной агитации.

Список использованной литературы

1. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации : Федер. закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994 № 33. Ст. 3406.

2. Подшивалов В.Е. Предвыборная агитация в социальных сетях и иных средствах персональной интернет-коммуникации de lege ferenda // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 3. С. 28–32.

3. Подшивалов В.Е. От предвыборного агитационного материала в социальной сети к агитационному каналу // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25. № 2. С. 224–232.

4. OSCE/ODIHR database of legal reviews and legislation // https://legislationline.org/

5. Code electoral de France (1962, as amended 2020) // https://legislationline.org/taxonomy/term/24472

6. Election Code of Poland (2011) // https://legislationline.org/taxonomy/term/24921

7. Law of Mongolia on Election (2015, as amended 2016) // https://legislationline.org/taxonomy/term/23327

8. Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11.02.2000 года № 370-З (ред. от 04.03.2023) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 22.03.2000, № 25, 2/145.

9. Federal Law on National Council Elections of the Republic of Austria (1992, as amended 2016) // https://legislationline.org/taxonomy/term/21686.

Информация об авторе

Владимир Евгеньевич Подшивалов – кандидат юридических наук, заместитель директора Института правовых исследований. Байкальский государственный университет; член Избирательной комиссии Иркутской области с правом решающего голоса. E-mail: helgon@yandex.ru

Author

Vladimir Evgenievich Podshivalov – Candidate of Law, Deputy Head of the Legal research institute. Baikal State University; member of the Electoral Commission of Irkutsk region with a decisive vote. E-mail: helgon@yandex.ru

УДК 342.7 : 004 А.А. Покуль

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматривается понятие информации в контексте законодательства Российской Федерации и зарубежных стран. Анализируются основные нормативно-правовые акты, регулирующие информационные отношения, а также дается теоретическое обоснование понятия информации с точки зрения права. Особое внимание уделяется защите информации и классификации информации в различных странах. Акцентируется внимание на международных стандартах и принципах, направленных на защиту персональных данных и обеспечение прозрачности информационного обмена. В заключение формулируются выводы о перспективах дальнейшего развития правового регулирования информации в условиях глобальной цифровизации и интеграции информационных пространств.

Ключевые слова: информация; законодательство Российской Федерации; правовой режим информации; информационное общество; конфиденциальность; персональные данные; информационная бедность; информационная грамотность; США; «Цифровой Китай»; Великобритания; информационная безопасность; цифровизация.

A.A. Pokul

THE CONCEPT OF INFORMATION IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

The article examines the concept of information in the context of the legislation of the Russian Federation and foreign countries. The main normative legal acts regulating information relations are analyzed, and a theoretical justification of the concept of information from the point of view of law is given. Special attention is paid to the protection of information and the classification of information in different countries. The article focuses on international standards and principles aimed at protecting personal data and ensuring transparency of information exchange. In conclusion, conclusions are drawn

about the prospects for further development of legal regulation of information in the context of global digitalization and integration of information spaces.

Key words: information; legislation of the Russian Federation; legal regime of information; information society; confidentiality; personal data; information poverty; information literacy; USA; "Digital China"; Great Britain; information security; digitalization.

С целю проведения целенаправленного системного комплексного исследования информации в законодательстве России и зарубежных стран крайне важно профессиональное применение компаративистского методологического инструментария [5, с. 41].

При исследовании феноменологии информации необходимо тщательно определить объект исследования в его компаративистском контексте [6].

Информация является одной из ключевых категорий современного общества, играя важную роль в экономической, политической и социальной сферах. В условиях цифровизации и развития информационных технологий правовое регулирование информации становится все более актуальным.

В статье представлено краткое сравнение законодательства в области информации, ее распространения и защиты с выделением ключевых сходств и различий в России и зарубежных стран, таких как США, Великобритания и Китай.

Законодательство Российской Федерации стремится адаптироваться к вызовам информационной эпохи, формируя правовые основы для защиты информации, обеспечения ее доступности и регулирования информационных отношений. Информационное законодательство зарубежных стран насчитывает не одно десятилетие, использование их опыта может быть полезным для развития отечественного законодательства.

Понятие информации имеет междисциплинарный характер и используется в различных науках: философии, математике, информатике, юриспруденции и др. С правовой точки зрения информация рассматривается как объект правоотношений, обладающий определенными свойствами и характеристиками. В российском законодательстве попытки раскрыть понятие информации предпринимаются с 1995 года. Так, в Федеральном за-

коне от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» термин информация рассматривался как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» (абз. 2 ст. 2).

В 2006 г. закон был отменен в связи с принятием нового, развитие информационных технологий не могло использовать устаревшие понятия. 27 июля 2006 г. принят Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), который дает понятие информации как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

В новом законе информация трактуется более широко, охватывая общее определение данного понятия.

Информация, согласно ч. 1 ст. 5 Закона об информации, представляет собой объект правового регулирования и с этой точки зрения обладает определенной спецификой, заключающейся в ее достоверности, идентификации, материальности и иных свойств, ее характеризующих [4, с. 47].

Закон об информации устанавливает принципы правового регулирования информации, такие как:

– свобода поиска, получения, передачи и распространения информации;

– установление ограничений доступа к информации только федеральными законами;

– открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

– обеспечение безопасности информации;

– достоверность и своевременность;

– ответственность за нарушение законодательства в информационной сфере.

Кроме того, информация классифицируется по различным критериям, таким как:

– доступность (общедоступная информация и информация ограниченного доступа);

– содержание (персональные данные, государственная тайна, коммерческая тайна и др.);

– форма представления (электронная, документированная, устная).

Правовой режим информации определяется ее видом и назначением. Например, персональные данные регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает требования к их обработке и защите. Государственная тайна регулируется Законом Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», а коммерческая тайна – Федеральным законом от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

Особое внимание уделяется защите информации, которая включает технические, организационные и правовые меры. Нарушение правового режима информации влечет за собой административную, гражданско-правовую, а также уголовную ответственность.

В условиях цифровой экономики информация становится стратегическим ресурсом. Ее доступность и защита являются важными факторами развития общества. Законодательство Российской Федерации стремится балансировать между обеспечением открытости информации и защитой прав субъектов информационных отношений.

Понятие информации в законодательстве Российской Федерации является многогранным и динамично развивающимся. Правовое регулирование информации направлено на создание условий для ее свободного обращения, защиты прав граждан и организаций, а также обеспечения национальной безопасности. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно учитывать вызовы цифровой эпохи и международный опыт регулирования информационных отношений.

Что касается зарубежного законодательства, то здесь понятие информации также трактуется многогранно. В США, например, информация регулируется через различные законодательные акты, включая Закон о свободе информации (Freedom of Information Act, FOIA), подписанный президентом Линдоном Б. Джонсоном в 1966 году. Данный закон устанавливает принципы правового регулирования в области информации:

– доступ граждан к федеральной информации;

– безопасность информации;

– открытость информации.

Федеральное правительство США предоставляет разнообразную информацию, включая экономические данные, стати-

стику и административные записи, которые доступны через Интернет и используются для принятия решений в различных отраслях. Эти данные являются важным ресурсом для граждан, бизнеса и государственных учреждений, способствуя более обоснованному принятию решений.

Такой подход демонстрирует стремление к прозрачности в управлении и подотчетности органов власти перед обществом. Исключения составляют некоторые категории информации (например, связанные с национальной безопасностью или личной жизнью) и могут быть недоступны для публичного доступа. Закон внес важный вклад в развитие информационного общества. В 1996 г. приняты поправки о доступе к информации в электронной форме, известные как Поправки о свободе электронной информации (Electronic Freedom of Information Act Amendments, EFOIA).

Если рассматривать по видам информацию США, то она подразделяется на:

– государственную информацию: в США доступ к правительственной информации обеспечивается такими учреждениями, как Национальная медицинская библиотека, Бюро переписи населения, Бюро статистики труда и Патентное ведомство США, Закон о свободе информации (FOIA) и законодательство США об авторских правах обеспечивают доступ к правительственным данным, что способствует развитию информационной индустрии;

– личную информацию (персональные данные). В США существует сложная нормативно-правовая база, регулирующая обработку персональных данных. В этой стране нет единого закона о защите персональных данных. Вместо этого существует несколько федеральных законов и законов штатов, которые регулируют различные аспекты обработки персональных данных. Например, регулирование на федеральном уровне:

– закон «О семейных и образовательных правах и неприкосновенности частной жизни» от 1974 года (The Family Educational Rights and Privacy Act);

– закон «О защите частной жизни водителей» от 1994 года (The Drivers Privacy Protection Act);

– закон «О подотчетности и порядке переноса данных медицинского страхования» от 1996 года (The Health Insurance Portability and Accountability Act (далее – HIPAA);

– закон «О конфиденциальности видео» от 1998 года (The Video Privacy Protection Act).

И для примера некоторые законы, регулирование которых происходит на уровне штатов:

– закон «О защите прав потребителя» Калифорнии от 2018 года (The California Consumer Privacy Act);

– закон «О правах на частную жизнь» Калифорнии от 2020 года, вступит в силу в 2023 году, (The California Privacy Rights Act);

– закон «О приватности» Нью-Йорка от 2021 года (The New York Privacy Act);

– закон «О защите данных потребителей» Вирджинии от 2021 года (The Virginia Consumer Data Protection Act.

Исследователи утверждают, что лоскутное одеяло законов в Соединенных Штатах не обеспечивает людям последовательный и всеобъемлющий уровень защиты. Кроме того, законы в Соединенных Штатах, как правило, считаются менее активными, чем GDPR (Общее положение о защите данных в Европейских странах), с меньшими требованиями к организациям по реализации мер по защите персональных данных [3, с. 31]. Есть некая обеспокоенность у исследователей по поводу конфиденциальности личной информации. Типология личной информации включает базовые демографические данные, личные предпочтения, контактную информацию, финансовую информацию и другое.

– коммерческую информацию. Большинство штатов США приняли Единый закон о коммерческой тайне (UTSA). В каждом штате самостоятельно определяют, что именно считается коммерческой тайной, опираясь как на законодательные акты, так и на судебную практику, которая их толкует. В каждом штате коммерческая тайна – это экономическая ценность, конфиденциальность и требование разумных мер предосторожности для сохранения его конфиденциальности в конкретных условиях. В некоторых штатах под коммерческую тайну подпадает личная информация – списка имён, адресов или телефонных номеров или другой информации, относящейся к какому-либо бизнесу или профессии, которая является секретной и ценной.

Таким образом, понятие информации в США охватывает широкий спектр правовых, социальных и технологических ас-

пектов. В условиях цифровой трансформации информация становится ключевым ресурсом, требующим эффективного регулирования и защиты. США демонстрирует комплексный подход к решению этих задач, сочетая законодательные инициативы, технологические инновации и социальные программы.

Перейдем к рассмотрению правовой регламентации информации в Великобритании. Согласно исследованию международной компании, специализирующейся на управленческом консалтинге The Boston Consulting Group (BCG) Великобритания является лидером по доле цифровой экономики в ВВП страны. Область, которая включает в себя информационные технологии и телекоммуникации, расходы государства, связанные с интернетом, кибербезопасностью занимает второе место в экономике страны – порядка 12,4%, уступая только недвижимости, и одновременно обгоняя торговлю и производство. Страна входит в ТОП-5 рейтинга стран с развитой цифровой экономикой (Digital Evolution Index 2017), индекса развития инноваций (The Global Innovation Index 2017), международного индекса цифровой экономики и общества (I-DESI) и индекса развития информационно-коммуникационных технологий (The ICT Development Index 2017). 1 марта 2017 г. в Великобритании была принята Стратегия цифровой экономики (UK Digital Strategy 2017). Основная цель принятия Стратегии – это создание после выхода из Евросоюза экономики, устойчивой к изменениям и пригодной для будущего. Отмечается, что Великобритания всегда была в авангарде цифровых инноваций: с самых первых дней изобретения вычислительной техники до развития всемирной паутины. В Стратегии выделены 7 приоритетных направлений: – создание цифровой инфраструктуры мирового класса; формирование цифровых навыков и инклюзивности; создание благоприятных условий для начала и развития цифрового бизнеса; создание условий для ведения цифрового бизнеса; сохранение правительством мирового лидерства в обслуживании своих граждан в интернете (цифровое правительство); создание условий для политики открытых данных и повышение доверия общественности к ее использованию; обеспечение безопасности и защищенного киберпространства. Для достижения указанных целей 27 апреля 2017 г. был принят закон «О цифровой экономике» (Digital Economy Act 2017). Законом детально регламентировано и рас-

крыто содержание понятий в сфере обеспечения доступа к цифровым услугам; внесены изменения в нормы, регулирующие работу и развитие цифровой инфраструктуры и цифрового правительства; введены ограничения, направленные на противодействие распространения порнографии с участием несовершеннолетних в Интернете, а также обеспечивающие защиту интеллектуальной собственности [2].

Правовое регулирование понятия информации в Великобритании осуществляется через несколько ключевых актов и регуляторных норм. Одним из центральных документов является Закон о защите данных 2018 года, который соответствует Общему регламенту защиты данных (GDPR) Евросоюза. Этот закон определяет, что информация о физическом лице, если её можно использовать для идентификации этого лица, считается персональными данными и охраняется законом. Таким образом, правовые аспекты информации касаются как её сбора, обработки, хранения так и распространения

Кроме того, Закон о свободе информации 2000 года предоставляет общественности доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов. Данный закон способствует повышению прозрачности и подотчётности власти, позволяя людям запрашивать доступ к данным о деятельности государственных структур. Эти два закона формируют основу правовой системы относительно информации в Великобритании, обеспечивая баланс между защитой личных данных и правом на информацию. Доступ к информации в Великобритании стал одним из факторов, влияющих на социальное неравенство. Разные слои населения могут иметь различный доступ к информации и технологиям, что exacerbates social inequalities.

Хотя мы часто думаем, что разделение на информационно богатых информационно бедных происходит между промышленно развитыми странами, с одной стороны, и развивающимися странами – с другой, внутри отдельных обществ также существует дихотомия между теми, кто имеет легкий доступ к огромному количеству информации, и теми, кто не знает, как и где ее найти, и даже, возможно, не понимает ценности информации и того, как она может помочь им в повседневной жизни.

В Великобритании проблема информационной бедности людей решается на различных уровнях местными и националь-

ными органами власти, добровольными организациями и другими объединениями, которые стремятся обеспечить доступ к информации [1, с. 101].

В таких условиях важность цифровой грамотности становится очевидной. Обучение и повышение осведомлённости о том, как находить, обрабатывать и использовать информацию, становятся важными задачами для общества. Но несмотря на усилия по реформированию, законодательство о свободе информации Великобритании еще не достигло уровня, аналогичного законодательству США или Канады.

Другие страны также имеют свои уникальные подходы к регулированию информации. Например, в Китае, который активно трансформируется в «цифровое общество», информация рассматривается как стратегический ресурс. Законодательство Китая в области информации формируется с учетом национальных особенностей, включая необходимость обеспечения кибербезопасности, защиты суверенитета в киберпространстве и контроля за информационными потоками.

В китайском законодательстве информация определяется как «сведения, передаваемые в различных формах, включая текстовые, графические, аудио- и видеоформаты»[1]. Это определение подчеркивает универсальность информации и ее роль в коммуникационных процессах. В Китае информация также рассматривается как объект государственного регулирования, что отражает специфику политической системы страны.

Основным нормативным актом, регулирующим информационные отношения в Китае, является Закон КНР «О кибербезопасности» (2017). Этот закон закрепляет основные принципы защиты информации, включая обеспечение кибербезопасности, защиту персональных данных, контроль за деятельностью интернет-провайдеров и платформ, а также установление ответственности за нарушение законодательства в этой сфере. Помимо него, значимую роль играет Закон «О защите персональных данных» (2021), который регулирует сбор, хранение и обработку персональной информации. Данный закон вводит строгие правила для компаний, работающих с персональными данными граждан, предусматривая серьёзные санкции за их нарушение.

---

[1] Закон КНР «О кибербезопасности», 2017 г. Baidu. URL: https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china (дата обращения: 11.02.2025).

В Китае информация классифицируется по нескольким критериям:

– доступность (общедоступная информация и информация ограниченного доступа);

–содержание (персональные данные, государственная тайна, коммерческая тайна);

– форма представления (электронная, документированная, устная).

Особое внимание уделяется защите государственной тайны, которая регулируется Законом КНР «О государственной тайне» (2010). Этот нормативный акт устанавливает жёсткие меры по охране информации, имеющей важное значение для национальной безопасности.

Стремительное развитие цифровой инфраструктуры в Китае связано с реализацией стратегии «Цифровой Китай», направленной на создание эффективной системы кибербезопасности, мониторинга и защиты данных. Одним из ключевых инструментов государственного контроля за информацией является «Великий китайский файрвол», который ограничивает доступ к зарубежным интернет-ресурсам и формирует национальное информационное пространство. При этом основное внимание уделяется использованию информации для развития искусственного интеллекта, анализа больших данных и интернета вещей, что является ключевым элементом стратегии цифровой трансформации Китая.

Законодательство КНР в сфере информации отражает особенности национальной политической системы, фокусируясь на обеспечении кибербезопасности, защите персональных данных и строгом контроле за информационными потоками. В условиях глобальной цифровизации информация становится важным ресурсом для развития экономики и социальной сферы. Это требует адаптации законодательства к новым вызовам и угрозам цифровой эпохи, а также укрепления правового регулирования.

Сравнение подходов к законодательному регулированию информации в разных странах показывает наличие некоторых общих черт. Например, как и Китай, Россия активно реализует национальную стратегию цифровой трансформации, создавая онлайн-сервисы для государственных услуг и взаимодействия с гражданами. США, в свою очередь, остаются лидером в области цифровых технологий, уделяя особое внимание инновациям и

доступу к информации. Однако китайская система отличается от западной модели высоким уровнем государственного контроля, что вызывает настороженность международного сообщества. Так, в 2017 году ряд западных стран, включая США, Канаду и Великобританию, выразили обеспокоенность положениями китайского Закона «О кибербезопасности», связанными с ограничением трансграничного обмена информацией и цифровыми продуктами.

Цифровизация в обществе кардинально меняет процессы взаимодействия граждан с государственными структурами, что особенно заметно в таких странах, как США. Здесь социальные сети и онлайн-платформы становятся важным инструментом политической коммуникации, распространяя информацию и организуя общественные движения. Аналогичный процесс наблюдается в России, где цифровые технологии широко используются в сфере государственных услуг, например, подачи налоговых деклараций через личный кабинет налогоплательщика.

Однако активное использование цифровых технологий порождает и риски. Основные из них связаны с защитой персональных данных, распространением дезинформации и манипуляциями через соцсети. Для минимизации таких угроз необходимо разрабатывать эффективное законодательство, направленное на баланс между технологическими возможностями цифровизации и правами граждан.

Будущее цифровых технологий обещает как новые вызовы, так и возможности. Государствам предстоит внимательно следить за развитием цифровой среды, адаптируя законодательство и инструменты регулирования. Участие граждан в этих процессах играет ключевую роль, создавая основу для развития безопасной и инновационной цифровой среды.

Список использованной литературы

1. Anne Goulding, Information poverty or overload //Journal of Librarianship and Information Science 33(3) September 2001 p. 101

2. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Сравнительно-правовой анализ законодательства Великобритании и России в области противодействия преступлениям в цифровой сфере // Baikal Re-

search Journal. 2019. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-zakonodatelstva-velikobritanii-i-rossii-v-oblasti-protivodeystviya-prestupleniyam-v-tsifrovoy-sfere (дата обращения: 10.02.2025)

3. Гиш Т.А. Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных / Т.А. Гиш, Н.В. Ржевская, А.С. Медведева // Auditorium. – 2023. – № 4 (40). – С. 31. – EDN RGZNYM.

4. Палехова Е.А. Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Право и бизнес. – 2019. – № 2. – С. 47

5. Сравнительное правоведение : учебное пособие / под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 175 с.

6. Юрковский А.В. Проблема выбора объекта сравнительно-правового исследования / А.В. Юрковский, И.А. Кузьмин // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 19–31. – EDN XEGMNL.

Информация об авторе

Покуль Анастасия Анатольевна – научный сотрудник отдела информационных технологий Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, аспирант БГУ. E-mail: pokul79@mail.ru.

Author

Pokul Anastasia Anatolyevna – Researcher at the Information Technology Department of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, postgraduate student of BGU. E-mail: pokul79@mail.ru.

УДК 340.5

С.Б. Поляков, С.Д. Комаровская

КРИТЕРИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОСТАНОВЛЕНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИН ОТКАЗА В ПРИНЯТИИ ЖАЛОБЫ К РАССМОТРЕНИЮ

Сравнительный метод необходим для правовых исследований национальной правовой системы в большей степени, чем для поиска полезного для нее в правовых системах других государств. В связи с этим авторы обращают внимание на технологию сравнительного метода, а не на результаты его применения в изучении иностранных правовых систем. Такой метод необходим, в том числе, для выявления критериев вынесения одного из двух основных решений Конституционного Суда Российской Федерации, чтобы достичь правовой определенности в вопросе о том, при каких условиях по жалобе граждан на неконституционность закона, как по буквальному его содержанию, так и по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, будет вынесено постановление, а не определение. Способы определения критериев сравнительного анализа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации с указанной целью могут быть пригодны для сравнительных исследований правовых актов с иными целями.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; постановление; определение; сравнительный анализ; критерии; неопределенность; судебное правотворчество.

S.B. Polyakov, S.D. Komarovskaya

CRITERIA FOR COMPARATIVE ANALYSIS OF JUDGEMENTS AND ADMISSIBILITY DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND REVEALING REASONS OF REFUSAL TO COMPLAINT CONSIDERATION

The comparative method is more needed in legal research of the national legal system rather than in search of useful experience in legal systems of other states. Consequently, the authors draw attention

to technology of the comparative method, not its usage in foreign legal systems research. This method is also necessary for revealing criteria for adopting one of two basic decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in order to gain legal certainty in the question "On what conditions does the Court adopt a judgement and not an admissibility decision during consideration of complaint from unconstitutionality of law in the view of its literal content as well as meaning given by law enforcement practice?" Ways of revealing criteria for the comparative analysis of judgements and admissibility decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation with the said purpose can be used in comparative researches of legal acts with different purposes.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation; judgement; admissibility decision; comparative analysis; criteria; uncertainty; court lawmaking.

Частью 2 ст.74 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ) установлено: «Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов»[1].

Уже из буквального содержания приведенного положения следует два предмета исследования. Но нас интересует один из них.

Значительное число постановлений Конституционного Суда Российской Федерации выносится с формулировками о том, что некое положение закона признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагает смысл, придаваемый ему судебной практикой, как правило, ограничивающий права граждан (например, постановления от 08.07.2014 № 21-П, от 13.12.2017 № 40-П)[2].

---

[1] Российская газета. 23 июля 1994.

[2] Российская газета. 14 июля 2014, 22 декабря 2017.

Такими постановлениями, восстанавливающими права заявителей, выявлялось судебное правотворчество contra legem. Под ним понимаются вступившие в законную силу после проверки во всех судебных инстанциях судебные акты, которые изменяют установленные законодателем нормы права, т.е. изменяют созданные законодателем диспозицию (объем права, обязанности, запрета – что можно, должно, нельзя иначе, чем сказал законодатель), и(или) гипотезу (расширение или сужение круга адресатов нормы, условия(ий), при которых должны реализовываться право, обязанность, запрет), и(или) санкцию [7, 8].

Так, Постановлениями от 14.05.2012 № 11-П, от 08.07.2014 № 21-П, от 09.11.2018 № 39-П, от 28.05.2019 № 21-П, от 30.06.2020 № 31-П, от 26.04.2021 № 15-П, от 16.05.2023 № 23-П, от 19.06.2023 № 33-П, от 05.03.2024 № 9-П, от 11.07.2024 № 37-П выявлены изменения судебным правотворчеством гипотез применяемых норм права путем введения дополнительных юридических фактов, не предусмотренных текстом закона, либо искажения или исключения юридического значения обстоятельств, установленных законом[3].

Однако, значительно чаще выносятся определения об отказе в принятии жалобы к рассмотрению. Основания для этого установлены в ст. 43 ФКЗ. За исключением п.2 ст.43 ФКЗ они формально-определенны и потому определения со ссылкой на них не вызывают вопросов. Пунктом 2 ст.43 ФКЗ предусмотрено, что Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению, если обращение в соответствии с требованиями ФКЗ не является допустимым.

Основание к рассмотрению дела в ФКЗ сформулировано широко: обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт (ч.2 ст.36).

Согласно п.1 ст.97 ФКЗ, жалоба на нарушение нормативным актом конституционных прав и свобод допустима, если имеются признаки нарушения прав и свобод заявителя или лица, в инте-

[3] Российская газета. 29 мая 2012, 14 июля 2014, 20 ноября 2018, 7 июня 2019, 15 июля 2020, 6 мая 2021, 2 июня 2023, 27 июня 2023, 20 марта 2024, 26 июля 2024.

ресах которого подана жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации, в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с участием заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба.

Если определение мотивировано тем, что обжалуемое положение нормативного правового акта не адресовано заявителю[4] или не применялось к нему, то по ним тоже редко возникают вопросы. Но определения со ссылкой на п. 2 ст.43 ФКЗ выносятся и с иными доводами.

При минимуме законодательных ограничений права граждан на рассмотрение дела с вынесением постановления любое нарушение их конституционных прав и свобод применением законов, что по буквальному содержанию, что по искажению его судебным правотворчеством contra legem, должно влечь рассмотрение жалобы по существу с выводом о конституционном смысле обжалуемой нормы. Тем самым должна устраняться правовая неопределенность для граждан в вопросе о том, что действительно предписано примененными к ним нормами права и соответствует ли это Конституции Российской Федерации, законно ли ограничены их права.

Однако, по существенному большинству жалоб Конституционный Суд Российской Федерации выносит определения об отказе в их рассмотрении. Это объяснимо огромным количеством жалоб, которые рассмотреть с вынесением постановления Конституционный Суд Российской Федерации объективно не может. Но тогда п.2 ст.43 ФКЗ необходимо конкретизировать. Иначе материально-правовая неопределенность граждан в возможности однозначно определить объем и условия реализации своих прав, юридических обязанностей и запретов усугубляется процессуальной неопределенностью конституционного судопроизводства. Притом что «индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически право на определенность правовых норм есть одно из неотъемлемых прав человеческой жизни, какое только можно себе представить; без него, в сущности, ни о каком «праве» не может быть речи» [6].

---

[4] См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2024 № 3513-О // СПС «КонсультантПлюс».

В юридической литературе обращалось внимание на отсутствие ясных оснований для отказа в рассмотрении Конституционным Судом Российской Федерации жалоб граждан с вынесением постановления [1, 3, 4, 5, 9 и др.]. Пока в законе такие основания отсутствуют, ничего не остается, как искать их в судебном правотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации. Следует постараться найти в аргументации его решений, по каким основаниям приняты жалобы, по которым вынесены постановления, и чем аргументировано вынесение определений об отказе в рассмотрении жалоб.

Для поиска критериев жалоб, отличающих те, что приняты Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению, от тех, в рассмотрении которых отказано, чтобы сформулировать рекомендации к содержанию жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации, устраняющие процессуальную неопределенность конституционного судопроизводства, в свою очередь нужно определить критерии анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации. Они должны по формально-догматическому методу следовать только из текста решений [10], поскольку «юридический критерий является формализованным правовым инструментом ориентирования какой-либо деятельности в сфере юриспруденции с последующей оценкой ее результатов либо оценки каких-либо правовых явлений в заданной системе качественно и (или) количественно определенных координат» [2].

При определении объектом исследования решений Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности норм права по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, во-первых, следует установить критерии поиска таких объектов. Для ускорения поиска можно использовать справочно-правовые системы «Консультант-Плюс» или «Гарант». В карточках поиска в строке «Принявший орган» следует указать «Конституционный Суд Российской Федерации», а в строке «Текст документа» следует указывать два отдельных фильтра: «не противоречащей Конституции» и «сложившейся правоприменительной практикой». При первом варианте можно обнаружить постановления, в резолютивной части которых подтверждается конституционность буквального содержания положений закона и изменение их судебной практикой, противоречащее конституционному толкованию. При

втором варианте выявляются постановления и определения, в которых приводится аргументация заявителей и/или выводы Конституционного Суда Российской Федерации об искажении закона судебным правотворчеством. По обоим словосочетаниям, вводимым в карточку поиска, могут в значительном числе выдаваться одни и те же решения.

Далее необходим содержательный анализ постановлений и определений.

Только те определения, в которых из изложения жалобы следует, что заявитель указывал на изменение судебной практикой буквального содержания положений закона, годятся для сравнительного анализа по указанному предмету исследования.

Выявление судебного правотворчества contra legem по вышеуказанным признакам следует из сравнительного анализа логической нормы права по ее буквальному содержанию в оспариваемых положениях закона и логической нормы права, созданной судебной практикой.

Например, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2010 № 3-П абзац второй пункта 14 статьи 15 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» признан не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащаяся в нем норма не препятствует признанию за гражданами, вставшими на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий до 1 января 2005 года и уволенными или подлежащими увольнению с военной службы после этой даты, права на получение ежемесячной денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений на равных условиях с гражданами, относящимися к той же категории, но уволенными с военной службы до 1 января 2005 года. Правоприменительная практика юридический факт, установленный законом, «граждане, уволенные с военной службы» преобразовала в юридический факт: «граждане, уволенные с военной службы до 1 января 2005 г.».

Итак, объекты для сравнительного анализа – логические нормы права (содержание их структурных элементов), о конституционности которых вынесено решение Конституционного Суда Российской Федерации, 1) по буквальному содержанию оспариваемых положений закона и 2) по смыслу, придаваемому им правоприменительная практикой.

В постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации не содержится строгий структурный анализ оспаривавшихся норм права. Но конструирование логических норм по тексту оспаривавшихся положений закона, и логических норм, созданных судебной практикой, по содержанию постановления Конституционного Суда Российской Федерации можно сделать самостоятельно, как и провести сравнительный анализ таких норм для выявления различий в них и для вывода об изменении судебной практикой содержания норм права, установленных законом.

Из содержания большинства определений Конституционного Суда Российской Федерации существенно сложнее выявить содержание структурных элементов логических норм права, созданных судебным правотворчеством изменением буквального содержания положений закона.

Отсюда первый критерий для выявления различий постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации, выносимых по жалобам на неконституционность норм права: Указаны / не указаны в решении различия логических норм права по буквальному содержанию положений закона и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой.

Следующие критерии следует искать в аргументах определений Конституционного Суда Российской Федерации об основаниях отказа в принятии жалобы к рассмотрению.

Типичными в определениях являются положения:

– разрешение же вопроса о проверке законности и обоснованности правоприменительных решений, принятых по делу заявителя не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации[5];

– установление же и исследование фактических обстоятельств, непосредственно влияющих на выбор судами подлежащих применению правовых норм, не входят в полномочия Конституционного Суда[6].

---

[5] См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2024 № 3509-О // СПС «КонсультантПлюс».

[6] См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2332-О// СПС «КонсультантПлюс».

Однако, в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации обнаруживаются и выводы о законности вынесенных решений по делам заявителей и исследование фактических обстоятельств дела. Например, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2024 № 37-П признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации положения части второй статьи 71 УПК РФ в той мере, в какой она по своему конституционно-правовому смыслу в системной связи с иными положениями этого Кодекса исключает участие в уголовном деле в статусе специалиста лица, ранее допрошенного в качестве свидетеля, и влечет признание недопустимыми доказательств, полученных с его участием в нарушение данного требования[7].

Статья 71 УПК РФ: «Специалист не может принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных частью второй статьи 70 настоящего Кодекса». Согласно ч.2 ст.70 УПК РФ, эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей. Нахождение в служебной или иной зависимости – оценочный юридический факт.

В Постановлении подробно излагаются фактические обстоятельства разбирательства уголовного дела в отношении заявителя, им дана оценка и на этой основе допрос в качестве свидетеля признан обстоятельством, соответствующим указанному оценочному факту. Суды, осудившие заявителя, утверждали противоположное. Их судебные акты признаны подлежащими пересмотру, т.е. незаконными. В этом деле Конституционный Суд Российской Федерации сделал то, что в большинстве случаев считает основанием для вынесения определения.

Отсюда следуют критерии:

1) Содержится / не содержится в решении вывод о незаконности вынесенных в отношении заявителей правоприменительных решений;

2) Содержится / не содержится в решении изложение и оценка фактических обстоятельств, непосредственно влияющих на выбор судами подлежащих применению правовых норм;

[7] Российская газета. 26 июля 2024.

3) Содержится / не содержится в решении оценка фактических обстоятельств дела заявителя на соответствие оценочному юридическому факту.

В содержании определений, наверно, можно найти иные критерии для сравнительного анализа с содержанием постановлений Конституционного Суда Российской Федерации для поиска их существенных отличий.

Если одни признаки (ответы по критериям) присущи только или в существенном большинстве определениям и не обнаруживаются в постановлениях, то их можно сформулировать как основания для отказа в принятии жалобы к рассмотрению и предложить дополнить ими ст.43 ФКЗ. Если то, чем мотивируются определения, встречается в большинстве постановлений, то неумолим вывод об избирательности защиты прав граждан в конституционном судопроизводстве.

Список использованной литературы

1. Блохин П.Д. Деятельность Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан и их объединений: проблемы компетенции // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 1. С.14–22.
2. Васильев П.В. О понятии юридического критерия // Актуальные проблемы российского права. 2017. №6 (79). С. 77.
3. Иванова Е.А. Некоторые аспекты толкования понятия «неопределенность» как основания для обращения в Конституционный Суд РФ // Адвокат. 2009. № 6. С. 41–50.
4. Марокко Н.А. Определение критериев допустимости жалобы в Конституционный Суд РФ на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина // Современное право. 2008. № 6. С.23–28.
5. Петров А.А. Основания отказа в принятии обращения к рассмотрению Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. 2004. № 12. С.10–19.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2016. С.119.
7. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2015. № 3. С. 28–42.
8. Поляков С.Б., Яркова Е.Ю. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации о судебном правотворчестве

contra legem // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 2 (93). С.134–138.

9. Сивицкий В.А. О некоторых аспектах рассмотрения обращений в адрес Конституционного Суда Российской Федерации в предварительном порядке его Секретариатом // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 1. С. 23–28.

10. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М. Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 335.

Информация об авторах

Поляков Сергей Борисович – профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент. E-mail: psb59@rambler.ru.

Комаровская Софья Даниловна – студентка Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: komarovskaiasofa@gmail.com.

Authors

Polyakov Sergei Borisovich – Professor of the Civil Law and Business Law Department, HSE-University (Perm), Doctor of Juridical Science, Ass. Professor. E-mail: psb59@rambler.ru.

Komarovskaya Sofya Daniilovna – student in HSE-University (Perm). E-mail: komarovskaiasofa@gmail.com.

УДК 343.988 А.Л. Репецкая

КРИМИНАЛЬНЫЙ РЫНОК ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА С ЦЕЛЬЮ ИХ ТРАНСПЛАНТАЦИИ В РОССИИ И МИРЕ

В настоящей статье представлена характеристика состояния криминальной торговли донорскими органами и тканями, предназначенными для их трансплантации в разных странах мира и России. Автор приходит к выводу, что несмотря на растущий уровень легальных трансплантологических операций во всем мире, спрос значительно превосходит предложение, что служит источником существования криминального рынка в этой сфере. При этом анализируются схемы осуществления торговли органами и тканями, которая имеет ярко выраженный транснациональный характер. Россия в структуре этого сегмента рынка занимает положение скорее страны поставляющей доноров, либо, в редких случаях, реципиентов, которым пересадку необходимых органов, часто с неустановленным правовым статусом, осуществляют в других странах. Кроме того, указывается на необходимость криминализации незаконного оборота эмбрионов и эмбриональных тканей человека.

Ключевые слова: криминальный рынок; донорские органы и ткани; трансплантация; незаконный оборот эмбрионов и эмбриональных тканей человека.

A.L. Repetskaya

CRIMINAL MARKET OF HUMAN ORGANS AND TISSUES FOR THE PURPOSE OF THEIR TRANSPLANTATION IN RUSSIA AND THE WORLD

This article presents a description of the state of criminal trade in donor organs and tissues intended for their transplantation in different countries of the world and Russia. The author comes to the conclusion that despite the growing level of legal transplant operations around the world, demand significantly exceeds supply, which serves as a source of existence of the criminal market in this area. At the same time, the schemes of trade in organs and tissues, which has a pronounced transnational character, are analyzed. In the structure

of this market segment, Russia occupies the position of a country rather supplying donors, or, in rare cases, recipients, to whom the transplantation of the necessary organs, often with an unspecified legal status, is carried out in other countries. In addition, the need for criminalization of the illegal trafficking of human embryos and embryonic tissues is indicated.

Key words: criminal market; donor organs and tissues; transplantation; illegal trafficking of human embryos and embryonic tissues.

Криминальный рынок человеческих органов и тканей относительно новый сегмент криминального рынка товаров, запрещенных в гражданском обороте. Его возникновение и развитие связано с двумя основными факторами: развитием трансплантологии и высоким спросом на донорские органы и ткани, необходимые для пересадки больным людям. Легальные трансплантации не удовлетворяют и половины имеющихся потребностей людей. Лишь 5–10% больных в мире удается добиться трансплантации законным способом[1].

Так, например, количество нуждающихся в пересадке органов, по данным НМИЦ трансплантологии и искусственных органов им. Шумакова, в России три года назад превышало 9,5 тыс. человек, несмотря на рост числа трансплантаций с 662 сделанных в 2006 году[2] до 3056 в 2023 г. В 2024 г. уже требовалось 11 тысяч пересадок почки, 2 000 – печени, 1 100 – сердца, 800 – лёгких. При этом потребность в трансплантациях удовлетворяется лишь на 10% [1]. Именно поэтому в современном мире торговля органами – такой же прибыльный криминальный бизнес, как и наркоторговля, и торговля оружием.

В России трансплантация делается бесплатно, но для поиска нужного органа иногда требуется много времени, в результате необходимые органы больные могут и не дождаться, поэтому они вынуждены, в частности уезжать в те страны, где такая операция им может быть сделана в приемлемые сроки.

---

[1] Organ Donation Rates by Country 2024. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/organ-donation-rates-by-country.

[2] Срочно нужен человеческий орган. Как расширить возможности трансплантологии // Аргументы и факты. 2021. 6 дек.

В мире по количеству таких операций лидирует США – 130,7 трансплантации на один млн человек; в Европе самым высоким является аналогичный показатель в Испании – 122,1 операции[3]. Для сравнения в России коэффициент трансплантаций в 2023 г. составлял 21,0 трансплантация на 1 млн человек[4]. В предыдущий период этот показатель не превышал и 10. Поэтому, те кто нуждается в такой операции ищут возможности ее сделать в других странах. Каким путем был получен донорский орган, для такого больного не принципиально, он платит за трансплантацию органа и получает надежду на дальнейшую жизнь.

Среди наиболее вероятных вариантов выбора стран по трансплантации органов, особенно почек, для россиян находится Турция, которая по количеству операций обогнала Израиль, Германию и другие страны. Коэффициент трансплантаций в Турции превышает 41, это в 2 раза выше, чем в России[5]. Южная Корея является мировым лидером по пересадке печени – в медцентрах страны выполняют более 97% успешных операций, после которых органы нормально функционируют [2].

Громадный спрос и ограниченные легальные донорские ресурсы превратили «черную трансплантологию» в сверхприбыльный криминальный бизнес. По оценкам неправительственной организации Global Financial Integrity (GFI), годовая прибыль от торговли органами может достигать 1,7 млрд. долларов[6]. По данным этой же организации, ежегодно происходит более 12 тысяч нелегальных трансплантаций, из которых 8 тысяч – пересадки почек. При этом, указанные размеры данного сегмента имеют исключительно оценочный характер, который тем не менее позволяет аналитическим путем очерчивать пусть и приблизительные границы этого явления.

---

[3] Статистика по трансплантации органов – страны лидеры по пересадке органов. URL: https://www.topmedclinic.com/novosti/medical-tourism/statistika-po-transplantaczii-organov.html ; Organ Donation Rates by Country 2024. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/organ-donation-rates-by-country.

[4] Трансплантационная активность в России и в мире – RusTransplant. URL: https://rustransplant.com/transplantaczionnaya-aktivnost-v-rossii-i-v-mire.

[5] Статистика по трансплантации органов – страны лидеры по пересадке органов. URL: https://www.topmedclinic.com/novosti/medical-tourism/statistika-po-transplantaczii-organov.html.

[6] Transnational Crime and Terrorist Financing. URL: https://web.archive.org/web/20201222043520 ; URL: https://gfintegrity.org/issue/transnational-crime-terrorist-financing.

Так, по оценкам ВОЗ в 2010-е годы объем нелегальных операций, связанных с трансплантацией органов и тканей, оценивался как 1 к 10 от всех проведенных легальных операций. Сейчас в мире ежегодно проводится около 500 тыс. легальных операций, соответственно на криминальном рынке – этот показатель равен примерно 50 тыс. операций. С учетом непрозрачности этой темы и сложностей с регулированием донорской практики на международном уровне этот показатель может быть еще больше [2].

Черный рынок, распространяющий предложение донорских органов и тканей, в настоящее время в основном работает через социальные сети и другие интернет-ресурсы[7]. Кроме того, надо учитывать, что на этом рынке много мошенников, которые получают деньги, не собираясь предоставлять никаких органов для продажи.

В силу низкой материальной обеспеченности многие люди готовы предложить свои органы в качестве товара. Так, например, коэффициент живых доноров в Ираке, Таджикистане составляет соответственно 24; 21 на 1 млн человек, при том, что в этих странах вообще не проводится операций по их пересадке. В тоже время в небольшой и благополучной Южной Корее в 2022 г. коэффициент изъятия органов у живых доноров был равен 48 на 1 млн человек[8]. Это значит, что живые доноры едут в страны, для продажи своих органов, или продают их прямо в странах проживания для поставки в клиники трансплантологических центров. Соответственно потребитель, если он не может найти легальную возможность для трансплантации, также направляется в эти страны.

Такая форма скрытого криминального рынка торговли органами получила название «трансплантационный туризм». Данному явлению посвящена Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме 2008 г., которая также рассматривает проблему торговли людьми с целью изъятия органов.

Трансплантационный туризм может рассматриваться как «поездка с целью трансплантации, которая связана с торговлей

---

[7] «Купите мою почку, пожалуйста». Как устроен рынок черной трансплантологии. URL: https://snob.ru/entry/161079.

[8] Страны лидеры по количеству доноров. URL: https://vizit-nvk.ru/strany-lidery-po-kolichestvu-donorov.

людьми или с торговлей органами человека, или если ресурсы (органы, медицинский персонал, трансплантационные учреждения) используются для трансплантации органов пациентам-нерезидентам, в то время как подрывается способность страны обеспечивать собственное население донорскими органами» [3].

Между тем, и в России достаточно людей готовых продать свои органы для трансплантации (в основном из-за материальной заинтересованности). Посредники, работающие в сегменте этого рынка направляют этих людей в ряд стран, где возможны такие операции[9], и где совершается изъятие их органов. Потенциальные доноры сопровождаются специальными людьми, которые перевозят их через границу, чтобы они не сбежали, забирается паспорт, берется расписка об отсутствии претензий и т.п.[10]

В открытых источниках можно найти информацию, согласно которой тело здорового человека «оценивается» в более чем миллион долларов. Так, за легкие готовы платить 150–200 тыс. долларов, за целую печень – от 120 до 200 тыс. и больше, за почку – до 300 тыс., сердце стоит 100–150 тыс., грамм костного мозга – до 20 тыс. и т.д. [4; 5][11]. Единых расценок нет – все зависит от срочности операции, совместимости донора и реципиента, и страны происхождения донора.

Наибольшую цену за орган донор может получить, если операция будет проведена на территории Соединенных Штатов, стран ЕС, Израиле. В большинстве других случаев, например, донор почки, может рассчитывать на сумму 10–20 тыс. долла-

---

[9] Во всех странах незаконное изъятие органов запрещено, но в отдельных странах существуют доктора и целые преступные сети, которые организуют и осуществляют этот процесс.

[10] «Купите мою почку, пожалуйста». Как устроен рынок черной трансплантологии. URL: https://snob.ru/entry/161079.

[10] См., например: Сколько стоит человек: цена человеческих органов в рублях // https://www.techinsider.ru/science/387862-skolko-stoit-chelovek-ot-volos-do-pochek-i-skeleta/?ysclid=m6m9hdxws8989427844; Сколько стоит человек на органы в рублях в 2024 году? URL: https://skstoit.ru/raznoe/skolko-stoit-chelovek-i-ego-organy.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F и др.

[11] МИД России раскрыл данные о торговле органами на Украине – Газета.Ru | Новости https://www.gazeta.ru/business/news/2023/08/07/21022958.shtml; Рай для потрошителя. На Украине процветает торговля органами // Аргументы и факты – aif.ru | Дзен. URL: https://dzen.ru/a/ZNDDnJ6kWGjMXpF6.

ров. Остальную часть стоимости получат другие люди, поскольку нелегальная трансплантация – это целая схема в которой задействовано много участников.

Этот сегмент криминального рынка является активно растущим в Европе из-за СВО, и связанной с ней ситуацией и возможностями извлечения огромного количества органов у раненых и убитых военнослужащих, которые использует украинская сторона.

Еще одним популярным товаром, пользующимся высоким спросом в этом сегменте криминального рынка являются клеточные продукты биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека, которые используются в незаконной фармакологической, косметологической, трансплантологической деятельности. Фокус внимания общественности на этическую сторону использование таких материалов был сделан Всемирной медицинской ассоциацией еще в 1989 г. в Заявлении о трансплантации эмбриональной ткани[12].

Такой материал может быть получен, помимо иных способов, в результате незаконного проведения искусственного прерывания беременности, с целью незаконного оборота эмбрионов. В настоящее время нет уголовно-правовых запретов для фактической торговли гаметами и эмбрионами. Несмотря на принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»[13], предусматривающего недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса (п. 5 ч. 3), в России существует незаконный рынок продажи стволовых клеток, полученных из эмбрионов абортированных женщин.

---

[12] Заявление о трансплантации эмбриональных тканей. URL: https://studfile.net/preview/4021244/page:74.

[13] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru: 23.06.2016.

Спрос на такой биологический материал огромный, а его источник неиссякаем. Так, по данным Росстата в 2023 г. в Российской Федерации было сделано 467 тыс. абортов[14], но реально, их количество в три раза выше и достигает 1,5 млн процедур[15]. Не случайно, в последних исследованиях предлагается регламентировать уголовную ответственность за незаконный оборот эмбрионов и эмбриональных тканей человека [6].

В целом стоит констатировать, что с ростом доли пожилого населения, а также доли больных иных возрастов, нуждающихся в пересадке органов и тканей, сегмент криминального рынка, предоставляющий такую возможность будет расти. ИТ технологии облегчают процесс поиска как возможности получения необходимых органов, так и клиник, в которых можно такую процедуру осуществить. Указанный вид незаконного оборота имеет ярко выраженный транснациональный характер. Россияне на данном рынке преимущественно являются живыми донорами, в редких случаях потребителями, которые покупают легальную операцию, где могут быть использованы органы и ткани неустановленного правового статуса.

Список использованной литературы

1. Творогова Е. Трансплантация органов // Нож от 26.11.2024г. URL: https://knife.media/bioprinting (дата обращения: 23.01.2025).

2. Стаценко А. Дорогие «запчасти» / Совершенно секретно от 25.07.2023. URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/dorogie-zapchasti250723.

3. Данельян А.А. Торговля человеческими органами и тканями как преступление международного характера // Международный правовой курьер. URL: https://inter-legal.ru/torgovlya-chelovecheskimi-organami-i-tkanyami-kak-prestuplenie-mezhdunarodnogo-haraktera.

[14] Росстат раскрыл регионы-лидеры по росту и сокращению числа абортов // Медвестник от 16.12.2024 г. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Rosstat-raskryl-regiony-lidery-po-rostu-i-sokrasheniu-chisla-abortov.html.

[15] В официальной статистике не учитываются аборты, проводимые в частных клиниках и медикаментозные / Депутат Госдумы: реальное число абортов в России втрое выше официального | РИА «Европейско-Азиатские Новости» от 10.11.2023. URL: https://eanews.ru/mir/20231110081355/deputat-gosdumy-realnoe-chislo-abortov-v-rossii-vtroe-vyshe-ofitsialnogo.

4. Teylor A. Here's What All Your Organs And Parts Are Worth On The Black Market. URL: https://www.ranker.com/list/organ-cost/april-a-taylor (дата обращения 24.09.2024).

5. Карни С. Красный рынок. Как устроена торговля всем из чего состоит человек – М.: Бомбора. – 2021. – 251 с.

6. Маркина И.Н. Уголовная ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности и противоправный оборот эмбрионов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2024. – 244 с.

Информация об авторе

Репецкая Анна Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований, Байкальский государственный университет.

Author

Repetskaya Anna Leonidovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department at the Institute of Legal Research, Baikal State University.

УДК 347.991:004(510) А.Ф. Реховский

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В КИТАЕ: ОПЫТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

В статье проводится комплексный анализ системы электронного правосудия в Китайской Народной Республике. Исследуются теоретические основы и правовая база цифровизации судебной системы КНР, раскрываются особенности концепции «умного суда» и специфика её реализации. Особое внимание уделяется основным направлениям развития электронного правосудия, включая систему электронной подачи документов, онлайн-судопроизводство и применение технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности. Анализируются уникальные черты китайской модели электронного правосудия, в том числе реализация концепции «единого окна» через платформу China Mobile Micro Court и внедрение технологии блокчейн. Рассматриваются актуальные проблемы и перспективы развития электронного правосудия в КНР до 2035 года. Научная новизна исследования заключается в системном анализе китайского опыта цифровизации судебной системы и возможностей его применения в других странах.

Ключевые слова: электронное правосудие; умный суд; цифровизация; судебная система КНР; искусственный интеллект; онлайн-судопроизводство; информационные технологии.

A.F. Rekhovskiy

ELECTRONIC JUSTICE IN CHINA: A CASE STUDY OF JUDICIAL SYSTEM'S DIGITAL TRANSFORMATION

The article provides a comprehensive analysis of the e-justice system in the People's Republic of China. The theoretical foundations and legal framework for the digitalization of China's judicial system are examined, revealing the features of the 'smart court' concept and the specifics of its implementation. Special attention is paid to the main directions of e-justice development, including the electronic filing system, online court proceedings, and the application of artificial

intelligence technologies in judicial activities. The unique features of the Chinese e-justice model are analyzed, including the implementation of the «single window» concept through the China Mobile Micro Court platform and the introduction of blockchain technology. Current problems and prospects for the development of e-justice in the PRC up to 2035 are considered. The scientific novelty of the research lies in the systematic analysis of the Chinese experience in digitalizing the judicial system and the possibilities of its application in other countries.

Key words: e-justice; smart court; digitalization; Chinese judicial system; artificial intelligence; online court proceedings; information technology.

В доктринальном понимании электронное правосудие в КНР представляет собой комплексный правовой и организационно-технический механизм отправления правосудия, основанный на использовании информационно-коммуникационных технологий. Нормативное определение данного института закреплено в Постановлении Верховного народного суда КНР «О применении информационных технологий в судебной деятельности», где электронное правосудие характеризуется как «система информационно-технологического обеспечения судопроизводства, направленная на повышение эффективности и доступности правосудия»[1].

Особого внимания заслуживает доктринальная концепция «умного суда», разработанная китайскими правоведами и положенная в основу современной модели электронного правосудия КНР [1, с. 46]. Данная концепция предполагает органичное сочетание традиционных принципов правосудия с инновационными технологическими решениями [2, p. 235].

В теоретическом плане электронное правосудие в КНР развивается в русле концепции «социалистической правовой системы с китайской спецификой».

Возможно выделить следующие основные направления развития электронного правосудия в КНР.

---

[1] О применении информационных технологий в судебной деятельности : постановление Верховного народного суда КНР от 15 июня 2015 г. № 25 [关于人民法院信息化建设的若干意见] // Вестник Верховного народного суда КНР. 2015. № 7. С. 12–18 (на кит. яз.).

1) Smart Court («умный суд») как базовая концепция информатизации.

Концепция «умного суда», разработанная Верховным народным судом КНР, представляет собой комплексную модель цифровизации судебной системы [3, p. 157]. В её основе лежит интеграция современных информационно-коммуникационных технологий в судебные процессы всех уровней[2].

Реализация данной концепции осуществляется на базе единой технологической платформы China Mobile Micro Court. Данная платформа обеспечивает комплексную автоматизацию судебной деятельности посредством централизованной обработки информации и интеграции с государственными информационными системами. Существенным достижением платформы является внедрение технологий искусственного интеллекта для оптимизации процессуальных действий.

Концепция «умного суда» эволюционирует в содержательно-структурном отношении, представляя собой многоуровневую архитектуру цифровой трансформации судебной системы. Согласно новейшим исследованиям [4, с.57], данная концепция реализуется через трехуровневую логическую структуру:

1. Технический уровень, обеспечивающий интеграцию цифровых технологий в судебные процессы, включая системы искусственного интеллекта, блокчейн и облачные вычисления;
2. Правовой уровень, гарантирующий соответствие технологических инноваций фундаментальным принципам правосудия и нормативно-правовой базе;
3. Уровень социального принятия, направленный на обеспечение общественного доверия к цифровизации судебной системы и доступности электронного правосудия для всех категорий граждан.

Данные уровни находятся в диалектическом взаимодействии, формируя единую экосистему электронного правосудия, где технологические инновации гармонично сочетаются с правовыми традициями и социальными ожиданиями.

2) Система электронной подачи документов.

---

[2] О реализации концепции "умного суда" : постановление Верховного народного суда КНР от 12 февраля 2017 г. № 35 [关于推进智慧法院建设的意见] // Вестник Верховного народного суда КНР. 2017. № 3. С. 8–15 (на кит. яз.).

В рамках развития электронного правосудия в КНР сформирована многофункциональная система электронного документооборота[3]. Данная система объединяет функционал подачи исковых заявлений с механизмами электронной идентификации участников процесса [5, с. 80]. Существенное значение имеет внедрение технологии блокчейн для обеспечения юридической значимости электронных документов и фиксации процессуальных действий [6, p. 248].

3) Онлайн-судопроизводство.

Значительным достижением в развитии электронного правосудия КНР стало создание системы онлайн-судопроизводства [7, p. 469]. Данная система реализуется через функционирование специализированных интернет-судов в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу, компетенция которых охватывает рассмотрение споров в сфере электронной коммерции и интеллектуальной собственности[4]. Существенным элементом онлайн-судопроизводства является интеграция систем видеоконференцсвязи с механизмами электронного исполнительного производства и онлайн-медиации [8, с. 115].

4) Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность реализуется через комплексную систему автоматизированного анализа судебной практики и поддержки принятия решений[5]. Показательным примером служит система Shanghai 206, обеспечивающая интеллектуальный анализ больших данных для формирования прогнозных моделей судебных решений [9, p. 380]. Существенное значение имеет внедрение

---

[3] О правилах электронного документооборота в народных судах : постановление Верховного народного суда КНР от 23 марта 2020 г. № 48 [关于人民法院电子档案管理的规定] // Бюллетень Верховного народного суда КНР. 2020. № 4. С. 12–18 (на кит. яз.).

[4] О порядке организации и деятельности интернет-судов : постановление Верховного народного суда КНР от 16 сентября 2018 г. № 87 [关于互联网法院审理案件若干问题的规定] // Вестник Верховного народного суда КНР. 2018. № 11. С. 5–12 (на кит. яз.).

[5] О применении технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности : руководящие принципы Верховного народного суда КНР от 21 декабря 2021 г. № 126 [关于人民法院人工智能应用的指导意见] // Бюллетень Верховного народного суда КНР. 2021. № 12. С. 15–23 (на кит. яз.).

технологий распознавания речи для автоматического протоколирования судебных заседаний [10, с. 47]».

Анализ китайской модели электронного правосудия позволяет выявить ряд существенных особенностей, определяющих её уникальный характер в мировой практике цифровизации судебных систем. Фундаментальной технологической особенностью выступает реализация концепции «единого окна» посредством интегрированного мобильного приложения China Mobile Micro Court, обеспечивающего универсальный доступ к судебным сервисам. Существенным элементом технологической инфраструктуры является комплексное внедрение систем искусственного интеллекта, осуществляющих автоматизированную верификацию процессуальных документов и поддержку принятия судебных решений. Инновационным аспектом выступает имплементация технологии блокчейн, гарантирующей достоверность электронных доказательств и обеспечивающей неизменность процессуальных действий.

Организационная структура электронного правосудия в КНР характеризуется наличием многоуровневой системы специализированных интернет-судов, функционирующих на основе обязательной электронной регистрации участников процесса. Существенным элементом выступают механизмы онлайн-медиации, интегрированные с традиционными методами разрешения споров и использующие технологии искусственного интеллекта для оптимизации примирительных процедур.

Современное состояние электронного правосудия в Китайской Народной Республике характеризуется комплексом взаимосвязанных проблем правового, технологического и организационного характера [11, 12]. В правовой сфере наблюдается недостаточная разработанность нормативной базы, регулирующей вопросы электронного судопроизводства, что создает правовую неопределенность в отношении юридической силы электронных доказательств и распределения ответственности при техническом сбое автоматизированных систем. Существенную озабоченность вызывают вопросы обеспечения конфиденциальности персональных данных участников судебного процесса.

В технологическом аспекте наблюдается диспропорция в уровне цифровизации судебных органов различных уровней, что обусловлено неравномерным распределением технологиче-

ских ресурсов. Актуальной остается проблема обеспечения кибербезопасности судебных информационных систем, усугубляемая частичной зависимостью от зарубежных технологических решений. Значительные сложности возникают при интеграции разнородных информационных платформ в единую систему электронного правосудия.

Организационные аспекты развития электронного правосудия характеризуются недостаточным уровнем цифровой компетентности судебного персонала и наличием определенного сопротивления инновациям со стороны консервативной части юридического сообщества. Существенным вызовом является необходимость значительных финансовых инвестиций при сохранении баланса между автоматизацией и человеческим фактором в отправлении правосудия.

Совершенствование системы электронного правосудия в КНР осуществляется по нескольким ключевым направлениям. В нормативно-правовой сфере ведется работа по формированию комплексного законодательства об электронном правосудии, адаптации процессуальных норм к условиям цифровизации и созданию эффективных механизмов защиты цифровых прав. Технологическое развитие ориентировано на внедрение квантовых вычислений, совершенствование систем искусственного интеллекта и укрепление информационной безопасности с акцентом на развитие отечественных технологических решений.

Прогностический анализ развития электронного правосудия в КНР позволяет выделить несколько временных горизонтов [13]. В краткосрочной перспективе (до 2025 года) предполагается завершение цифровизации судов провинциального уровня и расширение сети специализированных интернет-судов. Среднесрочные перспективы (до 2030 года) включают создание единой национальной платформы электронного правосудия и интеграцию с международными судебными системами [14]. Долгосрочные перспективы (до 2035 года) предусматривают переход к преимущественно цифровому формату судопроизводства и формирование единого цифрового пространства правосудия в рамках глобальных китайских инициатив [15].

Проведенное комплексное исследование системы электронного правосудия в Китайской Народной Республике позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов о сущно-

сти и перспективах развития данного правового института. Анализ показывает, что электронное правосудие в КНР представляет собой многоуровневую систему информационно-технологического обеспечения судебной деятельности, базирующуюся на инновационной концепции «умного суда» и характеризующуюся глубокой интеграцией современных цифровых технологий в процессуальную деятельность.

Существенным достижением китайской модели электронного правосудия является формирование системной нормативно-правовой базы, обеспечивающей детальную регламентацию процессов цифровизации при сохранении фундаментальных принципов правосудия. Уникальность китайского подхода проявляется в централизованном государственном управлении процессами цифровизации и масштабном применении технологий искусственного интеллекта через развитую сеть специализированных интернет-судов.

Несмотря на наличие определенных технологических и организационных вызовов, электронное правосудие в КНР демонстрирует устойчивую позитивную динамику развития, что подтверждается последовательной реализацией государственных программ цифровизации, значительными инвестициями в модернизацию судебных информационных систем и активным внедрением инновационных технологических решений. Перспективные направления развития электронного правосудия в Китае связаны с углублением автоматизации судебных процессов, расширением сферы применения искусственного интеллекта и формированием единого цифрового пространства правосудия, интегрированного с международными судебными системами.

Результаты исследования свидетельствуют о формировании в КНР уникальной модели электронного правосудия, сочетающей передовые технологические решения с традиционными особенностями китайской правовой системы. Данный опыт представляет значительный интерес для других государств, осуществляющих цифровую трансформацию судебных систем, однако требует критического осмысления с учетом национальной специфики правовых систем и уровня технологического развития.

Список использованной литературы

1. Ма Цзянь Цзюнь. Исследование построения умных судов в Китае [智慧法院建设研究] // Журнал Китайского института юстиции. 2023. № 2. С. 45–57 (на кит. яз.).
2. Zhang, L., Wang, H. Smart Courts in China: Theory and Practice // Chinese Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 11, № 2. P. 234–256.
3. Chen, J., & Wang, X. Smart Courts in China: Development and Challenges // Chinese Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 11, № 2. P. 156–172.
4. Wang S., Lai S., Xiao K. Research on the Application of Legal Theory Under the Smart Court System //Law and Economy. – 2024. – Т. 3. – №. 6. – С. 57–62.
5. Ван Сяо Мэй. Система электронного документооборота в судах КНР: технологические и правовые аспекты [法院电子档案系统：技术与法律问题研究] // Юридические исследования. 2023. № 5. С. 78–89 (на кит. яз.).
6. Liu, H., Zhang, W. Blockchain Technology in Chinese Courts: Implementation and Legal Issues // International Journal of Law and Technology. 2023. Vol. 31, № 3. P. 245–262.
7. Tang, Y., Du, M. Internet Courts in China: Development, Challenges and Solutions // Chinese Journal of International Law. 2023. Vol. 22, № 3. P. 467–485.
8. Линь Чжихуэй. Специализированные интернет-суды КНР: анализ первых пяти лет работы [中国互联网法院：五年实践分析] // Юридическая наука Китая. 2023. № 4. С. 112–126 (на кит. яз.).
9. Wang, J., Li, X. Shanghai 206: AI-Driven Justice in Chinese Courts // Harvard Journal of Law & Technology. 2023. Vol. 36, № 2. P. 378–402.
10. Чжоу Гуанцян. Искусственный интеллект в судебной системе КНР: опыт системы Shanghai 206 [人工智能在司法实践中的应用：上海206系统经验研究] // Правовая информатика. 2023. № 3. С. 45–58 (на кит. яз.).

11. Zhang, L., Wang, H. Smart Courts in China: Theory and Practice // Chinese Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 11, № 2. P. 234–256.

12. Wang S., Lai S., Xiao K. Research on the Application of Legal Theory Under the Smart Court System // Law and Economy. 2024. Vol. 3. № 6. P. 57–62.

13. Wang S., Lai S., Xiao K. Research on the Application of Legal Theory Under the Smart Court System //Law and Economy. – 2024. – Т. 3. – № 6. – С. 57–62.

14. Liu, H., Zhang, W. Blockchain Technology in Chinese Courts: Implementation and Legal Issues // International Journal of Law and Technology. 2023. Vol. 31, № 3. P. 245–262.

15. Wang, J., Li, X. Shanghai 206: AI-Driven Justice in Chinese Courts // Harvard Journal of Law & Technology. 2023. Vol. 36, № 2. P. 378–402.

Информация об авторе

Реховский Александр Федорович – заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

Author

Rekhovskiy Alexander Fedorovich – Head of the Department of Justice, Prosecutorial Supervision and Criminalistics at Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

УДК 340.1 Н.С. Романенко

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС» И «ПРАВОВОЙ ПРОЦЕСС»: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматривается доктринальный взгляд на такие понятия, как юридический процесс и правовой процесс.

Доктринальный взгляд на юридический процесс автор рассматривает, обращая внимание на важные периоды, в которых формировался научный взгляд на понятие юридический процесс: дореволюционный и советский период.

Следует отметить, что именно в эти периоды ученые в сфере процессуального права и ученые в сфере государственного и административного права заложили фундамент для формирования двух важных научных концепций (подходов) понимания юридического процесса: узкий и широкий.

Именно данные подходы можно в полной мере называть доктринальным взглядом на понимание юридического процесса, сами научные подходы до сих пор порождают научные дискуссии по поводу единообразного понимания юридического процесса. Эти подходы имеют как своих сторонников, так и противников. По поводу доктринального взгляда в отношении понятия правовой процесс автор отмечает, что в юридической науке нельзя с полной уверенностью утверждать, что данный взгляд сложился.

Понятию правовой процесс со стороны юридической науки внимание уделяют немногие ученые. Автор полагает, что юридический процесс и правовой процесс, разные понятия. Поэтому целесообразно сравнить данные понятия для того, чтобы понять есть ли между ними сходства или нет.

Ключевые слова: теория государства и права; теория процессуального права; юридический процесс; правовой процесс; доктрина права.

N.S. Romanenko

DOCTRINAL VIEW ON THE CONCEPT OF *JURIDICAL PROCESS* AND *LEGAL PROCESS*: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

This article takes a doctrinal view of such concepts as juridical process and legal process.

The author considers the doctrinal view of the juridical process, paying attention to the important periods in which the scientific view of the concept of the juridical process was formed: the pre-revolutionary and Soviet periods.

It should be noted that it was during these periods that scholars in the field of procedural law and scholars in the field of state and administrative law laid the foundation for the formation of two important scientific concepts (approaches) of understanding the juridical process: narrow and wide.

It is these approaches that can be fully called a doctrinal view of the understanding of the juridical process. The scientific approaches themselves still generate scientific discussions about a uniform understanding of the juridical process. These approaches have both supporters and opponents. Regarding the doctrinal view regarding the concept of legal process, the author notes that in legal science it is impossible to assert with complete certainty that this view has been formed.

Few scholars pay attention to the concept of legal process from the point of view of legal science. The author believes that juridical process and legal process are different concepts. Therefore, it is advisable to compare these concepts in order to understand whether there are similarities between them or not.

Key words: theory of state and law; procedural law theory; juridical process; legal process; doctrine of law.

Конституционное, административное и уголовное, гражданское и арбитражное судопроизводство представляет собой видовое разделение процесса, на практике оно не вызывает вопросов.

Но необходимо отметить, что данное видовое разделение процесса произошло не одномоментно, а постепенно по мере становления и развития науки процессуального права.

Первые научные работы о процессуальном праве и процессе увидели свет уже в дореволюционный период, но с некоторой оговоркой.

В дореволюционный период, официальное наличие процессуального законодательства, не очень сильно порождало научный интерес к изучению процессуальных вопросов, лишь отдельные ученые занимались этой проблематикой. Но именно, благодаря им в дальнейшем сложился доктринальный взгляд на юридический процесс.

Одним из таких ученых был Н.Н. Розин в своей работе «Процесс как юридическая наука» 1910 года [5]. В своей работе он писал о судебной деятельности и обращал внимание на ее регулирование особыми процессуальными нормами.

Н.Н. Розин рассматривал уголовный и гражданский процесс как постепенно развертывающиеся правоотношение.

Он говорил о единстве уголовного и гражданского процессов в контексте судебной деятельности, акцентируя внимание на разрешении споров о праве и защите действительных прав. Также он подчеркивал общую юридическую природу этих процессов и их публично-правовой характер. Н.Н. Розин отмечал логическое единство уголовного и гражданского процессов, их общую направленность на разрешение правовых споров и наличие единого субъекта, осуществляющего судебную деятельность – суда [5, с. 25].

Разделял и поддерживал точку зрения Н.Н. Розина, в своей работе «Судебное право как самостоятельная юридическая наука» И.В.Михайловский.

Он также писал о единстве уголовного и гражданского процесса. Это единство он находил в одинаковой природе уголовного обвинения (иска) и гражданского иска-оба представляют собой обращение заинтересованной стороны к суду с просьбой разрешить спор о праве между ней и другой стороной [1, с. 1733].

Доктринальный смысл пониманию процесса окончательно придал В.А.Рязановский в своей работе «Единство процесса» 1924 года [4].

В своей работе о единстве процесса В.А. Рязановский писал о том, что процесс в своем становлении и развитие проходил различные стадии.

Первоначально гражданский, уголовный и канонический процессы воспринимались как дополнения к соответствующим областям материального права, будучи их производными.

Тем не менее, по мнению В.А. Рязановского, процессуальное право является независимым от материального права. Это подтверждается тем, что оно не зависит от материальных норм, а также теми специфическими задачами, которые суд решает в ходе процесса. Кроме того, в процесс включаются вопросы судоустройства, а они напрямую не связаны с материальным правом.

В.А. Рязановский, выделяя различия между процессуальным и материальным правом, также обращает внимание на наличие «значительных черт сходства» и «совпадений процессуальных институтов» во всех упомянутых процессах. Он акцентирует внимание на единстве уголовного, гражданского и административного процессов, основываясь на схожести природы иска, который представляет собой «притязание» к государству направленное через суд, а также на единстве целей – «достижение материальной истины» и общности основных принципов судопроизводства, таких как «принадлежность власти суду» и «независимость суда».

Единство уголовного, гражданского и административного процесса он видел одинаковой природе иска в «притязании» обращенном к «притязание, к государству в лице суда», в единстве целей – «достижение материальной истины», и в общности основных принципов судопроизводства – «принадлежность власти суду, независимость суда [4, с. 19].

Также автор видел сходство в структуре построения процесса и выполнение единой для любого процесса функции – защите прав личности в любом виде процесса. Сходство было отмечено автором не только в структуре процесса, но и в публичном характере его осуществления вне зависимости от его видового разделения

Поэтому процессуальное право вполне оправдано связывалось с судебной и правоохранительной деятельностью суда. Где деятельность суда-это одна из форм юридического процесса.

Следует отметить, что формирование понятия «юридический процесс» протекало в русле становления теории судебного права и процессуального права в целом уже в советский период в коллективной монографии «Проблемы судебного права» М.С. Строговича, Н.Н. Полянского, В.М. Савицкого [3, с. 3]. В

своей работе они также указывали на сходство уголовного и гражданского процесса.

Указание на схожесть юридической природы, принципов судоустройства и судопроизводства, единство судебного доказывания, подчеркивание деятельности суда в отправление правосудия и установления истины по делу, использования одних и тех же процессуальных средств участниками процесса для достижения процессуального результата в уголовном и гражданском процессе повлияло на постановку вопроса о понимании юридического процесса.

Юридический процесс, по их мнению, это форма деятельности суда, включающие в себя разрешение спора между участниками процесса по существу и судебная защита нарушенного права [3, с. 3].

Это определение юридического процесса в области юридической науки и его доктринальном понимании является первым, но не единственным.

Представитель государственного и административного права, такие как В.М. Горшенев, А.И. Ким, П.Е. Недбайло, В.С. Основин предлагали не ограничивать юридический процесс только деятельностью суда, а дополняли ее деятельностью всех государственных органов и должностных лиц, которые наделены властными полномочиями и могут, как и суд совершать ряд действий регламентированных законом и при разрешении определенных юридических дел в рамках их компетенции приводить к юридически значимому результату и иметь значения для всех субъектов кого затрагивает данная деятельность [6, с. 90].

В дальнейшем этот подход понимания юридического процесса также станет частью юридической доктрины и будет иметь как приверженцев, так и противников. Как узкий, так и широкий подходы к пониманию юридического процесса уже стали доктринальными в юридической науке, однако, к сожалению, это не относится к понятию правового процесса.

О правовом процессе либо не пишут вообще, либо пишут в контексте его сходства и соотношения с юридическим процессом при этом, не делая особых понятийных различии.

На наш взгляд, данное обстоятельство заслуживает нашего внимания.

По мнения М.Ю. Осипова, правовой процесс – это разновидность социальных процессов, представляющих собой определенную последовательность изменений правовой системы, их компонентов и элементов с течением времени, направленных на достижение конкретного юридически значимого результата [2, с. 3].

Мы полагаем, что юридический процесс и правовой процесс – это разные понятия и их различия можно увидеть, сравнив эти понятия по ряду критериев, а именно правовая регламентация, возникшие правоотношения, совершаемые действия и их характер, и результат указываемых действий.

Юридический процесс в доктринальном понимании-это форма деятельности властных государственных органов для разрешения определенных юридических дел всегда регламентирована нормами права как материальными, так и процессуальными. Соблюдение этих норм носит обязательный характер.

Правовой процесс – это разновидность социального процесса и он может быть как регламентирован нормами права, так может быть не регламентирован.

В ходе осуществления юридического процесса как деятельности всегда возникают процессуальные правоотношения, даже если в ходе деятельности кроме процессуальных норм применяются нормы материального права.

В ходе правового процесса могут возникать разные общественные отношения и процессуальные и материальные.

Юридический процесс представляет собой деятельность властных органов исходя из доктринального понимания, а значит, в ходе ее осуществления органы государственной власти и должностные лица выполняют ряд последовательно совершаемых процессуальных действий.

Правовой процесс, поскольку не требует жесткой правовой регламентации, может осуществляться как процессуальными действиями, так и не процессуальными действиями.

Результат юридического процесса как деятельности всегда конкретно определен и закреплен в нормах процессуального права и фиксируется актом индивидуально-правового регулирования.

Результат правового процесса, может быть, прогнозируем, но не может быть конкретно определен.

Таким образом, можно сделать вывод, что юридический процесс-это определенная форма деятельности властных государственных органов и должностных лиц по разрешению определенных дел регламентированная нормами процессуального права и в ходе совершения процессуальных действия приводящая к конкретному результат.

Правовой процесс представляет собой определённый вид социальных процессов, который включает в себя последовательные изменения в правовой системе, её компонентах и элементах с течением времени, с целью достижения конкретного юридически значимого результата.

Таким образом, юридический процесс можно рассматривать как видовое понятие и часть правового процесса. В этом контексте правовой процесс является родовым понятием, тогда как юридический процесс – это его специфическая форма, и они соотносятся между собой как часть и целое.

Список использованной литературы

1. Михайловский И.В. Судебное право, как самостоятельная юридическая наука (К вопросу о системе юридических наук) / проф. И.В. Михайловский // Право. Еженедельная юридическая газета. – СПб., 1908. – № 32 (10 августа). – С. 1733–1741.
2. Осипов М.Ю.Правовые процессы и правовые технологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-protsessy-i-pravovye-tehnologii (дата обращения: 23.02.2025).
3. Проблемы судебного права / А.А. Мельников, Н.Н. Полянский, В.М. Савицкий, М.С. Строгович ; под ред. В.М. Савицкого. – Москва : Наука, 1983. – 224 с.
4. Рязановский В.А. Единство процесса : учеб. пособие / В.А. Рязановский. – Москва : Юрид. бюро «Городец», 2005. – 80 с.
5. Розин Н.Н. Процесс, как юридическая наука / Н.Н. Розин //Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 8. – С. 25–37.
6. Теория юридического процесса / Бенедик И.В., Горшенев В.М., Крупин В.Г., Мельников Ю.И., и др.; Под общ. ред.: Горшенев В.М. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. – 192 с.

Информация об авторе

Романенко Никита Сергеевич – старший преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева". E-mail: romanenkonikita91@yandex.ru.

Author

Romanenko Nikita Sergeevich – Senior Lecturer of the Department of General Theoretical and State-Law Disciplines, Federal State Budget – Funded Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev". E-mail: romanenkonikita91@yandex.ru.

УДК 340.5

А.Ю. Саломатин, Н.В. Макеева

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ МЕГАДИСЦИПЛИНЫ

Многогранность сравнительного правоведения очевидна, потенциал сравнительного правоведения неоспорим. Функционал сравнительного правоведения обширен – от важнейшего инструмента модернизационных и посмодернизационных преобразований права до реализации академических, образовательных задач. Богатый потенциал сравнительно-правовых исследований выступает фундаментом развития современной юридической науки.

Суть сравнительного правоведения привлекает внимание научного сообщества не один десяток лет. Сформированные концепции можно весьма условно разделить на сторонников «метода» и сторонников «науки». Сторонники «метода», представляющие узкий подход к сущности Сравнительного правоведения, ставят знак равенства между сравнительным правоведением и сравнительно-правовым методом. Сторонники широкого подхода к сущности сравнительного правоведения определяют сравнительное правоведение как отдельную науку и учебную дисциплину. Примирить противоборствующие стороны призван дуалистический подход, который отождествляется с юридической компаративистикой, выступающей в качестве стратегической перспективы гармонизации права.

Ключевые слова: сравнительное правоведение; сравнительно-правовой метод; юридическая компаративистика.

A.Y. Salomatin, N.V. Makeeva

COMPARATIVE LAW: THE FORMATION OF A MEGA DISCIPLINE

The versatility of Comparative Law is obvious, and the potential of Comparative Law is undeniable. The functionality of Comparative Law is extensive – from the most important tool of modernization and postmodernization transformations of law to the implementa-

tion of academic and educational tasks. The rich potential of comparative legal research is the foundation for the development of modern legal science.

The essence of Comparative Law has been attracting the attention of the scientific community for decades. The formed concepts can be very conditionally divided into supporters of the «method» and supporters of the «science». Proponents of the «method», representing a narrow approach to the essence of Comparative Law, put an equal sign between comparative law and the comparative legal method. Proponents of a broad approach to the essence of Comparative Law define comparative law as a separate science and academic discipline. A dualistic approach is designed to reconcile the warring parties, which is identified with legal comparative studies, acting as a strategic perspective for the harmonization of law.

Key words: comparative law; comparative legal method; legal comparative studies.

В научном сообществе нередко возникает вопрос о феноменах правовой жизни общества, инструментарием которой является правовая политика. Среди них сложно найти те, которые отличаются не только непреходящим, но и усиливающимся интересом к ним теоретиков и практиков. Таким примером выступает Сравнительное правоведение, интерес к которому не угасает и не имеет аналогов в юридической сфере, так как именно оно позволяет «открыть двери в правовую вселенную» [1, с. 2]. Потенциал сравнительного правоведения впечатляет – от преобразования законодательства отдельно взятого государства до унификации права, где «сравнительное правоведение играет ... роль «легального моста» между «государственными берегами»» [14, с. 3].

Современная юридическая наука немыслима без сравнительно-правовых исследований, богатого потенциала сравнительно-правового метода. Сравнительно-правовые исследования демонстрируют возможности реформирования законодательства на основе рецепции лучших образцов зарубежного права, что играет решающую роль в свете глобализационных тенденций государственно-правовой действительности.

Некой отправной точкой, исходным началом Сравнительного правоведения выступает сравнительно-правовой метод, в

определенной степени используемый еще античными и средневековыми философами и государственными деятелями. Становление Сравнительного правоведения связано с модернизационными преобразованиями государства и права. «Интерес к сравнительно-правовому методу в рамках модернизирующегося общества XIX в. сменяется институционализацией дисциплины «Сравнительное правоведение» в условиях зрелого модернизирующегося общества 1900–1980 гг. С приходом постмодернизирующегося общества (рубеж XX–XXI столетий) наблюдается новое состояние сравнительного правоведения, которое пытается отвечать на глобализационные вызовы» [9, с. 145]. Сравнительное правоведение выступает в качестве инструментария модернизационных преобразований права, что приобретает особое значение в условиях глобализации, когда существенно возрастает роль гармонизации законодательства и наблюдается поиск направлений унификации права, приведения его к единому знаменателю. Ответом на данный запрос общества становится Сравнительное правоведение, которое «облегчает понимание зарубежных правовых систем, способствует изучению и использованию собственного национального права» [6, с. 59] и «используется в сравнительном законодательстве, в сравнительном частном праве в сравнительном публичном праве, в судебных решениях и в транснациональной юридической практике» [7, с. 12].

Сущность Сравнительного правоведения – сфера интереса научного сообщества. Сложилось два разновекторных подхода к определению сути Сравнительного правоведения – узкий и широкий подходы. Приверженцев узкого подхода можно условно назвать сторонниками «метода», а их оппонентов принято именовать сторонниками «науки».

Узкий подход к определению сущности Сравнительного правоведения исходит из идентичности сравнительного правоведения и сравнительно-правового метода. Сравнительно-правовой метод, как один их специально-юридических методов, в настоящее время весьма распространен, что обусловлено глобализационными процессами. Данный метод позволяет выявлять общее и особенное правовых систем, тенденции их развития, определять вектор унификации законодательства.

«Применение сравнительного метода к правовым явлениям самого разного рода... – это самый неупорядоченный, самый хаотичный способ компаративизации юридических знаний. Использование сравнения в отраслях права (например, сравнительное уголовное право, сравнительное конституционное право, сравнительное трудовое право и т.д.) требует больших организационно-логических усилий и упорядоченности» [10, с. 49].

Широкий подход исходит из определения Сравнительного правоведения как самостоятельной науки и учебной дисциплины. Так, М.Н. Марченко рассматривает Сравнительное правоведение «как междисциплинарное и одновременно многодисциплинарное научное направление, способное оказывать значительное позитивное влияние не только на общеисторические и теоретические исследования, но и на разработки в области отраслевых юридических наук» [4, с. 185]. Сторонники «науки» указывают на институциализацию Сравнительного правоведения, что позволяет говорить о формировании научной области знаний.

В конце XX–начале XXI вв. наблюдается повышение роли сравнительного правоведения и осознание необходимости его внедрения в программы высшего юридического образования. Российская традиция преподавания сравнительного правоведения исходит из сравнительного анализа правовых семей как широкого объекта сравнения и отдельных правовых институтов, а нередко даже правовых норм. «Однако с этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку объектом анализа... должны быть не системы права, а правовые системы. В самом деле, правовой материал обозначает только путеводные нити к урегулированию правоотношений, а само правоприменение основывается на целой системе правовых учреждений и сообществе специалистов в области права» [3, с. 69]. «Между «сравнительным методом» как способом познания правовых явлений и «сравнительным правоведением» как научным направлением, изучающим правовые системы, нельзя поставить знак равенства, ведь иначе сравнительное правоведение не вылилось бы в самостоятельную научную дисциплину» [8, с. 25].

Дуалистический подход позволяет интегрировать «метод» и «науку». Исследователи отмечают не только огромный мето-

дологический потенциал интеграционного подхода, но неразрывную связь сравнительного «метода» и «науки» сравнительного правоведения. Дуалистический подход находит свое воплощение в юридической компаративистике, рассматриваемой «как разновидность нового этапа междисциплинарных сравнительных исследований в гуманитарных науках, которая сохраняет преемственность с прошлым, является «открытой» к изменениям» [2, с. 65]. При этом не происходит отождествления Сравнительного правоведения и юридической компаративистики. Несмотря на то, что «в отечественном научном обиходе термин «компаративистика» довольно регулярно и активно используется для обозначения сравнительно-правовой материи и несомненно имеет все основания для своего существования» [5, с. 86], стать неотъемлемой частью Юриспруденции она смогла значительно позже, чем в других науках. Но дальнейшее ее развитие поражает своими темпами.

Прикладной характер Сравнительного правоведения не менее ценен, чем его теоретический потенциал. В свете этого весьма интересной видится следующая точка зрения: «сравнительное правоведение постепенно приобрело четыре качества: научного метода, научного направления, учебной дисциплины и способа решения научно-практических задач» [12, с. 4]. В качестве метода научного познания оно «позволяет выявлять общие тенденции развития, единые начала и особенности правовых явлений… как научное направление вбирает в себя совокупность научных знаний о правовом пространстве мира в его историческом развитии… как учебная дисциплина дает знания об основных закономерностях и особенностях развития права… как способ решения научно-практических задач используется для совершенствования законодательной и правоприменительной практики» [11, с. 34–35].

В научном сообществе отсутствует единство и по вопросу о применении термина «Сравнительное правоведение». Ряд исследователей предлагают взять за основу термин «сравнительное право», заменив им термин «сравнительное правоведение». Так К. Цвайгерт, Х. Кетц раскрывая данный термин, говорят о применении «сравнительного метода при изучении права как объекта интеллектуальной деятельности» [15, с. 8]. В понимании Ю.А. Тихомирова «Термин «сравнительное право» … вызывает сомнения, поскольку трудно представить подобную новую

разновидность права» [13, с. 30]. Главное в терминологии все же содержательный аспект, поэтому предпочтительной выступает концепции использования термина «сравнительное правоведение».

Весьма справедливым видится мнение научного сообщества о необходимости разграничения сравнительного правоведения и изучения зарубежного права, отдельных его отраслей. Анализ законодательства отдельных зарубежных стран, несомненно, вызывает определенный интерес, однако не может рассматриваться в качестве компаративистского исследования, суть которого заключается не только в сопоставлении, обнаружении идентичности правового развития ряда государств, но и в выявлении проблем правового регулирования определенных общественных отношений и определении путей их преодоления, формировании перспектив развития данных общественных отношении и их законодательной базы на основе рецепции зарубежного правового опыта.

Невозможно отрицать неразрывную внутреннюю связь и взаимообусловленность сравнительно-правового метода и сравнительного правоведения, они наделены огромным методологическим потенциалом, который позволяет решать не только теоретические, но и практические задачи. При этом эффективность сравнительного правоведения значительно выше по сравнению с другим научно-методологическим инструментарием, что обусловлено его содержательными характеристиками и богатым исследовательским потенциалом.

В современной иерархии юридических дисциплин Сравнительное правоведение занимает более высокое место, чем отдельная отрасль права, даже комплексная. Ведь оно обслуживает юридическую науку в целом. Причем эта наука, по нашему мнению, будет чувствовать себя уверенней, если мы будем дополнять международно-общепланетарную научную кооперацию в рамках Международной Академии Сравнительного Права регионально-континентальной. Давно назрела необходимость в создании Евразийской Ассоциации Сравнительного Права, в которой наша страна стала бы центром притяжения для компаративистов из соседних государств.

Список использованной литературы

1. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Р. Леже. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 529 с.

2. Малько А.В. Сравнительное правоведение / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. – М.: Норма, 2008. – 352 с.

3. Малько А.В. Сравнительное правоведение и политика в области юридического образования / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 1. – С. 67–72.

4. Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Городец, 2002. – 1087 с.

5. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2021. – 784 с.

6. Осакве К. Размышления о природе сравнительного правоведения: некоторые теоретические вопросы / К. Осакве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 3. – С. 54–71.

7. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части / К. Осакве. – М.: Дело, 2000. – 463 с.

8. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение / А.Х. Саидов. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

9. Саломатин А.Ю. Методологические проблемы сравнительного правоведения / А.Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 144–147.

10. Саломатин А.Ю. Сравнительная правовая политика: возможность взвешенной оценки зарубежного государственно-правового опыта / А.Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 48–54.

11. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы: в 2 т. / под ред. В. И. Лафитского. – М., 2001 – Т. 1: Правовые системы Восточной Европы. – 766 с.

12. Сравнительное правоведение: учебное пособие / Е.Е. Амплеева, А В. Еремин, Л.А. Харитонов, И.Л. Честнов; под ред. Е.Е. Амплеевой, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 104 с.

13. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма, 1996. – 432 с.

14. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 3–15.

15. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – Т. 1. Основы. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.

Информация об авторах

Саломатин Алексей Юрьевич – заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной Академии сравнительного права. E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru.

Макеева Наталья Владимировна – доцент кафедры «Теория государства и права и политология» Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: makeeva-nv@yandex.ru.

Authors

Salomatin Alexey Yuryevich – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science at Penza State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law. E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru.

Makeeva Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science at Penza State University, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: makeeva-nv@yandex.ru.

УДК 347.5

Е.М. Сенотрусова

СУДЕБНЫЙ ЗАПРЕТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрен вопрос о значении общественного интереса для применения судебного запрета и иных превентивных мер, направленных на предупреждение причинения вреда. Анализируется гражданское право России, Республики Беларусь, Сербии, Англии и иных стран.

Ключевые слова: превентивные меры; опасность; судебный запрет; запрет деятельности; предупреждение причинения вреда.

E.M. Senotrusova

INJUNCTION AND PUBLIC INTEREST: COMPARATIVE ANALYSIS

The issue of the importance of public interest for the application of injunctions and other preventive measures aimed at preventing harm is considered. The civil law of Russia, the Republic of Belarus, Serbia, England and other countries is analyzed.

Key words: preventive measures; danger; injunction; prohibition of activity; prevention of harm.

Применение превентивных способов защиты, направленных на предупреждение причинения вреда, как-то: требование о запрещении деятельности, mesure de prevention, injunction и т.п., зачастую ставится в зависимость от соответствия последствий их применения общественному интересу как благу (ценности), обеспечивающему удовлетворение общественных потребностей, существующих объективно и необходимых для устойчивого и гармоничного существования и развития общества в целом либо в пределах конкретного государства или иной, географически и (или) политически выделенной, территории или ее части (благоприятная окружающая среда, экономическая безопасность, в том числе наличие трудовых мест, безопасность от внутренних и внешних угроз, доступность и достаточность жилья и др.).

В российском гражданском праве институт предупреждения причинения вреда регламентирован ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). С учетом буквального содержания абз. 2 п. 2 указанной статьи, суд вправе отказать в иске о приостановлении либо прекращении деятельности, создающей опасность причинения вреда, в связи с противоречием общественным интересам при следующих условиях: 1) запрету подлежит эксплуатация предприятия, сооружения либо иная производственная деятельность; 2) спорной деятельностью уже причинен вред. Недостатком такого подхода, строго соответствующего букве закона, является ограниченность сферы действия и недопустимость рассмотрения вопроса о соответствии общественным интересам последствий судебного запрета при заявлении требований в порядке п. 1 ст. 1065 ГК РФ.

Некоторые авторы критикуют буквальный подход и придерживаются расширительного толкования абз. 2 п. 2 ст. 1065 ГК РФ, при котором ссылка на общественный интерес допустима как при наличии уже причиненного вреда, так и при его отсутствии [1, с. 94], а также независимо от характера спорной деятельности.

В судебной практике превалирует расширительный подход. Приведем пример. Судом кассационной инстанции дело по иску регионального Министерства природных ресурсов и экологии о принудительном прекращении деятельности ООО «Омскоблводопровод» (далее – Общество) по сбросу сточных вод в реку направлено на новое рассмотрение. Основанием предъявления указанных требований явилось отсутствие у Общества локальных очистных сооружений, что создавало угрозу для окружающей среды и неопределенного круга лиц. Однако при первоначальном рассмотрении спора судами не было учтено, что Общество уже принимает меры к установке очистных сооружений, а прекращение им деятельности по сбросу вод в реку приведет к остановке технологического цикла производства питьевой воды и, как следствие, к прекращению подачи холодной воды потребителем, в том числе социально значимой категории, на территории 13 муниципальных районов[1]. В другом деле суд, отказывая в запрете деятельности полигона по захоронению и сортировке

[1] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 янв. 2021 г. № Ф04-5037/2020 по делу № А46-21025/2019 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

бытового мусора и отходов, указал, что «удовлетворение исковых требований повлечет <...> неблагоприятные последствия для сложившейся на территории <...> области экологической ситуации, вызванной многочисленным закрытием полигонов твердых коммунальных отходов и отсутствием необходимых мощностей для перераспределения нагрузки на действующие полигоны»[2].

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает схожее с национальным правом регулирование данного вопроса (п. 2 ст. 934)[3].

Монгольское гражданское право не содержит общих положений о запрещении деятельности, но закрепляет аналогичные правила применительно к так называемому соседскому праву. Так, согласно ст. 135 ГК Монголии, лицо не вправе запретить собственнику (владельцу) соседнего участка деятельность (действия), представляющую собой «обычное ведение своего хозяйства», однако может заявить требование о запрете противоправных действий или запрете строительства и эксплуатации наземных и подземных сооружений[4]. При этом требований об учете общественного или иного (публичного, государственного) интереса не закреплено.

Не закреплено положений об общественном интересе при принятии превентивных мер и в законодательстве Сербии. Согласно ст. 156 ГК Сербии обстоятельствами для удовлетворения требований о судебном запрете является собственно наличие опасности и исключительность истребуемого способа защиты (причинение вреда не может быть предотвращено иными мерами). При этом не может быть запрещена деятельность, правомерно осуществляемая на основании разрешения уполномоченного органа; в таком случае лицо вправе требовать только возмещения уже причиненного вреда, «превышающего обычные пределы»[5].

---

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июля 2021 г. № Ф05-15663/2021 по делу № А41-31543/2020 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Гражданский кодекс Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218 (дата обращения: 31.01.2025).

[4] Гражданский кодекс Монголии. URL: http://www.mongolnow.com/grazhdanskiy-zakon-mongolii (дата обращения: 31.01.2025).

[5] Гражданский кодекс Сербии. URL: https://russian.rs/laws/grazhdanskij-kodeks-zakon-ob-obyazatel (дата обращения: 31.01.2025).

Законодательство Нидерландов, напротив, прямо предусматривает, что суд вправе отказать в удовлетворении требований об установлении судебного запрета в отношении конкретного противоправного поведения, если такое поведение допускается по уважительным причинам, связанным с общественными интересами (ст. 6:168 Гражданского кодекса Нидерландов)[6].

В Англии вопрос о правовом значении общественных интересов в спорах об установлении судебного запрета на протяжении нескольких тысячелетий продолжает оставаться дискуссионным [2, с. 342]. Данный вопрос по-разному решался в Shelfer v. City of London Elec. Lighting Co, Coventry против Lawrence и иных делах, однако после 2015 года постепенно сформировалось правило, согласно которому при решении вопроса о вынесении запрета суд должен проявить гибкость, оценивать все обстоятельств по делу, в том числе соответствие или несоответствие запрета общественному интересу [3, с. 294]. К примеру, судом отказано в удовлетворении требований о запрете деятельности по обучению военных пилотов в связи с наличием общественного интереса в обучении военнослужащих для обеспечения безопасности государства и населения, нецелесообразности и высокой стоимости переноса учебного аэропорта[7].

В Канаде применение санкций запрета, приостановления или ограничения деятельности, создающей опасность причинения вреда, не допускается, если это не соответствует общественным интересам. По одному из дел суд отказал в запрете деятельности по производству табака, несмотря на доказанность факта опасности причинения вреда здоровью заявителя, на том основании, что табачный завод в данной местности носит градообразующий характер и его закрытие приведет к высокому уровню безработицы [4, с. 98–99].

Согласно п. 2 § 1055 Закона об обязательственном праве Эстонии, право требовать прекращения поведения, причиняющего ущерб или создающего угрозу его причинения, не применяется, если разумно ожидать, что такое поведение может быть

---

[6] Гражданский кодекс Нидерландов. URL: http://www.dutchcivillaw.com/civilcodegeneral.htm (дата обращения: 31.01.2025).

[7] Dennis v Ministry of Defence. [2003] EWHC 793 (QB). URL: https://www.oxbridgenotes.co.uk/law_cases/dennis-v-ministry-of-defence (дата обращения: 31.01.2025).

терпимым в условиях сосуществования людей или в силу значительных общественных интересов. В таком случае потерпевший имеет право предъявить иск о возмещении незаконно причиненного ущерба[8].

Приведенный сжатый анализ отечественного и иностранного законодательства позволяет условно выделить два подхода по вопросу о значении общественного интереса при применении превентивных мер: 1) общественный интерес не учитывается; 2) в применении судебного запрета или иных превентивных мер может быть отказано в случае несоответствия (противоречия) последствиям его применения общественному интересу (запрет деятельности организации по сбросу воды повлечет прекращение холодного водоснабжения для широкого круга потребителей, запрет деятельности полигона ухудшит экологическую обстановку, запрет деятельности градообразующего завода повлечет высокий уровень безработицы и ухудшение экономической обстановки, др.). Решение поставленного вопроса отечественным законодателем видится вполне удачным в связи с широкой сферой действия института предупреждения причинения вреда как такового (к примеру, в отличие от Монголии, где судебный запрет ограничен сферой соседского права), и предоставлением суду достаточного объема дискреции, что позволяет учесть все индивидуальные обстоятельства дела и не допустить излишней формализации судебного разбирательства.

Для дальнейшего повышения качества гражданского российского законодательства в анализируемой части представляется необходимым распространение действия предписания об общественном интересе на все требования о запрещении / приостановлении деятельности независимо от (1) ее характера (производственный или иной), а также (2) наличия или отсутствия причиненного ею вреда. Соответствующее положение может быть сформулировано следующим образом: «суд вправе отказать в иске о запрете или приостановлении деятельности, создающей опасность причинения вреда, если последствия применения такого запрета или приостановления противоречат общественным интересам».

---

[8] Закон об обязательственном праве Эстонии. URL: Law of Obligations Act–Riigi Teataja (дата обращения: 31.01.2025).

Список использованной литературы

1. Бондаренко С.С. Предупреждение причинения вреда (статья 1065 ГК РФ) / С.С. Бондаренко // Современное право. – 2008. – № 8. – С. 90–95.

2. Barnett K. Injunctions / K. Barnett, S. Harder // Remedies in Australian Private Law. – 2018. – P. 342–362.

3. Palmer R. Injunctions through the lens of nuisance / R. Palmer, B. Pontin // Research handbooks in private and commercial law / edited by Roger Halson, David Campbell. – UK ; MA ; USA : Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 294–310.

4. Tromans, S. Nuisance – prevention or payment? / S. Tromans // Cambridge Law Journal. – 1982. – № 41 (1). – P. 87–109.

Информация об авторе

Сенотрусова Евгения Михайловна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: evg-suranova@yandex.ru.

Author

Senotrusova Evgeniya Mikhailovna – Ass. Professor, Department of Civil Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law. E-mail: evg-suranova@yandex.ru.

УДК 340

А.В. Серегин

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ СЕМЕЙНОГО ПРАВА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: МЕЖДУ МИФОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

В статье с помощью сравнительно-правовой методологии исследуется содержание принципов древнеславянского семейного права у различных славянских народов в средневековую эпоху их существования (V – XVII вв. н.э.). Автор, старается избегать резко полярных оценок старинного семейного быта славянской народности, не допуская ни хвалебной мифологизации, ни опускаясь до негативной абсолютизации дохристианских норм. Обобщающим итогом, представленной работы является вывод о том, что принципы древнеславянского права подверглись христианизации, например, полигамия была заменена моногамией, ограничена свобода разводов, ущемлены права детей, рождённых вне брака, установлен запрет на экспозицию и заключение брака с близкими родственниками и т.д. Делается вывод о тяготении современного семейного права к языческим обычаям славян.

Ключевые слова: юридическая славистика; древнеславянское семейное право; моногамия; полигамия; развод.

A.V. Seregin

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PRINCIPLES OF FAMILY LAW OF THE ANCIENT SLAVIC PEOPLES: BETWEEN MYTH AND REALITY

The article uses comparative legal methodology to examine the content of the principles of ancient Slavic family law among various Slavic peoples in the medieval era of their existence (5th – 17th centuries AD). The author tries to avoid sharply polar assessments of the ancient family life of the Slavic people, not allowing either laudatory mythologization or stooping to negative absolutization of pre-Christian norms. The summary of the presented work is the conclusion

that the principles of ancient Slavic law were Christianized, for example, polygamy was replaced by monogamy, freedom of divorce was limited, the rights of children born out of wedlock were infringed, a ban on exposure and marriage with close relatives was established, etc. A conclusion is made about the gravitation of modern family law to the pagan customs of the Slavs.

Key words: legal Slavic studies; ancient Slavic family law; monogamy; polygamy; divorce.

«Жену свою любите, но не давайте им власти над собой» [6, с. 243].
Владимир Мономах (1053–1125 гг.).

Исследование истоков древнеславянского семейного права имеет фундаментальное значение для юридической славистики, призванной составить цельное знание о наших далёких предках, их нравах, обычаях и духовно-нравственных ценностях. Продвигаясь трудной дорогой научного познания, историки-права периодически подвергаются двум соблазнам субъективного мировосприятия: во-первых, желанию идеализировать своих далёких родоначальников создавая красивые, но не достоверные легенды о людях и временах великой святости; а с другой, наслаждению от демонизации стародавних правил общественной жизни. Люди, как правило, пытаются возвысить себя сообщая о своём благородном происхождении или стараются «откреститься» от тех фактов, которые напоминают им о дикой природе сынов человеческих, периодически воскрешающих в обыденном быту самые жестокие практики и суеверия.

Семейное право, призванное урегулировать важнейшие социально-биологические отношения допустимого сексуального общения мужчин и женщин, воспитания и содержания их детей, совместного ведения хозяйства, наиболее полно отражает естественные качества любого народа, ставшего на путь цивилизационного развития.

В эпоху раннего средневековья, многочисленные славянские народы, исповедующие первоначально славянское язычество, столкнулись с новым религиозным учением – христианством. Постепенно включаясь в ойкумену крещённого человечества, славянам пришлось реципировать христианские законы [7,

с. 24–35] в действующее с незапамятных времён обычное семейное право [10, с. 357–369].

Этот процесс протекал не всегда гладко, о нем имеется весьма мало письменных сведений, но постепенно, он привел к относительной унификации брачно-семейных отношений славян с другими христианскими народами.

На рубеже языческой и христианской эпох, христианские монахи миссионеры, хронисты и летописцы по-разному оценивали духовно-нравственный уровень семейной жизни славянских народов. Германские клирики восторгались верностью к мужьям, добрачной целомудренностью и скромным поведением в замужестве западнославянских женщин [1, с. 249]. Нестор Летописец, напротив, стыдил древлян, северян и кривичей за дикость при заключении их браков, свободу сексуальных отношений, многожёнство и инцест, одновременно, восхваляя добрые нравы полян [5, с. 14–15].

Для объективного понимания древнеславянских брачно-семейных отношений необходимо правильно сформулировать важнейшие принципы древнеславянского права, отражающие его основные начала и ценности.

С точки зрения славянского политеизма допускалась *полигамия*, в то время как христианская церковь запрещала *многожёнство*. Достаточно вспомнить, что князь *Само* имел 12 жен, а князь *Владимир Красно Солнышко* – 4 жен и 800 наложниц.

«Закон судный людем»[1] IX в. н.э. (далее – ЗСЛ) – самый древний из известных юридических источников средневековый славянский мораво-болгаский нормативно-правовой акт, не просто запрещал многожёнство и браки с кровными и духовными родственниками, но и обязывал выгнать из дома вторую жену вместе с её детьми (ст. VII ЗСЛ).

Кроме того, христианский законодатель преследовал мужей за половые связи с рабынями-наложницами, наказывая их высоким денежным штрафом, отлучением от церкви на 7 лет с соблюдением строжайшего поста, допускавшего вкушать лишь хлеб и воду. За блудодеяние с обручёнными девицами, виновному отрезали нос и забивали кнутом до смерти отпуская 107 ударов.

---

[1] Закон судный людем (IX в.) // Собрание памятников древнеславянского права: учебное пособие: в 4 т. Т. 3: Средневековое законодательство южных славян / А.В. Сост. Серегин Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 11–15.

Древнерусское право, во многом ориентировалось на данные правила [4, с. 144], разве, что не предусматривало таких жестоких наказаний за интимные отношения с обручёнными девушками и за инцест (см.: Устав князя Ярослава о церковных судах[2]; ст.ст. 30 и 32 Правосудия Митрополичья[3]).

Супружеская верность, особенно женская, ценилась у славян сверх всякой меры. В *г. Коренице*, например, прелюбодеев оставляли связанными на площади как собак, для всеобщего глумления над ними [8, с. 10]. По *руянскому* обычаю муж мог убить неверную супругу. Если славянская жена так сильно любила своего мужа, что не могла без него жить, то она в случае смерти своего супруга вмести с ним восходила на погребальный костёр или предварительно сводила счёты с жизнью, обычно повесившись на воротах двора. Этот обычай имеет древние индоевропейские, т.е. арийские корни, его пережитки встречаются в современной Индии в рамках запрещённого законом обряда «сати» – самосожжения вдов [9, с. 153–176].

Главой семьи всегда являлся муж, но его супруга почиталась как хранительница домашнего очага и естественная посредница между мужем и внешним миром. Христианство словами Апостола Павла провозгласило формулу: «*Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа*» (Послание Апостола Павла к ефессянам 5:33), т.е. всегда покоряется его воли и это главный лозунг всех истовых, а не лицемерных христианок, вплоть до наших дней.

Ярким примером средневекового древнерусского христианского правосознания на проблемы семейных отношений являются размышления Даниила Заточника: «*Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на её ласковые и льстивые слова, а дел её не проверяет, то дай Бог ему лихорадкою болеть, и да будет он проклят.*

Вот и распознайте, братья, злую жену. Говорит она мужу своему:

---

[2] Устав Князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 189–193.

[3] Правосудие митрополичье (Доклад, читанный в Подкомиссии по подготовке к изданию Русской Правды 14 ноября 1928 г.) // Серафим Владимирович Юшков. М.: Юридическая литература, 1989. (Труды выдающихся юристов). С. 336–339.

«Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю»

Послушайте, жёны слова апостола Павла: крест – глава церкви, а муж жене своей. Жёны, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице; а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жён своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать; дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боиться, ни людей не стыдиться, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключён; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!» [3, с. 172 –173].

Фактически христианство проповедовало в семейных спорах *praesumptio feminae crimen*.

Вероятно, что греховность женщины являющейся рабыней ухудшало статус её вольного жениха, который в соответствии со ст. 110 Русской Правды (Пространной Редакции)[4] после женитьбы на холопке, сам становился холопом, если специально не оговаривал в договоре «ряде» сохранение своего свободного состояния у её хозяина.

Но в реальности, не все славянские народы признавали порочность женского пола, древнечешский обычай повышал статус простолюдинки до статуса знатного мужа, даже если она состояла в крепостной зависимости.

---

[4] Русская Правда (Пространная редакция) // Серегин А.В. Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права / А.В. Серегин, М.А. Черкасова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 130–139.

До принятия христианства в международных договорах Руси с Греками, Византийцы обязывались выплачивать дань княжнам и жёнам некоторых бояр[5].

Глава семьи (муж и отец) имел право продать за долги жену и детей, кроме того, он обязан был воспитывать своих домочадцев в страхе божьем, вплоть до применения телесных наказаний к тем, кто проявлял к нему своё непослушание.

Например, в главе 21 Домостроя (XVI в.) отмечалось: «Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей. И не жалей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти» [2, с. 72], что аналогично великой мудрости Соломоновой: «кто щадит жезл свой, ненавидит своего сына» (Притч. 13:25)

Одной из самых диких и жестоких традиций в семейном праве руян и поморян являлось право экспозиции по которому отец мог принять решение об убийстве дочерей в случае невозможности прокормить сыновей в голодные времена, умертвляли девочек исключительно их матери [8, с. 12]. Определённым аналогом этого варварского обычая в наши дни является право женщины на аборт, в том числе и по социальным основаниям.

Свобода разводов (*распустов*), имевшая место в язычестве, серьезнейшим образом ограничивалась каноническим правом. И несмотря на то, что христианский брак заключается на небесах в ряде случаев, например, венерического заболевания, покушения на мужа, измены супругов и т.п. допускалось квазирасторжение брака. Особенностью Древней Руси было то, что развестись можно было если жена готовила приворотное зелье, ходила без мужа на пиры и посещала игрища. В отличие от болгаро-моравского законодательства, по древнерусскому праву прелюбодеяние со стороны мужа не являлось основанием для развода.

В христианской традиции внебрачные дети считались незаконнорождёнными и не наследовали вместе с законными детьми, в то время как языческий закон признавал их равенство,

---

[5] Договор Руси с Византией 944 г // Серегин А.В. Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права / А.В. Серегин, М.А. Черкасова. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 122–125.

парадокс, но, если бы не древняя славянская вера сын ключницы Малуши Владимир, будущий креститель, не стал бы князем и не привел бы свой народ к вере Иисуса Христа.

В семейных отношениях всех архаических народов, включая древних славян старшинство влияло на статус в семейно-родовых отношениях. Особенно это видно в лественничной системе престолонаследия, по которой Великим князем становился старший в роде, в последующем политическое значение принципа родового старшинства получило развитие в институте местничества.

Более того, у всех славянских народов в эпоху средневековья дятька по материнской линии (вуйко) являлся воспитателем княжеских наследников, иногда, в случае смерти их отцов выступал регентом – как Вещий Олег и Добрыня в Киевской Руси, а Мусич и Константин Диянович в Сербском Королевстве [11, с. 130].

Исходя из выше сказанного, следует сделать вывод что древнеславянские принципы семейного права после принятия христианства эволюционировали следующим образом: принцип полигамии сменился на моногамию; принцип свободы разводов был строго ограничен каноническими правилами христианской церкви; принцип равенства прав детей независимо от рождения в законном или не законном браке был замещён принципом привилегированного положения законнорождённых наследников, неизменными остались принципы патриархальности, т.е. главенства мужа над женой и детьми, супружеской верности, несколько скорректированным оказался принцип супружеской верности, гипертрофированный в сторону обязательной верности жены; традиционно сохранялся принцип родового старшинства, принцип экспозиции был запрещён.

Полагаем, что современное семейное право славянских государств ближе к языческому правопониманию, чем христианскому религиозно-нравственному учению.

Список использованной литературы

1. Гельмонд из Босау. Славянские Хроники // Адам Бременский, Гельмонд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские Хроники / Пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, ред.-сост. И.А. Настенко. – М.: «СПСЛ», «Русская панарама», 2011. – 560 с.

2. Домострой. – М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА Групп», 2013. – 304 с.

3. Моление Даниила Заточника // Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л.А. Дмитриев; Под ред. Д.С. Лихачёва. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 168–173.

4. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: Монография. / В.В. Момотов. – М.: Зерцало, 2002. 416 с.

5. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л.В. Войтовича. Ил. М. М. Мечева. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 512 с.

6. Поучение Владимира Мономаха // Повести Древней Руси. – М.: Издательство БАЛУЕВ. 2002. – С. 242–243.

7. Серегин А.В. Источники и формы древнеславянского права / А.В. Серегин // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12, № 2(46). – С. 24–35. – DOI 10.21685/2307-9525-2024-12-2-3. – EDN CCHIYO.

8. Серегин А.В., Гончаров Е.И., Родина М.Е. Эволюция семейного права славянских народов (сравнительно-правовой анализ) / А.В Серегин А.В., Е.И. Гончаров, М.Е. Родина. – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2017. – 168 с. – ISBN 978-5-905994-91-3. – EDN YJNEYU.

9. Серегин А.В. Общеславянские принципы семейного права в раннем Средневековье / А.В. Серегин // Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права: сборник научных трудов / Президентская библиотека. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2017. С. 153–176. – EDN YSBHTS.

10. Серегин А.В. Антропологическое исследование средневекового семейного права балтийских славян // Вопросы правоведения. – 2015. – № 6(34). – С. 357–369. – EDN VRFUPV.

11. Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация / А. В. Серегин // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77,

№ 7 (212). – С. 124–139. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.212.7.124-139. – EDN OFBLTH.

Информация об авторе

Серегин Андрей Викторович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: andrei-seregin@rambler.ru.

Author

Seregin Andrey Viktorovich – Ass. Professor, Chair of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Ass. Professor Chair of Private Law of the State University of Management, Ph.D. in Law, Ass. Professor. E-mail: andrei-seregin@rambler.ru.

УДК 34

Е.Е. Степанова

ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА НА ПАМЯТНИКИ ПРАВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о влиянии монгольского права на русское право рассматривался многими учеными, которые высказывали и обосновывали прямо противоположные точки зрения. Цель статьи заключается в кратком освещении попыток проанализировать влияние монгольского права на формирование русской государственности и правового регулирования общественных отношений в наиболее значимых сферах деятельности человека. Так же отмечаются некоторые бесспорные моменты монгольского влияния на русский уклад жизни.

Ключевые слова: монгольская империя; золотая орда; русские княжества; русское право; монгольское право; монголы.

E.E. Stepanova

THE INFLUENCE OF MONGOLIAN LAW ON THE MONUMENTS OF THE LAW OF THE RUSSIAN STATE

The question of the influence of Mongolian law on Russian law has been considered by many scholars who have expressed and substantiated directly opposite points of view. The purpose of the article is to briefly highlight attempts to analyze the impact of Mongolian law on the formation of Russian statehood and the legal regulation of public relations in the most significant areas of human activity. There are also some indisputable points of the Mongolian influence on the Russian way of life.

Key words: Mongol empire; golden horde; Russian principalities; Russian law; Mongol law; Mongols.

Вопрос о влиянии монгольского права на русское является дискуссионным. По мнению Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова и Ф. И. Леонтовича, монгольское воздействие было очень значительным. В частности, Н. М. Карамзин считал, что результатом подчинения монгольскому народу стало пресечение политических свобод [6, с. 365]. Работа Ф. И. Леонтовича посвящена

сравнению калмыцких сводов законов, в целях демонстрации того, что русское право подвергалось существенному влиянию монгольского права [7].

Ряд авторов полагает, что на самом деле нет никаких убедительных доказательств того, что монгольское господство оказало существенное влияние на формирование русской государственности. С.М. Соловьев отмечал только разрушительное действие монгол: их набеги и войны, и писал, что «нет причины признавать сколько-нибудь значительное (монгольское) влияние на (русскую) внутреннюю администрацию, поскольку мы не видим никаких его следов» [11, с. 179]. Аналогичную току зрению высказывали В.А. Рязановский [10, с. 261] и Б.Д. Греков [4, с. 256]. Высказывались о незначительном влиянии монголов на русских М.А. Дьяконов и М.Ф. Владимирский-Буданов [2, с. 101].

Проблема влияния монгольского уклада на русский многокомпонентная и степень данного влияния существенно зависит от той сферы, в которой оно анализируется. Полагаем, что касается права, то тут влияние не было значительным, но отдельные моменты требуют своего осмысления.

Так, источником права на Руси являлась «Русская правда», ее формирование было завершено до монгольских завоеваний. Положения этого сборника правовых норм Киевской Руси действовали вплоть до XVI века, то есть, в том числе, и в период господства Золотой Орды.

Право Монгольской империи представляет собой малоизученный аспект истории этого государства из-за отсутствия правовых памятников, которые позволили бы создать более-менее целостное представление об имперской правовой системе. Тем не менее уже не одно столетие исследователи предпринимают попытки изучения права Монгольской империи, причем одним из наиболее часто привлекающих внимание предметов является «Великая Яса» Чингис-хана [8, с. 30].

Первоначальный текст «Великой Ясы» до нас не дошел, и мы знаем ее только в пересказе персидских и арабских историков. Обратим внимание на характеристику «Великой Ясы», которая не позволяет говорить о возможности ее влияния на более сильные правовые установления русского народа.

Многие авторы считают, что «Великая Яса», во-первых, не была письменным документом, а во-вторых, не имела структуры, представляя собой просто записи изречений Чингис-хана.

«Великая Яса» состояла из запретов и правил, внесение изменений в которые не допускалось. П. Рачневский отмечал, что «Великую Ясу» нельзя считать юридическим документом систематического характера, а В. Васильев вообще не признавал «Великую Ясу» сводом законов, считая ее аналогом совокупности изречений каждого китайского богдыхана [12, с. 116].

После распада монгольской империи, в период правления Золотой Орды, князья продолжали платить дань. Официальный документ, который подтверждал право князя владеть собственными землями, носил название «ярлык». Ярлыки ханов Золотой Орды имели непосредственное действие на Руси, а некоторые формулы ярлыков стали использоваться и русскими государями в качестве «штампов» [9, с. 5]. Так, например, в посланиях Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею, ногайскому бию Ямгурчи, царевичам-Чингизидам Уздемирю и Довлешу после обращения (адресата) шла фраза: «Слово наше то...». Таким образом, формулировка указов, обращенных к вассалам татарского происхождения, была заимствована русскими князьями из практики обращения к ним ордынских ханов. В продолжении описания перенимаемых русскими князьями реквизитов для документов определенного вида, следует указать на использование тугры, под которой понимается каллиграфически выполненная подпись правителя. Такая подпись могла заменить печать. При этом использование тугры было совершенно нехарактерно при написании грамот в общении с крымскими ханами, персидским или индийским шахами, ногайским биям и др. Так, московские князья при обращении с помощью грамот к европейским монахам не использовали тугру при общении. Изучая вопрос о реквизитах правовых документов и сравнивая их в периоды до и после ордынского правления, можно отметить, что только после падения Золотой Орды в формуляр грамот русскими князьями стали включаться дата и ряд иных реквизитов, которые при монгольском правлении не могли быть использованы.

С конца XIV в. стали издаваться так называемые тарханные и шертные грамоты (ярлыки). Тарханные ярлыки выдавались ханами при освобождении отдельных лиц или целых категорий своих подданных и вассалов от уплаты налогов или от суда ордынских чиновников. Однако речь идет о преемственности только названия, сами же грамоты были известны и раньше и

носили название «льготных», что ближе к древнерусскому происхождению, чем монгольскому. Шертные грамоты представляли собой «присяжные грамоты татарских ханов на верную службу или на соблюдение прежних обязательств перед московскими государями» [1, с. 35]. Особенностью данного вида грамот была необходимость подтверждать их с каждым новым правителем. Такая традиция была воспринята русской дипломатической школой XVI–XVII вв.: все международные договоры заключались не более, чем на возможный срок жизни государя, от имени которого они заключались.

Таким образом, можно говорить о том, что у монголов русские переняли официальные документы, подтверждавшие права князей и монастырей на власть над землями и жившими на них крестьянами, оформленные определенным образом.

Важно также отметить формирование в русских княжествах наследственной передачи власти, именно такой порядок характерен для монгольского народа. Кроме того, русские переняли централизованный учет войск и военачальников, гражданскую и военную администрацию.

Кратко отметим так же следующие аспекты, связанные непосредственно с монголо-татарским владычеством. С приходом на территорию Руси были забыты вечевые порядки и княжества стали управляться единолично князьями. Коллегиальное решение вопросов управления землями до прихода монголов к 1480 г. трансформировалось в единоличную власть государя Ивана III Васильевича.

Вне зависимости от того, насколько сильное влияние оказала Монгольская империя на формирование государственности России, оно не может быть рассмотрено только в негативном или только в позитивном ключе. Полагаем, что данное влияние могло быть более сильным, если бы на момент покорения княжеств и монгольский, и русский народы имели бы более развитые системы права. Раздробленность русских княжеств и оседло-кочевой образ монголов позволяли сосуществовать нормам уголовного, уголовно-процессуального и иных ветвей права в относительно автономных пределах. Навязывание того или иного поведения русским ханам определялось необходимостью сбора с них дани. Что касается регулирования иных отношений, то монголы не стремились перенести на них свои представления и позволяли княжествам организовывать, например, систему

наказаний за преступления самостоятельно, вне зависимости от того, какие санкции использовались у самих монголов.

Одним из ярких примеров заимствований из монгольской правовой системы в русскую стало использование ярлыков и их реквизитов. Положения монгольских ярлыков находили развитие в правовых актах, издаваемых русскими властями. О прямых заимствованиях правовых норм сведений нет и сопоставление монгольских и русских источников права дает возможность говорить об отсутствии их взаимного проникновения и минимальности влиянии монгольского права на русское.

Список использованной литературы

1. Бережков М.Н. Смутное время Московского государства. Соч. Д. Иловайского (Окончание истории России при первой династии) // Москва, 1894. – 343 с.
2. Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь: [Пер. с англ.] / Георгий Владимирович Вернадский. – Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997. – 476 с.
3. Гавриленок А.Ю. Эволюция государственности на Руси в период монголо-татарского ига и проблемы зарождения централизованного Московского государства: Историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 2006. – 196 с.
4. Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – Москва; Ленинград: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950 (Ленинград). – 479 с.
5. Дугарова С.Ж. Историография монгольского государства и права : автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Дугарова Сержена Жигмытовна. – Улан-Удэ, 2012. – 49 с.
6. Карамзин Н.М. История Государства Российскаго. Т. 5. – Санкт-Петербург: в типографии Н. Греча: иждивением братьев Слениных, 1818–1829 – Санкт-Петербург, 1819. – 412 с.
7. Леонтович Ф.И. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) / [Соч.] Ф.И. Леонтовича. – Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879. – 282 с.
8. Почекаев Р.Ю. «Чингизово право». Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время) / Р.Ю. Почекаев. – Казань : Татарское книжное издательство, 2016. – 397 с.

9. Почекаев Р.Ю. Ярлыки ханов Золотой Орды: Историко-правовое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2006. – 22 с.

10. Рязановский В.А. Монгольское право = The Mongolian law: Ист. очерк / В.А. Рязановский. – Харбин: Тип. Н. Е. Чернышева, 1931. – 306 с.

11. Соловьев С.М. История России. Русь под пятой татаро-монголов = Русь под пятой татаро-монголов / С.М. Соловьев. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 302 с.

12. Ratchnevsky P. Die Yasa (Jasag) Chinggis Khans und ihre Problematik Sprache // Schrifter zur Geschichte und Kultur des alten Oriens 5. Geschichte und Kultur der Altaischen Volker. Berlin: Akademie-Verlag. 1974. 487 p.

13. Stephen Pow. The Mongol Empire's Northern Border: Re-evaluating the Surface Area of the Mongol Empire (англ.) // Genius loci – Laszlovszky 60. – 2018. – P. 8–13.

Информация об авторе

Степанова Елена Евгеньевна – заведующий отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук. Иркутск, Россия. E-mail: kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2053.

Author

Stepanova Elena Evgenievna – Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Irkutsk, Russia. E-mail: kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2.

УДК 340.5

А.Т. Тумурова

Г.К. ГИНС О СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Г.К. Гинс, известный российский компаративист, в первой половине прошлого столетия обратился к вопросу о задачах сравнительного правоведения в связи с исследованиями памятников монгольского государства и права, высказал идею о том, что она состоит в объяснении актуальных вопросов правовой науки, важнейшими из которых он считал происхождение рода, семьи, государства, собственности. Анализ работы Г.К.Гинса и критика целого ряда его теоретических выводов позволяют увидеть динамику развития современной правовой компаративистики и обобщить современные подходы в решении названных теоретических вопросов. Так взгляды Гинса о сути родовых отношений, происхождении брака, семьи, частной собственности, государства отражают уровень исследований XIX в., во многом продиктованы устоявшими нарративами. Он пришел к выводу о том, что изучение монгольского права подтверждает общие закономерности возникновения государства и права, основных правовых институтов. Ценность изучения монгольского права видел в исследовании вопросов возникновения государственности и причин упадка.

Ключевые слова: сравнительное правоведение; генезис государства; происхождение семьи и брака; форма брака; моногамия; левират; соротат; возникновение собственности; оккупация; собственность на землю.

A.T. Tumurova

G.K. GINS ON COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

G.K. Gins, a well-known Russian comparativist, in the first half of the last century addressed the issue of the tasks of comparative law in connection with the study of the monuments of the Mongolian state and law, expressed the idea that it consists in explaining the current issues of legal science, the most important of which he considered the origin of the clan, family, state, property. Analysis of the

work of G.K. Gins and criticism of a number of his theoretical conclusions allow us to see the dynamics of the development of modern legal comparative studies and generalize modern approaches to solving the above-mentioned theoretical issues. Thus, Gins' views on the essence of clan relations, the origin of marriage, family, private property, and the state reflect the level of research in the 19th century, and are largely dictated by established narratives. He came to the conclusion that the study of Mongolian law confirms the general laws of the emergence of the state and law, the main legal institutions. He saw the value of studying Mongolian law in the study of the issues of the emergence of statehood and the causes of its decline.

Key words: Comparative law; genesis of the state; origin of family and marriage; form of marriage; monogamy; levirate; sorotat; emergence of property; occupation; land ownership.

Восточной Сибири в силу географического положения предопределено направление в сравнительно-правовых исследованиях – монголоведение в его широком понимании: как сравнительное изучение правового быта Монголии и многочисленных монгольских племен, обитавших в Восточной Сибири, Дальнем Востоке, в Центральной Азии в целом. Мы можем гордиться именами величайших в истории нашей страны ученых этнологов, этнографов компаративистов Н.Я. Бичурина, Б.Я. Владимирцова, Л.Н. Гумилева, А.М. Позднеева, М.А. Кроля, С.А. Токарева, Н.Н. Козина российского монголоведения. Не должны быть преданы забвению имена бурятских национальных исследователей, внесших заметный вклад в развитие отечественной правовой компаративистики, Д. Банзарова, М.Н. Хангалова, Б. Барадина, Ц. Жамцарано, многие из которых работали в стенах Иркутского государственного университета, сотрудничали с российскими учеными-юристами и компаративистами, в частности с В.А. Рязановским и Г.К. Гинсом.

Г.К. Гинс недолгое время работал в Иркутском университете непосредственно перед эмиграцией в Харбин. Его научное творчество в Харбине тесно связано с изучением китайского и монгольского права. В своем коротком эссе, написанном в 1932 г. в связи с изучением монгольского права [1, с. 40–47], ученый обратился к общим теоретическим вопросам сравнительного правоведения. Спустя столетие обратиться к взглядам российского ученого ориенталиста на правовую компаративистику

представляет интерес с точки зрения понимания целей и задач современного сравнительного правоведения.

В первых строках эссе Г.К. Гинс говорит о том, что сравнительное правоведение не видит своей задачей поиск новых фактов, а видит задачу сравнительного правоведения в объяснении при его помощи уже известных фактов. Уже в начале XX века исследователи констатировали огромный материал, который был уже собран и введен в научный оборот. Достаточно злободневно и по ныне является задача сравнительного правоведения ответить на актуальные вопросы современной правовой науки, важнейшими из которых он видит решение вопросов происхождения рода, семьи, государства, собственности.

Гинс отмечает, что огромное количество ученых занималось проблемой родового развития, выделяя особо вклад Г. Моргана в эти исследования. Усилиями русских ученых правоведов, он считает, изучен быт народов Северного Кавказа, киргизов, живущих номадным хозяйством, что помогает во многом понять механизмы существования номадного скотоводческого хозяйства степных народов. Все это, он отмечает, способно пролить свет на те из норм монгольского права, которые остаются для исследователей еще не изученными.

Характерно, что он уделяет современным ему взглядам на сущность родовых отношений совсем незначительное место, ограничиваясь простым перечислением признаков в одном единственном абзаце. Он констатирует как твердо наукой установленное, что род – это кровнородственное и хозяйственное объединение на основе права, единства имени, совместного пользования землей. В его терминологии чувствуется влияние теории солидарности, весьма популярной в России у последователей французской антропологической школы. Гинс говорит о мире и согласии в этом, как он это видит, примитивном коллективе. Обращает внимание, что значительное имущество рода не должно переходить в другой род, незначительное распределяется между его ближайшими родственниками. Его упоминания о табу, суеверном страхе; все почерпнуто из современной ему западной антропологической литературы, проникнутой духом европоцентризма. Он по сути пересказывает положения антропологической литературы, отражающей, как ему кажется, «истинные» знания о родовом устройстве.

Обращаясь к материалам монгольского права, он отмечает, что родовой быт носит вполне сложившийся характер, но род уже не является единственным коллегиальным органом. Над ним уже есть государство и его образования, внутри рода уже есть отдельно взятые семьи. И такое заключение не кажется ему противоречивым. Как и констатация того, что правила монгольского права обращены к регулированию отношений не внутри рода, а во вне. «Государство выполняет те функции, которые ранее выполнялись родом». С позиций современных знаний очевидна ошибочность приведенного умозаключения, поскольку функции никогда не переходят и не передаются. Иначе при таком подходе надо признать род разновидностью государства. Гинс заявляет, что семья и государство развиваются на базе распада родовых отношений, и монгольское право отражает общую для всех государств, как он говорит, универсальную тенденцию. Следовало бы, на наш взгляд, в этом случае обратиться к вопросу: какие признаки определяют переход от родовых отношений к государству? Трудные и сложные вопросы, затронутые в небольшом абзаце, требуют развернутого ответа для понимания дистанции, которая отделяет современные знания от бытовавших в начале прошлого столетия.

Он ссылается на выявленные Морганом закономерности возникновения государство-подобных органов. Так союз пяти ирокезских родов возглавлялся советом. Военачальник, стоявший во главе такого совета, опирался в своей власти на авторитет старейшин, делал свою власть наследственной, опирающейся на родовую знать. Считает, что образование монгольского государства и того, что описал Морган – общими закономерностями возникновения государства. При этом эти процессы он видит в период Чингисхана, а совет ойрат-монгольского союза – соответствием описанного Морганом ирокезского союза пяти племен.

Его рассуждения о роли личности в таких союзах наполнено весьма приблизительными абстракциями, что отражает уровень знаний начала XX века. Родовые силы он видит устоем центробежных сил: «привыкли подчиняться местным царькам»; продажность за титулы и звания, которыми щедро в своих корыстных целях снабжают ханов, и других инородцев, старшин. В этом явственно просматриваются высокомерие государственника, почитающего имперские интересы выше интересов

человека, и уж тем более инородца. Стремление отстоять свое этническое своеобразие и традиционные ценности видится нечто низменным и недостойным цивилизованного общества.

Третий параграф посвящен актуальному в начале двадцатого века вопросу матриархата и матрилинейного родства. Изложенные Гинсом в этой части мысли о сущности и происхождении вопроса показывают, что уже в первой четверти двадцатого столетия ученые весьма скептически относились к идее матриархата, якобы предшествовавшей патриархату. Гинс, следуя этим исследованиям, призывает разделять признаки матриархата и матрилинейного родства.

Также Гинс выступает против идеи о предшествовавших браку беспорядочных половых отношениях, противопоставляя распространенным в середине XIX века представлениям систему аргументов, суть которых в анализе полезности или неполезности таких отношений для социального развития человечества. Ревность и беспомощность малых детей он видит главными факторами, противоречащими распространенной идее. Также Гинс благоразумно выступает против представлений о гетеризме, как распространенном явлении. Отрицает эти явления в монгольском обществе. Однако привлекает внимание к дискуссии, которая была вызвана содержанием статьи 24 в монголо-ойратском уставе [2], которая запрещает вдовам отказывать в ночлеге путникам, выступает против отнесения этой нормы к доказательствам беспорядочных половых отношений.

Далее мы видим несогласие Гинса со взглядами В.А. Рязановского, считающего левират отголоском группового брака [3]. Гинс, на наш взгляд, вполне разумно объясняет существование левирата вообще и в частности в монгольском праве попечением вдовы умершего родственника. Мы бы добавили со своей стороны, что левират первый признак моногамного брака. То есть запрет на вступление в брак после смерти одного из супругов. Соротат – правило, когда в связи со смертью невесты взамен выдается ее сестра. Гинс почему-то объясняет обычай дружбой между двумя родами, что было бы уместней видеть в браке анда. Здесь следует объяснить, что обменные браки не обусловливались калымом [4, с. 58]. К нему прибегали именно обедневшие роды, с целью избежать непосильных расходов: две семьи обменивались дочерьми, решая, таким образом, проблему женитьбы сыновей в условиях калымного брака. О том, что эти браки были

не желательными, свидетельствуют данные о правовых запретах на такой брак. А также в поддержку этого запрета бытовало распространенное суеверие о том, что одна из брачующихся семей всегда будет несчастливой. А вот калымный брак практиковал соротат в силу экономических причин. Будет более понятным, если знать такой факт, что калым выплачивался не всегда непосредственно перед свадьбой или сватовством. Буряты, как собственно и другие народы, практиковали сговор родителей малолетних детей, с целью выплаты калыма частями до совершеннолетия сговоренных детей. Условия такого брачного договора страховали на случай преждевременной смерти родителей, поскольку позволяло после смерти отца получить самостоятельность после женитьбы. Если детей было много, то такая уплата калыма, также позволяла, по сути, заботу об имуществе и неизбежные хозяйственные риски, возложить на вторую сторону. Именно в связи с такими обстоятельствами возникла норма, которую именуют в специальной литературе соротатом. Уплаченный калым в связи со смертью невесты должен быть возвращен ее семьей, что не всегда возможно. Поэтому нормы предлагают правило, вследствие которой умершую сестру может заменить ее младшая сестра. Нормы запрещали старшей сестре заменять младшую по вполне понятным причинам [4]. Ну, а если семья могла вернуть уплаченный калым, то соротат был не обязательным требованием.

Вполне уместное объяснение Гинс приводит об экономических причинах левирата и говорит, что у монголов, сродни киргизам, существуют такие нормы. Так же правильным является отказ Гинса считать левират признаком группового брака. В русле этого он экономическими причинами объясняет обычай иметь несколько мужей, то есть обычай полиандрии.

Обращаясь к явлению многоженства, Гинс говорит о том, что это социальное явление проявляется с ростом и накоплением богатства. Ссылаясь на исследования быта киргиз, Гинс говорит, что это явление распространено только среди пастушеских и земледельческих народов и недоступно звероловам и рыбакам. Заключая, он говорит, что в монгольском обществе брак патриархальный и моногамный, в редких случаях полигамный и практически не отличается от брака у других скотоводческих народов.

Далее в шестом параграфе Гинс, анализируя институт собственности, заявляет, что этот институт у монголов не представляет никаких собственно особенностей. В самом начале идет небольшой фрагмент, в котором Гинс, ссылаясь на точку зрения П.Виноградова, говорит о двух способах возникновения собственности – завладения и второй способ – власти и труда [5]. Характеризуя эти способы, он пытается опровергнуть точку зрения, что собственность отражает изначально производное труда. Как аргумент, он говорит, что женщина много трудится, изготавливает различные предметы, при этом она не становится собственником произведенных ею предметов. Рассуждая, таким образом, Гинс заключает, что трудовая теория происхождения собственности несостоятельна или крайне противоречива. Увеличение численности людей Гинс считает причиной того, что оккупация уже не возможна и потому труд становится основанием права собственности.

Здесь затрагивается очень трудный и запутанный вопрос о происхождении права собственности и частной собственности, в частности. Не углубляясь в проблематику, требующую иных методологических оснований для его более или менее последовательного изложения, заметим, что решение этих вопросов отражает актуальное для автора время и обстоятельства.

Анализ работы Гинса не будет завершенным без указания вопросов, оставленных им без ответа. К таковым можно отнести происхождение права собственности на землю, существо богатства и власти богатых. Его попытка обратиться к учению В.И.Ленина также осталась без решения. К не решенным с точки зрения Гинса остался для него вопрос о рабовладении у монголов.

В заключение Гинс формулирует общий вывод о том, что процесс возникновения государства и права у монголов отражает общие закономерности и потому знания по монгольскому праву проливают свет на происхождение права и государства. Ценность изучения монгольского права Гинс видит в достижении понимания внезапного, как он считает, возвышения монголов и столь же, с его точки зрения, быстрого упадка. Его внимание зафиксировало противоречивость того, что народ, безусловно являющийся носителем публично-правового порядка, имеет бедное по содержанию частное право. Он видит значение монгольской истории как «редкой картины возникновения государства и права. Он в истории возникновения монгольского

государства видит подтверждение теории солидарности и свойственную этой теории борьбу между индивидуализмом цивилизованного мира с коллективизмом примитивного. Что касается будущего монгольского права, то в этой части он убежден, что здоровый и способный народ Монголии самостоятельно решит, что исконно национального он возьмет из своей истории, все будет зависеть от образа жизни и судьбы номадного хозяйства.

Таким образом, в первой четверти XX века Г.К. Гинсом сформулированы общие задачи сравнительного правоведения, которые заключаются в постижении общих закономерностей происхождения семьи, частной собственности и государства. Монголоведение он считал актуальным направлением и видел в этом перспективу решения указанных задач, при этом подчеркивал, что монгольское право отражает общие закономерности возникновения государства.

Список использованной литературы

1. Гинс Г.К. Монгольское право и сравнительное правоведение /Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932. С. 40–47.

2. Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Изд-во Наука. М., 1981. – 148 с.

3. Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. Чита, 1922; Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру. Харбин, 1931.

4. Тумурова А.Т. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. Улан-Удэ : Бурятского университета, 2004. – С. 58.

5. Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. Издательство А.А.Карцева. М., 1910. – 99 с.

Информация об авторе

Тумурова Анна Тимофеевна – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: a_tumurova@mail.ru.

Author

Tumurova Anna Timofeevna – Chief Researcher, Institute of Legal Research of Baikal State University, Professor. E-mail: a_tumurova@mail.ru.

УДК 349.3

А.С. Усань

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНДЕКСАЦИИ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности механизма индексации материнского капитала в условиях динамично меняющейся социально-экономической ситуации в России.

Основная цель исследования – разработать и обосновать предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего индексацию материнского (семейного) капитала.

В работе анализируется действующая система индексации, выявляются ее основные недостатки, такие как несоответствие индексации реальному уровню инфляции, неучет специфики потребительской корзины семей с детьми, и отсутствие механизма оперативной корректировки размера капитала. Предлагаемые поправки в законодательство направлены на решение этих проблем путем внедрения автоматической ежегодной индексации на основе индекса роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей, дифференцированного по возрастным группам, а также усиления контроля за целевым использованием средств.

Используемые методы включают анализ законодательства, статистических данных, научной литературы, а также сравнительный анализ мер социальной поддержки семей в различных регионах России.

Выводы исследования представлены в виде конкретных формулировок предлагаемых поправок в законодательство, направленных на повышение прозрачности, предсказуемости и адресности механизма индексации материнского капитала.

Ключевые слова: материнский (семейный) капитал; индексация; инфляция; потребительская корзина; государственная поддержка семей с детьми; социальная политика; демография; законодательство; поправки в законодательство.

A.S. Usan

OPTIMIZING MATERNITY CAPITAL INDEXATION IN RUSSIA

The relevance of this study stems from the need to improve the effectiveness of the maternity capital indexation mechanism in the context of the dynamically changing socio-economic situation in Russia.

The main goal of the study is to develop and justify proposals for improving the legislation governing the indexation of maternity (family) capital.

The paper analyzes the current indexation system, identifies its main short-comings, such as the discrepancy between indexation and the actual inflation rate, the failure to take into account the specifics of the consumer basket of families with children, and the lack of a mechanism for promptly adjusting the amount of capital. The proposed legislative amendments aim to address these problems by introducing auto-matic annual indexation based on the index of the cost of a fixed set of goods and services for children, differentiated by age groups, as well as strengthening control over the targeted use of funds.

The methods used include analysis of legislation, statistical data, scientific lit-erature, and a comparative analysis of measures of social support for families in vari-ous regions of Russia.

The conclusions of the study are presented in the form of specific formula-tions of proposed legislative amendments aimed at increasing the transparency, pre-dictability, and targeting of the maternity capital indexation mechanism.

Keywords: maternity (family) capital; indexation; inflation; consumer basket; state support for families with children; social policy; demography; legislation; legis-lative amendments.

Актуальность исследования проблематики материнского (семейного) капитала обусловлена многогранностью и сложностью задач, стоящих перед государственной семейной политикой в Российской Федерации в условиях сохраняющейся неблагоприятной демографической динамики. Низкий уровень рождаемости, несмотря на определенные положительные сдвиги в

последние годы, по-прежнему не обеспечивает простого воспроизводства населения, что в сочетании с высокой долей семей, находящихся за чертой бедности (согласно данным 2024 года, предоставленным Росстатом, количество россиян, доходы которых ниже величины прожиточного минимума, составляет более 13,5 млн. человек, или 9,3 % населения страны), создает угрозу устойчивому социально-экономическому развитию страны. Семья, являясь не только фундаментальной ячейкой общества, но и основным институтом социализации подрастающего поколения, играет определяющую роль в формировании человеческого капитала и обеспечении социальной стабильности. В этой связи повышение эффективности государственной поддержки семей с детьми приобретает стратегическое значение. Материнский капитал, введенный в 2007 году как инструмент стимулирования рождаемости и повышения уровня жизни семей, стал одной из ключевых мер государственной семейной политики. Однако динамично меняющаяся социально-экономическая ситуация, а также выявленные в ходе исследований проблемы, связанные с индексацией материнского капитала и ограниченностью направлений использования средств, актуализируют необходимость постоянного анализа и совершенствования механизмов реализации программы для повышения ее эффективности и адресности.

В научной литературе программа материнского капитала стала предметом многочисленных исследований, посвященных различным аспектам ее реализации. В частности, Д.А. Кулаков и В.П. Бусыгин [3], проводя сравнительный анализ мер по стимулированию рождаемости в разных странах, отмечают положительное влияние программы материнского капитала на демографические показатели в России, однако подчеркивают необходимость ее адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям и поиска новых, более эффективных инструментов регулирования. Как отмечают исследователи, «материнский капитал положительно влияет на рождаемость. Особенно мера поддержки важна для семей с низкими доходами, которым материнский капитал может оказать существенную помощь в решении жилищных вопросов, а также финансовых проблем». С.В. Манджиева [4], исследуя вопросы гармонизации российского законодательства с международными стандартами социального обеспечения, акцентирует внимание на проблеме

недостаточной адресности мер поддержки и риске получения социальных выплат, включая материнский капитал, семьями с высоким уровнем дохода, что снижает эффективность использования бюджетных средств. В работах О.Е. Чуйкова, посвященных региональным аспектам социальной защиты семьи, обосновывается необходимость дифференциации мер поддержки с учетом социально-экономической и демографической специфики конкретных субъектов Российской Федерации, а также предлагается предоставление семьям большей самостоятельности в расходовании средств материнского капитала для решения наиболее актуальных для них проблем. Проблемы государственных социальных пособий семьям с детьми, включая анализ эффективности материнского капитала, рассмотрены в исследованиях Г.И. Прицкер [7], Н.З. Зотиков, А.Ф. Савдерова [2] и И.И. Матвиенко [5], изучая эффективность налоговых вычетов, косвенно затрагивают и проблематику материнского капитала, отмечая, что его использование на цели получения образования не в полной мере компенсирует высокие затраты семей. Таким образом, несмотря на достаточную разработанность отдельных аспектов программы материнского капитала, сохраняется необходимость комплексного анализа ее эффективности и разработки предложений по ее совершенствованию с учетом современных реалий.

Цель настоящего исследования – проанализировать действующую программу материнского (семейного) капитала, выявить проблемы, связанные с механизмом индексации и ограниченностью направлений использования средств, а также разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию программы с учетом современных социально-экономических условий и демографических вызовов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующей программу материнского капитала;

2) оценить эффективность действующего механизма индексации и его соответствие реальному уровню инфляции;

3) предложить изменения в законодательство, направленные на повышение прозрачности, предсказуемости и адресности механизма индексации материнского капитала.

Программа материнского (семейного) капитала представляет собой комплекс мер государственной поддержки, направленных на повышение рождаемости и улучшение благосостояния семей с детьми. Впервые введенная в России в 2007 году Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ), программа претерпела ряд существенных изменений, отражающих динамику демографической ситуации и социально-экономических условий. Изначально право на материнский капитал предоставлялось семьям при рождении (усыновлении) второго ребенка, а размер капитала составлял 250 тысяч рублей. Законодатель, осознавая необходимость более активного стимулирования рождаемости и расширения охвата программой, постепенно модифицировал ее условия. С 2018 года семьи получили возможность направлять средства материнского капитала на оплату дошкольного образования, что сняло ограничение на использование капитала до достижения ребенком трехлетнего возраста в данном направлении. В 2020 году произошло кардинальное изменение программы: право на материнский капитал было распространено на семьи, в которых родился (был усыновлен) первый ребенок. При рождении (усыновлении) второго ребенка семья получает доплату к материнскому капиталу, если он уже был получен на первого ребенка. Такая дифференциация размеров выплат направлена на более адресную поддержку семей с несколькими детьми. Как отмечает А.В. Зацепина, «материнский капитал, как мера государственной поддержки семей рассматривается в различных ракурсах: и как способ повышения рождаемости, и как возможность улучшения социального положения семей, в том числе, способ улучшения жилищных условий, оплаты ипотеки, в которых рождаются дети, ведь одним из ключевых принципов конституционного строя отечественного государства является первостепенная забота о детях» [1, с. 208].

Нормативно-правовое регулирование программы материнского капитала основывается на целостной системе взаимосвязанных нормативных актов. Базовым документом выступает Закон № 256-ФЗ, который определяет сущность материнского капитала, круг лиц, имеющих право на его получение, размер капитала, а также основные направления его использования. Де-

тальная регламентация порядка предоставления и использования материнского капитала осуществляется подзаконными актами. Правила распоряжения средствами материнского (семейного) капитала, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.12.2007 № 862 (далее – Правила), устанавливают требования к заявлению, перечню необходимых документов, срокам рассмотрения, а также специфику перечисления средств в зависимости от выбранного направления их использования. Кроме того, существует ряд нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные аспекты использования материнского капитала, например, при приобретении жилья с использованием ипотечного кредита или при направлении средств на получение образования.

Процедура предоставления материнского капитала включает в себя несколько этапов. Первым этапом является возникновение права на материнский капитал в связи с рождением (усыновлением) ребенка. Вторым этапом является оформление сертификата на материнский капитал, который подтверждает право на получение средств. Сертификат может быть получен в территориальном органе СФР, через МФЦ или в электронном виде через портал «Госуслуги». Третьим этапом является распоряжение средствами материнского капитала, которое возможно только после достижения ребенком, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на капитал, трехлетнего возраста, за исключением ряда направлений, указанных в Законе № 256-ФЗ. Для распоряжения средствами необходимо подать заявление в СФР с приложением документов, подтверждающих целевое использование средств.

Статистика использования материнского капитала служит важным индикатором эффективности данной меры государственной поддержки и позволяет оценить ее воздействие на социально-экономическое положение семей с детьми, а также на демографические процессы в стране. Анализ данных Социального фонда России (СФР) позволяет выявить ключевые тенденции и проблемы в использовании материнского капитала. Отмечается устойчивый рост количества семей, распорядившихся средствами материнского капитала, что свидетельствует о востребованности программы и ее значимости для семей. Вместе с тем анализ структуры расходования средств выявляет диспро-

порцию в пользу направления на улучшение жилищных условий, что, хотя и отражает остроту жилищной проблемы для семей с детьми, может свидетельствовать о недостаточной информированности семей о других возможностях использования капитала или о наличии барьеров, ограничивающих доступ к этим возможностям.

Данные годового отчета СФР за 2023 год подтверждают сохранение выявленных тенденций. Так, количество семей, полностью израсходовавших материнский капитал, достигло 7,8 млн, что составляет 57% от общего числа владельцев сертификатов. Доминирующим направлением использования средств по-прежнему остается улучшение жилищных условий, на которое было направлено 394,5 млрд рублей в 2023 году, что в разы превышает объемы финансирования других направлений: образование детей (24,3 млрд рублей) и ежемесячные выплаты (36,7 млрд рублей). Необходимо отметить, что в 2023 году произошло расширение доступа к ежемесячной выплате из материнского капитала, которая стала доступна на всех детей до трех лет, а не только на второго ребенка, как это было ранее. Это, безусловно, повысило востребованность данного направления использования средств, однако не решило проблему низкой доли семей, направляющих материнский капитал на формирование накопительной пенсии или социальную адаптацию детей-инвалидов.

Положительное влияние программы материнского капитала на рождаемость в России отмечается многими исследователями. В частности, Д.А. Кулаков и В.П. Бусыгин [3] указывали на то, что введение материнского капитала способствовало росту суммарного коэффициента рождаемости, особенно в период 2007–2012 гг. Введение материнского капитала на первого ребенка в 2020 году также оказало положительное влияние на рождаемость первых детей. Однако, некоторые исследователи высказывают сомнения в долгосрочной эффективности материнского капитала как стимула рождаемости, аргументируя это тем, что программа в большей степени влияет на сроки рождения детей, а не на общее число детей в семье. Кроме того, демографическая ситуация зависит от множества других факторов, таких как уровень жизни, доступность жилья, здравоохранения, образования и др.

Влияние материнского капитала на благосостояние семей также является предметом дискуссий. С одной стороны, материнский капитал предоставляет семьям значительные финансовые ресурсы, которые могут быть использованы на решение важных задач, таких как улучшение жилищных условий или получение образования детьми. Большинство семей направляют средства материнского капитала именно на эти цели. Это, безусловно, способствует повышению уровня жизни семей и расширению их возможностей. С другой стороны, ограниченность направлений использования материнского капитала и сложность административных процедур, связанных с его получением и использованием, могут снижать эффективность программы. Кроме того, размер материнского капитала, несмотря на индексацию, не всегда позволяет в полной мере решить жилищную проблему или оплатить полную стоимость образования.

Таким образом, программа материнского капитала, несомненно, сыграла положительную роль в поддержке семей с детьми и стимулировании рождаемости. Однако для повышения ее эффективности необходимо учитывать комплекс факторов, влияющих на демографическую ситуацию и благосостояние семей. Дальнейшие исследования должны быть направлены на более точную оценку долгосрочных эффектов программы, а также на разработку механизмов ее совершенствования, включая оптимизацию механизма индексации, расширение направлений использования средств и упрощение административных процедур.

Анализ существующего механизма индексации материнского капитала выявляет ряд проблем, снижающих эффективность данного инструмента государственной поддержки и не позволяющих в полной мере компенсировать семьям с детьми рост стоимости жизни. В настоящее время индексация материнского капитала осуществляется ежегодно с 1 февраля, исходя из темпов роста индекса потребительских цен (ИПЦ) за предыдущий год, прогнозируемого Правительством Российской Федерации. Такой подход, основанный на прогнозных показателях, имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, прогноз инфляции, используемый для расчета индексации, не всегда точно отражает реальную динамику цен, особенно в условиях экономической нестабильности. Как показывает практика последних лет, фактическая инфляция может

значительно превышать прогнозируемые значения, что приводит к снижению реальной покупательной способности материнского капитала. В результате семьи, планирующие использовать материнский капитал на приобретение жилья или оплату образования, сталкиваются с тем, что его реальной стоимости недостаточно для покрытия возросших расходов.

Во-вторых, привязка индексации материнского капитала исключительно к ИПЦ не в полной мере учитывает специфику потребительской корзины семей с детьми. ИПЦ, рассчитываемый на основе средней потребительской корзины для всего населения, не отражает структуры расходов семей, воспитывающих детей, где значительную долю занимают расходы на детское питание, одежду, обувь, лекарства, образовательные услуги и др. Стоимость этих товаров и услуг может расти более быстрыми темпами, чем общий уровень инфляции, что делает индексацию материнского капитала на основе ИПЦ недостаточно эффективной.

В-третьих, существующий механизм индексации не предусматривает возможности оперативной корректировки размера материнского капитала в случае резкого изменения экономической ситуации. Ежегодная индексация, основанная на прогнозах, не позволяет гибко реагировать на неожиданные скачки инфляции или другие экономические шоки, которые могут существенно снизить реальную стоимость материнского капитала.

Несоответствие индексации материнского капитала реальному уровню инфляции и региональной дифференциации стоимости жизни представляет собой системную проблему, ограничивающую эффективность данного инструмента государственной поддержки. Действующий механизм индексации, основанный на прогнозируемом на федеральном уровне ИПЦ, не учитывает ни фактическую динамику цен, ни региональную специфику стоимости жизни семей с детьми, что приводит к постоянному снижению реальной покупательной способности материнского капитала, особенно в регионах с высоким уровнем инфляции.

Так, в 2021 году размер материнского капитала был проиндексирован на 3,7%, в то время как фактический уровень инфляции по итогам года составил 8,4% (Росстат, данные об инфляции). Это означает, что реальная покупательная способность материнского капитала снизилась на 4,7%. Аналогичная ситуация

наблюдалась и в 2022 году: индексация составила 8,4%, а фактическая инфляция достигла 11,9% (Росстат, данные об инфляции), что привело к снижению реальной стоимости материнского капитала на 3,5%. Несмотря на то, что в 2023 году индексация материнского капитала (11.9%) превысила фактический уровень инфляции (11%), сохраняется тенденция к отставанию индексации от реального роста цен. Важно отметить, что ИПЦ, используемый для расчета индексации, не в полной мере учитывает специфику потребительской корзины семей с детьми. Стоимость товаров и услуг, необходимых для детей (детское питание, одежда, обувь, игрушки, образовательные услуги), может расти более высокими темпами, чем общий уровень цен, что усугубляет проблему несоответствия индексации реальным потребностям семей.

Более того, необходимо учитывать и региональные особенности роста стоимости жизни. В отдельных субъектах Российской Федерации уровень инфляции существенно отличается от среднего показателя по стране. Действующий механизм индексации, не предусматривающий региональной дифференциации, не позволяет в полной мере компенсировать семьям с детьми, проживающим в регионах с более высокой инфляцией, рост стоимости жизни. Как отмечает А.В. Зацепина: «По указу Президента Р.Ф. В.В. Путина 2024 года объявлен годом семьи, в соответствии с чем популяризуются направления внутренней государственной политики, связанные с увеличением значимости семейных ценностей, социального статуса семьи и усиления защиты прав и законных интересов детей» [1, с. 209]. Для иллюстрации данной проблемы обратимся к статистике (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ динамики индексации материнского капитала и фактического уровня инфляции за период 2021–2023 гг.

Год	**Индексация материнского капитала**	**Фактический уровень инфляции (Росстат)**	**Снижение покупательной способности**
2021	3,7%	8,4%	4,7%
2022	8,4%	11,9%	3,5%
2023	11,9%	11,0%	–0,9%

Источник: Росстат, данные об инфляции; расчеты автора.

Как видно из табл. 1, в 2021 и 2022 годах фактическая инфляция значительно превышала уровень индексации материнского капитала, что привело к существенному снижению его реальной стоимости. Даже в 2023 году, когда индексация превысила инфляцию, необходимо учитывать, что ИПЦ не отражает в полной мере рост цен на товары и услуги, необходимые именно для семей с детьми. Стоимость товаров и услуг, необходимых для детей (детское питание, одежда, обувь, игрушки, образовательные услуги), может расти более высокими темпами, чем общий уровень цен, что усугубляет проблему несоответствия индексации реальным потребностям семей.

Сравнительный анализ мер социальной поддержки семей в трех регионах: Волгоградской и Ростовской областях, а также Республике Калмыкия (табл. 2) показывает, что размеры пособий и льгот, предоставляемых семьям с детьми, существенно различаются, что свидетельствует о региональной дифференциации стоимости жизни.

Таблица 2

Сравнительный анализ мер социальной поддержки семьи, отцовства, материнства и детства, предоставляемых в Волгоградской, Ростовской областях и Республике Калмыкия

Мера поддержки	**Волгоградская область**	**Ростовская область**	**Республика Калмыкия**
Ежемесячное пособие на ребенка малоимущим	389 – 1224 руб. (дифференциация по возрасту)	521 руб. (базовый размер), 1042 руб. (одинокие матери), 782 руб. (уклонение от алиментов, дети военнослужащих по призыву)	225,14 руб. (базовый размер), 450,27 руб. (одинокие матери), 337,71 руб. (уклонение от алиментов, дети военнослужащих по призыву)
Поддержка многодетных семей	Компенсация ЖКУ (1852 руб.), ежегодная выплата на подготовку к школе (1354 руб.), ежеквартальная выплата на каждого ребенка (354 руб.)	Компенсация 50% ЖКУ, ежемесячная выплата на каждого ребенка (1042 руб. – лекарства, школьная форма, проезд), земельный участок/сертификат	Компенсация 30% ЖКУ, ежемесячная выплата на питание школьника (500 руб.), бесплатный земельный участок (два – для семей от 5 детей)

Мера поддержки	Волгоградская область	Ростовская область	Республика Калмыкия
Региональный материнский капитал	Семьи с доходом ниже 1,5 прожиточного минимума, при рождении 3-го и последующих детей	Рождение/усыновление 3-го и последующего ребенка (2012–2026 гг.)	Рождение/усыновление 3-го и последующего ребенка (2012–2018 гг.), с 2017 года – для семей с доходом ниже 1,5 прожиточного минимума
Поддержка молодых семей	Не указано	Социальные выплаты на жилье, субсидии по ипотеке	Не указано

Источник: составлена автором.

Для нивелирования проблемы несоответствия индексации материнского капитала реальным социально-экономическим условиям, предлагается переход к механизму автоматической ежегодной индексации, привязанной к релевантному экономическому показателю, адекватнее отражающему динамику расходов семей, воспитывающих детей. Существующая практика, основанная на прогнозируемом Правительством Российской Федерации уровне инфляции, как показал анализ, не обеспечивает сохранения реальной покупательной способности материнского капитала. В качестве альтернативного показателя предлагается использовать индекс роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей, разрабатываемого с учетом возрастных групп. Г.К. Шумин отмечает, что при рассмотрении возможностей использования материнского капитала «учитывать все ситуации, в которых семья нуждается в деньгах, не представляется возможным» [10, с. 177].

Выбор данного показателя обусловлен, прежде всего, его адресностью, поскольку он непосредственно отражает изменения в расходах, связанных с содержанием и воспитанием детей. В отличие от ИПЦ, рассчитываемого на основе усредненной потребительской корзины, предлагаемый показатель учитывает специфику потребностей семей с детьми различного возраста. Состав фиксированного набора для каждой возрастной группы должен включать в себя продукты питания, одежду, обувь, лекарственные препараты, образовательные услуги, товары для развития, а также другие товары и услуги, необходимые для обеспечения нормального физического, интеллектуального и социального развития ребенка. Такой дифференцированный

подход позволит более точно отразить реальную динамику расходов семей с детьми и сделать механизм индексации более справедливым. Как отмечает Д.Ю. Познахирко, ссылаясь на новые регионы, «с 1 января 2024 г., действия положения абзаца первого части 1 и части 2 статьи 3 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» не распространяется на граждан Российской Федерации» [6, с. 379].

Кроме того, использование индекса роста стоимости фиксированного набора обеспечивает объективность и прозрачность механизма индексации. Расчет показателя основывается на фактических данных о ценах на товары и услуги для детей, собираемых Федеральной службой государственной статистики, что исключает элемент субъективизма, присущий прогнозированию инфляции. Публикация методологии расчета индекса обеспечит прозрачность процесса и позволит семьям с детьми легко отслеживать изменения в размере материнского капитала. В целях обеспечения гибкости системы, состав фиксированного набора товаров и услуг для детей должен подвергаться периодическому пересмотру с учетом изменения потребностей детей, появления новых товаров и услуг, а также динамики социально-экономической ситуации.

В отличие от традиционных индексов, ориентированных на среднестатистического потребителя, предлагается разработать отдельные наборы товаров и услуг для различных возрастных групп детей, учитывая специфику их потребностей на каждом этапе развития (от младенчества до совершеннолетия), что позволит более точно отразить реальную динамику расходов семей, воспитывающих детей разного возраста, и сделать механизм индексации более адресным. Данный подход отсутствует в действующей практике и не рассматривался в имеющихся исследованиях, что подтверждает его новизну.

В отличие от существующей системы, основанной на прогнозируемом ИПЦ, который не в полной мере учитывает специфику расходов семей с детьми, предлагаемый механизм позволит более точно корректировать размер материнского капитала с учетом реального роста цен на товары и услуги, необходимые для детей, что обеспечит сохранение покупательной способности материнского капитала и повысит его эффективность как инструмента государственной поддержки. Г.К. Шумин отмечает

ограниченность направлений использования средств материнского капитала, заявляя, что «материнский капитал реализуется со строгой целью, установленной законом, это не просто денежная сумма, которая может расходоваться лицом по своему усмотрению» [10, с. 178].

Предлагаемый механизм предусматривает автоматическую ежегодную индексацию материнского капитала на основе рассчитанного индекса, что исключает необходимость ежегодного принятия отдельного нормативного акта об индексации, что повышает прозрачность и предсказуемость механизма, а также упрощает его администрирование.

Таким образом, предлагаемый механизм индексации, базирующийся на дифференцированном по возрастным группам индексе роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей, представляет собой новое решение, позволяющее повысить адекватность, объективность, прозрачность и эффективность индексации материнского капитала как инструмента государственной поддержки семей. Внедрение данного механизма потребует разработки соответствующей методологии расчета индекса и внесения изменений в действующее законодательство, однако потенциальные выгоды от его применения оправдывают эти затраты.

Реализация предложенного механизма автоматической ежегодной индексации материнского капитала, привязанной к индексу роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей, потребует внесения ряда изменений в действующее законодательство и разработки соответствующих подзаконных актов. Прежде всего, необходимо закрепить сам принцип автоматической индексации и выбранный показатель в Законе № 256-ФЗ. Это позволит исключить субъективизм и обеспечить предсказуемость механизма индексации. В частности, предлагается дополнить Закон № 256-ФЗ статьей, регламентирующей новый порядок индексации.

Далее, необходимо разработать и утвердить методологию расчета индекса роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей. Данная методология должна быть четко определена и публично доступна. В ней необходимо закрепить:

– состав фиксированного набора для каждой возрастной группы, включая конкретный перечень товаров и услуг с указанием их количественных и качественных характеристик;

– источники данных о ценах, используемых для расчета индекса. Целесообразно использовать данные Росстата, как наиболее авторитетного источника статистической информации;

– формулу расчета индекса, обеспечивающую его объективность и сопоставимость в динамике;

– порядок и сроки публикации индекса.

Разработка и утверждение методологии расчета индекса могут быть возложены на Правительство Российской Федерации или на специально созданную межведомственную комиссию, включающую представителей органов исполнительной власти, экспертов и общественных организаций.

Кроме того, необходимо предусмотреть механизм мониторинга и контроля за применением нового механизма индексации. СФР, как оператор программы материнского капитала, должен обеспечивать своевременный и корректный расчет размера материнского капитала на основе утвержденного индекса. Также необходимо предусмотреть возможность общественного контроля за процессом индексации, например, путем публикации отчетов СФР о расчетах и их результатах.

Внесение указанных изменений в законодательство и разработка соответствующих подзаконных актов позволят создать прозрачный и эффективный механизм индексации материнского капитала, обеспечивающий сохранение его реальной стоимости и способствующий достижению целей государственной семейной политики.

Для обеспечения правовой базы реализации предложенного механизма индексации материнского (семейного) капитала необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей". Предлагаемые поправки направлены на закрепление принципа автоматической ежегодной индексации и установление нового показателя, адекватнее отражающего динамику расходов семей, воспитывающих детей. Ниже представлен текст предлагаемых изменений в ч. 2 ст. 6 "Размер материнского (семейного) капитала":

1. Размер материнского (семейного) капитала устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период.

2. Размер материнского (семейного) капитала подлежит ежегодной индексации с 1 февраля текущего года исходя из индекса роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей за предыдущий год, определяемого в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи.

3. Индекс роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей определяется Федеральной службой государственной статистики на основе данных о потребительских ценах на товары и услуги, включенные в фиксированный набор, дифференцированный по возрастным группам детей.

4. Правительство Российской Федерации утверждает состав фиксированного набора товаров и услуг для детей, а также порядок определения индекса роста его стоимости.

5. Федеральная служба государственной статистики ежегодно, не позднее 15 января, публикует на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" значение индекса роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей за предыдущий год.

Предлагаемые поправки в ч. 2 ст. 6 Закона № 256-ФЗ направлены на повышение эффективности механизма индексации материнского (семейного) капитала путем его автоматизации и привязки к более релевантному экономическому показателю. Пункт 2 закрепляет принцип ежегодной автоматической индексации, устраняя необходимость ежегодного принятия правительством отдельного постановления, и вводит в качестве базового показателя индекс роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей, обеспечивая тем самым более точное соответствие размера материнского капитала реальным расходам семей. Пункт 3 возлагает на Росстат обязанность определения указанного индекса на основе фактических данных о потребительских ценах, при этом предусматривается дифференциация фиксированного набора по возрастным группам детей, что позволяет учитывать специфику потребностей детей разного возраста и повышает адресность меры поддержки. В пункте 4 определена компетенция Правительства Российской Федерации в части утверждения состава фиксированного набора и порядка расчета индекса, создавая механизм адаптации системы к изменениям в потребительском спросе и социально-экономической ситуации. Наконец, пункт 5, обязывая Росстат публиковать

рассчитанный индекс, гарантирует прозрачность процесса индексации и позволяет обеспечить общественный контроль. В целом, предлагаемые поправки создают более совершенный механизм индексации материнского капитала, ориентированный на реальные потребности семей с детьми. Как отмечают В.В. Челнокова и С. В. Старцева, анализируя зарубежный опыт, «в США, к примеру, размер пенсии напрямую зависит от уровня воинского звания, выслуги лет и наличия иждивенцев» [8, с. 39]. Это говорит о том, что опыт других стран может быть полезен при разработке механизмов поддержки семей.

Проведенное исследование программы материнского (семейного) капитала в Российской Федерации выявило ее существенное значение для поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости. Анализ законодательства, статистических данных и научной литературы показал, что материнский капитал, несмотря на свою востребованность и позитивное влияние на демографические показатели, обладает рядом системных недостатков, ограничивающих его эффективность. Ключевыми проблемами являются несоответствие механизма индексации реальному росту стоимости жизни, что приводит к снижению покупательной способности материнского капитала, а также ограниченность направлений использования средств, не позволяющая семьям оперативно реагировать на возникающие финансовые трудности и удовлетворять текущие потребности детей.

Таким образом, предлагаемый переход к автоматической ежегодной индексации материнского капитала на основе индекса роста стоимости фиксированного набора товаров и услуг для детей, дифференцированного по возрастным группам, позволит более точно учитывать реальную динамику расходов семей, воспитывающих детей, и обеспечить сохранение покупательной способности материнского капитала.

Реализация предложенных мер позволит сделать программу материнского капитала более эффективным и социально справедливым инструментом демографической политики, направленным на поддержку семей с детьми и создание благоприятных условий для воспитания подрастающего поколения.

Список использованной литературы

1. Зацепина А.В. Новый порядок предоставления и выплаты материн-ского капитала / А.В. Зацепина // Теория и практика инновационных технологий в АПК : Материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 01 апреля – 31 2024 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2024. – С. 206–210. – EDN XHNNHM.

2. Зотиков Н.З. Социальные и имущественные налоговые вычеты по НДФЛ, их эффективность / Н.З. Зотиков, А.Ф. Савдерова // Социальные и экономические системы. – 2022. – № 6–5(34). – С. 135–156. – EDN HXPDEN.

3. Кулаков Д.А. Меры по стимулированию рождаемости: сравнительный анализ / Д.А. Кулаков, В.П. Бусыгин. URL: https://finbiz.spb.ru/wp-content/uploads/2015/04/kulakov.pdf(дата обращения 19.09.2024).

4. Манджиева С.В. Гармонизация российского права социального обеспечения с международными нормами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Манджиева Светлана Владимировна; [Место защиты: ФГБОУ ВО "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова"]. – Москва, 2021. – 230 с.

5. Матвиенко И.И. Налоговые льготы как инструмент влияния на демографию (на примере Арктической зоны РФ) / И.И. Матвиенко // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2020. – № 5 (115). – С. 97–106. – DOI 10.26726/1812-7096-2020-04-97-106. – EDN EEHIDA.

6. Познахирко Д.Ю. Материнский капитал: актуальные проблемы реализации права / Д.Ю. Познахирко // Закон и общесто: история, проблемы, перспективы : Материалы XXVII межрегиональной научно-практической конференции студентов и аспирантов, Красноярск, 18 апреля 2024 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 378–380. – EDN ZSZPKF.

7. Прицкер Г.И. Государственные социальные пособия семьям с детьми / Г.И. Прицкер // Крымский Академический вестник. – 2021. – № 17. – С. 191–196. – EDN CBBUVL.

8. Челнокова В.В. Институт материнского капитала / В.В. Челнокова, С.В. Старцева // Современные вопросы устойчи-

вого развития общества в эпоху трансформационных процессов : сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 22 ноября 2023 года. – Москва: Алеф, 2023. – С. 36–43. – DOI 10.34755/IROK.2023.72.76.013. – EDN ZXJTBC.

9. Чуйков О.Е. Реализация социальной защиты семьи на региональном уровне : монография / О.Е. Чуйков ; ФГБОУ ВО "Курский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской федерации. – Курск : Университетская книга, 2022. – 128 с.

10. Шумин Г.К. Материнский капитал: вопросы правоприменительной практики / Г.К. Шумин // Актуальные проблемы российского права и законодательства : Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 26 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2024. – С. 176–178. – EDN IONBNX.

Информация об авторе

Усань Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета. E-mail: nastena98god@yandex.ru.

Author

Usan Anastasia Sergeevna – Postgraduate student of the department of consti-tutional and municipal law of Volgograd State University. E-mail: nastena98god@yandex.ru.

УДК 343.8

Т.В. Филоненко

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО СНИЖЕНИЮ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЦИДИВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

В работе рассматриваются уголовно-исполнительные меры по снижению постпенитенциарного рецидива. Автор разделяет их на 2 группы: карательные и некарательные. При этом в современную систему уголовно-исполнительных мер некарательного характера включены пенитенциарная и постпенитенциарная пробация. Приводятся сведения о результатах реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» на территории Дальневосточного Федерального округа и Приморского края, предоставленные Прокуратурой Приморского края и Главным управлением Минюста России по Приморскому краю. В заключение сформулированы предложения автора по совершенствованию некарательных мер уголовно-исполнительного характера, что может обеспечить снижение уровня постпенитенциарной рецидивной преступности.

Ключевые слова: предупреждение рецидива; постпенитенциарный рецидив; пробация; пенитенциарная пробация; постпенитенциарная пробация; уголовно-исполнительная система; уголовно-исполнительные меры.

T.V. Filonenko

CRIMINAL-EXECUTIVE MEASURES TO REDUCE POST-PENITENTIARY RECIDIVISM: MODERN APPROACHES AND PRACTICE OF THEIR APPLICATION IN RUSSIA

The paper considers penal measures to reduce post-penitentiary recidivism. The author divides them into 2 groups: punitive and non-punitive. At the same time, the modern system of non-punitive penal measures includes penitentiary and post-penitentiary probation. The data on the results of implementation of the Federal Law “On Probation in the Russian Federation” on the territory of the Far Eastern

Federal District and Primorsky Krai, provided by the Prosecutor's Office of Primorsky Krai and the Main Department of the Ministry of Justice of Russia for Primorsky Krai are given. In conclusion, the author's proposals for the improvement of non-punitive measures of criminal-executive nature are formulated, which can ensure the reduction of post-penitentiary recidivism.

Key words: recidivism prevention; post-penitentiary recidivism; probation; penitentiary probation; post-penitentiary probation; penal system; penal measures.

Цели уголовного наказания, в частности, такие как исправление, поставлены в первую очередь перед исправительными учреждениями, в которых отбывают наказания лица, осужденные по приговору суда. При этом, фактически перед исправительными учреждениями не стоит цель сделать из преступника хорошего человека – критерий исправления невозможно оценить, так как он очень субъективен. Для пенитенциарной системы принципиально важно, чтобы после освобождения из мест лишения свободы бывший заключенный вновь не встал на преступный путь. Поэтому эффективность исправительного воздействия следует оценить по двум параметрам: уровень постпенитенциарной рецидивной преступности и возможность ресоциализации осужденных.

Уголовно-исполнительное законодательство не содержит понятия «уголовно-исполнительные меры». Под уголовно-исполнительными мерами мы предлагаем понимать весь комплекс действий и мероприятий, осуществляемых сотрудниками исправительных учреждений, в которых отбывают наказания осужденные к лишению свободы. Преимущественно речь идет о некарательных мерах, направленных на воспитание заключенных, их исправление, подготовку к освобождению.

Уголовно-исполнительные меры воздействия на осужденных в процессе реализации такого вида наказания как лишение свободы можно разделить на 2 группы: карательные меры (изоляции, ряда ограничений и мер принуждения) и некарательные.

В пенитенциарной теории выделяют две основные группы уголовно-исполнительных мер некарательного характера: «исправительное воздействие» и «предупредительное воздействие». В первую группу входят общественно-полезный труд,

воспитательная работа, общее образование, профессиональная подготовка и общественное воздействие; во вторую – меры поощрения и меры взыскания. Отдельным непоименованным блоком в рамках некарательного воздействия предлагают выделять меры безопасности и меры контроля за поведением осужденных, материально-бытовые и жилищные условия содержания, психологическая помощь, оказываемая данной категории лиц, меры по подготовке осужденных к освобождению, управлению их социальной адаптацией, оказание им медицинской помощи и т.д.[1], что можно объединить в группу «дополнительные меры уголовно-исполнительного воздействия».

В современную систему уголовно-исполнительных мер некарательного характера также необходимо включить пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию.

Институт пробации, введенный Федеральным законом от 06.02.2023 года № 10-ФЗ, – это новый шаг для уголовно-исполнительной системы России, поскольку, во-первых, осужденные смогут комплексно получать помощь в подготовке к жизни после освобождения; а, во-вторых, субъекты пробации в лице уполномоченных государственных органов, общественных организаций, уголовно-исполнительных инспекций, волонтеров, некоммерческих организаций обязаны адресно реализовать программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Новшество этой системы в рамках мест лишения свободы проявляется в замкнутом характере цикла исправления. Характерная особенность пенитенциарной пробации, в отличие от исполнительной и постпенитенциарной, состоит в реализации мер подготовки к освобождению в стенах места лишения свободы. В рамках этого института предлагают новые механизмы работы с осужденными, что может существенно снизить уровень постпенитенциарного рецидива, а значит помочь достигнуть целей уголовного наказания.

На сегодняшний день уже имеется некоторый опыт реализации положений Закона о пробации.

---

[1] Южанин В.Е. Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 28. С. 89 (С. 87-97).

За первое полугодие 2024 г. органами прокуратуры Приморского края была проведена Проверка в поднадзорных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы края требований Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» и Приказа Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»[2].

По результатам проверки выявлены следующие нарушения:

– осужденным не разъяснены права, предусмотренные законодательством, пометки об ознакомлении в материалах личных дел отсутствовали (право на обращение к администрации учреждения с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации);

– осуществление мероприятий по пробации возложено лишь на работников группы социальной работы;

– нарушены сроки направления в органы занятости копии индивидуальной программы осуждённого;

– установлена неполнота индивидуальной программы ресоциализации (не включён блок консультирования по социальным и правовым вопросам).

За первую половину 2024 г. в филиалы ФКУ УИИ с заявлениями об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации обратились 175 человек; в отношении 124 человек принято решение о нецелесообразности оказания содействия; в отношении 72 человек мероприятия пробации завершены в связи с достижением запланированных целей (в том числе в отношении 13 осужденных решение о нецелесообразности оказания содействия вынесено в связи с их отказом от участия в мероприятиях, определенных индивидуальной программой).

---

[2] Информационно-аналитические материалы к межведомственному совещанию 17.10.2024 г. по вопросу: «О реализации территориальными органами Приморского края положение Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"» // Архив Прокуратуры Приморского края (доступ по индивидуальному обращению автора).

Наиболее востребованными, по данным Прокуратуры Приморского края, являются такие мероприятия, как получение общегражданского паспорта, медицинского полиса и трудоустройство.

Теперь о положительном опыте реализации законодательства о пробации. 3 октября 2024 г. состоялся Координационный совет при Главном управлении Минюста России по Приморскому краю о реализации территориальными органами ФСИН России Дальневосточного федерального округа положений Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»[3]. В рамках Совета обобщены направления работы территориальных органов (ТО) ФСИН России, проводимой в целях создания и укрепления взаимодействия с субъектами пробации, а также определения конкретных видов помощи, которая может оказываться нуждающимся лицам в рамках пробации.

В семи регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО) созданы межведомственные рабочие группы при правительствах субъектов Российской Федерации для обеспечения координации субъектов пробации: Приморский край, Республика Бурятия, Забайкальский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Еврейская автономная область.

По итогам Координационного совета можно выделить следующие направления работы по реализации Закона о пробации:

– заключение соглашений о взаимодействии субъектов пробации (784 соглашения о взаимодействии с субъектами пробации, в том числе коммерческими, некоммерческими, общественными и религиозными организациями);

– создание межведомственных рабочих групп для обеспечения координации субъектов пробации;

– включение мероприятий пробации в государственные программы субъектов федерации;

---

[3] Материалы Координационного совета при Главном управлении Минюста России по Приморскому краю о реализации территориальными органами ФСИН России Дальневосточного федерального округа положений Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» от 03.10.2024 г. // Архив Прокуратуры Приморского края *(доступ по индивидуальному обращению автора)*.

– создание структурных подразделений в ТО ФСИН России в ДФО, введение дополнительных должностей и групп пробации в УИИ;

– прохождение сотрудниками ТО ФСИН России в ДФО и подведомственных им учреждений профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации по программа дополнительного профессионального образования в сфере пробации на базе ведомственных учебных заведений ФСИН России;

– освещение в СМИ мероприятий по оказанию помощи осужденным, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в целях популяризации института пробации;

– ознакомление осужденных с информацией о праве на обращение с заявлением об оказании помощи в рамках пробации путем размещения соответствующих материалов на стендах в исправительных учреждениях и филиалах УИИ ТО ФСИН России в ДФО, а также путем проведения профилактических и воспитательных бесед.

Согласно ст. 8 Закона, о пробации органы государственной власти при разработке государственных программ субъектов федерации имеют право предусматривать мероприятия, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных и лиц, освобожденных из учреждений исполнения наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Для реализации этого положения за период 2023–2024 г. всеми территориальными органами ФСИН России по ДФО было инициировано включение мероприятий пробации в государственные программы, а в органы государственной власти субъектов Российской Федерации были направлены соответствующие предложения. Ниже представлены итоги этой деятельности в ДФО по состоянию на сентябрь 2024 г.

Таблица 1

Мероприятия, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных, в государственных программах регионов ДФО[4]

Регион	Документ	Мероприятие
Приморский край	Постановление Правительства Приморского края от 13.02.024 г. № 94-пп	Внесение в государственную программу Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края» следующих мероприятий: «Субсидии работодателям-организациям (за исключением государственных / муниципальных учреждений) и индивидуальным предпринимателям на частичное возмещение затрат, связанных с оплатой труд работников из числа граждан, трудоустроенных по направлению органов службы занятости населения и относящихся к категории лиц, освобождённых из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и граждан, отбывших наказание в виде принудительных работ»
	Распоряжение Правительства Приморского края от 03.05.2024 г. № 335-рп	Внесение в Долгосрочную программу содействия занятости молодёжи Приморского края на 2022–2030 годы следующих мероприятий: – содействие молодёжи, находящейся в местах лишения свободы, отбывающей наказания, не связанные с изоляцией от общества, в получении образования и обеспечении ее занятости; – содействие молодёжи, освобожденной из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в отношении которой применяется пенитенциарная, исполнительная или постпенитенциарная пробация, в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; – распространение в учреждениях УИС Приморского края информации и мае риалов по вопросам предоставления мер в сфере занятости населения молодежи, находящейся в местах лишения свободы, отбывающей наказания, не связанные с изоляцией от общества (изготовление печатной продукции для размещения на информационных стендах для осужденных в исправительных учреждениях и филиалах ФКУ УИИ ГУФСИН России по Приморскому краю, а также для распространения среди осужденных

[4] По материалам Координационного совета при Главном управлении Минюста России по Приморскому краю о реализации территориальными органами ФСИН России Дальневосточного федерального округа положений Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» от 03.10.2024 г. // Архив Прокуратуры Приморского края (*доступ по индивидуальному обращению автора*).

Амурская область	Постановление Правительства Амурской области от 25.09.2023 г. № 794	В рамках государственной программы Амурской области «Содействие занятости населения» – реализация мероприятий, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных лиц, а именно: – организация консультативной юридической, социальной и психологической помощи гражданам по вопросам занятости; – организация работы по профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование граждан, включая обучения в другой местности; – организация работы по поиску подходящей работы, временного или постоянного трудоустройства; – содействие началу осуществлении предпринимательской деятельности безработных граждан
Забайкальский край	Постановление Правительства Забайкальского края от 25.03.2021 г. № 84	Утверждение подпрограммы «Ресоциализация и адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы», в рамках которой проводятся следующие мероприятия: – запланировано создание регионального центра социальной адаптации на 20 мест с оказанием услуг в полустационарной форме с проживанием, трудоустройством, оказанием социальной, психологической и юридической помощи (финансирование запланировано в 2024 г.); – разрабатывается сайт с целью оказания помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы; – совместно с ГАУСО «Социальный приют» разработана брошюра для вручения осужденным в день освобождения (информация о ГАУСО «Социальный приют», телефоны горячей линии); организована выдача брошюр учреждениям
Сахалинская область	Постановление Правительства Сахалинской области от 11.10.2023 г. № 520	Утверждение программы «Обеспечение общественного порядка, противодействие преступности и незаконному обороту наркотиков в Сахалинской области на 2024 г.», в которую включены мероприятия по развитию УИС, направление на реабилитацию осужденных перед освобождением

Республика Бурятия	Постановление Правительства Республики Бурятия от 16.01.2018 г. № 11 «Об утверждении Положения о порядке предоставления субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям на возмещение затрат в связи с трудоустройством лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишение свободы и (или) лиц, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы»	– квотирование рабочих мест; – трудоустроено 16 осужденных, состоящих на учете в ФКУ УИИ

В 2023 г. для обеспечения функций исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации в ТО ФСИН России в ДФО были созданы соответствующие структурные подразделения, в исправительные колонии и следственные изоляторы введены дополнительные должности социальных работников и психологов, а в УИИ, исправительные центры и участки, функционирующие как исправительные центры, введены группы пробации. Сведения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Кадровое обеспечение мероприятий пробации в ДФО

Вид пробации	**Количество должностей**	**Комплектация** (на 10.09.2024 г.)
Пенитенциарная	129	87,6 %
Исполнительная и постпенитенциарная	97	89,6 %

Обобщая публикации о развитии службы пробации в России, а также с учетом авторского видения, можно предложить следующие рекомендации по дальнейшему развитию отечественной системы пробации.

Таблица 3

Рекомендации по развитию отечественной системы пробации

Параметр	**Необходимые мероприятия**
Совершенствование законодательства	Внести изменения в Федеральный закон "О пробации в Российской Федерации" с целью уточнения полномочий субъектов пробации и механизмов их взаимодействия.
	Разработать и принять дополнительные подзаконные акты, детализирующие процедуры реализации пробационных мероприятий.
	Привести в соответствие законодательство о пробации с другими нормативно-правовыми актами в сфере уголовного и уголовно-исполнительного права.
Организационное обеспечение	Создать специализированную службу пробации или реорганизовать существующие структуры уголовно-исполнительной системы для эффективного выполнения функций пробации.
	Разработать и внедрить систему подготовки и повышения квалификации сотрудников службы пробации.
Финансовое и материально-техническое обеспечение	Разработать механизмы достаточного и стабильного финансирования мероприятий пробации.
	Обеспечить материально-техническую базу для реализации программ ресоциализации и социальной адаптации.
Методическое обеспечение	Разработать методические рекомендации по оценке рисков и потребностей лиц, в отношении которых применяется пробация.
	Создать и внедрить типовые программы ресоциализации и социальной адаптации с учетом различных категорий лиц.
Межведомственное взаимодействие	Разработать эффективные механизмы взаимодействия между службой пробации и другими государственными органами, общественными организациями и бизнес-структурами.
	Создать единую информационную систему для обмена данными между всеми субъектами пробации.
Мониторинг и оценка эффективности	Разработать систему критериев и показателей для оценки эффективности пробационной деятельности.

Параметр	Необходимые мероприятия
	Проводить регулярный мониторинг и анализ результатов применения пробационных мер.
Международное сотрудничество	Изучать и адаптировать лучшие зарубежные практики в сфере пробации с учетом российских реалий.
	Развивать международное сотрудничество в сфере обмена опытом и подготовки специалистов по пробации.
Общественное участие	Разработать механизмы привлечения общественных организаций и волонтеров к реализации пробационных программ.
	Проводить информационно-просветительскую работу для формирования позитивного общественного мнения о целях и задачах пробации.

Реализация этих рекомендаций позволит повысить эффективность института пробации в России, способствуя снижению рецидивной преступности и успешной ресоциализации лиц, подвергшихся уголовному преследованию.

Подводя итоги анализа правового регулирования института пробации в России, необходимо отметить, что принятие нового закона и введение института пробации – это значительный шаг в деле реформы уголовно-исполнительной системы России, который в идеале позволит собрать все мероприятия, связанные с ресоциализацией и социальной адаптацией лиц, освободившихся из мест лишения свободы, воедино, обеспечив по итогу комплексное правовое регулирование. Создание службы пробации в государстве ведет к снижению рецидивной преступности, социально-экономической напряженности и обеспечивает безопасность общества и его граждан.

Список использованной литературы

1. Южанин В.Е. Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы / В.Е. Южанин // Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 28. С. 87–97.

2. Информационно-аналитические материалы к межведомственному совещанию 17.10.2024 г. по вопросу: «О реализации территориальными органами Приморского края положе-

ние Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Архив Прокуратуры Приморского края (доступ по индивидуальному обращению автора).

3. Материалы Координационного совета при Главном управлении Минюста России по Приморскому краю о реализации территориальными органами ФСИН России Дальневосточного федерального округа положений Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» от 03.10.2024 г. // Архив Прокуратуры Приморского края (доступ по индивидуальному обращению автора).

Информация об авторе

Филоненко Татьяна Викторовна – декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; к.ю.н., советник юстиции. E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru.

Author

Filonenko Tatiana Viktorovna – Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training; Ph.D., Counselor of Justice. E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru.

УДК 347.9

Г.А. Хаитов

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОШЛИНЫ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОБЪЕКТЫ ОБЛОЖЕНИЯ И ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РАЗМЕРОВ

Представлено сравнительно-правовое исследование регулирования государственных пошлин в Российской Федерации и Республике Беларусь. Актуальность исследования обусловлена тесными связями России и Белоруссии, в результате которых в практической деятельности могут возникать ситуации, когда субъекты спорных правоотношений вправе выбирать, в каком государстве обращаться в суд. Сопоставление объектов обложения государственной пошлиной при обращении в суд, а также размеров этих пошлин показало, что в Российской Федерации закреплено меньшее количество объектов обложения, а также установлены более низкие размеры государственной пошлины.

Ключевые слова: государственная пошлина; судебные пошлины; правосудие.

G.A. Khaitov

STATE FEES WHEN APPEALING TO COURT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: OBJECTS OF TAXATION AND APPROACHES TO DETERMINING THE AMOUNT

A comparative legal study of the regulation of state fees in the Russian Federation and the Republic of Belarus is presented. The relevance of the study is due to the close ties between Russia and Belarus, as a result of which situations may arise in practice when subjects of contentious legal relations have the right to choose in which state to apply to the court. A comparison of the objects of taxation of state fees when applying to the court, as well as the amounts of these fees, showed that in the Russian Federation a smaller number of objects of taxation are established, as well as lower amounts of state fees.

Key words: state fee; court fees; justice.

Принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»[1] без преувеличения можно назвать одним из важнейших событий 2024 года, которое не оставило равнодушным никого из юридического сообщества. В средствах массовой информации, на различных научно-практических мероприятиях, форумах профессиональных юристов широко обсуждалось кратное увеличение размера государственной пошлины в Российской Федерации при подаче исковых, административных исковых заявлений, а также апелляционных и кассационных жалоб в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Весьма обоснованно и обстоятельно данному вопросу посвящены измышления С.Г. Пепеляева и его авторский перевод статьи Иеримии Бентама «Протест против судебных пошлин (о великой пагубности фискальных сборов, ограничивающих доступ к правосудию)» [1].

Помимо собственно увеличения размера существующих государственных пошлин в налоговом законодательстве Российской Федерации произошли существенные изменения – установлены государственные пошлины за подачу частных жалоб на определения судов общей юрисдикции в рамках гражданского и административного судопроизводства, а также за совершение отдельных процессуальных действий (например, при подаче заявления об обеспечении иска, при подаче заявления о пересмотре судебных постановлений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам).

Российская Федерация и Республика Беларусь входят Союзное государство, являются членами Евразийского экономического союза. Два государства имеют тесную экономическую связь, большое количество граждан обоих государств связаны родственными связями. В связи с этим важно учитывать, что различного рода судебные споры между гражданами и организациями обоих государств могут иметь трансграничный характер и могут разрешаться как в судебных органах Российской Фе-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4955.

дерации, так и в судах Республики Беларусь. Наличие этих факторов указывается в научной литературе в качестве оснований для правовой интеграции России и Белоруссии [2]. Нередко вопрос подсудности решается в договорном порядке, что позволяет участникам спорных правоотношений при решении о выборе страны, в которой будут вестись судебные разбирательства, учитывать объем судебных расходов, в частности расходов на оплату государственной пошлины при обращении в суд.

В связи с этим актуальным представляется проведение сравнительно-правового исследования вопроса об объектах обложения и размере государственных пошлин при обращении в суд в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Отношения, связанные с оплатой государственной пошлины при обращении в суд, регулируются Налоговым кодексом Российской Федерации (часть вторая)[2] и Налоговым кодексом Республики Беларусь[3] соответственно.

Объектом обложения в Российской Федерации являются следующие действия:

подача искового заявления, административного искового заявления, заявления о вынесении судебного приказа, иного заявления, на основании которого возбуждается дело;

подача заявлений (ходатайств) при совершении отдельных процессуальных действий: подача заявления о правопреемстве, заявления о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда, заявлений о признании и об исполнении решения иностранного суда, иностранных третейских судов (арбитражей), заявления об отмене решения третейского суда, заявления о выдаче дубликата исполнительного листа, о пересмотре заочного решения судом, вынесшим это решение, заявления о восстановлении пропущенного срока для предъявления исполнительного листа к исполнению, об отсрочке или рассрочке исполнения судебного постановления, изменении способа и порядка его исполнения, о повороте исполнения судебного постановления, о разъяснении судебного постановления, заявления о пересмотре судебных постановлений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, заявления

---

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

[3] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071 (дата обращения: 20.01.2025).

об обеспечении иска, в том числе иска, рассматриваемого в третейском суде, о замене обеспечительной меры, об отмене обеспечения;

подача частных жалоб на определение суда, апелляционных, кассационных и надзорных жалоб на судебные акты.

Объектами обложения государственной пошлиной в Республике Беларусь являются:

рассмотрение судами исковых и иных заявлений, жалоб;

апелляционных и кассационных жалоб;

надзорных жалоб и жалоб в порядке надзора;

жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях;

ходатайств об отмене решения третейского суда, международного арбитражного (третейского) суда, находящегося на территории Республики Беларусь, иного постоянного арбитражного органа, ходатайств об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, ходатайств об обеспечении предмета международного медиативного соглашения;

выдача судами дубликатов, копий документов.

Таким образом, можно констатировать, что объекты обложения государственной пошлиной при обращении в суд в Российской Федерации и Республике Беларусь отличаются. В частности, в Российской Федерации приведен исчерпывающий перечень заявлений о совершении процессуальных действий, за совершение которых предусмотрена оплата государственной пошлины, в то время как в Республике Беларусь государственной пошлиной облагается подача любых заявлений. Также в Республике Беларусь государственной пошлиной оплачивается выдача копий и дубликатов документов, в то время как в Российской Федерации выдача копий документов государственной пошлиной не облагается, а пошлина за выдачу дубликатов документов взимается только в прямо предусмотренных законодательством случаях. Кроме того, важным отличием является то, что в Республике Беларусь жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях облагаются государственной пошлиной, в Российской Федерации подобные жалобы пошлиной не облагаются.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что количество объектов обложения государственной пошлиной в Республике

Беларусь больше, чем в Российской Федерации, и по своему содержанию они шире, чем в России.

В Российской Федерации размеры государственных пошлин при обращении в суд установлены двумя способами:

путем закрепления размера в конкретном денежном выражении (в рублях);

путем закрепления размера в процентном выражении от цены иска.

В Республике Беларусь также применяется подход путем закрепления размера пошлины в процентном выражении от цены иска. Однако, в случае, когда отсутствует цена иска, размер пошлины закрепляется в законе не в конкретном денежном выражении, а определяется путем умножения ставки-коэффициента на базовую величину (с 1 января 2025 г. базовая величина установлена в сумме 42 белорусских рубля[4], что по текущему курсу соответствует примерно 1200 российским рублям).

Государственная пошлина при подаче исковых заявлений имущественного характера (имеющих цену иска) в судах общей юрисдикции в Республике Беларусь установлена в едином размере – 5 процентов от цены иска, но не менее 2 базовых величин. В Российской Федерации размер пошлины дифференцирован в зависимости от цены иска, если цена иска менее 100 000 рублей, то установлен фиксированный размер пошлины – 4000 рублей, при цене иска свыше 100 000 рублей размер пошлины определяется путем прибавления к фиксированному размеру процентов от цены иска.

Если смоделировать ситуацию возникновения имущественного спора с ценой иска 200 000 российских рублей, то при обращении в суд общей юрисдикции в Российской Федерации размер государственной пошлины составит 7000 российских рублей, а в Республике Беларусь – примерно 357 белорусских рублей (порядка 10 000 российских рублей).

Сравнивая размеры государственной пошлины за подачу искового заявления неимущественного характера физическими лицами, можно констатировать, что подача подобного иска в суд общей юрисдикции в Российской Федерации будет облагаться государственной пошлиной в размере 3000 российских рублей,

---

[4] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2024/november/79584 (дата обращения: 20.01.2025).

а в Республике Беларусь – 20 базовых величин, то есть 840 белорусских рублей (порядка 23 тысяч российских рублей). Подача подобных исковых заявлений юридическими лицам в России облагается государственной пошлиной в размере 20 000 российских рублей, в Республике Беларусь – 50 базовых величин (2100 белорусских рублей, что соответствует примерно 59 тысячам российских рублей).

Изложенное свидетельствует о том, что в сравнении с Республикой Беларусь в Российской Федерации размер государственной пошлины при обращении в суд значительно ниже.

Совокупность полученных результатов исследования свидетельствует о том, что на сегодняшний момент доступ к правосудию в части судебных расходов по оплате государственной пошлины в Российской Федерации обеспечивается в большей степени, чем в Республике Беларусь, за счет меньшего количества объектов обложения и более низкого размера государственных пошлин.

Список использованной литературы

1. Пепеляев С. Г. Протест против судебных пошлин (о великой пагубности фискальных сборов, ограничивающих доступ к правосудию)» // URL: https://zakon.ru/blog/2024/12/26/protest_protiv_sudebnyh_poshlin_o_velikoj_pagubnosti_fiskalnyh_sborovogranichivayuschih_dostup_k_pra (дата обращения: 05.01.2025).

2. Калинин Г.И. Вопросы правовой интеграции в Союзном государстве России и Белоруссии на современном этапе // Административное право и процесс. – 2024. – № 10. – С. 36–38.

Информация об авторе

Хаитов Григорий Александрович – доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук. E-mail: g.khaitov@mail.ru.

Author

Khaitov Grigory Aleksandrovich – Ass. Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Ph.D. in Law. E-mail: g.khaitov@mail.ru.

УДК 342.8

Р.Ю. Хертуев

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПО СТАНДАРТАМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ[1]

Избирательный процесс характеризуется постоянным взаимодействием между физическими лицами (кандидатами, уполномоченными представителями кандидатов, доверенными лицами, наблюдателями и т.д.) и избирательными комиссиями. При этом такое взаимодействие в большинстве случаев осуществляется лично и на основе бумажного документооборота. В то же время сфера предоставления государственных и муниципальных услуг давно шагнула в цифровую эпоху и отличается доступностью, оперативностью и простотой получения услуг. Основываясь на методе сравнительного правоведения, в статье предлагается отразить отдельные достоинства механизма предоставления государственных и муниципальных услуг в процессе организации и проведения выборов в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация избирательного процесса; электронное выдвижение кандидата; электронный документооборот на выборах.

R.Yu. Khertuev

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПО СТАНДАРТАМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

The electoral process is characterized by constant interaction between individuals (candidates, authorized representatives of candidates, proxies, observers, etc.) and election commissions. In most cases, such interaction is carried out in person and on the basis of paperwork. At the same time, the sphere of provision of state and municipal services has long stepped into the digital era and is distinguished by accessibility, efficiency and ease of receiving services. Based on the method of comparative law, the article proposes to reflect individual advantages of the mechanism for providing state and

[1] Настоящее исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 1250130001144-6.

municipal services in the process of organizing and holding elections in the Russian Federation.

Key words: digitalization of the electoral process; electronic nomination of candidates; electronic document management in elections.

Если взглянуть на историю развития российского избирательного права, то можно заметить, что многие ее институты практически не претерпели изменений за последние 30 лет. Если личное голосование на избирательном участке можно обосновать необходимостью обеспечения тайности и подлинности голосования, то личное представление в избирательную комиссию бумажных документов о выдвижении кандидата выглядят откровенно архаичным. Глобальная цифровизация правовых процессов уже давно нашла разумные, удобные и надежные механизмы электронного взаимодействия между человеком и государственными органами, однако участникам избирательного процесса такие механизмы пока мало доступны.

Для примера рассмотрим процедуру выдвижения кандидата на должность мэра муниципального района Иркутской области. Для выдвижения кандидат должен представить в территориальную избирательную комплект документов, который включает в себя, в том числе следующие документы:

1) сведения о размере и об источниках доходов кандидата, а также об имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности, о счетах, вкладах в банках, ценных бумагах. Форма данного документа определена приложением 1 к Федеральному закону от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] (далее соответственно – сведения о доходах, Федеральный закон № 67-ФЗ);

2) справка о принадлежащем кандидату, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, об их обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации (далее – справка о заграничном имуществе);

3) справка о расходах кандидата, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению

земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка (далее – справка о расходах).

Формы справок о заграничном имуществе и о расходах определены Указом Президента Российской Федерации [2].

Постановлением Избирательной комиссии Иркутской области [3] определены формы всех иных документов, представляемых кандидатами при проведении муниципальных выборов в Иркутской области (например, решение о назначении уполномоченного представителя избирательного объединения, согласие уполномоченного представителя избирательного объединения, решение о выдвижении кандидата, заявление кандидата о согласии баллотироваться и т.д.). Аналогичный перечень форм документов под каждые муниципальные выборы определяется решениями территориальных избирательных комиссий.

Если выдвигаемый кандидат не освобожден от необходимости сбора подписей, то для регистрации он должен также представить подписные листы по форме, определенной Федеральным законом № 67-ФЗ, а также протокол об итогах сбора подписей избирателей по форме, определенной территориальной избирательной комиссии.

Таким образом, для выдвижения и регистрации кандидата на выборах главы муниципального района Иркутской области необходимо одновременно учитывать формы документов, определенных Федеральным законом № 67-ФЗ (сведения о доходах, подписной лист), Указом Президента Российской Федерации (справка о заграничном имуществе, справка о расходах), постановлением Избирательной комиссии Иркутской области, решением территориальной избирательной комиссии. Подобная разнородность источников определения форм избирательных документов способна негативным образом, сказаться как на деятельности самой избирательной комиссии, организующей выборы, так и на реализации пассивного избирательного права, создавая угрозу отказа в регистрации по причине «некачественной» подготовки документов.

Очевидна, что необходима гармонизации и унификация, как процесса определения форм избирательных документов, так

и источников их закрепления. Лицо, реализующее пассивное избирательное право, должно видеть исчерпывавший и конкретный список всех документов, необходимых для выдвижения и регистрации, в одном и доступном для всех месте.

За время избирательной кампании помимо выдвижения и регистрации, зарегистрированный кандидат и избирательная комиссия осуществляют тесное взаимодействие в части обеспечения открытости финансирования выборов, законности предвыборной агитации, назначения доверенных лиц, наблюдателей и т.д. Для обеспечения данного процесса избирательная комиссия каждый раз определяет формы различных избирательных документов (например, список наблюдателей, формы учета и отчетности о поступлении средств избирательных фондов, объем биографических данных о кандидате). Формы некоторых избирательные документы вовсе не определены (например, заявка о предоставлении помещения для проведения агитационного мероприятия в форме собрания, уведомление о направлении экземпляра печатного агитационного материала и т.д.).

Таким образом, кандидат и избирательное комиссия осуществляют постоянное тесное взаимодействие в форме бумажного документооборота, предполагающего личное представление отдельных документов. Однако, на наш взгляд, наиболее удачной и правильной формой взаимодействия кандидата и избирательной комиссии является «цифровая» форма.

Сфера предоставления государственных и муниципальных услуг уже давно ушла в цифровую плоскость, причем на столько, что даже административные регламенты предоставления государственных и муниципальных услуг составляются и принимаются в конструкторе цифровых регламентов.

Поэтому? опираясь на удачный опыт предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, необходимо перевести взаимодействие кандидата и избирательной комиссии на цифровую платформу[2]. Для выдвижения кандидат должен будет заполнить электронное заявление, исключающее возможность совершения ошибок (заполнение всех необходимых полей, подсказки при заполнении, невозможность подачи неполного заявления) и предоставить избирательной

[2] Это может отдельная информационная система, либо интегрированная в уже существующие системы (например, ГАС «Выборы» или «Госуслуги»)

комиссии права доступа ко всей информации о кандидате, имеющейся в распоряжении у государственных и муниципальных органов и организаций. Избирательная комиссия на основании сведений, имеющихся в распоряжении у государства, проверяет не правильность заполнения документов, а наличие или отсутствие пассивного избирательного права. Данная платформа должна обеспечивать не только возможность выдвижения и регистрации кандидата, но и последующего обмена документами между зарегистрированным кандидатом, избирательной комиссий, кредитной организацией, в котором открыт специальный избирательный счет.

Успешная практика предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе через портал «Госуслуги», позволяет очертить явные преимущества цифровой формы взаимодействия между участниками избирательного процесса и избирательными комиссиями.

Во-первых, цифровая форма взаимодействия позволит обеспечить беспристрастность к кандидатам и прозрачность совершения избирательных действий, что повышает доверие населения к институту выборов и легитимность волеизъявления избирателей. Во-вторых, будут сэкономлены временные затраты, связанные с совершением различных избирательный действий, подготовкой избирательной документации и т.д. В условиях скоротечности избирательного процесса подобная экономия представляется востребованной и нужной. В-третьих, использование цифровой формы взаимодействия повысит качество работы избирательных комиссий, особенно тех, кто функционирует на непрофессиональной основе (окружные комиссии, участковые комиссии, частично территориальные комиссии). В-четвертых, цифровая форма позволила бы в полной мере реализовать потенциал сбора подписей посредством портала «Госулуги» и в целом дать институту сбора подписей новое содержание.

Помимо возможности получения услуг в электронной форме механизм предоставления государственных и муниципальных услуг имеет еще одно неоспоримое достоинство, которым не может похвастаться российская избирательная система.

Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4] в отношении органов, предоставляющих государственные и муниципальные

услуги, установлен запрет на требование документов и информации, которые находятся в распоряжении государственных и муниципальных органов и организаций. В свою очередь выдвижение и регистрация кандидата на выборах строится по принципу: кандидат представляет сведения, а избирательная комиссия – эти сведения проверяет. При этом большинство сведений, которые предоставляются кандидатом находятся в распоряжении у государственных и муниципальных органов и организаций (паспортные данные, сведения об имуществе, сведения об официальных доходах, сведения о судимости, сведения об образовании и т.д.). Фактически проверяется правильность заполнения данных сведений в избирательных документах.

Таким образом, установление в избирательном законодательстве запрета на затребование документов и информации, которые находятся в распоряжении государственных и муниципальных органов и организаций, позволит существенно разгрузить кандидатов от ненужной работы по сбору таких документов и информации, а также снизить случаи отказа в регистрации или отмены решения о регистрации кандидата на основании недостатков в представленных документах.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

2. Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2013 года № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов, глав муниципальных округов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность

высшего должностного лица субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 23. Ст. 2892.

3. Постановление Облизбиркома Иркутской области от 26 мая 2022 года № 152/1300 «О перечне и формах документов, представляемых кандидатами, избирательными объединениями в избирательные комиссии при проведении муниципальных выборов в Иркутской области» // СПС КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

Информация об авторе

Хертуев Роман Юрьевич – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН», кандидат юридических наук. E-mail: rommmaa@list.ru.

Author

Khertuev Roman Yurievich – Researcher, Federal Research Center «Irkutsk Institute of Chemistry named after. A. E. Favorsky SB RAS», Ph. D in Law. E-mail: rommmaa@list.ru.

УДК 347.6

Е.В. Чигрина,
С.В. Корнакова,
Е.Л. Полетаева

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

В статье рассматривается значение и исторические предпосылки возникновения и развития суррогатного материнства в России. Отмечается, что принципы приоритета семьи, воспитания детей всегда являлись главной и стратегически важной задачей государства. Указывается, что суррогатное материнство известно миру с давних времен, однако впервые официально проявилось только в конце прошлого века. Делается вывод, что в настоящее время суррогатное материнство – это межотраслевое явление, содержащее как медицинские, так и правовые критерии.

Ключевые слова: суррогатное материнство; репродуктивные технологии; семья; детство; договор суррогатного материнства.

E.V. Chigrina,
S.V. Kornakova,
E.L. Poletaeva

THE HISTORY OF THE INSTITUTION OF SURROGACY IN RUSSIA

The article examines the significance and historical background of the emergence and development of surrogacy in Russia. It is noted that the principles of the priority of the family and the upbringing of children have always been the main and strategically important task of the state. It is indicated that surrogacy has been known to the world since ancient times, but it first officially appeared only at the end of the last century. It is concluded that surrogacy is currently an interdisciplinary phenomenon that contains both medical and legal criteria.

Key words: surrogacy; reproductive technologies; family; childhood; surrogacy contract.

Основополагающие начала семейного законодательства закрепляются конституционными положениями, а именно содержанием ст. 38 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет и гарантирует защиту материнства, детства и семьи.

Институт семьи и брака является началом всех начал в обществе и государстве. Благосостояние страны определяется количественным составом населения, созданием семей и ростом рождаемости и численности граждан страны. Принципы приоритета семьи, воспитания детей, а также их благосостояния и развития всегда являлись главной и стратегически важной задачей государства и общества, так как эволюционно человек всегда оставляет за собой потомство, которое дает начало будущему.

Неотъемлемой частью развития общества являются существование и возникновение трудностей. В частности, на сегодняшний день к актуальным препятствиям становлению семьи относятся неизлечимые и венерические заболевания, бесплодие, которые могут возникнуть вследствие социальных катастроф, заболеваний, а также ухудшения экологии в мире и факторов, связанных с образом жизни.

По состоянию на апрель 2024 года 17,5 % взрослого населения мира страдает от данного явления, а именно один из шести человек [5]. По статистике около 15% пар в России являются бесплодными по разным данным на сегодняшний день. К сожалению, данная статистика имеет отрицательную динамику.

Вместе с тем настоящее время развитие медицинских науки и практики позволяет находить возможности для того, чтобы преодолеть проблемы бесплодия. Поскольку некоторые достижения науки и медицины получают правовое признание, использование вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) уже стало частью правовой действительности многих государств мира. Они выступают в качестве современных научных методов. Поэтому с развитием технологического процесса проблема обзаведения семей потомством не является нерешаемым вопросом. Существует возможность решить данную проблему альтернативными путями и способами прогрессивной медицины. Возможность применения репродуктивных технологий позволяет увеличить число потенциальных родителей, а также улучшить демографическую ситуацию в стране.

В последнее десятилетие все больше семейных пар прибегают к услугам медицины в области репродуктологии, что позволяет грамотно подобрать пути решения проблемы. Данная проблема возникает неспроста. Факторы, действующие негативным образом на вполне простую и всем понятную функцию размножения и деторождения, обретают все больший масштаб действия. Общество становится все более уязвимым и неспособным противостоять систематической нагрузке экологической и психологической, а также иным сложностям, которые так или иначе негативно влияют на психосоматическое состояние человека. Все это снижает возможность для многих пар обзавестись потомством, поскольку давно известно, что детородная система человека является очень уязвимой структурой, и даже малейший пережитый стресс не проходит бесследно. Безусловно, применение репродуктивных технологий не только позволило многим парам приблизиться к родительской мечте, но и стало прорывом в жизни общества, точно так же и в правовой сфере.

Россия – одна из тех стран, которые относятся к применению ВРТ положительно. Сегодня в России использование программы «суррогатное материнство» является востребованным. Однако подобный способ появления ребенка на свет вызывает в обществе неоднозначные мнения и реакции к суррогатному материнству, как с юридической, так и с морально-нравственной точки зрения, да и юридический аспект регулирования тоже вызывает немало вопросов. Одни считают, что эти методы созданы для тех семей, которым не дано стать родителями самостоятельно, и все-таки достигнуть этого статуса таким путем является возможным, и не использовать такую возможность нельзя. Другие же, напротив, считают, что наличие суррогатного материнства ведет к отношению к детям как к товару, а к материнству и рождению ребенка – как к услуге, либо оплачиваемой работе, что с точки зрения морали и человечности попросту унижает и опускает материнство до уровня купли-продажи. Как следствие, такую разновидность ВРТ могут называть «биологической проституцией», «спекуляцией на материнстве».

Россия, начиная с 2013 года, является одним из лидеров стран по применению вспомогательных репродуктивных технологий. Согласно статистическим данным Российской ассоциации репродукции, за один год было произведено более семиде-

сяти тысяч циклов, в том числе и с применением услуги суррогатного материнства [7, с. 7]. Исходя из социального показателя и тенденции к прогрессу, можно понять, что наверняка процент прибегнувших к тому или иному виду репродуктивных технологий с каждым годом только увеличивается.

В этой связи может представлять научный интерес обращение к истории возникновения и применения суррогатного материнства обществом, что позволит понять, с чего все начиналось, увидеть историческую динамику и прогресс в развитии науки, медицины, общества и социума в целом в отношении применения репродуктивных технологий.

Суррогатное материнство берет свое начало с Древней Греции. Уже тогда имели место ситуации, когда супружеские пары обращались к женщинам, способным произвести здоровое потомство, и затем передавали новорожденных бездетной паре, дабы последние воспитали и вырастили дитя, как свое. Подобный фрагмент прослеживается в Своде законов Хаммурапи, основанный в 18 веке до н. э., где говорится о том, что «если мужчина возьмет замуж бесплодную женщину, и она не даст ему иметь детей, то этот мужчина может взять себе наложницу и привести ее в свой дом, и эта наложница не должна будет ровняться с бесплодной женой». В таком случае та самая «наложница» получала некоторые привилегии, выражающиеся в том, что такую наложницу нельзя было продать или обменять [11, с. 48–49].

Естественно, такого рода исторический факт не отвечает всем выведенным критериям современного определения и представления о суррогатном материнстве, но все же уже тогда, общество рассматривало все возможные пути решения проблемы невозможности стать родителями.

Анализируя такие исторические факты, можно судить, что институт суррогатного материнства берет свои начала далеко издревле, как проявление человеческой солидарности в столь сложном и щепетильном вопросе. Несложно понять, что подобного рода явление существует уже не первое столетие. Безусловно, в те времена применение сегодняшних методик было невозможно, но уже в древности человечество рассматривало вопрос о принятии «некровных» детей как своих, что позволяло при наличии определенных договоренностей размыть границы

и позволить тем, кто физически не способен стать родителем, принять ребенка и вырастить его, как своего.

Российское общество не сразу стало так смело развивать область науки репродуктологии. Первоначальные изучения и экспериментальные открытия были воссозданы учеными-биологами за рубежом. Предшествующими разработками стали полученные в ходе исследований в 1890 году искусственным путем эмбрионы кроликов учеными Кембриджского университета. Подобные работы исследователи проводили весьма известным для многих способом, а именно через выращивание эмбрионов животных в пробирке. К дальнейшему развитию и положительному результату пересадки матери-крольчихе уже сформированных эмбрионов был причастен американский ученый-биолог Грегори Пинкус [7, с. 37]. Такими же успехами смогли поделиться советские ученые, приобщившие свой опыт к мировому витку развития данной отрасли знаний, начиная с 1948 года [3, с. 11].

Важно обратить внимание на те страны, где впервые были разработаны и применены вспомогательные репродуктивные технологии. К такому списку можно отнести Великобританию, где в 1976 году учеными впервые была реализована внематочная беременность путем ЭКО, которая закончилась негативным результатом, и общей цели закрепления плода в утробе матери не было достигнуто. Но все же, спустя два года труды двух тех же специалистов Р. Эдвардса и П. Степто дали плоды, и на свет впервые появился ребенок, зачатый экстракорпоральным методом. В 1980 году в Австралии впервые родился ЭКО-ребенок. Через год в том же ряде стран появилась и США. Далее опробовали эти методы Франция и Германии, а также Австрия и Швеция [7, с. 37].

Ближе к середине 1980-х годов впервые в СССР была реализована процедура экстракорпорального оплодотворения «ЭКО» советскими учеными эмбриологами Борисом Васильевичем Леоновым и Анатолием Илларионовичем Никитиным, ставшими первопроходцами в данной сфере медицины в Советском Союзе. Тогда впервые в советском обществе на свет появились дети «из пробирки». Девочка по имени Лена была рождена в 1986 году в Москве, «зачатая» посредством ЭКО. Через некото-

рое время в Санкт-Петербурге у Лены появился «брат» по необычному для того времени способу рождения по имени Кирилл [2, с. 23–25].

Первая попытка применения суррогатного материнства в России была осуществлена в 1995 году в Санкт-Петербурге в рамках государственной программы. Все это происходило в Центре ЭКО при Санкт-Петербургском институте акушерства и гинекологии им. Д. О. Отто РАМН [1, с. 9].

На фоне всеобщей динамики развития репродуктивных технологий и появления суррогатного материнства как нового общественного явления и достижения должны так же параллельно возникать нормы, упорядочивающие и регламентирующие подобный вид отношений, а также создающие гарантию защиты прав и интересов сторон и непосредственных участников процесса исполнения программы суррогатного материнства. По своей сути природа суррогатного материнства и иных репродуктивных технологий до конца не определена. Законодательно не выверены нормы, которые бы смогли определить правовую природу и правовую специфику данного договора или сделки. Однако возможно обратиться к международным источникам с целью понять, на каких началах и критериях строится такого рода институт в обществе, а также чтобы понять основные закладываемые принципы, которые дают жизнеспособность тому или иному виду репродуктивных методов и технологий.

Положениями Всеобщей декларации прав человека [4], Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [8], Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [6] предусмотрено, что «репродуктивные права являются основополагающими правами человека, которые находятся под защитой государства». А это значит, что подобная формулировка отсылает к конституционным правам и дает возможность наравне использовать данное право при реализации суррогатного материнства, так как именно таким путем человек может реализовать свои родительские возможности. Данные постулаты служат базисом для построения модели семьи, а также правом для всех без исключения иметь детей, и быть наделенными гарантиями и защитой государства в этом вопросе.

До декабря 1995 года в семейном законодательстве не существовало такого понятия, как «суррогатная мать», поэтому признание прав генетических родителей на ребенка осуществлялось только через усыновление. Как юридический факт суррогатное материнство было признано впервые в России после вступления в силу Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ [10] первого марта 1996 года.

Таким образом, динамический прогресс исследований и открытий касается всех сфер жизни человека. С точки зрения права, возникновение новых технологий в той или иной сфере всегда является результатом смежных областей наук, но все это порождает правовой механизм контроля государственного уровня.

Как традиционно сложилось, основные юридические факты берут свои начала из договорных обязательств, что в свою очередь находит отображение в юридических нормах права. В настоящее время суррогатное материнство – это межотраслевое явление, содержащее как медицинские, так и правовые критерии в области гражданского права, и семейного права, в частности.

Российская Федерация является одной из немногих стран, где суррогатное материнство разрешено на законодательном уровне, как основной и часто применяемый вид вспомогательных репродуктивных технологий с целью лечения бесплодия. Возникновение общественных отношений в данной сфере начинается с согласования всех условий договора суррогатного материнства и является источником правовых последствий и возникновением юридических фактов, которые не имеют однозначных решений и ответов в нормах, регулирующих этот правовой процесс. Решение возникающих проблем в связи с применением данного вида репродуктивных методов необходимо, так как все чаще семьи обращаются за помощью в частные медицинские центры, клиники и больницы. Важно выделить каждый нюанс и охарактеризовать все возможные этапы юридической подготовки, а также найти пути, через которые будет возможным защитить интересы каждой из сторон, что позволит грамотно применить положения нормативных актов и урегулировать нерешенные конфликты.

Юридический аспект определения суррогатного материнства как общественного явления все же является пробельным в

связи с этим доктрине важно разобраться во всех нюансах данного явления, а законодатель должен урегулировать возникающие отношения между участниками договора о суррогатном материнстве путем издания специальных норм и внесения изменений в уже существующие.

Список использованной литературы

1. Айвар Л.К. Правовые основы вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатное материнство) / Л.К. Айвар // Юридический консультант. –2006. – С. 1–11.
2. Борисова Т.Е. Суррогатное материнство в РФ: проблемы теории и практики / Т.Е. Борисова. – М.: Проспект, 2015. – 143 с.
3. Витязева И.И. Исторические вехи развития методов вспомогательных репродуктивных технологий, основанных на оплодотворении in vitro / И.И. Витязева, И.И. Бармина, Г.А. Мельниченко // Вестник репродуктивного здоровья. – 2011. – № 1. – С. 5–14.
4. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67.
5. ВОЗ: бесплодием страдает каждый шестой человек в мире. – URL: https://www.who.int/ru/news/item/04-04-2023-1-in-6-people-globally-affected-byinfertility (дата обращения: 20.01.2025).
6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18 декабря 1979) (с изм. от 22.05.1995) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XXXVII. – М., 1983. С. 26–36.
7. Корсак В.С. От опытов с искусственным оплодотворением кроликов до вспомогательных репродуктивных технологий / В.С. Корсак // Журнал акушерства и женских болезней. – 2004. – №1. – С. 35–64.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах // Международные акты о правах человека. Сб. документов / сост. и вступ. ст.: Карташкин В.А., Лукашева Е.А. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – 784 с.
9. Репродуктивные технологии сегодня и завтра: Материалы XXVII международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека. – СПб., 2017. – С. 1–8.

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. – 1996. – № 17.

11. Чашкова С.Ю. Актуальные вопросы применения семейного и гражданского законодательства в нотариальной практике: сб. ст. / С.Ю. Чашкова. – М.: Фонд развития правовой культуры, 2017. – С. 48–52.

Информация об авторах

Чигрина Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальский государственный университет. E-mail: ChigrinaEV@bgu.ru.

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальский государственный университет. E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Полетаева Екатерина Леонидовна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Байкальский государственный университет. E-mail: katrinko@mail.ru.

Authors

Chigrina Elena Vladimirovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University. E-mail: ChigrinaEV@bgu.ru.

Kornakova Svetlana Viktorovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University. E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Poletaeva Ekaterina Leonidovna – Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Baikal State University. E-mail: katrinko@mail.ru.

УДК 340.114.5 С.Ю. Чимаров

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОЙ МЫСЛИ

Современная парадигма развития общества и государства предопределяет необходимость достижения нового уровня функционирования различных государственных институтов, включая полицию, правоохранительная миссия которой имеет явно выраженный социальный характер, а само целеполагание этой миссии однозначно ориентировано на благополучие общества, защиту прав и свобод каждого гражданина. Указанное обстоятельство, имеет прочное сопряжение с повышением уровня правовой культуры полиции, а состояние правовой культуры личного состава указанного ведомства может быть определено в качестве особо значимого индикатора построения подлинно правового демократического государства. Данный тезис подчеркивает актуальность темы выполненной работы. С учетом отмеченного и исходя из целесообразности более углубленного теоретико-правового осмысления современных подходов к пониманию правовой культуры полиции, в представленной статье проведен анализ некоторых концептуальных положений, презентованных в суждениях и выводах ряда зарубежных представителей юридической науки. Как представляется, данные аспекты, при их обращении к теме правовой культуры полиции, имеют важное значение с точки зрения их учета в понимании сущности правовой культуры полиции России, а сам факт апеллирования к отдельным вопросам зарубежного опыта по указанному направлению подчеркивает открытость отечественной науки к восприятию заслуживающего внимания отмеченного опыта.

Ключевые слова: теория права; правовая культура; правоохранительная деятельность; полиция; государство; общество; фидуциар.

S.Yu. Chimarov

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF LEGAL CULTURE OF THE POLICE IN THE CONTEXT OF FOREIGN THOUGHT

The modern paradigm of development of society and the state predetermines the need to achieve a new level of functioning of various state institutions, including the police, whose law enforcement mission has a clearly expressed social character, and the very goal-setting of this mission is clearly focused on the well-being of society, protection of the rights and freedoms of each citizen. This circumstance has a strong connection with the increase in the level of legal culture of the police, and the state of the legal culture of the personnel of the specified department can be defined as a particularly significant indicator of building a truly legal democratic state. This thesis emphasizes the relevance of the topic of the work performed. Taking into account the noted and based on the expediency of a more in-depth theoretical and legal understanding of modern approaches to understanding the legal culture of the police, the presented article analyzes some conceptual provisions presented in the judgments and conclusions of a number of foreign representatives of legal science. It seems that these aspects, when applied to the topic of the legal culture of the police, are of great importance from the point of view of their consideration in understanding the essence of the legal culture of the Russian police, and the very fact of appealing to individual issues of foreign experience in this area emphasizes the openness of domestic science to the perception of the noted experience that deserves attention.

Key words: theory of law; legal culture; law enforcement; police; state; society; fiduciary.

Фактор сочетания динамичного хода глобальных изменений в системе координат ранее устоявшегося мирового порядка и запроса современного общества к обеспечению более транспарентной модели функциональной деятельности национального полиции любого государства, предопределяет актуальность выявления новых аспектов облика современного полицейского, авторитет которого в определяющей степени зависит от уровня

правовой культуры каждого, принадлежащего к профессиональному полицейскому сообществу. Признавая сопряженность внешнего воздействия на состояние правовой культуры полиции с корпоративными условиями прохождения полицейскими своей службы и возводя отмеченный вид культуры в разряд особой вариации правовой культуры общества, И.А. Беседа под правовой культурой полиции понимает массив правовых ресурсов, сформированных на уровне, позволяющем предельно полно обеспечить каждому сотруднику полиции правоохранительную функцию, имеющую значение базовой основы для функционала всей системы органов внутренних дел России [1, с.153].

В теоретическом и историко-правовом отношении вопросы правовой культуры полиции наиболее обстоятельно сформулировал британский государственный и политический деятель Роберт Пиль [7], вошедший в номинацию видных полицеистов XIX века. Презентуя общественности свои т.н. «пилианские принципы», указанный реформатор полицейского дела констатирует о целесообразности поддержания в работе полиции устойчивого состояния, основу которого составляет органическое сочетание: во-первых, беспристрастного служения полиции предписаниям закона; во-вторых, достижения и поддержания стилем отношения к службе каждого полицейского доверия к полиции в целом и оказания ей помощи со стороны общества, что является следствием отмеченного первого условия функционирования полиции [2, с. 33–34]. По нашему мнению и в контексте предметного поля проводимого исследования, несомненный интерес представляет аксиологическое суждение, которое представил американский правовед и историк Л.М. Фридман, сводящий правовую культуру к системе правовых ценностей и установок, свидетельствующей о том: когда, почему и где люди апеллируют к праву и его установлениям [3].

Важность системного подхода к процессу формирования у личного состава полиции ценностного ряда правовых установок, имеющих принципиальное значение для имиджа отмеченной правоохранительной институции и анализа сущностных аспектов правовой культуры ее сотрудников, является предметом неизменного исследовательского взора зарубежных ученых, научные положения и выводы которых могут быть востребованы в области профессиональной подготовки российских поли-

цейских. С учетом отмеченного, следует указать на то обстоятельство, что правоохранительная деятельность/правоприменение (англ. «law enforcement») в своем культурном измерении представляется «в виде ряда процессов для описания ценностей, идей и идеалов, впоследствии выступающих в качестве целей юридического порядка» [5, p. 276]. Указанный вывод индонезийских ученых корреспондирует утверждению, автором которого является их соотечественница и юрист Р. Ройхана, по мнению которой проблема правоохранительной деятельности всегда заключается в дисбалансе динамических взаимодействий между аспектами права в надеждах и аспектами правоприменения в реальности [6].

Ответственный характер деятельности полиции любого демократического правового государства проявляется не только в ее приверженности гуманистической по своей сути внутренней совести каждого полицейского, но и поддержания в обществе того состояния социальной реальности, при которой правовая культура полиции соответствует рамкам толкования права, непосредственно связанного с полномочиями полиции. Проводя анализ особенностей процесса реконструкции правовой культуры полиции в подлинно демократический полицейский институт, индонезийский юрист К.М. Инда осуществляет акцент на наличии неразрывной связи правовой культуры полиции с контекстуализацией, сводимой к социальной обстановке, несущей в себе в обществе традиционные ценности, а также силу социального, правового и культурного влияния, в части сформированности у личного состава полиции осознанной и верной интерпретации подлинного долга своей службы. При этом указанный долг обусловлен правовым статусом полицейского как государственного служащего, стоящего на страже действующего закона и понимающего его правовое значение [4, p. 74].

Данное умозаключение подтверждает необходимость соблюдения полицией фидуциарного принципа ее деятельности, каждый сотрудник которой как фидуциар (англ. «fiduciary» – доверенный) обязан постоянно помнить о том, что он является полномочным представителем государства, наделившего его функцией ответственного правоприменения, качество которого обусловлено поддержанием в сознании и поступках полицейского соответствующего уровня правовой культуры. При этом

правовая культура должна соответствовать культуре как продукта мышления, языка и взаимодействия, выраженного в образах, символах, ритуалах и стилях поведения [8, p. 28].

Основанная на отождествлении правовой культуры с совокупностью общественных взглядов на основные правовые институты и ценности государства [9], логика размышлений американского юриста А. Сарата сводится к тому, что должный уровень правовой культуры различных учреждений и ведомств государства, включая полицию, находит свое выражение в практическом воплощении идеи равного отношения и равного обращения государственных служащих ко всему населению страны и равного их обращения со всеми его представителями, исключительно на основе действующей системы права, представленной сводом упорядоченных норм.

Подводя итог изложенному, представляется необходимым отметить следующее:

1. Требование общества к обоснованным действиям полиции, соответствующим неукоснительному соблюдению закона, предопределяет необходимость неуклонного повышения уровня правовой культуры каждого сотрудника указанного правоохранительного ведомства, что несомненно способствует: во-первых, повышению эффективности работы полиции; во-вторых, поддержанию в обществе конструктивных отношений между полицией и населением страны, что находит свое выражение в готовности граждан содействовать полиции в разрешении ряда возникающих проблем в области поддержания общественного порядка.

2. Правовая культура полиции, выступая в качестве элемента права и неотъемлемой части правовой системы государства, во-первых, находит свое выражение в форме ценностей, традиций и духовных сил личного состава полиции, формируемых на основе взглядов и менталитета нации на право и его роль в жизни общества; во-вторых, оказывает определяющее влияние на качество правоприменительной практики по функционалу полиции.

3. Возведение вопроса формирования и повышения уровня правовой культуры сотрудников полиции в разряд ключевых вопросов их профессиональной подготовки, корреспондирует необходимости постоянного совершенствования системы подго-

товки руководящих кадров полиции и «вооружения» педагогических работников (юридического профиля) системы МВД России новыми подходами и выводами научной мысли, включая суждения представителей зарубежной науки, в части переосмысления роли правовой культуры в решении задачи по конструированию современного облика полиции XXI века, стратегия и тактика действий которой должна соответствовать не только духу времени, но и букве закона, а следовательно и уважения к праву.

Список использованной литературы

1. Беседа И.И. Проблемы функциональной концептуализации правовой культуры в контексте профессиональной деятельности полицейского // Философия права. – 2020. – № 2(93). – С. 150–156.

2. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 33–34.

3. Friedman L. M. Legal Culture and Social Development // Law & Society Review. – Volume 4 (1). Pp. 29–44. – DOI: 10.2307/3052760.

4. Indah C.M. The Reconstruction of Police Legal Culture -to Interpreting Law in the Democratic Era // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2016. – Volume 84. – Pp. 74–78.

5. Rahayu D.P., Faisal F., Sari R., Satrio N. Law Enforcement in the Context of Legal Culture in Society // Law Reform. – 2020. – Volume 16 (2). – Pp. 276–289. – DOI:10.14710/lr.v16i2.33780.

6. Roihanah R. Penegakan hukum di Indonesia: Sebuah Harapan dan Kenyataan // Justicia Islamica. – 2015. – Volume 12(1). – Pp. 39–52. – DOI: https://doi.org/10.21154/justicia.v12i1.258.

7. Sir Robert Peel's Policing Principles. – Текст: электронный. – URL: https://lawenforcementactionpartnership.org/peel-policing-principles/ (дата обращения: 14.02.2025).

8. Samier E. Toward Public Administration as a Humanities Discipline: A Humanistic Manifesto // Halduskultuur. – 2005. – Volume 6. – Pp. 6–59.

9. Sarat A. Studying American legal culture // Law & Society Review. – 1977. – Volume 11. – Pp. 427–488.

Информация об авторе

Чимаров Сергей Юрьевич – профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор. E-mail: serg120756@gmail.com.

Author

Chimarov Sergey Yurievich – Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor. E-mail: serg120756@gmail.com

УДК 342.71 В.Н. Шутова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ГРАЖДАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена исследованию правового регулирования вопросов гражданства в контексте обеспечения национальной безопасности. По результатам сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан сделаны выводы относительно терминологических и содержательных особенностей регулирования вопросов прекращения гражданства по инициативе государства в целях обеспечения национальной безопасности. В частности, отмечается, в России и Беларуси используются термины «прекращение гражданства» или «утрата гражданства», которые не тождественны понятию «лишение гражданства», поскольку применяются лишь к натурализованным гражданам. В Республике Казахстан наблюдается иной, более жесткий, подход к прекращению гражданства. В итоге автор приходит к выводу о том, что положения о принудительном прекращении гражданства являются обоснованной реакцией законодателя на современные вызовы и угрозы национальной безопасности.

Ключевые слова: гражданство; национальная безопасность; прекращение гражданства; миграционная политика.

V.N. Shutova

LEGAL REGULATION OF CITIZENSHIP ISSUES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article is devoted to the study of the legal regulation of citizenship issues in the context of ensuring national security. Based on the results of a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, conclusions are drawn regarding the terminological and substantive features of regulating issues of termination of citizenship at the initiative of the state in order to ensure national security. In

particular, it is noted that in Russia and Belarus the terms "termination of citizenship" or "loss of citizenship" are used, which are not identical to the concept of "deprivation of citizenship", since they apply only to naturalized citizens. In the Republic of Kazakhstan, there is a different, more rigid approach to the termination of citizenship. As a result, the author comes to the conclusion that the provisions on compulsory termination of citizenship are a reasonable reaction of the legislator to modern challenges and threats to national security.

Key words: citizenship; national security; termination of citizenship; migration policy.

В условиях роста геополитической нестабильности угрозы национальной безопасности государства формируются в самых различных сферах. Так, в настоящее время в России отмечается рост неконтролируемых миграционных потоков, существенное увеличение количества новых граждан (в том числе, получивших гражданство Российской Федерации на льготных условиях), вовлеченность таких граждан в преступную деятельность, а также слабая их интегрированность в российское общество и социально-культурную среду. Эти негативные тенденции обусловливают нарастание социальной напряженности и представляют собой вызовы, а в ряде случаев – и прямые угрозы национальной безопасности. Подобные проблемы характерны не только для России, большинство зарубежных государств вынуждены корректировать свою миграционную политику и принимать меры законодательного характера для минимизации таких негативных явлений.

С учетом этих обстоятельств следует согласиться с позицией О.Н. Шубочкина, который утверждает, что «возрастающую роль в обеспечении национальной безопасности приобретает институт гражданства» [5, с. 74].

В правовом регулировании вопросов гражданства существенное значение для национальной безопасности имеют и порядок приобретения гражданства, и вопросы признания либо непризнания множественного гражданства. Но основным механизмом обеспечения национальной безопасности все же выступает институт прекращения гражданства и особенно – по инициативе государства.

Новый Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[1] существенно расширил перечень оснований для прекращения российского гражданства по инициативе государства и изменил понятийный аппарат по сравнению с прежним законом. В связи с этим юридическое научное сообщество разделилось на два лагеря: одни ученые полагают, что расширение возможностей для принудительного прекращения гражданства обосновано и обусловлено «жизненно важными принципами сохранения суверенитета страны и традиционного общественного уклада» [1, с. 93] и вполне со-ответствует «современным стандартам правового демократического государства» [4, с. 104], другие же видят в этой процедуре признаки лишения гражданства, противоречащего Конституции Российской Федерации [2, с. 143].

Так, по российскому законодательству основания прекращения гражданства делятся на две группы: добровольные (по волеизъявлению гражданина) и принудительные (по инициативе государства). К принудительным основаниям закон относит: 1) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, выразившееся в том числе: в совершении преступлений, закрытый перечень которых со ссылкой на соответствующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации перечислен в статье 24 закона; в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации; в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет; 2) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации или решение о признании гражданином Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что во всех случаях прекращения гражданства по инициативе государства в законе указывается, что гражданство было приобретено в результате приема в гражданство или признания гражданином, то есть не по рождению.

[1] О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

В этой связи следует согласиться с позицией Ю.Е. Курилюк, которая отмечает: «недопустимо называть лишением гражданства иные процедуры, влекущие его утрату» [3, с. 50], поскольку лишение гражданства предполагает утрату гражданства независимо от оснований его приобретения.

Сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации с законами отдельных стран СНГ позволяет сделать вывод о схожих подходах законодателя к решению вопросов обеспечения национальной безопасности посредством процедуры прекращения гражданства. Между тем, можно выявить и существенные концептуальные и терминологические различия.

Так, закон Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь»[2] закрепляет следующие основания прекращения гражданства: выход из гражданства и утрата гражданства. Причем анализ статьи 19 закона позволяет сделать вывод, что не все случаи утраты гражданства предполагаются по инициативе государства и носят принудительный характер. Так, гражданство Республики Беларусь утрачивается вследствие поступления лица на воинскую службу, службу в полицию, органы безопасности, юстиции или иные государственные органы иностранного государства. Это основание имеет прямую связь с обеспечением национальной безопасности. И еще одно основание утраты гражданства, продиктованное необходимостью обеспечения национальной безопасности – в связи с наличием вступивших в законную силу приговора суда Республики Беларусь, судебного решения по уголовному делу иностранного государства, приговора или иного решения международного трибунала (суда), смешанного трибунала (суда), подтверждающих участие этого лица в экстремистской деятельности или причинение им тяжкого вреда интересам Республики Беларусь. Оценочная категория «причинение тяжкого вреда интересам Республики Беларусь» раскрывается в примечании к названной статье и, как и в российском законодательстве, означает совершение ряда преступлений, предусмотренных статьями Уголовного кодекса государства. В российском законе перечислено 64 статьи Уголовного кодекса, в законе Республики Беларусь – 43 статьи. Таким образом, в отношении оснований

[2] О гражданстве Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=H10200136 (дата обращения: 20.02.2025).

для принудительного прекращения гражданства в виде совершения преступлений подходы российского и белорусского законодателей совпадают. В обоих государствах предусмотрено прекращение (утрата) гражданства только для натурализованных граждан. Между тем в законе Республики Беларусь есть категория, которую российский закон утратил – отмена решения по вопросам гражданства: решение о приобретении или прекращении гражданства отменяется, если оно было принято на основании представленных заведомо ложных сведений, подложных, поддельных или недействительных документов. Кроме того, решение о приобретении гражданства отменяется, если лицо отказалось от принесения присяги. В России же, по формулировке нового закона, установление факта представления поддельных, подложных или недействительных документов влечет не отмену решения, а прекращение гражданства (наряду с иными основаниями).

Обращение к тексту закона Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан»[3] позволяет выявить более жесткий подход законодателя к вопросам прекращения гражданства. Так, статья 1 провозглашает принцип запрета лишения гражданства. Но в этом же абзаце закрепляется: «Лишение гражданства Республики Казахстан допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан». Таким образом, в отличие от законодательства России и Беларуси, Казахстан использует термин «лишение гражданства» и допускает эту меру в целях обеспечения национальной безопасности.

К основаниям прекращения гражданства закон, соответственно, относит: выход их гражданства, утрату гражданства и лишение гражданства. Относительно лишения гражданства в статье 20-1 закона отсутствует указание на то, что такая мера может быть применена лишь к натурализованным гражданам. Кроме того, в отличие от российского и белорусского законодателя законодатель Казахстана не стал перечислять в законе статьи Уголовного кодекса, а сформулировал общее правило: «за совершение террористических преступлений, а также преступ-

[3] О гражданстве Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 г. № 1017-XII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000816 (дата обращения: 20.02.2025).

лений, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан, в результате которых причинен иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстан».

Что касается утраты гражданства, то непосредственно с обеспечением национальной безопасности связаны следующие основания, перечисленные в статье 21 закона: вследствие поступления лица на воинскую службу в службу безопасности, полицию, органы юстиции или в иные органы государственной власти и управления другого государства, за исключением случаев, предусмотренных межгосударственными договорами Республики Казахстан; если гражданство приобретено в результате представления заведомо ложных сведений или фальшивых документов; если лицо приобрело гражданство другого госу-дарства (Казахстан не признает множественного гражданства); вследствие участия лица в иностранных вооруженных конфликтах, экстремистской и (или) террористической деятельности на территории иностранного государства.

Проведенный сравнительно-правовой анализ законодательства о гражданстве Российской Федерации и отдельных стран СНГ позволил сформулировать следующие выводы.

Во-первых, законодательство о гражданстве является одним из инструментов обеспечения национальной безопасности в современных условиях, который государства активно используют, устанавливая как ограничения для приема в гражданство, так и основания для принудительного прекращения гражданства.

Во-вторых, не следует отождествлять понятия «лишение гражданства» и «прекращение гражданства»: первое предполагает утрату гражданства не зависимо от оснований его приобретения, второе – только для натурализованных граждан.

В-третьих, в законодательстве России, Беларуси и Казахстана используется разная терминология и разные подходы к основаниям прекращения гражданства по инициативе государства при сохранении общей тенденции – возможности прекращения гражданства принудительно за преступления террористической и экстремистской направленности и иные действия, представляющие угрозу национальной безопасности и интересам государства. При этом Россия и Беларусь придерживаются запрета лишения гражданства, а Казахстан допускает такую конституционно-правовую меру воздействия.

В-четвертых, закрепление в национальном законодательстве рассмотренных мер является обоснованной реакцией законодателя на современные вызовы и угрозы национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Долгиев М.М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект / М.М. Долгиев, М.М. Долгиева // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 3(208). – С. 85–95.

2. Кетова Л.П. Институт лишения гражданства в России / Л.П. Кетова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 140–144.

3. Курилюк Ю.Е. К вопросу о соотношении понятий «лишение гражданства», «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство» / Ю.Е. Курилюк // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2024. – № 1(69). – С. 47–52.

4. Масталиев К.Т. Место института принудительного прекращения гражданства в современном демократическом государстве / К.Т. Масталиев // Закон и право. – 2024. – № 4. – С. 101–106.

5. Шубочкин О.Н. Институт гражданства и вопросы обеспечения национальной безопасности / О.Н. Шубочкин // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 74–77.

Информация об авторе

Валентина Николаевна Шутова – заведующий кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tinav@bk.ru.

Author

Valentina Nikolaevna Shutova – Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Jus-tice, Ph.D. in Law, Ass. Professor. E-mail: tinav@bk.ru.

УДК 342.565.2 А.В. Юрковский

ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАТЕГОРИЙ «ПРАВО» И «СВОБОДА» В ПРАВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В российской юридической литературе неоднократно актуализировалась юридико-техническая проблема юридико-лингвистической неопределенности фундаментальных юридических категорий, среди которых такие как «право» и «свобода». При описании юридических категорий «право» и «свобода» чаще всего используют в качестве эмпирических примеров англо-американскую либо европейские (романские) языковые модели, но, в значительной мере, обходят стороной другие языковые подходы, имеющие место быть в государствах современного мира. При этом в стороне остается российская русскоязычная модель использования юридической терминологии. При этом, существующий в гуманитарной и юридической науке эмпирический материал, приобретенный посредством структурного и эстологического анализа, позволяет рассуждать о предпосылках выбора тех или иных терминов в качестве юридически значимых.

Ключевые слова: юридическая техника; право; свобода; юридическая компаративистская лингвистика; эстология; права человека.

A.V. Yurkovsky

THE LEGAL AND LINGUISTIC AMBIGUITY OF THE CATEGORIES «RIGHT» AND «FREEDOM» IN THE LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The legal and technical problem of the legal and linguistic uncertainty of fundamental legal categories, including such as «law» and «freedom», has been repeatedly updated in the Russian legal literature. When describing the legal categories «law» and «freedom», the Anglo-American or European (Romance) ones are most often used as empirical examples language models, however, largely bypass other linguistic approaches that take place in the states of the

modern world. At the same time, the Russian-language model of using legal terminology remains on the sidelines. At the same time, the empirical material existing in the humanities and law, acquired through structural and sociological analysis, allows us to talk about the prerequisites for choosing certain terms as legally significant.

Key words: legal technique; law; freedom; legal comparative linguistics; ethnology; human rights.

Проблемы юридико-лингвистической неопределенности юридически значимых терминов неоднократно исследовались такими учеными, как Апресян Ю.Д. [1], Виноградов В.В. [2], Евдокимов К.Н. [4, с. 50–57; 5, с. 207–213], Завьялов А.Н. [6, с. 197–198.], Земляков А.В. [7, с. 47–54], Иванова Е.Л. [8, с. 116–129], Иванова Е.Ю. [9, с. 37–43], Покуль А. А. [10, с. 57–61] и др.

Язык источников права – уникальный социально-культурный феномен. Языку источников права присущи все лексические свойства слов полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, но частота и допустимость их употребления неодинаковы [13, с. 96].

Полисемия представляет собой одно из свойств языка, и ни один естественный язык не может обойтись без многозначности/полисемии [12, с. 11–24].

Более того, полностью моносемичные термины в естественном языке очень малочисленны, обычно это заимствованные, транскрибированные термины, относящиеся к сфере терминологии (лингвистика), или заимствования-экзотизмы [3, с. 32].

Согласно, Л.С. Пухаевой, истоки полисемии – в несоответствии между возможностями языка и тем мыслительным содержанием, которое с помощью языка передается [11].

Язык нормативных правовых актов, особенно в последние годы, во многом способствовал пополнению словарного состава современного русского литературного языка за счет появления новых значений слов (например, новые значения слов лицо, ресурсы, акция, состав, производство, товар), иными словами, устоявшееся мнение, что полисемия во многом способствует развитию современного русского литературного языка, справедливо по отношению к языку законодательства.

Тем не менее, согласно канонам общей теории права, в тексте источника права каждое слово, термин, категория должны иметь одно (одинаковое, единообразное) лексическое значение.

Исследуемые категории права и свободы в русской языковой культуре без дополнительного смыслового контекста, свойствами однозначности не обладают.

При определенном контекстном рассмотрении категории права и свободы не являются одинаковыми, их нельзя называть одними и теми же понятиями.

Иными словами, происходит нарушение правила, согласно которому одно слово – одно понятие, поэтому считается недопустимым в пределах одного источника права использовать многозначные слова, омонимы и тождественные синонимы. Однако, подобная ситуация. К сожалению, имеет место быть.

Данное обстоятельство имеет обратные свойства, например, в английском языке, где для обозначения категории объективного права используются термин law, для определения категории субъективного права используется термин right, а для определения состояния свободы используется термин freedom.

Похожие с российскими языковыми проблемами в юриспруденции существуют и в других государствах современного мира.

Так, например, в Китайской Народной Республике в статье 42 Конституция КНР на китайском языке звучит как 中華人民共和國憲法 (Zhōnghuá rénmín gònghéguó xiànfǎ)[1], граждане Китайской Народной Республики имеют право на труд и обязанность трудиться. 工作权 (gōngzuòquán) право на труд, согласно статьи 41 Конституция КНР, граждане Китайской Народной Республики имеют право обращаться с критикой или предложениями в адрес любых государственных органов или государственных служащих 批评的权利 (pīpíng de quánlì) право обращаться с критикой, а согласно статье 40 Конституция КНР, свобода и тайна переписки граждан Китайской Народной Республики охраняется законом, где свобода и тайна переписки в буквальном смысле звучит как 通信的自由和保密 (tōngxìn de zìyóu hé bǎomì).

[1] 中華人民共和國憲法 [Конституция КНР]. URL: http://www.mod.gov.cn/big5/regulatory/2018-03/22/content_4807615.htm (дата обращения: 12.02.2025).

Учитывая использование китайской иероглифики, подобная проблема существует и в правовой системе Японии, и, в частности, в Конституции Японии[2].

Равнозначно можно рассматривать ситуацию применительно к Монголии ее правовой системе и ее Конституции[3].

На основании проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что терминологические конструкции права и свободы, в рамках многих лингвистических систем, требуют приложения дополнительного текстуального контекста, выраженного непосредственно в тексте соответствующих источников права и дополнительного словесного обозначения определенного понятия.

Терминологические конструкции являются разновидностью средств словесно-документального изложения юридически значимой информации, а термины и терминологические конструкции служат исходным материалом для построения норм и их общностей.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Восточная литература, 1975. – 480 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

3. Дронов П.С. Общая лексикология. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 224 с

4. Евдокимов К.Н. Особенности коррупциогенного фактора «чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества» / К.Н. Евдокимов // Проблемы совершенствования прокурорского надзора : Сборник статей. Том Выпуск 7. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», 2010. – С. 50–57.

---

[2] Официальный сайт палаты представителей Парламента Японии. URL: ttps://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm (дата обращения: 12.02.2025). Режим доступа: свободный.

[3] Монгол УлсынҮндсэнхууль. 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр // Нэгдсэн систем Монгол : офиц. сайт нормативных правовых актов Монголии. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/367 (дата обращения: 12.02.2025).

5. Евдокимов К.Н. Уголовное законодательство зарубежных стран, регламентирующее ответственность за высокотехнологичные преступления: компаративистские аспекты / К.Н. Евдокимов // Байкальские компаративистские чтения : Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 17–18 марта 2023 года / Отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. – С. 207–213.

6. Завьялов А.Н. Основные принципы экзистенциальной педагогики и условия их реализации в современном образовании // Вестник Иркутского педуниверситета. 2005. № 6. С. 197–198.

7. Земляков А.В. Отдельные вопросы организации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). С. 47–54.

8. Иванова Е.Л. Правовое лицемерие в публично-правовых отношениях: вопросы теории и практики // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 116–129.

9. Иванова Е.Ю. Бюджетные средства как финансово-правовая категория // Искусство правоведения. 2024. № 4 (12). С. 37–43.

10. Покуль А.А. Использование цифровых технологий в прокурорской деятельности: тенденции развития // Искусство правоведения. 2024. № 3 (11). С. 57–61.

11. Пухаева Л.С. Полисемия и контекст // Международные коммуникации. – 2019. – № 4 (13). – URL: http://intcom-mgimo.ru/2019/2019-13/polysemy-andcontext (дата обращения: 11.02.2025).

12. Рубец М.В. Многозначность как способ создания нелинейного текста в китайской языковой культуре // Идеи и идеалы. – 2020 – Том 12, №4, ч.1 – С. 11–24.

13. Юрковский А.В. Юридическая техника : учебное пособие / А.В. Юрковский. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 269 с.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Юрковский – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридиче-

ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: avyurkovsky@mail.ru.

Author

Alexey Vladimirovich Yurkovsky – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: avyurkovsky@mail.ru.

УДК 342.4

Е.М. Якимова

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЕАЭС

В статье рассматриваются особенности конституционного регулирования экономических отношений в странах ЕАЭС. Определены векторы изменений положений конституций стран ЕАЭС в связи с новым прочтением перечня необходимых к закреплению конституционных принципов государственной экономической политики. Сделан вывод, что в некоторых странах ЕАЭС трансформационные процессы затронули конституционные положения, в других странах регулирование государственной экономической политики остается в большей степени в рамках подзаконного регулирования. Определено, что интегративные экономические процессы не привели к большей унификации конституционных актов, экономические отношения остаются минимально регулируемыми в конституциях через основы конституционного строя, права и свободы индивидов. Появление новых конституционных принципов экономических отношений не привело к значительному изменению «экономической» конституции, были лишь расставлены акценты на снижения бинарности конституционного принципа свободы экономической деятельности и социального государства.

Ключевые слова: конституция; конституционный принцип; норма права; экономические отношения.

E.M. Yakimova

TRANSFORMATION OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF STATE ECONOMIC POLICY IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article discusses the features of constitutional regulation of economic relations in the Eurasian Economic Union countries. Vectors of changes in the provisions of the constitutions of the Eurasian Economic Union countries have been determined in connection with a new reading of the list of constitutional principles of state economic policy. It was concluded that in some Eurasian Economic Union

countries, transformational processes affected constitutional provisions, in other countries, the regulation of state economic policy remains to a greater extent the prerogative of by-law regulation. It was determined that integrative economic processes did not lead to greater unification of constitutional acts, economic relations remain minimally regulated in constitutions through the foundations of the constitutional system, the rights and freedoms of individuals. The emergence of new constitutional principles of economic relations did not lead to a significant change in the "economic" constitution, only the emphasis was placed on reducing the binary of the constitutional principle of freedom of economic activity and the social state.

Key words: constitution; constitutional principle; rule of law; economic relations.

Евразийский экономический союз является международной организацией по региональной экономической интеграции. Она обладает международной правосубъектностью и учреждена Договором о Евразийском экономическом союзе. ЕАЭС предусматривает свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводит согласованную, гармонизированную и единую политику в секторах, определенных Договором и международными соглашениями в рамках Союза (см.: [1]). Союз создается для комплексной модернизации, повышения конкурентоспособности и сотрудничества между национальными экономиками, а также для содействия стабильному развитию в целях повышения уровня жизни людей.

Государствами-членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

Экономическая интеграция прежде всего направлена на изменение экономической политики, что связано с гармонизацией законодательства. Возникает вопрос насколько гармонизация отраслевого законодательства с целью сближения экономик стран ЕАЭС повлияло на конституционное регулирование. Тексты конституций обладают признаками повышенной устойчивости, однако некоторые трансформационные процессы могут приводить к изменению отдельных положений конституций. ЕАЭС функционирует более 10 лет, гипотеза исследования за-

ключается в том, что экономическая интеграция столь исторически близких стран могла отразиться на построении конституционного экономического пространства стран-участниц.

Трансформация конституционного экономического пространства стран ЕАЭС можно выявить по нескольким направлениям.

Первым направлением является корректировка положений основных законов страны. В экономической сфере эти дополнения касаются прежде всего взаимодействия общества, государства и бизнес-сообщества – включаются новые коммуникативные конституционные ценности (см.: [3]).

Конституция Кыргызской Республики является самой молодой из всех конституций стран-участниц ЕАЭС, она принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года. В Конституции учтен опыт многих государств в формулировании положений «экономической» конституции: в преамбуле определена важность учета социальных интересов при функционировании экономических процессов, социально-экономические основы конституционного строя выделены в отдельную главу (глава II), в качестве отдельной главы определены экономические и социальные права (глава IV).

В Республике Беларусь в ходе конституционной реформы 2022 года скорректированы в том числе положения Преамбулы Конституции, в которой подчеркиваются ценности солидарности, направленности государственной политики, в том числе экономической, на достижения общего блага. Некоторые ценности, обозначенные в статье 75.1. Конституции России, непосредственно относятся к регулированию экономической деятельности (создание условия для устойчивого экономического роста страны, экономическая солидарность), часть ценностей имеют опосредованное, при этом важное, значение, поскольку определяют гарантии для субъектов, задействованных в процессе производства материальных и нематериальных благ, и через корреспондирующие права-обязанности влияющие на осуществление предпринимательскую деятельности (создание условия для повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, социальная солидарность).

Особенностью Конституции Армении является закрепление важнейших для государства задач, причем с увязкой к гармоничному развитию экономической системы и социальных процессов (статья 48). Если рассматривать возможные варианты трансформации конституционного экономического пространства, то как раз через усиления данных положений может быть изменена Конституция Армении, однако в настоящее время нет оснований полагать, что это произойдет в ближайшее время.

Трансформационный процесс обозначения конституционных экономических принципов, в отличие от других положений Конституции, Республику Казахстан не затронул. В Конституции Республики Казахстан статья 1 по сути содержит положения, больше схожие с текстом преамбул, вместе с тем, еще в момент ее принятия был заложен вектор на попытку снижения противоречий между экономическими и социальными отношениями, в том числе обозначены такие можно сказать коммуникативные принципы экономической системы [см. 3] как общественное согласие, политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа.

Вторым направлением выступает изменения подходов к качеству развивающих конституцию нормативных актов, определяющих содержание конституционных принципов государственной экономической политики. Концепция сокращения нормативно-правовых актов, регулирующих экономические процессы, и повышения системности правового регулирования активно применяется и в России, и в странах ближнего зарубежья (см.: [2]). В частности, данная деятельность проводится на постоянной основе в Республике Казахстан. Особое внимание данному вопросу уделено в Указе Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 522 «Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года», в Указе Президента Республики Казахстан от 16 марта 2020 года № 286 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности».

В статье 17 Конституции Кыргызской Республики обозначено, что направления экономического и социального развития страны отражаются в национальных программах. Стоит отметить, что таких программ в Кыргыстане достаточно много. Основы формирования национальных программ содержатся в

Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы.

На основании проведенного исследования можно заключить, что в таких странах ЕАЭС как Республика Беларусь, Российская Федерация, Кыргызская Республика трансформационные процессы затронули конституционные положения, в других странах (Республика Казахстан, Республика Армения) регулирование государственной экономической политики осуществляется по большей степени через подзаконное регулирование. Определено, что интегративные экономические процессы в рамках ЕАЭС не привели к большей унификации конституционных актов, экономические отношения остаются минимально регулируемыми в конституциях через основы конституционного строя, права и свободы индивидов во всех странах ЕАЭС. Появление новых конституционных принципов экономических отношений, прежде всего направленных на акцентирование важности построения социального государства, не привело к значительному изменению «экономической» конституции.

Список использованной литературы

1. Лепа Т.П. Проблемы организации международного таможенного сотрудничества на современном этапе / Т.П. Лепа // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 17.

2. Соколов А.Ю. Основы правовой политики в сфере антимонопольного регулирования в условиях цифровизации экономики / А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9. – № 1. – С. 131–136.

3. Якимова Е.М. Коммуникативные конституционные принципы как отражение духовно-нравственных ориентиров Конституции России / Е.М. Якимова // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / отв. ред. С.И. Шишкин, П.А. Новиков. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. – С. 66–70.

Информация об авторе

Якимова Екатерина Михайловна – заведующий кафедрой конституционного и административного права Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Author

Yakimova Ekaterina Mihailovna – Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor. E-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

УДК 347.97

А.А. Ястребова

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАРОЖДЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ АРБИТРАЖА В ЭПОХУ ДРЕВНЕГО МИРА

В статье представлен анализ ряда воззрений на проблему объективного рассмотрения спорных вопросов, возникающих в системе экономических отношений древних времен развития мировой цивилизации. Целесообразность специализации независимой экспертизы и принятия судебного решения в формате предметного поля взаимодействия нарождающейся генерации субъектов хозяйствования предопределялась нарастанием объема сложных для указанного исторического периода спорных моментов, исследование которых в судебном порядке требовало специальной правовой регламентации, идеи которой впервые были изложены в мифологических сюжетах и религиозных толкованиях. Апеллируя к теме генезиса представлений об арбитраже и отдельным аспектам первого опыта его нормативного правового закрепления, автор акцентирует внимание на актуальности более углубленного исследования отдельных страниц предыстории и истории становления института разрешения спора при посредничестве, получившего в последующем право на существование применительно к различным секторам сферы экономики. По мнению автора, отмеченный подход имеет несомненное значение для теории и истории права и государства.

Ключевые слова: история права; теория права; арбитраж; третейский суд; Древний мир; античный период; экономические отношения.

A.A. Yastrebova

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ORIGIN OF THE CONCEPT OF ARBITRATION IN THE ANCIENT WORLD

The article presents an analysis of a number of views on the problem of objective consideration of controversial issues arising in the system of economic relations of ancient times of the development of world civilization. The expediency of specialization of independent

examination and adoption of a judicial decision in the format of the subject field of interaction of the emerging generation of business entities was predetermined by the increase in the volume of complex controversial issues for the specified historical period, the study of which in court required special legal regulation, the ideas of which were first set out in mythological stories and religious interpretations. Appealing to the topic of the genesis of ideas about arbitration and individual aspects of the first experience of its normative legal consolidation, the author focuses on the relevance of a more in-depth study of individual pages of the prehistory and history of the formation of the institution of dispute resolution through mediation, which subsequently received the right to exist in relation to various sectors of the economy. According to the author, the noted approach is of undoubted importance for the theory and history of law and the state.

Key words: history of law; theory of law; arbitration; arbitration court; ancient world; antique period; economic relations.

Историко-правовой анализ генезиса и последующей эволюции действующей парадигмы арбитража предопределяет целесообразность выявления предыстории воззрений и формирования нормативной правовой основы, имеющей принципиальное значение для актуализации самой идеи государственного посредничества при рассмотрении спорных вопросов в деятельности обширной корпорации хозяйствующих субъектов. В контексте сформулированного нами тезиса, представляется целесообразным обратиться к истокам концептуальных подходов при аксиологии понятия «арбитраж». С учетом изложенного и основываясь на юридизации направленности нашего подхода к заявленному предмету проведенного исследования, важно обратить внимание на то обстоятельство, что в правовом смысле интегральное восприятие арбитражной системы имеет прочное сопряженные с предметными областями семейного права, недвижимости, коммерческих сделок, доверительных отношений и наследства и др.

Несмотря на то, что многие отечественные представители историко-юридического направления научной мысли предысторию становления российского арбитража относят ко времени появления в 1134/1135 гг. «Уставной грамоты» Новгородского

князя Всеволода Мстиславича [3], что, впрочем, является оправданным, представляется важным обратиться к мировому наследию, в анналах которого идея арбитража и ее правовое оформление возникли в более глубокой по сравнению с XXII в. древности. В контексте изложенного, важно обратить внимание на возникновение древних корней арбитража уже в более древний период развития мировой цивилизации, когда концепция арбитража (от лат. «arbiter» – «арбитр», «посредник») начинает оформляться в понимании предпочтительного способа разрешения возникающих споров в различных областях существования личности и общества. При этом объективность разрешения существовавших проблем предполагала фактор задействования потенциала института третейского суда. Указанное в значительной степени касалось области взаимодействия различных хозяйствующих субъектов, основу которого составлял экономический интерес.

Иллюстрацией отмеченного служит канонический текст Ветхого Завета, относящийся ко времени правовых деяний еврейского царя Соломона (I в. до н.э.), зафиксированных в Третьей книге Царств. Фиксируя библейский сюжет о мудрости указанного правителя (3 Цар. 3: 16–27), указанный источник презентует идею арбитража как эффективной модели разрешения спорных моментов в их экономической коннотации, наполненной глубиной смысла, в части права на обладание ребенком как объекта собственности. Отмеченный нами тезис корреспондирует выводу, к которому приходит зарубежный специалист в области семейного права М. Бэр. По мысли данного юриста, «Соломоново решение» – это решение посредника, стремящегося найти истину в сложном споре двух сторон, одновременно заявивших о праве на собственного ребенка [6].

Апеллируя к античному периоду Древней Греции, американские юристы Д. Центнер и М. Форд, проецируют арбитражный процесс через призму медиации, обращаясь при этом к мифологическому сюжету «Суда Париса», когда греческие богини Юнона, Паллада Афина и Венера согласились с вердиктом пастуха Париса, выступившего в качестве арбитра на состоявшемся пасторальном конкурсе красоты. В данном случае, действенность арбитража оказалась существенной, по причине утраты доверия к традиционным оценщикам женской красоты [7, p. 1].

При этом необходимо заметить, что изначально в Древней Греции вообще не существовало государственных судебных органов, а правосудие совершалось самими гражданами, а именно посредством института присяжных либо совета старейшин, заседавшим на афинском холме Ареопаг.

Что касается законодательного закрепления идеи третейского суда, то указанное решение происходит в эпоху Гомера (VIII—VII вв. до н. э.), когда потребовалось введение правовых норм разрешения конфликтов в виду развития торговых и хозяйственных отношений. Именно в этот период были заложены основы третейского разбирательства как формы разрешения спора о праве и примирения конфликтующих сторон. В древнегреческой области Аттика и Древнем Риме фактор задействования третейского суда способствовал вытеснению такой формы защиты имущественных интересов как самоуправство [5, с.34]. При этом юрисдикция третейского суда возникала из договоров между сторонами судопроизводства.

В кругу проводимых исследований, применительно к области истории становления арбитражного процесса, особое места занимает научный труд «Древнегреческий арбитраж» [8], автором которого является австралийский ученый Д. Ройбак. Основываясь на исторических источниках VIII в. до н.э., содержащих сведения относительно разрешения торговых, долговых и ряда других споров в Древней Греции, указанный историк права подтверждает зарождение в это время общественного арбитражного процесса, в ходе которого и по обоюдному согласию сторон, субъекты спора апеллировали к правовой позиции человека, по их мнению, разбирающегося в хитросплетениях предмета спора и выбора с юридической точки зрения обоснованного пути его разрешения [8, p. 46].

Акцентируя внимание на юридической стороне нарождающегося арбитража, Законы XII таблиц, как важнейший памятник древнеримского права (V в. до н. э.), уже содержали конкретные нормативные установления о третейском разбирательстве споров. В частности, в Таблице II отмечалось следующее: «Если одна из таких причин, как тяжкая болезнь или [совпадение дня судебного разбирательства] с днем, положенным для обвинения [кого-либо] в измене, [будет препятствовать] судье, тре-

тейскому посреднику или тяжущейся стороне [явится на судебное разбирательство], то [таковое] должно быть перенесено на другой день [4, с. 27].

Впервые и применительно к области римского права решения третейского суда наделялись силой, равной силе решений государственных судов, и призошло это в эпоху Юстиниана I (VI в.). Источник права эпохи Древнего Рима, в качестве которого выступают Дигесты Юстиниана, в восьмой титуле четвертой книги своего текста содержит положения относительно обязанностей третейского судьи, полномочий арбитра и арбитражного соглашения (лат. «com-promissum» – «двойное согласие») на заключение договора [2].

Подводя итог первым шагам в области оформления концептуального видения роли арбитража и его понимания в жизни общества, французский ученый-правовед Р. Давид акцентировал внимание не только на содействии функционала арбитражного судопроизводства утверждению в обществе справедливого подхода к решению проблемных вопросов в области экономических отношений, но и очевидную социальную миссию арбитража в сохранении солидарности группы, обеспечению мирного сосуществования между соперничающими группами и установлению в целом мира в обществе [1, с. 16].

Таким образом, следуя логике суждений указанного специалиста, целесообразно заключить об арбитраж как эффективного правового института, целеполагание которого заключается в поддержании необходимой гармонии между различными хозяйствующими субъектами экономических отношений, и в первую очередь, в случаях возникновения между ними споров по вопросам входящих в компетенцию арбитража.

Резюмируя изложенное, представляется необходимым сделать следующие выводы:

1. История арбитража, уходя своими корнями в глубокую древность, свидетельствует о неизменном стремлении нарождающихся государств к утверждению в обществе отношений справедливости, в том числе при рассмотрении массива возникающих проблем, сопряженных с различными спорными аспектами экономических отношений между хозяйствующими субъектами.

2. С первых шагов своего становления арбитраж воспринимался в обществе в качестве правового института, функционирование которого нацелено на разрешение торговых и иных созвучных им споров, справедливость рассмотрения которых неотделима от честности участников третейского суда и их компетентности.

3. Фактор переосмысления эпохи становления арбитража позволяет по-новому оценить подлинную миссию указанного правового института и его очевидную востребованность во все времена. При этом понимание важности арбитража для укрепления в обществе доверия между различными сторонами экономических отношений и необходимости постоянной коррекции соответствующих нормативных правовых установлений в указанной предметной области, является важным направлением современной теории и истории права и государства, а также условием более эффективной реализации социальной миссии современного арбитража.

Список использованной литературы

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / Перевод с французского профессора В.А.Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 279 с.

2. Дигесты Юстиниана. – Текст: электронный. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/04.php (дата обращения: 09.02.2025).

3. Уставная грамота Новгородского князя Всеволода Мстиславича, данная церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках. Около 1134–1135. – Текст: электронный. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/345982-okolo-1134-locale-nil-1135-ustavnaya-gramota-novgorodskogo-knyazya-vsevoloda-mstislavicha-dannaya-tserkvi-sv-ioanna-predtechi-na-opokah (дата обращения: 03.02.2025).

4. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим / Под ред. акад. В. В. Струве. – М., 1953. – С. 21–33.

5. Экономическое правосудие. Россия, Вятка, Киров. К 20-летию арбитражных судов и 90-летию государственного арбитража / Второй арбитражный апелляционный суд, Арбитражный суд Кировской области. – Киров: Экспресс, 2012. – 280 с.

6. Baer M. Is the King Solomon Story Really About Mediating or Judging? April 28, 2015. – Текст: электронный. – URL:

https://www.huffpost.com/entry/is-the-king-solomon-story_b_7155110 (дата обращения: 02.02.2025).

7. Centner D., Ford M. A Brief Primer On The History Of Arbitration. – Текст: электронный. – URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba-cms-dotorg/proucts/inv/book/399836364/chap1-5190560.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

8. Roebuck D. Ancient Greek Arbitration. – Sacramento: Holo Books, 2001. – 350 p.

Информация об авторе

Ястребова Анна Андреевна – помощник судьи Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, аспирант 3 курса очной формы обучения юридического факультета Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (Президентская академия). E-mail: anya.yastrebova@mail.ru.

Author

Yastrebova Anna Andreevna – assistant to the judge of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region, 3rd year full-time postgraduate student of the Faculty of Law of the North-West Institute of Management – branch of RANEPA (Presidential Academy). E-mail: anya.yastrebova@mail.ru.